

Anna Freud

The writings

1922-1969

International Universities Press, Inc.

New York

УДК 820 ББК
84(4 Вл) Ф86

Перевод с английского и немецкого *Е. Биневой, М. Гинзбурга, С.
Иванченко, Я. Когана, О. Чекановой.*

Разработка серийного оформления
художника *В. Щербакова*

Серия основана в 1999 году

Фрейд Анна

Ф 86 Теория и практика детского психоанализа. Пер. с англ. и нем./ М.:
000 Апрель Пресс, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. — 384 с.
(Серия «Психологическая коллекция»).

ISBN 5-04-003983-2

Книга включает основные, ставшие классическими, труды Анны Фрейд (дочери основателя психоанализа З. Фрейда), посвященные оригинальному направлению практической психологии — детскому психоанализу. В различных по уровню сложности изложения материала, ориентированных на разные группы читателей (от любителей до профессиональных психологов), но одинаково интересных и содержательных работах раскрываются основные положения детского психоанализа, этапы становления и развития личности ребенка, описываются методы предупреждения, коррекции и терапии детских нарушений.

Для психологов, педагогов, воспитателей, социальных работников, а также родителей и всех читателей, интересующихся теоретическими и практическими вопросами детской психологии.

УДК 820 ББК
84(4Вл)

© International Universities Press, Inc. © Составление, оригинал-макет книги. 000
«Апрель Пресс» © Перевод с английского Е. Биневой © Перевод с немецкого Я.
Когана © Перевод с английского М. Гинзбурга © Перевод с английского О.
Чекановой © Перевод с английского С. Иванченко ISBN 5-04-003983-2 ©
Оформление. ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс», 1999 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
1. ЧЕТЫРЕ ЛЕКЦИИ ПО ПСИХОАНАЛИЗУ ДЛЯ	
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ.....	8
2. ВВЕДЕНИЕ В ТЕХНИКУ ДЕТСКОГО	
ПСИХОАНАЛИЗА.....	58
3. ЭГО И МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ.....	115
^4. ОБЕСПЕЧЕНИЕ НЕОБХОДИМЫХ УСЛОВИЙ В РАННЕМ	
ВОЗРАСТЕ И	
ВОСПИТАНИЕ.....	245
5. НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О НАБЛЮДЕНИИ ЗА	
МЛАДЕНЦАМИ	259
6. ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ	
ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА	273
7. ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ И ИНСТИНКТИВНОЕ	
РАЗВИТИЕ.....	285
8. ПОДРОСТКОВЫЙ ВОЗРАСТ	308
9. ПСИХОАНАЛИЗ И ВОСПИТАНИЕ.....	333
10. ДИАГНОСТИКА И ОЦЕНКА ДЕТСКИХ	
НАРУШЕНИЙ.....	343
11. ОЦЕНКА ПОГРАНИЧНЫХ СЛУЧАЕВ	361
ГЛОССАРИЙ.....	372

В этой книге, как и во втором, готовящемся к выходу в свет томе избранных трудов собраны произведения разных лет, объединенные темой *детства* — основной темой, которой посвятила свою научную и творческую деятельность Анна Фрейд. Начав свою профессиональную деятельность с работы с детьми, в должности учительницы, а позднее став секретарем отца и в дальнейшем — его соратницей, она объединила в своей деятельности эти две близкие ей сферы. Анна Фрейд была первой, кто стал применять психоаналитические методы в процессе оказания психологической помощи детям, заложив тем самым основы новой области исследований — детского психоанализа. Ее деятельность имела широкий резонанс, а работы — высокую научную значимость. Работая в русле психоанализа, она оказала влияние как на детскую психологию в целом, так и на психиатрию.

Работа «Введение в технику детского психоанализа», вышедшая в 1927 году, — результат ее творческих исканий и практической работы; с одной стороны — своеобразный отчет о проделанной работе, представленный вниманию коллег по цеху, а с другой — программный документ и руководство для детского психоаналитика. Насколько близок анализ взрослых детскому анализу и в какой степени он применим к маленьким пациентам; последовательность, основные этапы, проблемы, ограничения и особенности аналитической работы с детьми — материал по этим и многим другим вопросам, проиллюстрированный примерами из практики, говорит не только о масштабе проделанного но и о специфичности предмета, свидетельствует о необходимос-

Предисловие

ти выделения детского анализа в особое направление психоаналитической терапии и задает направление для дальнейших исследований в этой области.

В своей практической деятельности А. Фрейд столкнулась с необходимостью пересмотра ортодоксальной психоаналитической теории, а именно смещения акцента с изучения функционирования бессознательного на исследование эго, что, как она отмечает в своей работе, всегда было основной целью терапевтического процесса, а исследование ид — лишь средством для достижения этой цели. Психология ид сменяется эго-психологией, одним из лидеров которой становится Анна Фрейд, а основные идеи нового направления черпаются из материалов детского психоанализа. Одной из основополагающих работ нового течения стала другая известная, ставшая классической книга А. Фрейда — «Эго и защитные механизмы». В свое время эта работа была признана весомым вкладом в развитие психологии. Посвященная роли и функционированию механизмов защиты эго от переживания тревоги, эта работа стала отправной точкой большинства будущих исследований в данной области. Современное, общепризнанное описание защитных механизмов принадлежит именно А. Фрейду.

Все, что написано Анной Фрейд, — актуально, свежо и доступно любому читателю. Актуально, потому что проблемы, которые затрагиваются ею, волновали людей и тогда, и сейчас и будут волновать человечество всегда. Свежо, потому что это собранные по крупицам знания опытного и талантливого клинициста, который дает простые, в общем-то, ответы на довольно сложные вопросы. Из каждой статьи, представленной как в первом, так и во втором томе, можно почерпнуть не только интересную, но и полезную информацию, касающуюся вопросов теории и практики анализа, воспитания детей, особенностей психического развития и внутреннего мира ребенка, детско-родительских отношений, особенностей возрастной периодизации и многое другое. Доступно, потому что представленный Анной Фрейд психоанализ легок для восприятия даже самого неискушенного читателя и максимально приближен к жизни и поэтому привлекателен.

ЧЕТЫРЕ ЛЕКЦИИ ПО ПСИХОАНАЛИЗУ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

Лекция первая. Амнезия событий раннего детства и Эдипов комплекс

Мы все прекрасно знаем, что преподаватели относятся к психоанализу с известной долей скептицизма и недоверия. Но так как вы, учителя, работающие в Детских дневных центрах¹, решили все же прослушать краткий курс моих лекций, вы, видимо, тем или иным путем пришли к заключению, что более близкое знакомство с новой дисциплиной сможет оказать определенную помощь в вашей нелегкой работе. После прослушивания этих четырех лекций вы сможете оценить, ошибались ли вы в своих ожиданиях и сумела ли я оправдать хоть часть ваших надежд.

¹ Немецкое *Hort* здесь переводится как «Детский дневной центр». Его устав гласит: «Центры созданы по модели детских садов, но предназначены, главным образом, для детей от 6 до 14 лет. В то время, как детские сады принимают детей только до 6 лет, то есть дошкольного возраста, центры *Hort* посещают те дети, родители которых уходят на работу на весь день и которые вынуждены были бы проводить свободное от школы время на улице. Здесь, в центрах *Hort*, они готовят уроки, участвуют в коллективных играх, ходят на прогулки».

Лекция первая

В определенном смысле у меня нет для вас ничего абсолютно нового. Я бы не достигла своей цели, если бы попыталась рассказать вам о поведении школьников или детей, посещающих Дневные центры, так как в этом отношении вы находитесь в более выгодном положении. Через ваши руки ежедневно проходит огромное количество материала, наглядно демонстрирующего весь спектр явлений: от детей, отстающих в умственном и физическом развитии, запуганных, упрямых, лживых, испорченных дурным обращением, до жестоких, агрессивных и склонных к совершению преступлений. Я лучше уклонюсь от попыток оглашения всего списка, так как вы все равно обнаружите в нем много пробелов.

Тем не менее, даже хорошее знакомство со всем многообразием ситуаций может препятствовать постижению истинного смысла этих феноменов. Вы так же, как школьные учителя и воспитатели детских садов, должны беспрестанно *действовать*. Жизнедеятельность в классе требует постоянного вмешательства с вашей стороны: вы должны делать замечания, поддерживать дисциплину и порядок в классе, следить, чтобы дети не сидели без дела, давать им советы и указания. Ваша администрация была бы крайне недовольна, если бы вам вдруг пришло в голову перейти на позиции пассивного наблюдателя. Так уж устроено, что в силу своей профессиональной деятельности вы знакомитесь с бесчисленными видимыми проявлениями поведения детей, но вы не можете ни охватить взглядом весь спектр этих явлений, ни проследить истоки детского поведения, на которое вы вынуждены реагировать.

Возможно, вы не можете правильно оценить и классифицировать материал, которым обладаете, не столько из-за отсутствия возможности беспрепятственного наблюдения, сколько потому, что такая классификация требует специальных знаний. Представим себе на минуту, что кто-нибудь из присутствующих здесь особенно заинтересован в том, чтобы выяснить, почему некоторые дети в определенной группе страдают нарушениями зрения или рахитом. Ему известно, что эти дети живут в убогих, сырых домах, но только медик сможет внятно объяснить, каким образом сырость влияет на физическое со-

Четыре лекции по психоанализу

стояние ребенка. Другой, возможно, сконцентрировал свое внимание на тех опасностях, которым подвержены, по причине своих врожденных качеств, дети страдающих алкоголизмом родителей; в этом случае необходимо обратиться к изучению наследственности. Тот, кто интересуется взаимосвязью между такими явлениями, как безработица, нехватка жилья и отсутствие заботы о ребенке, должен заняться изучением социологии. Точно так же учитель, интересующийся психологическими детерминантами всех этих явлений, желающий понять разницу между ними и проследить их постепенное развитие на конкретных примерах, может обратиться за информацией к психоанализу.

Мне кажется, что такое обогащение знаниями может оказать вам значительную поддержку в вашей практической деятельности. На это есть две причины. Дневные центры - это новейший образовательный институт в Вене. Он предназначен для детей, которые по тем или иным причинам после уроков остаются без присмотра родителей. Идея создания подобных центров — превентивная мера, попытка предотвратить негативные последствия, возникающие в результате снижения заботы о детях. Своим существованием они обязаны убеждению, что на развитие вызывающего и асоциального поведения на ранних стадиях можно сравнительно легко повлиять в благоприятной атмосфере таких центров, напоминающей школьную или домашнюю обстановку. Позже, когда выросшие без родительского присмотра, совершившие преступления подростки оказываются в исправительном заведении, сделать это значительно сложнее, а порой просто невозможно.

Тем не менее, в настоящий момент посещение Дневных центров не может быть принудительным. В то время как посещение школы является обязательным, вопрос о доверии своего ребенка на попечение работникам центра оставлен на усмотрение родителей. По этой причине Дневные центры должны постоянно доказывать то, что их существование не является бесполезным, завоевывая авторитет в глазах каждого ребенка и родителя своей успешной работой, точно так же, как до указа об обязательной прививке против оспы

Лекция первая

надо было снова и снова убеждать родителей в необходимости такой прививки.

Но работники Дневных центров указывают на другое затруднение, присущее их положению. В большинстве случаев им приходится иметь дело с детьми, уже успевшими пройти через руки различных воспитателей. Они отмечают, что эти дети, по крайней мере вначале, неадекватно реагируют на них самих и их поступки. Они приходят с уже сложившимися представлениями и нередко своим поведением выражают недоверие, тревогу или пренебрежение по отношению к учителю. Такое отношение у них выработалось в результате предыдущего общения со взрослыми. К тому же, жизнь ребенка в Дневном центре - не более чем приложение к его школьной жизни, и Центры в основном осваивают более либеральные, гуманные и современные способы воспитания, чем те, которые преобладают в большинстве школ. Таким образом, школа, требуя от ребенка определенного стандарта поведения и внушая ему такой стандарт, нередко создает для Центров препятствия в достижении цели.

Так что положение работников Дневных центров далеко не завидное. Они постоянно сталкиваются с трудными задачами, требующими независимого решения и вмешательства; и это не говоря уже о том, что они не являются главными и самыми важными взрослыми в жизни ребенка.

Школьные учителя на это могут сказать, что мы не правы, расценивая их положение как наиболее благоприятное. Они также утверждают, что чаще всего получают ребенка слишком поздно; очень сложно, например, в первом классе начальной школы привить ребенку правильное и серьезное отношение к учебе и к преподавателям, если прежде ему была знакома только беззаботная атмосфера детского сада. Они несут с собой в школу модель поведения, приобретенную в детском саду, и отношение, не приемлемое в условиях школы.

В соответствии с вышесказанным работники детских садов имеют дело с еще не испорченной воспитанием группой, а следовательно, находятся в более выгодном положении. Но даже от них мы, к нашему изумлению,

Четыре лекции по психоанализу

слышим жалобы, что их трех-шестилетние воспитанники уже являются сформировавшимися личностями. Каждый ребенок наделен свойственными только ему чертами характера и реагирует на действия воспитателей по-своему. С каждым ребенком воспитатель связывает определенные ожидания, конкретные надежды и опасения, у каждого из них свои пристрастия, каждый по-своему выражает зависть и нежность, требует любви и отвергает ее. И речи не может быть о влиянии личности воспитателя на покорное, еще не сформировавшееся существо. Воспитательница имеет дело с маленькими личностями, сложными и с трудом поддающимися влиянию.

Поэтому учителя и воспитатели - в школах, в Дневных центрах или детских садах - всегда оказываются в одинаково трудном положении. Очевидно, что формирование личности завершается раньше, чем мы себе это представляли. Чтобы выявить происхождение тех особенностей характера ребенка, которые причиняют преподавателю столько хлопот, исследователь должен обратиться к периоду, предшествующему его поступлению в воспитательные заведения, к первым взрослым в жизни ребенка, то есть к периоду до шести лет и к его родителям.

Возможно, у вас появилось ощущение, что таким образом задача упрощается. Вместо того, чтобы день ото дня наблюдать поведение детей старшего возраста в школах и Дневных центрах, мы постараемся собрать сведения об их впечатлениях и воспоминаниях ранних лет.

На первый взгляд это совсем не сложно. Вы всегда стремились к тому, чтобы отношения с доверенными вам детьми были искренними и открытыми. Сейчас это очень пригодится. Отвечая на ваши вопросы, ребенок будет готов рассказать вам все.

Я советую каждому из вас совершить такую попытку, но предупреждаю вас, что вы получите скудные результаты. Дети не рассказывают о своем прошлом, зато они охотно расскажут вам о событиях последних нескольких дней или недель, о проведенных выходных, о своем последнем дне рождения, возможно, даже о прошлогоднем Рождестве. Но здесь их воспоминания обрываются,

Лекция первая

или, в любом случае, дети теряют способность рассказывать о них.

Вы можете сказать, что наша уверенность в том, что ребенок в состоянии вспомнить свое прошлое, не имеет под собой оснований. Следует иметь в виду, что дети не могут отличить важные события от незначительных. Поэтому вы считаете, что будет разумнее и продуктивнее задать наши вопросы не ребенку, а взрослому, интересующемуся исследованием раннего опыта своего детства.

Я, конечно, рекомендую вам воспользоваться также и этим, вторым способом, но знаю, что вы будете удивлены, когда обнаружите, что приятелю, искренне желающему помочь вам, почти нечего сказать. Его более или менее осознанные воспоминания с небольшим количеством пробелов обратятся, может быть, к пятому или шестому году жизни. Он опишет свои школьные годы, возможно даже дом, где он жил на третьем, четвертом и пятом году жизни, имена братьев и сестер и даты; он может даже упомянуть такое особое событие, как переезд из одного дома в другой, или какой-то необычный случай. На этом список иссякнет, прежде чем вы обнаружите искомое, а именно знаки того, как его пятилетнее развитие вело к формированию характерных черт личности.

Разумеется, это подходящий повод для нового разочарования. События, о которых мы хотим услышать, играющие столь важную роль в формировании характера индивида, касаются самых интимных переживаний в его жизни. Это тот опыт, который каждый хранит как самое сокровенное и, не допуская к нему никого, кроме самого себя, застенчиво скрывает даже от самых близких друзей. Учитывая это обстоятельство, следует обратиться за информацией к единственному человеку, готовому ее выдать. Иными словами, каждый исследователь должен изучить самого себя. Здесь дело касается нас самих, и мы должны положиться на способность нормального взрослого человека помнить прошлое, на нашу заинтересованность в этих сведениях и желание преодолеть все барьеры, препятствующие личности выдать свои секреты другим.

Четыре лекции по психоанализу

Тем не менее, даже если мы подойдем к этому делу со всей заинтересованностью и вниманием и будем предельно откровенны, результаты все равно будут скудными. Нам не удастся пролить свет на ранние годы нашей жизни и собрать непрерывную цепочку воспоминаний того периода. Мы можем связать события с определенными периодами времени, которые для различных индивидов могут быть совершенно разными. Для некоторых это пятый год жизни, для кого-то - четвертый, еще для кого-то - третий. Однако до этого момента в сознании каждого из нас существует большой пробел, темнота, на фоне которой выделяются лишь некоторые беспорядочные и бессвязные фрагменты, при ближайшем рассмотрении лишенные значения и смысла.

Например, молодой человек не помнит ничего из первых четырех лет своего детства, кроме короткого эпизода на корабле, где капитан в красивой форме протягивает к нему руки, чтобы поднять его над парашютом. Опрос других людей показал, что в тот же период времени он пережил серьезные потрясения и тяжелейшие удары судьбы. Или опять же, в памяти девушки, раннее детство которой было богато эмоциональными переживаниями, среди путаницы событий сохранилось лишь одно четкое воспоминание: во время прогулки в детской коляске она поворачивается назад и смотрит на няню, толкающую коляску!

Вы, конечно, согласитесь, что здесь мы сталкиваемся с крайне противоречивым набором фактов. С одной стороны, из наших наблюдений за маленькими детьми и рассказов родственников о нашем детстве мы знаем, что поведение ребенка на этой стадии развития осмысленно и активно; он выражает свое отношение к происходящему, во многих отношениях проявляет себя как разумное существо. С другой стороны, этот период стерся из его памяти или, в лучшем случае, оставил о себе крайне скудные воспоминания. Согласно свидетельствам школьных учителей и воспитателей детских садов, по истечении этих ранних детских лет человек вступает в жизнь в качестве полностью сформировавшейся личности. Но все же память работает так, будто в этот период, когда ребенок наиболее восприимчив и чувствителен,

Лекция первая

когда происходит комплексное развитие его личности, ничего достойного запоминания не происходило.

До сих пор академическая психология попадала в эту ловушку. В качестве материала для своих исследований ученые брали только ту часть психической жизни индивида, которая известна ему самому, что неизбежно приводило к недооценке значения первых лет жизни, остававшихся для него неизвестными.

Первую попытку разрешения этого противоречия совершил психоанализ. Исследовав природу ошибочных действий, которые человек совершает в своей повседневной жизни, забывая и теряя вещи или кладя их не на свое место, читая или слыша неверное слово, психоанализ доказал, что такие ошибки не являются случайными. Прежде такие случаи объясняли, не особенно вдумываясь, как результат невнимательности, усталости или просто случайности. Психоаналитические исследования показали, что, как правило, мы ничего не забываем, кроме того, что мы по той или иной веской причине не хотели бы помнить, хотя эта причина обычно нам не известна.

Подобным образом, исследуя пробелы в воспоминаниях детства, психоанализ прибегает к нетрадиционным способам объяснения. Он утверждает, что столь поразительный феномен не имел бы места без серьезных на то оснований. Именно этот мрак, окутывающий первые годы жизни, и препятствия, возникающие на пути каждого, совершающего какую-либо попытку рассеять его, привели психоаналитиков к мысли, что тут скрывается что-то важное. Точно так же взломщик, наткнувшийся на особенно изощренное устройство замка, приходит к выводу, что усилия, которые он приложит, чтобы взломать его, будут щедро вознаграждены; люди не причинили бы себе столько хлопот, чтобы запереть нечто бесполезное!

Но в данный момент в мои планы не входит объяснение, каким образом психоанализ справился с этой целью - восстановить воспоминания детства. Описание метода психоанализа само по себе займет больше времени, чем имеется в нашем распоряжении. Его более детальное рассмотрение и исследование мы оставим на

Четыре лекции по психоанализу

случай другого курса лекций. Сейчас нас интересует главным образом содержание первых пяти лет жизни, в той мере, в которой психоанализу удалось восстановить его. Я напомним только, что это восстановление совершалось путем толкования сновидений и объяснения происхождения ошибок, совершенных как здоровыми людьми, так и пациентами, страдающими неврозами.

Психоаналитическая реконструкция воспоминаний детства апеллирует к самой ранней поре младенчества, к периоду, когда ребенок обладает только наследственными качествами, присущими ему от рождения, — иными словами, к тому состоянию, в котором мы тщетно надеялись застать его в момент поступления в учебное заведение. То, что нам известно об этой стадии развития, не впечатляет. Новорожденные дети во многом схожи с детенышами животных, однако в некотором отношении находятся в менее выгодном положении, чем молодые животные. Последние зависят от своих матерей только в течение непродолжительного периода времени, самое большее, нескольких недель. После этого они превращаются в самостоятельных особей, способных обходиться без посторонней помощи. С детьми дело обстоит иначе.

Ребенок по крайней мере в течение года находится в такой зависимости от матери, что погиб бы в ту же минуту, когда мать перестала бы заботиться о нем. Но даже по прошествии года младенчества до независимости еще далеко. Ребенок не в состоянии добывать пищу и средства к существованию, защититься от опасности. Как известно, на то, чтобы полностью освободиться от опеки взрослых и стать самостоятельным, требуется пятнадцать лет, а то и больше.

Судьбу ребенка неизбежно определяет его продолжительная зависимость от взрослого, что также отличает людей от особей животного мира. Мать играет в течение первого года жизни самую важную роль в судьбе ребенка, хотя бы потому, что ее нежная забота — единственная его защита, это ощущение остается на всю жизнь. Ребенок чувствует себя в безопасности до тех пор, пока он знает, что мать находится поблизости, и дитя беспокойством или возмущением демонстрирует

Лекиия первая

свою беспомощность, когда мать покидает его. Без матери он не смог бы утолить свой голод; ее присутствие становится жизненно важным для него.

Но отношения между матерью и младенцем вскоре приобретают гораздо больший смысл и уже не могут быть объяснены только стремлением к самосохранению. Мы замечаем, что ребенок хочет видеть свою маму рядом с собой и скучает по ней, даже когда его голод утолен и опасность ему не угрожает. Мы говорим, что ребенок любит свою мать. В ответ на ее нежную любовь и заботу у него появилась привязанность к матери. Верно то, что эта привязанность проистекает из инстинкта самосохранения, но, тем не менее, она стала независимой от этого инстинкта и дифференцировалась от него.

Нежные взаимоотношения между матерью и ребенком, казалось бы, дают все возможности для его безмятежного физического и психического развития. И, конечно, ребенок был бы абсолютно счастлив, если бы мать занималась исключительно его кормлением и заботой о нем.

Но в этот момент внешний мир впервые вмешивается в их отношения. Когда первый год жизни остается позади, выросший из младенческого возраста ребенок начинает понимать, что мать принадлежит не только ему. В семье, в которой он является только маленькой и не самой важной частью, есть и другие члены - отец, братья и сестры, о присутствии которых он узнал только что, но которые, как выяснилось, не менее важны, чем он сам. И все они, разумеется, отстаивают свои права на обладание матерью.

Несложно понять, что маленький ребенок смотрит на своих братьев и сестер как на врагов. Он ревнует к ним мать и хотел бы, чтобы их не было, так как они нарушают привычное и единственно приемлемое для него положение вещей.

Вы лично можете убедиться в том, что дети в раннем возрасте испытывают чувство ревности, понаблюдав за их поведением, например, в момент рождения другого ребенка. Так, двухлетняя девочка, отец которой с гордостью показывает ей новорожденного брата и ожидает, что она придет в восторг, просто спрашивает: «А

Четыре лекции по психоанализу

когда он снова умрет?». Одна женщина рассказывала мне, что когда она кормила своего ребенка грудью, к ней довольно близко подобрался ее трехлетний сын, вооруженный каким-то острым предметом, и она с большим трудом остановила его, чтобы он не нанес увечье малышу. Можно привести множество подобных примеров. Известно немало случаев, когда двух- и трехлетние дети, оставленные по небрежности родителей наедине с малышами, наносили им серьезные травмы.

У нас есть все основания на то, чтобы считать ревность малолетних детей серьезным явлением. Она происходит из тех же источников, что и ревность взрослых, и причиняет ребенку столько же страдания, сколько мы испытываем во взрослой жизни, когда в наши отношения с любимым человеком вмешивается нежелательный конкурент. Различие заключается в том, что ребенок более стеснен в своих действиях, чем взрослый, и поэтому единственным воплощением его эмоций является желание. Он бы хотел, чтобы его «надоедливые» братья и сестры куда-нибудь удалились, он желает им смерти. Для маленького ребенка, еще не разобравшегося, что такое смерть, не существует разницы между смертью человека и просто разлукой с ним.

Желание смерти братьев и сестер вполне естественно для ребенка. Чем больше он дорожит своей матерью, тем сильнее это желание. К тому же вначале ребенок совершенно прямолинеен в своих чувствах. Эмоциональный внутренний конфликт возрастает, когда он понимает, что его мать, по необъяснимой для него причине любящая этих «навязчивых» братьев и сестер, требует, чтобы он расстался со своими враждебными чувствами и делил с ними маму, и даже любил их. Здесь и начинаются все сложности во взаимоотношениях детей внутри семьи.

Наблюдая за детьми старшего возраста, вы, возможно, заметили, как часто выражение «братская любовь» не находит своего отражения в действительности, а лишь выражает чаяния родителей и как далеки реальные отношения между детьми от тех, какими их хотели бы видеть родители. Более того, это является убедительным доказательством верности высказанного здесь положения о том, что братья и сестры не испытывают та-

Лекция первая

кого острого чувства ревности, когда они меньше привязаны к матери. В малообеспеченных семьях, где мать не может уделять детям много сил и времени, изменения в ее взаимоотношениях с другими детьми, связанные с рождением нового малыша, не так ощутимы. По этой причине мы нередко замечаем, что в таких семьях больше любви и согласия во взаимоотношениях между братьями и сестрами, чем в хорошо обеспеченных семьях или семьях со средним достатком. В последнем случае каждый ребенок рассматривает своих братьев и сестер как очевидных конкурентов на материнскую ласку. Поэтому в такой семье главенствуют явные или скрытые зависть и ненависть.

Однако сумятица чувств, испытываемых ребенком во взаимоотношениях с братьями и сестрами, относительно безобидное явление в сравнении с другим, более глубоким эмоциональным противоречием. Братья и сестры соперничают не только из-за материнской любви. В этой ситуации отец значит гораздо больше. Именно отец играет двойную роль в жизни ребенка. Его ненавидят как соперника, который закрепил за собой право обладания матерью, который уводит ее из дома, обращается с ней как со своей собственностью и настаивает на общей постели с ней. Но в то же время его любят и восхищаются им, потому что всегда могут рассчитывать на его помощь, верят в его силу и могущество и больше всего на свете хотят в будущем стать похожими на него,- Здесь перед мальчиком впервые встает необычная и вначале совершенно неразрешимая проблема, заключающаяся в том, что чувства любви и восхищения у него вызывает тот человек, которого он одновременно ненавидит и которому желает смерти. Отношения с братьями и сестрами, если вы помните, осложнились лишь тем, что надо было подавить в себе враждебные чувства, чтобы угодить матери. В отношении же к отцу в душе мальчика впервые встречаются два противоречивых чувства. Я предлагаю вам самим представить себе все трудности, подстерегающие столкнувшегося с этой проблемой мальчика: во-первых, страх перед масштабами собственных враждебных чувств, во-вторых, боязнь отцовского гнева и того, что он может лишиться его любви, в-третьих, отсутствие пре-

Четыре лекции по психоанализу

жней простоты и непосредственности во взаимоотношениях с матерью и, наконец, нечистая совесть и страх перед смертью. Я бы могла еще долго рассуждать по этому поводу, но оставим это до следующего раза.

Возможно, вы чувствуете, что дальнейшее изучение истории эмоционального развития ребенка - занятие интересное, но не видите его связи с вашей конкретной работой. Вы полагаете, что дети старшего возраста, с которыми вы имеете дело, давно переросли стадию полной зависимости от матери, детскую ревность и все эмоциональные потрясения первых лет жизни. Но здесь вы ошибаетесь. Явления, с которыми вы сталкиваетесь в ваших группах или классах, непосредственно связаны с этим ранним периодом жизни. Те дети, которых вы называете склонными к конфликтному и асоциальному поведению, завистливыми, вечно недовольными, отождествляют своих одноклассников с родными братьями или сестрами и здесь, в школе, пытаются силой решить проблемы, не решенные дома. Те, кто агрессивно реагирует на малейшую вашу попытку воспользоваться своей властью над ними, отождествляют вас со своим отцом и переносят на вас свою предназначенную отцу враждебность и пожелание смерти. Точно так же те, кто выглядит настолько застенчивым, что даже не осмеливается взглянуть вам в лицо, равно как повысить голос в классе, пытаются отказаться от таких желаний, воспитывают в себе стремление к подчинению. Прежде вас удивляло подобное объяснение этих явлений. Верно то, что у шестилетнего ребенка уже есть определенный набор реакций, и он воспроизводит их применительно к вам. То, что предстает перед вашими глазами - лишь повторение давних конфликтов в новом облике. Вы в данном случае являетесь жертвой, но не причиной этих конфликтов.

Я предвижу ваше второе возражение. Возможно, вы почувствовали, что описанная мною семья не существует вовсе или, по крайней мере, большинство семей, с детьми которых вы имеете дело, не такие. Не так часто встретишь мать, дарящую своим детям столько любви и тепла и распределяющей эту ласку так равномерно. Не всегда встретишь и отца, так хорошо ладящего со своей женой и служащего для малолетнего сына пред-

Лекция первая

метом любви и восхищения. Как правило, картина совершенно иная.

Но описывая такую образцовую семью, я преследовала определенные цели. Я хотела, чтобы вы почувствовали всю сложность ситуации, в которой оказывается ребенок, испытывающий противоречивые чувства даже при наиболее благоприятных внешних условиях. Каждый фактор, способствующий их ухудшению, иначе говоря, все обстоятельства, омрачающие картину образцовой семейной жизни, в то же самое время обостряют внутренний конфликт ребенка.

Представим себе, что ребенок на протяжении первого, наиболее важного года жизни совсем не воспитывался своей матерью, а переходил из одной приемной семьи в другую или воспитывался в детском доме постоянно меняющимися, более или менее безразличными нянями. Не следует ли нам считать, что отсутствие первой естественной эмоциональной привязанности сильно повлияет на его дальнейшую жизнь?

Или допустим, что отец, с которого мальчик берет пример и по стопам которого хочет следовать во всем, страдает алкоголизмом, психическими расстройствами или является преступником. В этом случае стремление подражать отцу, в нормальных условиях оказывающее неоценимую поддержку в воспитании, может погубить ребенка.

Когда родители состоят в разводе и каждый из них пытается взять верх над другим во влиянии на ребенка и представить другого виновным, полноценное эмоциональное развитие ребенка находится под угрозой. Его доверие к родителям подорвано, так как его способность к критической оценке разбужена слишком рано.

Я приведу здесь слова восьмилетнего мальчика, тщетно пытавшегося помирить своих родителей, собиравшихся разводиться. Он заявил: «Если папа не любит маму, то мама не любит папу, и поэтому они меня тоже не могут любить. Тогда и я их не люблю. И потому вся семья разваливается». Выводы, сделанные ребенком в этих условиях, тревожны. Он ведет себя как служащий обанкротившейся фирмы, разочаровавшийся в собственных принципах работы и потому потерявший всякий интерес к своим обязанностям. В таких обстоятельствах ребенок так же, как и в предыдущем примере со служа-

Четыре лекции по психоанализу

щим, прекращает исполнять свою задачу, то есть в данном случае нормально' развиваться, и в качестве реакции на ненормальные условия обнаруживает отклонения.

Дамы и господа, на сегодня хватит. Я представила вам сегодня события раннего детства в той форме, в которой они были воссозданы методом психоанализа. Не знаю, насколько проблемными показались вам эти выводы. В любом случае осуществленные психоаналитиками открытия в целом помогли привлечь внимание людей к событиям первых лет жизни.

В завершение я представляю вашему вниманию случай, подтверждающий практическое значение таких теоретических построений.

Недавно немецкий суд вынес решение в бракоразводном процессе. В ходе судебного разбирательства возник вопрос, с кем из родителей оставить двухлетнего ребенка. Защищавший мужа адвокат доказал, что жена, в силу всех особенностей своего характера, не способна должным образом воспитать ребенка. В ответ на это адвокат жены построил свое возражение на том факте, что двухлетний ребенок нуждается в заботе, а не в воспитании. Чтобы разрешить этот спор, экспертам был задан вопрос, в каком возрасте, по их мнению, начинается воспитание ребенка. Только часть из приглашенных экспертов принадлежала к психоаналитической школе, а часть - к другим, придерживающимся ортодоксальных взглядов. Тем не менее, они единогласно пришли к выводу, что *воспитание ребенка начинается с первых дней его жизни*.

У нас есть все основания, чтобы предположить, что в период. Предшествующий открытию психоанализа, эксперты пришли бы к обратному выводу.

Лекция вторая. Инстинктивные проявления раннего детства

Мне не известно, как вы восприняли предыдущую лекцию, но осмелюсь предположить, что впечатление было двойственным. С одной стороны, вы, возможно, думаете, что я не смогла предложить ничего, кроме дав-

Лекция вторая

но известных вам фактов, и сделала это с излишним пафосом; что у меня сложилось ошибочное мнение, будто учителя до сих пор считают своих учеников некими существами, не связанными с семьей; что я забыла, что сегодня даже самый молодой преподаватель, столкнувшись с трудностями, в первую очередь думает о домашнем окружении ребенка, о неблагоприятном родительском влиянии или о последствиях того, что ребенок является младшим, старшим или средним в семье. Вы всегда пытаетесь объяснить поведение ребенка в школе тем или иным обращением с ним в семье. Так что задолго до прослушивания моей лекции вам был известен тот факт, что характер ребенка формируется под влиянием домашней обстановки.

В то же время вам может показаться, что я сильно преувеличиваю, приравнивая чувства и поступки детей к соответствующим проявлениям взрослых людей. Так, я приписала ребенку, вступившему в бытовые разногласия со своими братьями и сестрами, желание смерти последним; а нежное и совершенно невинное отношение мальчика к матери превратила в чувства мужчины, желающего вступить в интимные взаимоотношения с женщиной.

Вам кажется вполне естественным, что мальчик в своих будничных отношениях с отцом осознает, что тот превосходит его в силе, и неохотно подчиняется ограничивающим его свободу родительским требованиям. Но я раздула этот конфликт до масштабов битвы не на жизнь, а на смерть. Вы уже давно с удивлением узнали, что психоанализ зашел так далеко, что сравнил эмоциональное состояние маленького ребенка с чувствами персонажа древнегреческого мифа, царя Эдипа, сразившего своего отца и овладевшего матерью. Возможно, своим выступлением я просто доказала вам, что предубеждение, которое вы всегда испытывали по отношению к психоанализу, не было лишено оснований, и то, что раньше было предубеждением, теперь стало мнением, опирающимся на ваш собственный опыт. Здесь я не собираюсь приводить аргументы в защиту точки зрения психоанализа. Я прошу вас просто немного повременить с выводами.

Четыре лекции по психоанализу

Давайте еще раз вернемся к вынесенному немецким судом вердикту, который, как я показала вам, полностью соотносится с идеями психоанализа. Что следует подразумевать под понятием «воспитание» с первого дня жизни? Что можно воспитывать в юном, мало отличающемся от животного создании, о мыслительных процессах которого нам до сих пор было известно так мало? На чем могут основываться попытки образования? Судя по набросанной мной схеме внутренней жизни ребенка и его взаимоотношений с окружающими, можно подумать, что ответ не сложен. Задача будет заключаться в том, чтобы проверить, правда ли ребенок испытывает враждебные чувства по отношению к братьям, сестрам и отцу, а также желание физического обладания матерью, и не дать этим желаниям воплотиться.

Но при ближайшем рассмотрении такое определение воспитания ребенка на ранних стадиях развития оказывается нелепым и неудовлетворительным. Маленький ребенок беспомощен и бессилен перед окружающими его людьми. Мы знаем, что его существование поддерживается лишь благодаря доброте окружающих. Его сила не идет ни в какое сравнение с их силой. Так что у него нет ни малейшего шанса осуществить свои опасные желания. Судебной и медицинской практике действительно известны случаи, когда мальчики, насколько это позволяло их физическое развитие, исполняли роль отца по отношению к матери или когда девочки использовались отцами в сексуальных целях. Но во всех этих случаях исполнению ненормальных желаний способствовали не физическая сила и энергия ребенка, а ненормальное поведение взрослых, использовавших детские желания в целях удовлетворения собственной похоти. В реальной жизни, как правило, гораздо важнее защитить ребенка от насилия отца, чем отца от враждебности ребенка.

Так что вопрос об определении воспитания в начале жизни остается открытым, и о том, в чем оно состоит, мы также знаем немного. Впрочем, можно взглянуть на этот вопрос и с другой стороны, снова обратившись к приведенному выше официальному вердикту и сравнив два понятия - забота о ребенке и воспитание ребенка.

Лекиия вторая

Объяснить, что такое забота о ребенке, не сложно. Уход за ребенком заключается в удовлетворении его физических потребностей. Тот, кто заботится о ребенке, должен удовлетворять его голод, следить за тем, чтобы он всегда находился в тепле, уюте и чистоте (правда, последнее больше соответствует желаниям взрослых, чем ребенка), защищать его, от опасностей и прочих сложностей. За удовлетворение всех его нужд ничего не требуется взамен. Воспитание, напротив, выставляет ребенку определенные требования.

Бесконечное перечисление актуальных ныне и в прошлом целей воспитания вывело бы меня далеко за пределы сферы моей компетенции. Родители ребенка всегда стремятся к тому, чтобы его облик соответствовал их требованиям, то есть их цели различаются в зависимости от места проживания, материального благосостояния, социального сословия, политических убеждений. Тем не менее эти различные цели имеют рдну общую особенность. Основная тенденция воспитания состоит в том, что родители стремятся вырастить ребенка человеком, похожим на окружающих его взрослых. Из этого мы можем заключить, что воспитатель стремится исключить в ребенке все черты, отличающие его от взрослого, иными словами, борется с поведением ребенка или, как это понимают взрослые, с его непослушанием.

Было бы ошибкой с моей стороны подробно на этом останавливаться, так как любой учитель и работник Дневного центра знает об этом из собственных наблюдений. Но то, как ребенок проявляет себя в школе, слабо отражает его внутренний мир. Достоверные сведения о нем могут дать лишь те, кто жил в постоянном взаимодействии с ним с младенческого возраста до пяти лет. Опрашивая таких людей, мы слышим в ответ следующее: он ужасно эгоистичен и ни с кем не считается; он заботится только о своих интересах и удовлетворении собственных желаний, независимо от того, мешает это другим или нет. Он неопрятен и неряшлив; он прикасается к самым отвратительным предметам и даже тянет их в рот. Он абсолютно не стыдится собственного тела и очень любопытен к вещам, которые другие пытаются

скрыть от него. Он обжора и обожает сладкое. Он жесток по отношению ко всем живым существам, которые слабее его, и получает огромное удовольствие, ломая вещи. Ему свойственно множество дурных привычек, связанных с телом: он сосет пальцы, грызет ногти, ковыряет в носу, забавляется со своими половыми органами; и все это он делает с особой страстью, стремится удовлетворить все свои желания и при этом не терпит ни малейшей отсрочки.

Жалобы родителей сводятся к двум пунктам. Первый — это чувство отчаяния; как только им удастся отучить ребенка от одной дурной привычки, так тут же появляется другая. Второй - это недоумение. Они не могут понять, откуда это все берется. Разумеется, не из подражания родителям; они тщательно оберегают ребенка от общения с детьми, которых считают испорченными.

Вы можете сказать, что такое перечисление детских качеств больше напоминает обвинение, чем объективное описание. Но ведь взрослые никогда не были объективны по отношению к детям. Вместо того, чтобы наблюдать за ними, они на протяжении веков вели себя как строгие учителя, которые подходят к каждому детскому проступку с возмущением и негодованием. Им не удалось докопаться до истинных причин поступков детей, пока они не научатся не торопиться с выводами. До тех пор, пока они называют это «непослушанием», такое детское поведение будет оставаться для них просто хаотичным, беспорядочным нагромождением качеств. Ничего не остается, кроме как сокрушаться по этому поводу!

Более того, до сих пор даже научные исследования не смогли пролить свет на этот вопрос. Они пошли путем отрицания всех черт, не вписывающихся в картину детского характера, которую они выработали из отвлеченных гипотез. Психоанализ был первым течением, освободившимся от преждевременных суждений, предвзятости и предположений, с которыми взрослые с незапамятных времен подходили к эволюции характера ребенка.

В результате масса необъяснимых и неприятных явлений объединилась в органичное целое. То, что рань-

Лекция вторая •

ше казалось набором произвольных черт, -предстало в виде четкой последовательности различных стадий развития, в виде того, что раньше понималось под понятием взросления человека. Психоанализ также нашел объяснение перечисленным выше жалобам родителей. Ни быстрая замена одной привычки другой, ни их возникновение без какого-либо внешнего повода больше не ставят исследователя в тупик; с этих пор эти привычки не рассматриваются как досадные случайные, отклонения, но понимаются как естественные, нормальные звенья гармоничной цепи развития.

Первым свидетельством существования такой строгой последовательности стал сделанный в результате на-блюдений вывод, что выбор частей тела, с которыми дети связывают свои привычки, неслучаен, а предопределен. Как вы помните, в нашей первой лекции мы выяснили, что в основе эмоциональной близости матери и ребенка лежит первое кормление и забота матери о ребенке.

В первые недели жизни пища играет важнейшую роль в жизни ребенка; в этот период его рот и связанные с ним органы являются самыми важными частями его тела. Те ощущения, которые он испытывает, когда сосет материнскую грудь и когда молоко течет к нему в рот, наиболее приятны для ребенка, и он хочет их продолжения и повторения даже после утоления голода. Вскоре он находит способ испытывать эти ощущения независимо от принятия пищи и кормящей его матери¹ — он начинает сосать свой собственный палец. Тогда мы говорим, что ребенок «сует пальцы в рот». В эти моменты его лицо принимает такое же довольное выражение, как и в те минуты, когда его кормит мать, и поэтому вопрос, почему ребенок сосет палец, никогда не вызывал сомнений: он делает это потому, что ему это приятно² но. Сосание пальца, являющееся по сути лишь имитацией принятия пищи, стало независимым процессом и превратилось в занятие, доставляющее ребенку удовольствие. Взрослые же, напротив, никогда не позволяли ребенку наслаждаться сосанием и расценивали его как «дурную привычку».

Более того, доставляющие удовольствие занятия, связанные со ртом, ни в коей мере не ограничиваются

Четыре лекции по психоанализу

принятием пищи и сосанием пальцев. Ребенок ведет себя так, будто хочет ознакомиться с целым миром в пределах его досягаемости посредством рта. Он грызет, лижет и пробует на вкус все, что попадет ему под руку. Следящие за ним взрослые расценивают такое поведение как «негигиеничное», то есть опасное для здоровья. Важнейшая роль области рта как источника приятных ощущений сохраняется на протяжении всего первого года жизни, остаточные явления от этого периода имеют место и в дальнейшем, на гораздо более поздних стадиях развития. Я отношу к ним такие вышеупомянутые качества, как обжорство и пристрастие к сладкому.

Выбор следующей области тела, выходящей на первое место по значимости, в прошлом занимаемое областью рта, также обусловлен внешними факторами. До этого времени взрослый мир был снисходителен к ребенку и почти полностью посвящал себя уходу за ним, от ребенка требовалось только одно - привыкнуть к порядку и регулярности в принятии пищи и отходе ко сну. Но теперь другой важный фактор постепенно входит в жизнь ребенка - соблюдение чистоты. Его мать или няня стараются отучить его испражняться под себя. Нелегко заставить ребенка контролировать эти функции. Можно сказать, что весь второй год жизни проходит под знаком этих нередко очень энергичных попыток со стороны взрослых привить ребенку привычку к чистоте.

Думаю, вы понимаете, что не следует винить ребенка за то, что ему требуется столь длительный период времени, чтобы привыкнуть к соблюдению чистоты. Его сфинктеры еще недостаточно развиты. Что касается начального периода, я с этим согласна, но в дальнейшем все происходит наоборот. В результате пристального наблюдения за ребенком появляется подозрение, что хоть он теперь и способен контролировать свои сфинктеры, он защищает свое право совершать испражнения тогда, когда ему этого хочется, и что он расценивает продукты своего организма как нечто, принадлежащее ему. У него появляется необыкновенный интерес к собственным экскрементам; он пытается дотронуться до них, играть с ними и, если его, конечно, вовремя не остановить, он даже засунул бы их в рот. И здесь снова мы можем без

Лекция вторая

труда определить мотивы его поведения по выражению его лица и тому рвению, с которым он все это делает. Очевидно, что это забавляет ребенка, доставляет ему удовольствие.

Важным моментом является то, что это удовольствие больше не связывается с силой или слабостью сфинктеров. Точно по такому же принципу, как раньше ребенок открыл для себя, что можно получать удовольствие, имитируя принятие пищи через рот, теперь он наслаждается ощущениями, полученными посредством своих функций выделения. Область ануса становится в этот период времени наиболее важной частью его тела. Так же как в грудничковый период ребенок чувствует наслаждение, сося палец, независимо от принятия пищи, теперь он пытается задержать свои выделения, играя с этой частью тела и получая приятные ощущения посредством анальной зоны. Если он приучается ходить в туалет, что не позволяет ему продолжать эти занятия, то он пытается хотя бы сохранить в памяти эти ощущения, связывая их с такими позволительными развлечениями, как игры с песком, водой, землей и, значительно позже, с «размазыванием» красок.

Взрослые всегда жаловались, что в этот период дети неряшливы и постоянно устраивают вокруг себя беспорядок. Но они же всегда были склонны прощать это ребенку, потому что он еще мал и глуп, а его эстетический вкус еще недостаточно развит, чтобы он мог понять разницу между чистотой и грязью, и его обоняние еще не в состоянии отличить, приятный запах от ужасного.

Я придерживаюсь мнения, что в основе таких наблюдений лежит предубеждение и что здесь допущена ошибка суждения.

Если вы пронаблюдаете за ребенком приблизительно двухлетнего возраста, то заметите, что с его чувством обоняния все в порядке. Он отличается от взрослого только оценкой различных запахов. Приятный взрослому человеку аромат цветов оставит ребенка совершенно равнодушным, если его, конечно, еще не научили, нюхая цветок, говорить «О, как мило!».

Другие характеристики относятся к той же категории. На протяжении веков люди отмечали жестокость

Четыре лекции по психоанализу

детей, приписывая это отсутствию понимания чего-либо. Когда ребенок отрывает лапки и крылья бабочкам и другим насекомым, убивает или калечит птиц или направляет свои разрушительные действия на игрушки и другие предметы обихода, старшие обычно прощают ему, считая, что это вызвано отсутствием у него сочувствия к отличным от него живым существам и непониманием денежной стоимости вещей.

Но и в этом отношении наши наблюдения указывают нам на нечто иное. Мы считаем, что ребенок калечит животных не потому, что не понимает, что причиняет им боль, а именно потому, что хочет причинить боль, и для этой цели маленькие, беззащитные насекомые - самые подходящие и наименее опасные существа. Ребенок портит вещи потому, что реальная их стоимость ничтожна по сравнению с тем наслаждением, которое он получает, ломая их. И снова мы можем судить о мотивах его поведения по выражению его лица и тому особому рвению, с которым он идет к своей цели. Он так ведет себя потому, что получает от этого удовольствие.

После того, как старания взрослых заставить ребенка ходить в туалет увенчались успехом, и он, несмотря на свое сопротивление, научился контролировать свои движения, анальная зона теряет свою роль в доставлении ему удовольствия. Ее место теперь занимает даже более значимая часть тела. Ребенок начинает играть со своими половыми органами. В этот период времени его стремление к познанию направлено на изучение различий между полами. Он с удовольствием демонстрирует свои половые органы другим детям и требует того же взамен. Его страсть задавать вопросы, на что часто жалуются родители, зиждется как раз на взаимосвязи проблемы различий между полами и происхождения детей, которую он так или иначе смутно чувствует. К сожалению, та высокая точка развития, которой во многих отношениях ребенок достиг к этому времени, то есть к четырем или пяти годам, кажется взрослым высшей точкой развития у него дурных привычек.

На протяжении всего описанного здесь периода времени ребенок ведет себя так, будто не существует ничего важнее, чем следование собственным желани-

Лекция вторая

ям и подчинение властной силе своих инстинктов, в то время как взрослые действуют так, как если бы их главная задача состояла в том, чтобы не дать ему достигнуть своих целей. Результатом такого расклада становится никогда не прекращающаяся битва между детьми и взрослыми. Последние стремятся заменить то удовольствие, которое ребенок получает от грязи, отвращением к ней, отсутствие чувства стыда - стыдливостью, жестокость - чувством жалости, склонность к разрушению - заботливостью. Интерес к телу и игру с его частями следует воспретить, отсутствие внимания к окружающим — заменить внимательностью к ним, эгоизм обратить в альтруизм. Шаг за шагом взрослые пытаются достичь противоположного тому, что хочет ребенок, и каждым своим шагом провозглашают цели, противоречащие врожденным инстинктивным побуждениям ребенка.

Как мы видим, получение удовольствия - главный жизненный принцип ребенка. Взрослый хочет приучить ребенка к мысли, что требования внешнего мира важнее его внутренних побуждений. Ребенок нетерпелив, он не терпит отлагательства и поступает только так, как ему хочется в данную минуту; взрослый же учит его откладывать реализацию своих порывов и думать о будущем.

Вас должно удивить, что в своем описании я не делаю существенного различия между удовольствиями, получаемыми от сосания пальца и от игры с гениталиями, то есть мастурбации. Дело в том, что с точки зрения психоанализа такого различия не существует. Все приносящие удовольствие действия, которые были описаны здесь, стремятся к воплощению инстинктивных побуждений. Психоанализ наделяет их всех сексуальным значением, независимо от того, направлены ли они непосредственно на половые органы, рот или анус. Роль, которую играют гениталии на четвертый или пятый год жизни ребенка, тождественна роли, придаваемой рту на первом году жизни или анусу на втором. Гени-тальная область приобретает такое же значение, только в той ретроспективе, в какой мы расцениваем ее относительно половой жизни взрослых, когда гениталии

являются исполнительными органами, отвечающими за секс. Но даже в раннем детстве эти дарящие удовольствие области тела несут в себе определенное значение. Полученное с их помощью чувственное удовольствие служит подготовкой и предварением будущего полового акта.

Тот факт, что области тела, позволяющие маленькому ребенку получать свое первое чувственное наслаждение, играют роль, хотя и второстепенную, в половой жизни взрослого, не должен казаться вам достаточным основанием для того, чтобы видеть в действиях ребенка, стремящегося извлечь из них удовольствие, сексуальную подоплеку и придавать самим этим областям сексуальное значение. Но психоанализ оправдывает такую классификацию в свете других обстоятельств. Имеют место случаи отклонения от нормы, когда воплощение того или иного детского побуждения так и не отходит на второй план по отношению к удовольствию, доставляемому половыми органами, а остается главенствующим и доминирует в половой жизни взрослого, заменяя собой нормальный секс. Такие отклонения называются половыми извращениями. Для этих людей характерно то, что в очень важном жизненном аспекте, а именно в сексуальности, они остаются на уровне маленького ребенка или, возможно, время от времени возвращаются к этому уровню.

Понимание этого отклонения в половой жизни взрослых является ключом к объяснению того, почему взрослые так ревностно удерживают ребенка от реализации своих побуждений. Фазы развития, через которые ребенку надо пройти, должны быть не больше чем остановками на пути к намеченной цели. Если какая-то из таких остановок кажется ребенку слишком привлекательной, то возникает опасность, что он захочет осесть там окончательно и откажется от продолжения путешествия, то есть от продвижения к последующим стадиям развития. Много лет назад существовало научное свидетельство, подтверждающее эту концепцию, и взрослые, следившие за детьми, вели себя так, будто они распознали эту опасность, и считали своим долгом провести ребенка через все стадии его развития, не позволяя ему

Лекция вторая

получать удовольствие и реальное удовлетворение ни на одной из них, кроме последней.

С незапамятных времен применялись два способа удержать ребенка от получения этого сомнительного удовольствия. Могли предупредить ребенка: если не прекратишь сосать большой палец, мы егоотрежем; эта угроза повторялась в разных случаях во всех вариантах. Это означало лишь одно - напугать ребенка нанесением серьезной травмы необходимой и наиболее высоко ценимой части тела и потому вынуждало его отказаться от удовольствия, которое она ему доставляла. Или родители могли сказать: если ты будешь это делать, я не буду любить тебя, тем самым угрожая ребенку возможностью потери родительской любви. Эффективность обеих угроз обусловлена, как мы уже поняли, положением ребенка, то есть его полным бессилием и беспомощностью перед всемогущим миром взрослых и его исключительной зависимостью от родительской опеки.

Оба метода, как правило, одинаково эффективны. Под давлением столь страшных угроз ребенок, конечно, учится отказываться от своих примитивных желаний. Вначале он просто из страха перед взрослым или из любви к нему делает вид, что поменял свое мнение. Он начинает называть отвратительным то, что ему кажется привлекательным, и оценивать как хорошее то, что ему не нравится. Так как он все больше отождествляет себя со взрослыми, их ценности он тоже начинает признавать справедливыми. Он даже начинает забывать, что когда-то чувствовал обратное. Постепенно он отворачивается от всего, чего хотел в первые годы жизни, и предотвращает возможность возвращения к прежним удовольствиям полным отказом от связанных с ними чувств. Чем лучше ему удастся эта трансформация, тем больше взрослые довольны результатами своих усилий.

Отречение от удовольствий, ведущих свое происхождение от побуждений раннего детства, несет с собой два основных последствия для психического развития индивида. Он применяет навязанные ему стандарты ко всем окружающим и становится нетерпимым к тем, кто этих стандартов не достиг. Моральное негодова-

ние, пробуждаемое в нем подобной вседозволенностью, является ценой тех усилий, "которые ему пришлось приложить, чтобы подавить в себе детские инстинктивные побуждения.

Но так как он старается не обращать свои мысли к так высоко ценным им когда-то приятным ощущениям, чувства и опыт, относящиеся ко всему тому периоду, одновременно выталкиваются из памяти. Он забывает свое прошлое, которое теперь, ретроспективно, представляется ему отвратительным и недостойным. И именно поэтому и возникает тот провал в его памяти, то непреодолимое препятствие, преграда, отделяющая его от самых важных событий его жизни и так поразившая нас на прошлой лекции.

Лекция третья. Латентный период

На протяжении двух предыдущих лекций я держала вас вдалеке от узкой сферы ваших интересов. Я старалась привлечь ваше внимание к эмоциональным условиям и развитию инстинктивных влечений маленького ребенка - к предмету, который, как вы, возможно, считаете, имеет практическое значение только для матерей, нянь или, по крайней мере, воспитателей детских садов. Мне бы не хотелось, чтобы вы, в связи с моим выбором материала, думали, что я недооцениваю проблему, возникающую в вашей работе с детьми старшего возраста. Но моей целью было в этом курсе лекций довести до вашего внимания множество основополагающих идей психоанализа, и, чтобы ярче раскрыть их вам, мне понадобился определенный материал, который я могла почерпнуть лишь из опыта первых лет детства.

Чтобы оправдать мой выбор окольного пути, ло которому я вас повела, давайте разберемся, что нового вы уже открыли для себя. Я начала с утверждения психоанализа, что люди знакомы лишь с частью своей внутренней жизни и ничего не знают о том огромном количестве мыслей и чувств, протекающих внутри них без их ведома, иначе говоря, *бессознательно*. Возможно, у

Лекция третья

вам было искушение ответить, что никто не должен ожидать слишком многого от своей памяти. С этой точки зрения кажется очевидным, что, находясь под влиянием огромного количества внутренних и внешних раздражителей, человек, конечно, не может удержать все в своем сознании; оно должно вмещать только наиболее важные сведения. Но пример большого пробела в памяти, затмевающего собой детские годы, противоречит этому предположению. Я могла показать вам, что значимость события, безусловно, гарантирует его сохранение в нашей памяти, но бывают, напротив, события большей значимости, которые очень часто исчезают из памяти. К этому можно добавить и тот факт, что невидимая часть внутреннего мира имеет любопытное свойство сохранять свою силу после исчезновения из сознания. Этот двойной аспект жизни ребенка - стирание событий из памяти, при сохранении их влияния в дальнейшем - послужил иллюстрацией к концепции *бессознательного* в психоанализе.

Вы также узнали, что способствует забыванию важных впечатлений. Сам ребенок склонен к тому, чтобы сохранить добрую память о своих первых, много значащих для него желаний, если бы они не подверглись внешнему влиянию. Благодаря этому влиянию он отворачивается от них, затрачивает массу энергии, чтобы оттолкнуть их от себя, и поэтому ничего больше не хочет знать о них. В этом случае мы говорим, что он *подавляет* их.

Вы также слышали, что даже после того, как ребенок справляется с этой задачей, воспитывающие его взрослые еще не довольны результатом. Они всегда опасаются, что подавленные привычки в какой-то момент вновь всплывут на поверхность. Поэтому они ставят все возможные преграды на пути их возвращения. Как было сказано выше, это ведет к полному изменению первоначальных чувств ребенка и черт его характера. Допустим, например, что ребенок приблизительно двухлетнего возраста ощущает потребность взять в рот свои экскременты. Под влиянием воспитания он научился не только отвергать то, что, как он теперь знает, называется грязным, и отказываться от своего первоначального

Четыре лекции по психоанализу

побуждения, но и чувствовать отвращение по этому поводу. Это означает, что теперь его тошнит от контакта с экскрементами, рвотные позывы занимают место первоначального желания взять что-либо в рот. Использование рта в таких целях стало невозможным для него благодаря чувству отвращения. Психоанализ называет такое явление, возникшее как реакция на детские побуждения и вступившее в противостояние с ними, *формированием реакции*. Когда в дальнейшем мы обнаруживаем в ребенке старшего возраста необычайно сильно развитое чувство жалости, повышенное чувство стыда, на удивление легко вызываемую реакцию отвращения, то делаем вывод, что в ранние годы у него отсутствовало чувство стыда или он был особенно жесток либо неряшлив. Эта реакция так сильна потому, что призвана предотвратить возвращение былых привычек.

Однако это изменение взглядов на кардинально противоположные, выраженные в виде формирования реакции, - только одно из средств, к которым прибегает ребенок, чтобы избавиться от нежелательных привычек. Другой уже упомянутый здесь способ заключается в компенсации неприемлемых действий более приемлемыми. Ребенку, наслаждавшемуся играми со своими экскрементами, чтобы избежать недовольства воспитывающих его людей, не нужно полностью отказываться от своих забав. Он может обратиться к удовольствиям, схожим с вышеназванными, заменяя игры с фекалиями и мочой игрой с песком и водой. Используя предоставленные ему возможности, он может копаться в песочнице или в саду, девочки могут также развлекаться стиркой кукольной одежды. Удовольствие, получаемое от размазывания грязи, как уже было отмечено, превращается в интерес к рисованию и раскрашиванию. Каждое из этих одобряемых обществом и нередко полезных занятий частично компенсирует нравившиеся ему когда-то ощущения. Такое изменение прежних побуждений на более сложные, стремление к более высокой цели в психоанализе называется *сублимацией*.

Однако из двух предыдущих лекций вы сумели почерпнуть для себя нечто большее, чем просто определение основных идей психоанализа. Вы узнали, что не-

Лекция третья

которые образы и идеи определенно связываются друг с другом в сознании ребенка и эти идеологические модели и комплексы оказывают серьезное влияние на его эмоции. Эти комплексы доминируют на протяжении нескольких лет, пока они не подавляются и не исчезают из сознания взрослого. Примером такого объединения представлений служит отношение маленького ребенка к родителям. Как вы уже слышали, психоанализ видит в нем те же мотивы и побуждения, которые спровоцировали царя Эдипа на совершение своих поступков, и называет его *эдиповым комплексом*. Другой такой комплекс представлений вырабатывается под влиянием родительских угроз, призванных заставить ребенка следовать желаниям взрослых. Эти угрозы, содержание которых сводится к тому, чтобы отрезать важную часть тела ребенка - руку, язык или половой орган, — породили явление, которое в психоанализе называется *кас-трационным комплексом*.

Далее вам стало известно, что та форма, в которой ребенку являются его ранние комплексы, в особенности взаимоотношения с родителями, становится прототипом для всей его дальнейшей жизни. Чувства, которые индивид испытывает впоследствии, предопределены той схемой, с которой согласовывались его любовь и ненависть, бунтарство и покорность, преданность и неверность в раннем детстве. Немаловажным фактором, влияющим на будущее ребенка, является внутреннее побуждение, определяющее его выбор друзей, любимых и даже профессии и сформировавшееся под влиянием подавленных переживаний детства. Мы говорим, как и в приведенном выше примере взаимоотношений «ученик-учитель», что ребенок *переносит* свои эмоции с одного объекта на другой, из прошлого в настоящее. Очевидно, что это не обходится без различных ошибок во взаимопонимании и в видении настоящей ситуации.

И, наконец, вы услышали в моей лекции о развитии инстинктов у ребенка в подтверждение расхожего мнения, что психоанализ развил концепцию сексуальности за пределы существовавших до недавнего времени границ. Он обнаружил сексуальную подоплеку в некоторых действиях ребенка, считавшихся ранее безобидны-

Четыре лекции по психоанализу

ми и далекими от чего-либо, имеющего отношение к сексу. В отличие от других известных вам учений, психоанализ утверждает, что человеческая сексуальность не появляется неожиданно между тринадцатью и пятнадцатью годами, то есть в период полового созревания. Она существует изначально и, принимая то одну, то другую форму, постепенно переходит от одной стадии развития к другой, пока, наконец, не начнется взрослая половая жизнь как результат длительного процесса развития. Энергия, движущая всеми сексуальными побуждениями, на всех стадиях качественно одинакова, но в различные периоды различается по количественным показателям. В психоанализе эта сексуальная энергия называется *либидо*. Факт, что теория развития инстинктов у ребенка представляет собой важнейшую часть нового психоаналитического учения, является основной причиной его непопулярности. Очень вероятно, что именно поэтому многие из вас до настоящего времени не обращались к изучению психоанализа.

Полагаю, вы удовлетворены уже полученным вами кратким изложением материала. Вы ознакомились с некоторыми важнейшими психоаналитическими терминами и понятиями: бессознательное, подавление, формирование реакции, сублимация, перенос, эдипов комплекс и кастрационный комплекс, либидо и теория детской сексуальности. Скорее всего эти новые понятия помогут нам в решении предстоящей нам задачи, а именно в изучении следующего периода жизни ребенка.

Мы продолжим описание развития ребенка с того места, на котором мы остановились. Это был возраст пяти или шести лет - время, когда ребенок поступает в школу, то есть тот период, который вам наиболее интересен.

В свете того, что мы узнали к настоящему моменту, давайте снова проанализируем жалобы учителей на то, что дети приходят в школу уже сформировавшимися личностями. Теперь мы можем убедиться в справедливости этого впечатления. К моменту поступления в детский сад или школу ребенок успевает накопить множество глубочайших переживаний. Любовь к родителям заставила его обуздать свой собственный эгоизм; он пережил неистовое желание обладать любимой матерью;

Лекция третья

желая другим смерти и ревнуя, он защищал свои права. По отношению к отцу у него развились чувства уважения и восхищения, мучительное ощущение соревнования с более сильным соперником, чувство бессилия и тяжелейшее переживание разочарования в любви. Он к тому же уже прошел через сложное развитие инстинктов и узнал, как нелегко находиться под властью отвергаемой части собственной личности. Под давлением воспитания он пережил тревогу и страх и совершил грандиозные внутренние изменения. Отягощенный таким прошлым, ребенок может быть сравнен с чем угодно, только не с чистым листом бумаги.

Произошедшие с ним метаморфозы действительно удивительны. Существо, похожее на животное, настолько зависящее от других, с почти невыносимым поведением, превратилось в более или менее разумное создание. Попавший в школу ребенок уже подготовлен к тому, чтобы узнать, что он - всего лишь один из многих и не может рассчитывать на какое-либо привилегированное положение. Он уже понял кое-что о социальной адаптации. Вместо того, чтобы постоянно стремиться к удовлетворению своих желаний, как это было прежде, теперь он готов к тому, чтобы делать то, что от него требуется, и откладывать свои развлечения до времени, более подходящего для этих целей. Его интерес к интимным подробностям жизни окружающих теперь превратился в тягу к знаниям и в любовь к учебе. Вместо объяснений и разоблачений, которых ему так не хватало прежде, теперь он стремится к знанию букв и цифр.

Те из вас, кто работает в Дневных центрах, могут подумать, что представленный вам портрет ребенка исполнен в слишком светлых тонах, точно так же, как на предыдущей лекции я нарисовала слишком мрачную картину его поведения. Вы не знаете ни одного ребенка, который был бы так хорош. Но не стоит забывать, что в Дневные центры в том виде, в котором они представлены ныне, попадают только те дети, воспитание которых в раннем возрасте по тем или иным причинам не увенчалось успехом. И напротив, учителя средней школы наверняка узнают в моем описании

Четыре лекции по психоанализу

многих из своих учеников и не обвинят меня в преувеличении.

Если данная мною характеристика верна, она представляет собой замечательное подтверждение практических возможностей и неограниченного влияния воспитания. Родители, чьим заслугам мы чаще всего приписываем воспитание детей в ранние годы жизни, имеют все основания гордиться, что им: удалось превратить вечно плачущего, непослушного и неряшливого ребенка в прилежного школьника. Не во многих сферах жизнедеятельности возможны такие преобразования.

Однако наше восхищение проделанной родителями работой было бы более полным, если бы не два других соображения, неизбежно возникающих при оценке ее результатов. Одно из них проистекает из наблюдения. Тот, кому выпадет возможность пообщаться с детьми трех-и четырехлетнего возраста, поразится богатством воображения, степенью восприимчивости, ясностью ума, неоспоримой логике вопросов и выводов последних. Но, достигнув школьного возраста, те же самые дети начинают казаться взрослым вполне заурядными и обыкновенными. Мы с удивлением спрашиваем, куда же девались интеллект и незаурядность ребенка.

Психоанализ утверждает, что эти способности не выдерживают напора тех требований, которые взрослые выставляют их маленьким обладателям; по истечении пяти лет они почти полностью исчезают. Очевидно, путь ребенка от «плохого» к «хорошему» небезопасен. Для достижения этого результата приходится принести определенную жертву, формирование реакции и способность к сублимации ребенок получает взамен своей незаурядности и непосредственности. Поэтому наше впечатление о том, что дети старшего возраста на удивление скучны и инертны рядом с младшими, абсолютно справедливо. Ограничения, сдерживающие их мысли, и препятствия, поставленные на пути их простейших действий, в конечном счете не позволяют им свободно мыслить и действовать.

Родителям не стоит так гордиться своими успехами еще и по другой причине, также ставящей их заслуги под сомнение. У нас нет абсолютно никаких

Лекция третья

оснований утверждать, что хорошее поведение детей старшего возраста является продуктом воспитания, а не результатом достижения, последними определенного уровня развития. До сих пор мы не располагаем свидетельствами, которые показали бы, что произойдет, если позволить детям развиваться без внешнего влияния. Мы не знаем, выросли ли бы из них маленькие дикари или же они самостоятельно и успешно прошли бы через ряд преобразований. Воспитание, определенно, оказывает огромное влияние на ребенка во многих отношениях, но вопрос о том, что бы произошло, если бы окружающие ребенка взрослые воздержались от каких-либо попыток контролировать его поведение, остается открытым.

Один важный эксперимент, затрагивающий этот вопрос, имел место в психоанализе, но, к сожалению, не был закончен. В 1921 году русский психоаналитик Вера Шмидт основала в Москве детский дом для тридцати воспитанников в возрасте от одного до пяти лет. Название, которое она дала ему, «Детская домашняя лаборатория», подчеркивало характер научного эксперимента. Вера Шмидт намеревалась окружить эту маленькую группу детей научно подготовленными воспитателями, задача которых состояла в том, чтобы спокойно наблюдать их эмоциональные и инстинктивные проявления; помогая и поощряя, они должны были как можно меньше вмешиваться в развитие личности, ребенка. Таким образом постепенно выяснилось бы, происходит ли на первых годах жизни переход с одной стадии развития на другую самостоятельно, без непосредственного вмешательства воспитателей, откажется ли ребенок через какое-то время от доставляющих удовольствие действий и их источников без принуждения и заменит ли

их на новые.

«Детская домашняя лаборатория» Веры Шмидт по независящим от ее основателя причинам не просуществовала достаточно долго, чтобы завершить эксперимент; в ней остался только один ребенок. Поэтому вопрос, какова заслуга воспитания в происходящих с детьми изменениях, скорее всего, останется открытым до тех пор, пока не появится возможность совершить подоб-

ный эксперимент в более благоприятных обстоятельствах.

Но каким бы ни был ответ, многочисленные наблюдения показывают, что на пятом и шестом годах жизни непреодолимая сила детских инстинктов медленно затихает. Высшая точка эмоциональных проявлений и навязчивых инстинктивных желаний остается позади, и ребенок постепенно успокаивается. Создается впечатление, будто в развитии ребенка происходит резкий скачок, сразу же превращающий этого ребенка в сформировавшегося взрослого, по аналогии с животным, непрерывно развивающимся от рождения до половой зрелости и не меняющимся впоследствии. Но у человека цикл развития проходит иначе. Приблизительно к пяти годам развитие инстинктов заходит в тупик, так и не дойдя до своей конечной стадии. Интерес к удовлетворению инстинктов затихает, и облик обычного ребенка действительно начинает соответствовать образу «хорошего» ребенка, существовавшему до этого момента лишь в воображении старших.

Тем не менее инстинктивные побуждения не прекратили свое существование; они просто удалились с поверхности. Они патентны, они дремлют, чтобы пробудиться с новой силой через некоторое время. Долгое время считалось, что половые инстинкты появляются только в период созревания, в то время как этот период лишь является возрастом, когда начавшееся с рождения и зашедшее в тупик к концу первого периода детства половое развитие проявляется вновь, чтобы теперь уже окончательно завершиться.

Если мы проследим развитие ребенка с раннего периода, через более спокойную фазу, называемую в психоанализе *латентным периодом*, до полового созревания, мы обнаружим, что все старые проблемы, пробудившись ото сна, снова всплывают на поверхность. Конфликты, возникшие на почве соперничества с отцом, запретные удовольствия, как, например, любовь к грязи, вернутся и создадут немалые сложности. Таким образом, ранний период жизни ребенка имеет много общего с отрочеством. А в более спокойный латентный период ребенок во многих отношениях напоминает рассудительного взрослого с оформившимся характером.

Лекция третья

И снова, как и в незапамятные времена, образование ведет себя так, будто руководствуется глубоким психологическим пониманием внутреннего мира ребенка. Оно использует латентный период - время, когда ребенка меньше, чем когда-либо, беспокоят инстинкты и он не полностью поглощен своими внутренними конфликтами, для развития его интеллекта. Учителя всегда вели себя так, будто понимали, что чем меньше ребенок подвержен влиянию инстинктов, тем больше он способен к учебе, а следовательно, не одобряли поведение школьников, ищущих удовлетворения своих инстинктов, и наказывали их за это.

Здесь задачи школы и Дневных центров различаются. В задачи школы входит развитие интеллекта ребенка, передача ему новых знаний и стимулирование его умственных способностей. Служба Дневных центров, напротив, занимается исправлением ошибок воспитания, призванного обуздать детские инстинкты. Работники Дневных центров знают, что их время ограничено; им известно, что отрочество, время, когда половые инстинкты проявляются с новой силой и занимают все существо ребенка, также знаменует собой конец того периода, когда ребенок еще подвержен влиянию воспитания. Но успех или провал этого переустройства во многих случаях определяется тем, возможно ли было воспользоваться этим последним шансом установить разумную гармонию между эго ребенка, властью его инстинктов и требованиями общества.

Вероятно, вы хотели бы знать, как соотносятся между собой возможности воспитания в младенческом возрасте и в латентный период. Существует ли разница отношений маленького ребенка к родителям и ребенка старшего возраста к учителям и воспитателям? Только ли наследует учитель роль родителей и должен ли он выполнять их функции, так же, как и они, практикуя угрозы кастрации, потери любви и выражая нежность по отношению к ребенку? Когда мы думаем о сложностях, которые придется претерпеть ребенку в связи с развитием эдипова комплекса, наша обеспокоенность мыслью о таких конфликтах, неизбежных в процессе общения группы школьников с учителем, оказывается

справедливой. Как может профессиональный работник справиться с ролью отца и матери в большой группе Центра и при этом быть справедливым к притязаниям детей, избегая вспышек ревности со стороны каждого из них? Или как может учитель быть одновременно объектом страха, мишенью мятежных устремлений и в то же время близким другом каждого ребенка?

Не следует забывать, что тем временем эмоциональное состояние ребенка изменилось; его отношения с родителями больше не могут оставаться такими же, как прежде. Детские побуждения стали слабеть в латентный период, страстные желания, преобладавшие в прошлом в отношении ребенка к родителям, угасли. И снова мы не знаем, сопутствует ли это изменение новой фазе развития или страстные требования любви постепенно затихли под влиянием неизбежных расстройств и разочарований.

В любом случае отношения между ребенком и родителями становятся спокойнее, теряют свою остроту. Родители предстают перед ребенком в более реальном свете, он перестает переоценивать отца, которого до этих пор считал всемогущим. Любовь к матери, близкая по степени своей интенсивности и ненасытности к взрослому чувству, переросла в нежность, которая не столь требовательна и не подлежит критике. В то же самое время ребенок пытается обрести некоторую свободу от родителей и начинает искать дополнительные объекты любви и восхищения. Ему предстоит процесс отделения, который будет продолжаться на протяжении всего латентного периода. Прекращение зависимости от предметов детской любви по достижении половой зрелости считается признаком удовлетворительного развития. Половое влечение, успешно пройдя все промежуточные стадии, приобретает взрослые формы и обращается к объекту любви вне семьи индивида.

Однако обретение независимости от объекта первой и самой важной любви проходит только с определенными оговорками. Это как если бы родители сказали: «Ты, конечно, можешь отделиться, но только если ты возьмешь нас с собой». Иначе говоря, влияние родителей не прекращается, когда ребенок отдаляется от них

Лекция третья

Даже когда его чувства по отношению к ним затихают. Просто их влияние из внешнего становится внутренним. Нам известно, что маленький ребенок подчиняется воле родителей только в их присутствии, то есть когда он испытывает страх перед их непосредственным вмешательством. Наедине с самим собой он безо всяких колебаний следует лишь своим прихотям. Его поведение меняется после исполнения ему двух или трех лет. Даже если взрослый, которому он подчиняется, выйдет из комнаты, он будет помнить, что можно и чего нельзя, и будет вести себя соответственно. Мы говорим, что, кроме сил, влияющих на него извне, он развил в себе внутреннюю силу, или внутренний голос, руководящий его поступками.

В среде психоаналитиков не возникает сомнений по поводу происхождения этого внутреннего голоса - совести, как его обычно называют. Это продолжает звучать голос родителей, только теперь изнутри, а не снаружи, как это было прежде. Ребенок как бы вобрал в себя часть матери или отца, или, по крайней мере, повеления и запреты, исходившие от них, стали важной частью его самого. В процессе роста эти «внутренние родители» все больше перенимают запрещающую и требующую функцию родителей из внешнего мира и продолжают воспитание ребенка изнутри, даже без реальной родительской поддержки. Ребенок выделяет этому внутреннему авторитету почетное место в своем эго, считает его примером для подражания и нередко готов к рабскому подчинению ему, большему, чем в те времена, когда он подчинялся своим настоящим родителям.

Бедное эго ребенка должно отныне стремиться к выполнению требований этого идеала - *суперэго*, как его называют в психоанализе. Когда ребенок не слушается его, он испытывает дискомфорт и чувство вины. Когда он действует в согласии с суперэго, он удовлетворен и доволен собой. Так как давние отношения между родителями и ребенком увековечиваются в бессознательном восприятии последнего, строгость или мягкость, преобладавшая в обращении родителей с ребенком, отражается во взаимоотношениях его эго и суперэго.

Четыре лекции по психоанализу

Возвращаясь к вышеизложенному утверждению», мы теперь можем сказать: ценой, которой ребенок обретает независимость от родителей, становится их слияние с его личностью. В то же время степень этого слияния определяется тщательностью воспитания.

Теперь несложно найти ответ на заданный ранее вопрос о разнице в воспитании детей в младшем возрасте и в латентный период.

Ребенок младшего возраста и его воспитатели противостоят друг другу как две враждующие силы. Родители хотят того, чего не хочет ребенок; ребенок хочет того, чего родители не хотят. Ребенок всем своим существом стремится к достижению своих целей; все, что могут сделать родители - это прибегнуть к обещаниям, угрозам и силовым методам. Цели диаметрально противоположны. Тот факт, что победу обычно одерживают родители, следует приписывать только их преимуществу в силе.

В латентный период ситуация совершенно иная. Ребенок, теперь устраивающий взрослого, больше не является неделимым целым. Как мы уже знаем, внутри него произошел раскол. Даже если его эго иногда все еще преследует свои прежние цели, его суперэго, преемник родителей, выступает на стороне воспитателей. Пределы возможностей воспитания теперь определяются находчивостью взрослых. Они идут по неверному пути, если по отношению к ребенку в латентный период его развития ведут себя так, как если бы они находились в абсолютной оппозиции; поступая так, они лишают себя серьезного преимущества. Что им следовало бы сделать — так это обнаружить раскол в душе ребенка и вести себя соответственно. Если им удастся заключить союз с суперэго ребенка, то победа в борьбе инстинктивных побуждений и социальной адаптации будет за ними.

На вопрос о взаимоотношениях учителя и класса (или воспитателя и группы) теперь также проще найти ответ. Из вышесказанного мы видим, что учителю достается в наследство не только эдипов комплекс. От каждого из детей, находящихся под его присмотром, он получает роль суперэго, и таким образом приобретает право распоряжения над ними. Если он будет просто играть

Лекция четвертая

роль родителя в глазах каждого ребенка, то все неразрешенные конфликты раннего детства разыграются снова. К тому же зависть и соперничество разрушат группу. Но если он сумеет взять на себя роль их суперэго, примера подражания группе, то принудительное подчинение заменится на добровольное послушание. Кроме того, находящиеся под его руководством дети будут более привязаны друг к другу и станут единой группой.

Лекция четвертая. Взаимосвязь психоанализа и образования

Не стоит требовать друг от друга слишком многого. Вы должны понимать, что в четырех коротких лекциях я сумею изложить лишь важнейшие принципы дисциплины, требующей многолетнего изучения. Я, в свою очередь, не ожидаю, что вы запомните материал во всех подробностях. Мой пересказ необходимого материала был сжатым и, возможно, путаным. Не исключено, что вы запомните в лучшем случае три основные черты психоаналитического учения, знание которых поможет вам в работе.

Первая связана с хронологией. Как было сказано выше, психоанализ различает три различных периода в жизни ребенка: раннее детство вплоть до конца пятого года жизни, латентный период до начала отрочества, то есть одиннадцати, двенадцати или тринадцати лет, и само отрочество, ведущее к «взрослой» жизни. Каждый из этих периодов характеризуется различными эмоциональными реакциями ребенка на взрослый мир и различными уровнями развития инстинктов. По этой причине нельзя судить об особенностях поведения ребенка безотносительно той стадии развития, на которой он находится.

Например, проявления жестокости или застенчивости, естественные в раннем детстве и в отрочестве, покажутся подозрительными, если будут замечены в латентный период, а во взрослом возрасте могут быть расценены как отклонения. Сильная привязанность к

Четыре лекции по психоанализу

родителям, нормальная и желательная в первый период жизни и в латентный период, замеченная в конце отрочества, свидетельствует об отставании в развитии. Упорный протест против подчинения авторитету, который в подростковом возрасте способствует переходу в нормальную взрослость, может быть препятствием в развитии эго в раннем детстве и латентный период.

Второе суждение касается внутреннего строения личности ребенка. До настоящего времени каждый ребенок, с которым вы имели дело, представлялся вам «однородной личностью», а потому его поведение казалось крайне противоречивым, была ощутима разница между тем, что он хочет, и тем, что он может, несоответствие его действий и намерений. Психоанализ утверждает, что личность ребенка состоит из трех частей:

часть, отвечающая за инстинктивные проявления, разумное эго и суперэго, возникшее из взаимоотношений ребенка с родителями. Вы поймете причину противоречий в поведении ребенка, если вы станете расценивать различные реакции как выражения определенной части его существа, доминирующей в данный момент.

Третье суждение объясняет взаимодействие этих областей внутри ребенка. Они отнюдь не пребывают в состоянии покоя, а проявляют себя как враждующие между собой силы. Например, когда эго противостоит инстинктивному желанию, которое, как знает ребенок, не приветствуется родителями, исход конфликта зависит от мощности либидо, управляющего желаниями, в сравнении с энергией подавляющей силы, исходящей от суперэго.

Но боюсь, что даже эти три упрощенных и практически применимых принципа не дают вам всего, что вы надеялись получить от психоанализа. Вы, вероятно, ждете практического совета, а не дополнительных теоретических изысканий. Вы, очевидно, хотите знать, какие приемы воспитания наиболее рекомендуемы и каких следует избегать, если вы не желаете подвергнуть опасности развитие ребенка. Кроме того, вы хотите знать, должны ли мы, взрослые, чаще вмешиваться в жизнь ребенка и больше применять власть, чем раньше.

Лекция четвертая

В ответ на этот вопрос должна сказать, что пси-анализ до сих пор стоял за ограничение вмешатель-а воспитания, особо выделяя некоторые связанные с опасностью. В этом контексте я напому вам о тех путях, которыми ребенок приходит к выполнению требований взрослого мира, как он преодолевает свою первую эмоциональную привязанность путем самоотожествления с вызывающими любовь и страх взрослыми, как он избегает внешнего влияния, но тем временем вызывает внутри себя выделение области, смоделированной его родителями и продолжающей поддерживать их влияние. Это слияние с фигурой родителя является серьезным шагом, так как благодаря ему родительские запреты и требования ложатся в основу постоянных и неизменных принципов поведения ребенка, то есть образуется исторический остаток, который не в состоянии приспособиться к внешним условиям. Конечно, сами родители готовы обнаружить у тридцатилетнего человека те недостатки, от которых они пытались отучить трехлетнего. Но часть его личности, являющееся остаточным явлением их требований и стандартов, не расположена к подобным изменениям;

'; она неизменна.

Ниже я приведу примеры, иллюстрирующие эти суждения. Я вспоминаю мальчика, в раннем детстве ^"Обожавшего сладкое. Так как эту страсть было невоз-лр можно удовлетворить обычными методами, он шел на ll^; любые нарушения и ухищрения, чтобы добиться желаем-лр; того, тратил все свои карманные деньги на сладости и Е^, :яе придавал особого значения тому, каким образом были |||;?: добыты дополнительные средства. В дело вмешались Цу ".родители. Мальчику запретили есть сладкое, и его преданность матери, настаивавшей на таком запрете, сыграла свою роль. К удовлетворению старших он перестал жаждать сладкого. Но даже позже, будучи молодым человеком, обладавшим достаточным количеством денег, чтобы скупить все пирожные в кондитерском магазине, он не мог съесть плитку шоколада, не заливаясь густой краской. Наблюдавшие за ним были уверены в том, что он делает что-то запрещенное, как если бы он ел купленное на краденые деньги. Очевидно, что навязанное

ему ранее ограничение не привело автоматически к изменению ситуации.

Вот другой пример, на этот раз еще более безобидный. Этот мальчик был особенно привязан к матери. Больше всего он желал занять место отца, стать ее наперсником, защитником и самым любимым человеком. Неоднократно он убеждался в том, что отец на законных основаниях занимал то положение, к которому стремился он, что отец был властен в любой момент отослать его от матери, тем самым подчеркнув разницу между его детской беспомощностью и слабостью и несомненной силой отца. Позже, будучи подростком, этот юноша страдал от мучительной робости и ощущения ненадежности положения, стоило ему оказаться в одном доме с обожаемой им девушкой. Содержание этого страха состояло в том, что может появиться некто и заявить, что он занимает место, принадлежащее другому. Во избежание этих неловких ситуаций ему приходилось тратить массу энергии на то, чтобы найти доводы, которые могли бы правдоподобно объяснить факт его присутствия.

Или возьмем другой случай. Девочка получала необычайное удовольствие от своего обнаженного тела, демонстрировала его своим братьям и сестрам, и перед тем как идти спать, с удовольствием мелькала перед ними в голом виде. Это вызвало чрезмерные стыд и скромность, которые сопровождали ее на протяжении всей ее дальнейшей жизни. Когда встал вопрос выбора профессии, кто-то предложил ей работу, обязывающую ее делить комнату с соседками. Она без колебаний заявила, что это ей не подходит. За всеми ее, на первый взгляд, рациональными доводами скрывался страх раздеться в присутствии других. Выбор профессии оказался для нее менее важен, чем навязанный ей в детстве запрет.

Психоаналитик, чья терапевтическая работа состоит в снятии таких запретов и исправлении отклонений в развитии, не может не смотреть на образование критически. Здесь, он чувствует, взрослые действительно перестарались. Не лучше ли было бы пожертвовать в чем-то этикетом и правилами приличия и разрешить первому

Лекция четвертая

ребенку есть сладкое, сколько он хочет, второму -представлять себя на месте отца, третьей - голой разгуливать по комнатам, а четвертому, возможно, забавляться своими половыми органами? Неужели удовлетворение этих желаний привело бы к более неблагоприятным последствиям, чем те, которые были вызваны запретами? Чего добились воспитание, так это разрушило личность ребенка, развило в нем внутренние конфликты, ограничило его способность любить, сделала его невосприимчивым к развлечениям и навязало ему ограничения в работе. Психоаналитик, для которого все это очевидно, предпочитает, когда дело касается его детей, во избежание таких последствий оставить их в покое, чем воспитывать подобным образом. Он считает, что лучше пожертвовать послушанием ребенка, чем изувечить его личность.

Но я уверена, что вы поражены односторонностью моих взглядов. Самое время посмотреть на вопрос с другой стороны. Воспитание представится нам в совершенно ином свете, если вместо невротической подавленности взять во внимание другие аспекты, например, детские правонарушения, как это сделал Август Айхорн в своей книге «Своенравная молодость» (1925).

Обделенные вниманием или трудные дети, утверждает Айхорн, отказываются занимать свое место в обществе. Их инстинкты не тормозятся в должной мере; они не могут направить свою сексуальную энергию на другие цели, более ценимые обществом. Каждому, кому доводилось иметь дело с этими детьми, приходилось сожалеть о том, что воспитание в свое время не" расставило внешние преграды, которые позднее сформировали бы внутренние стандарты.

Рассмотрим случай. Поведение этой восьмилетней девочки дома и в школе было одинаково невыносимым. Из каждого интерната она неизменно возвращалась к родителям через несколько дней. Она притворялась глупой, и делала это так умело, что в нескольких местах ее признали умственно отсталой. В классе она ложилась на скамью и начинала мастурбировать, отвечая на любые попытки ее остановить вспышками гнева. Дома с ней обращались как с нездоровым ребенком, потому что

Четыре лекции по психоанализу

это был единственный способ обращения с ней, который могли представить себе родители. Обследование психоаналитика выявило две вещи. Внешние условия были особенно неблагоприятны для развития какой-либо эмоциональной связи между ребенком и окружающим миром. Никто не предложил ей любовь, которая в некотором смысле компенсировала бы ей удовлетворение, получаемое от собственного тела; никто не делал ей строгих выговоров, сдерживающее влияние которых, как ожидали родители, достигнет своей цели. Девочка взрастила в себе настолько ярко выраженные мазохистские тенденции, что каждое наказание становилось просто еще одним стимулом для сексуальных ощущений и действий. Сравните этот случай отсутствия должного внимания со стороны родителей с описанными выше случаями подавления инстинктов. Ребенок также не стал свободным и уверенным в себе человеком, а превратился в запуганное существо, чье моральное развитие остановилось одновременно с умственным.

В своей книге «Своенравная молодость» Айхорн упоминает другой серьезный случай неправильного развития - случай мальчика, мать которого позволяла ему удовлетворять все свои сексуальные потребности, начиная с шести лет, а после достижения им половой зрелости постоянно вступала с ним в интимные отношения. Таким образом, он в действительности пережил все то, о чем другие дети только мечтают. Но этот мальчик, ни в чем не знавший ограничений, конечно, не мог превратиться в уверенного в себе человека, стать полноценной сильной личностью.

В его развитии произошла «концентрация нервных процессов». Реализация его детских желаний избавила его от необходимости прохождения всего нелегкого пути взросления. Ему не нужно было становиться взрослым, чтобы получить права на разрешенные мужчине удовольствия. Но за такое избавление он заплатил нарушением всего своего дальнейшего развития.

Однако вам может показаться, что проблема вовсе не так сложна, как я ее изобразила. Невротическая подавленность и нарушения поведения могут являться просто крайними случаями, демонстрирующими, с од-

Лекция четвертая

ной стороны, неблагоприятные последствия чрезмерного вмешательства, с другой - вред, нанесенный отсутствием запретов. Задача воспитания, основанного на аналитическом понимании, состоит в том, чтобы найти золотую середину между этими двумя крайностями, иначе говоря, найти для каждой стадии развития ребенка правильное соотношение между ограничением инстинктов и их удовлетворением.

Возможно, подробное описание этого нового, аналитического типа воспитания должно было составить содержание моих лекций. Но для этого еще слишком рано. Пока существует только небольшая группа взрослых - учителей и родителей, проанализировавших самих себя и ищущих возможности применения в педагогической практике того понимания, которое психоанализ внес в их жизнь. Может быть, известное нам и уже сделанное еще недостаточно для повсеместного применения психоаналитических принципов.

Тем не менее, было бы несправедливым заключить, что психоанализу нечего предложить вам, кроме надежд на будущее, и что для занимающихся практической работой учителей нет необходимости в изучении психоанализа. Ответ на вопрос, может ли психоанализ чем-то помочь воспитанию, уже найден.

Надо сказать, что психоанализ уже добился трех вещей для этого. Во-первых, он научился критиковать существующие методы воспитания. Во-вторых, являясь научной дисциплиной, изучающей инстинктивные импульсы, бессознательное и либидо, психоанализ углубляет знания воспитателя о сложных взаимоотношениях ребенка и взрослых. И наконец, будучи методом терапии, детский психоанализ стремится исправить повреждения, нанесен-

Е! Йые психике ребенка в процессе воспитания. [:
Приведенный ниже пример служит иллюстрациями ко второму пункту, объясняет отношения между ребенком и взрослым посредством выявления бессознатель-^ Ной подоплеку сознательного поведения. ^У; Одна очень хорошая учительница начала свою карьеру в восемнадцать лет, когда по семейным обстоятельствам была вынуждена покинуть свой дом и стать ^- гувернанткой в семье, в которой воспитывались три маль-

чика. Воспитание среднего брата представляло собой серьезную проблему. Он отставал в учебе и казался очень робким, замкнутым и скучным; в семье он играл второстепенную роль, так как родители неизменно предпочитали ему двух его одаренных и более примечательных братьев. Гувернантка направила все свои усилия на воспитание среднего брата и в сравнительно небольшой срок добилась блестящих результатов.

Мальчик был от нее в восторге, привязался к ней больше, чем к кому-либо, стал искренним и дружелюбным в общении. Возрос его интерес к учебе, и за год он прошел курс обучения, рассчитанный на два года. Больше он не отставал от своих братьев. Теперь родители могли гордиться своим ребенком, которым раньше пренебрегали; они стали больше заботиться о нем, и его отношение к ним и к братьям становилось все лучше, пока, наконец, он не превратился в равноправного члена семьи.

Но тут возникло неожиданное затруднение. У гувернантки, кому, собственно, мальчик и был обязан своими успехами, стали возникать такие проблемы в общении с ним, что она разлюбила его. В конце концов ей пришлось покинуть дом, в котором так высоко ценились ее качества, из-за того самого ребенка, которого вначале она особенно выделяла из других.

Психоанализ, которому она подверглась примерно через пятнадцать лет, выявил истинные причины происшедшего. В своей собственной семье она ощущала себя нелюбимым ребенком, то есть находилась приблизительно в том же положении, в котором она застала мальчика в начале своей работы с ним. Благодаря этому сходству судеб она видела себя в этом мальчике, отождествляла себя с ним. Щедро расточаемые ею любовь и забота проистекали из того, что она говорила себе: «Так должны были обращаться со мной, чтобы из меня что-нибудь вышло». Успех, последовавший за ее опытом, нарушил это отождествление. Он превратил ее подопечного в человека, жизнь которого больше не могла ассоциироваться с ее жизнью. Враждебные чувства к нему возникли из зависти; она не могла не завидовать тому успеху, который так и не был достигнут ею самой.

Лекция четвертая

Возможно, вы скажете: хорошо, что гувернантка не подверглась психоанализу в период своей работы с этим учеником, в этом случае она бы не достигла успеха в его воспитании. Но, на мой взгляд, этот успех обошелся слишком дорого. Он был достигнут ценой неудач в работе с теми детьми, страдания которых не напомнили воспитателям об их собственном детстве и потому не вызвали сочувствия. Я полагаю, что мы справедливы в том, что требуем от учителей и воспитателей перед началом своей педагогической деятельности разобраться в собственных проблемах и научиться избегать конфликтов. В противном случае дети будут служить просто более или менее подходящим материалом для решения собственных проблем воспитателя и проявления его бессознательного.

Но даже когда мы судим о детях, нам нужна помощь психоаналитика, чтобы понять причины их видимого поведения. Примером послужат следующие записи, продиктованные мальчиком в качестве введения в книгу, которую он собирался написать. Этот фрагмент он назвал следующим образом:

Что взрослые делают не так

Послушайте меня, взрослые, если вы хотите хоть что-то знать! Не задирайте нос, что дети, дескать, не умеют делать всего, что делаете вы, взрослые. Они могут большую часть того, что можете вы. Но дети ни за что не станут вас слушаться, если вы будете приказывать им, например: «Ну-ка, марш в постель!». Тогда они ни за что не пойдут, даже не надейтесь. Но если вы скажете то же самое мягко, они тут же повинуются вам. Вам кажется, что вы можете делать все, что вам вздумается, но ведь такого не может быть. И перестаньте, наконец, твердить: «Ты должен это, ты должен то...» Никто ничего не *должен*, и потому дети тоже не *должны*. Вы думаете, что дети *должны* мыться. Это, конечно же, не так. Тогда вы говорите: «Если ты не будешь мыться, люди скажут: фу, какой же он неряха! - и поэтому ты *должен* помыться». Нет, он не должен, но помоемся, чтобы люди не называли его неряхой.

Достаточно сказать ребенку, что ему нужно сделать, и не надо рассуждать о том, как это делается,

Четыре лекции по психоанализу

потому что они и так во всем повторяют за вами и сделают все так, как это делаете вы. И перестаньте без остановки повторять: «Не покупай это, не покупай то...», потому что они сами за это платят и поэтому могут покупать все, что им вздумается. И не говорите им: «У тебя это не получится», потому что они умеют многое лучше вас. Вы в это не поверите, но потом будете удивлены. И вообще, вы слишком много разговариваете, разрешите ребенку хоть раз вставить слово!

А теперь представим себе, что эти записи нашли в школе и отнесли директору. Он решит, что это опасный ребенок, за которым нужен глаз да глаз. Наведя справки, он бы обнаружил еще более тревожные известия:

мальчик богохульствует, говорит о священниках в таких выражениях, которые едва ли можно повторить, подстрекает своих сверстников не мириться ни с каким вмешательством в их жизнь и даже собирается прийти в зоопарк и выпустить на волю всех животных, которые, как он считает, были по несправедливости заключены в клетки. Консервативный учитель из старой школы, конечно, сказал бы: бунтарские настроения этого мальчика должны быть подавлены, пока еще не поздно, иначе в будущем он будет представлять серьезную угрозу для общества. Современный преподаватель, напротив, возложил бы большие надежды на будущее этого ребенка и увидел бы в нем растущего лидера и проводника либеральных идей в массы.

Должна сказать, что оба одинаково ошибаются, и все их дальнейшие действия, основанные на таком понимании данной ситуации, будут ошибочными и неверными. На самом деле этот восьмилетний мальчик — просто безобидный маленький трус, который может испугаться лающей на него собаки и не решается вечером пройти по темному коридору, и, конечно, не способен и мухи обидеть. Его мятежные мысли имеют неожиданное объяснение. В раннем детстве он был страстно предан своим родителям и интенсивно занимался мастурбацией. Это было пресечено запретами и угрозами хирургического вмешательства, которые вызвали сильное потрясение. В результате в нем развились тревожность и опасения за сохранность его половых органов.

Лекция четвертая

Как следствие, он начал протестовать против любой власти. Если кто-то обладает властью, рассуждал он, то он был властен также наказывать и кастрировать. А следовательно, надо уничтожить саму возможность существования земной или небесной власти. И чем сильнее был его страх, тем больше он пытался преодолеть его крикливыми и бессмысленными нападениями на власть имущих.

Впрочем, это был не единственный его способ защиты. Хотя он и строил из себя атеиста, страх каждый вечер заставлял его вставать на колени и молиться. Он рассуждал так: «Разумеется, Бога нет. Но все-таки он может существовать, и в любом случае не помешало бы слушаться Его».

Важно понять, что этот мальчик в будущем не станет ни инициатором либеральных идей, ни угрозой для общества и что в чем действительно нуждался, так это **не** в восхищении, не в суровых мерах и запретах, а в снятии страхов. Только это могло освободить его от невротического поведения и дать ему почувствовать, что во взрослой жизни он будет способен развлекаться и работать наравне со всеми.

Психоаналитический метод лечения, которым можно достигнуть этой цели, представляет собой третий способ содействия воспитанию детей. Но описание этого метода терапии, то есть детского психоанализа, увело **'бы** нас далеко за пределы нашего курса.

Лекция *первая*. Введение в детский анализ

Трудно сказать что-нибудь об анализе в детском возрасте, если предварительно не определить, в каких случаях имеется смысл проводить анализ ребенка и в каких лучше отказаться от него. Как известно, Мелани Кляйн подробно изучала эту проблему. Она придерживается того взгляда, что с помощью анализа можно устранить или, по крайней мере, оказать благотворное влияние на нарушение психического развития ребенка. При этом анализ может оказаться весьма полезным и для развития нормального ребенка, а с течением времени станет необходимым дополнением процесса воспитания. Однако большинство психоаналитиков отстаивает другую точку зрения: анализ ребенка уместен лишь в случае наличия реального инфантильного невроза.

Боюсь, что в своих лекциях я вряд ли смогу внести ясность в решение этого вопроса. Я смогу сообщить вам только, в каких случаях решение провести анализ оказывалось верным и когда его проведение терпело неудачу. Понятно, что успехи побуждали нас к дальнейшей работе по проведению анализа, а неудачи отпугивали от такого намерения. Таким образом, мы приходим к выводу, что в тех случаях, когда речь идет о ребенке, модель анализа нуждается в определенной модификации

Лекция первая

и изменениях либо может применяться лишь при соблюдении определенных предосторожностей. Тогда же, Когда нет технической возможности для соблюдения этих предосторожностей, следует, вероятно, даже отказаться от проведения анализа. На протяжении этого курса из многочисленных примеров вы узнаете, на чем основаны указанные выше сомнения. А пока я умышленно оставляю в стороне всякую попытку ответить на эти вопросы.

Начиная с прошлого года я неоднократно получала предложения изложить на техническом семинаре фрейда течение детского случая и обсудить технику детского анализа. До сих пор я отклоняла эти предложения, боясь, что все, что можно сказать на эту тему, будет казаться чрезвычайно банальным и само собою разумеющимся. Специальная техника детского анализа, поскольку она вообще является специальной, вытекает из одного очень простого положения: в подавляющем большинстве случаев взрослый — зрелое и независимое Существо, а ребенок — незрелое и несамостоятельное. Разумеется, что при столь отличном объекте метод также К^е может оставаться неизменным. То, что в одном слу-г^е Чае считается необходимым и безобидным действием, в Цидругом становится скорее сомнительным мероприятием-Зр бм. Однако эти изменения вытекают из существующей || 'ситуации и вряд ли нуждаются в особом теоретическом Щ обосновании.

р^е На протяжении последних двух с половиной лет я Р'Имела возможность подвергнуть длительному анализу р; Й^еоло десяти детских случаев. Постараюсь представить IfcefiОН наблюдения в том виде, в каком они, вероятно, ^'.открылись бы каждому из вас.

fe' Начнем с установки ребенка к началу аналитической работы.

П-" Рассмотрим аналогичную ситуацию со взрослым ^Пациентом. Человек чувствует себя больным вследствие ^возникновения внутреннего дисбаланса, неких проблем ^^а работе или неудовлетворенности жизнью. По тем или Й;Йным соображениям он доверяет терапевтической силе ^Г^^Чнализа или решается обратиться к конкретному ана-;|«^ЭИтику, видя в этом путь к исцелению. Конечно, дело

не всегда обстоит так просто. Не только внутренние трудности становятся поводом к анализу; часто поводом к этому может стать столкновение человека, испытывающего такого рода трудности, с внешним миром. В действительности решение подвергнуться анализу не всегда принимается самостоятельно: нередко большую роль играют настойчивые просьбы родственников или близких, становясь иногда впоследствии неблагоприятным фактором для работы. Желательная и идеальная для лечения ситуация складывается, когда пациент по собственному желанию заключает с аналитиком союз против некоторого элемента своей психической жизни.

Этого, разумеется, нельзя ожидать от ребенка. Решение пройти анализ исходит не от маленького пациента, а от его родителей или окружающих его людей. Ребенка не спрашивают о его согласии. Даже если ему и задали бы такой вопрос, он не смог бы вынести свое суждение. Аналитик для него чужой человек, а анализ — что-то неизвестное. Но сложность заключается в том, что лишь окружающие ребенка люди страдают от его заболевания или его дурного поведения, а для самого ребенка и болезнь во многих случаях вовсе не является таковой. Как правило, он не чувствует даже никакого нарушения. Таким образом, в ситуации с ребенком отсутствует все то, что кажется необходимым в ситуации со взрослым: сознание болезни, добровольное решение и воля к выздоровлению.

Не каждый аналитик, работающий с детьми, считает это серьезным препятствием в работе. Из работ Мелани Кляйн, например, стало известно, как она справляется с этими условиями и какую технику она выработала в данном случае. В противоположность этому мне кажется целесообразной попытка создать в случае работы с ребенком ту же ситуацию, которая оказалась столь благоприятной для взрослого человека, то есть вызвать в нем каким-либо образом готовность и согласие на лечение.

В своей первой лекции я разберу шесть различных случаев из практики. Это случаи работы с детьми в возрасте между шестью и одиннадцатью годами. Я хочу объяснить вам, как мне удалось сделать маленьких па-

Лекция первая

циентов «доступными для анализа» подобно взрослым людям, то есть привести их к сознанию болезни, вызвать доверие к анализу и аналитику и превратить стимул к лечению из внешнего во внутренний. Разрешение этой задачи требует для детского анализа подготовительного периода, который отсутствует при анализе взрослого. Я подчеркиваю, что все, что мы предпринимаем в этот период, не имеет еще ничего общего с действительной аналитической работой, то есть здесь не идет речь о переводе в сознание бессознательных процессов или об аналитическом воздействии на пациента. Речь идет лишь о переводе пациента из определенного нежелательного состояния в другое состояние, желательно с помощью всех тех средств, которыми располагает взрослый человек в отношении к ребенку. Этот подготовительный период — собственно говоря репетиция анализа — будет тем продолжительнее, чем больше исходное состояние ребенка отличается от вышеописанного состояния идеального взрослого пациента.

Однако, с другой стороны, не следует думать, что эта работа слишком трудна. Я вспоминаю об одной шестилетней девочке, которая в прошлом году в течение трех недель находилась под моим наблюдением. Я должна была установить, является ли трудно поддающийся влиянию, ригидный и тяжелый характер ребенка следствием неблагоприятной наследственности и неудовлетворительного интеллектуального развития или же в данном случае речь шла об особенно заторможенном и запущенном ребенке. Ближайшее рассмотрение выявило наличие необычайно тяжелого для этого раннего возраста невроза навязчивости при весьма развитом интеллекте и очень острой логике. В данном случае весь Подготовительный период протекал очень легко. Маленькая девочка была знакома с двумя детьми, с которыми я провела анализ; в первый раз она явилась ко мне на прием вместе со своей подругой, которая была несколько старше ее. Я не говорила с ней ни о чем особенном, лишь дала ей возможность привыкнуть к незнакомой для нее обстановке. Вскоре, когда она явилась ко мне одна, я предприняла первое наступление. Я сказала ей, что она, конечно, знает, почему ко мне приходили ее

знакомые дети: один — потому что он никогда не мог сказать правду и хотел отучиться от этой привычки, другая — потому что она слишком много плакала и сама была обеспокоена этим. Не послали ли также и ее ко мне из таких соображений? На это она прямо ответила: «Во мне сидит черт. Можно ли достать его?». В первый момент я была поражена столь неожиданным ответом, но затем сказала, что это можно сделать, но это — не самая легкая работа. И я готова попытаться сделать это с ее участием, если она согласится выполнить то, что я скажу, даже если это будет ей неприятно. Я имела в виду, что она должна будет рассказать мне все. На минуту она серьезно задумалась и затем ответила мне: «Если ты говоришь, что это единственный способ, с помощью которого это можно сделать, то я согласна». Таким образом, она добровольно согласилась выполнять основное правило анализа. На первом этапе мы и от взрослого не требуем большего. Вместе с тем она полностью отдавала себе отчет и о продолжительности лечения. По истечении трех недель родители девочки оставались в нерешительности, оставить ли ее у меня для анализа или же лечить ее другим способом. Она же сама была очень обеспокоена, не хотела отказаться от возникшей у нее надежды на выздоровление и со все большей настойчивостью требовала, чтобы я освободила ее от черта в течение оставшихся трех или четырех дней, после которых она должна была уехать. Я уверяла ее, что это невозможно, что это требует длительной совместной работы. Я не могла объяснить ей этого с помощью цифр, так как в силу своих многочисленных задержек она не обладала еще арифметическими знаниями, хотя уже достигла школьного возраста. В ответ на это она уселась на пол и показала на узор на ковре. «Нужно столько дней, — сказала она, — сколько здесь красных точек? Или столько, сколько зеленых точек?». Я объяснила ей, какое количество сеансов необходимо для лечения с помощью небольших овалов на рисунке моего ковра. Она все отлично поняла и, приняв вслед за этим решение лечиться, приложила все усилия, чтобы убедить своих родителей в необходимости длительной совместной работы со мной.

Лекция первая

Вы можете сказать, что в данном случае тяжесть невроза облегчила аналитику его работу. Однако я считаю, что это не так. Приведу вам в качестве примера другой случай, где подготовительный период протекал аналогичным же образом, хотя в данном случае о настоящем неврозе не могло быть и речи. Около двух с половиной лет тому назад ко мне привели одиннадцатилетнюю девочку, которая доставляла родителям большие трудности. Она происходила из зажиточной мелкобуржуазной семьи с сложными и весьма неблагоприятными отношениями: отец был вялым и слабовольным человеком, мать умерла много лет тому назад, взаимоотношения с мачехой и младшим сводным братом носили враждебный характер. Целый ряд краж, совершенных ребенком, бесконечный поток грубой лжи, скрытность и неоткровенность как в серьезных, так и в более мелких вопросах побудили мать обратиться по совету домашнего врача к помощи аналитика. В данном случае аналитический «уговор» был столь же прост. «Родители не могут с тобой ничего сделать, — таково было основное положение нашего уговора, — с одной только их помощью ты никогда не сможешь покончить с этими постоянными ссорами и конфликтами. Быть может, ты попытаешься сделать это с помощью постороннего человека?». Она сразу взяла меня в союзники против родителей подобно тому, как вышеописанная маленькая пациентка, страдавшая неврозом навязчивости, взяла меня в союзники против своего черта. В данном случае сознание болезни (невроза навязчивости) у было очевидно заменено сознанием конфликта. Моя тактика в этом, втором случае была позаимствована у Айхорна, которую тот использует при воспитании беспризорных детей. Воспитатель, по мнению Айхорна, должен прежде всего стать на сторону ребенка и предположить, что он прав в своей установке по отношению к окружающим людям. Только таким образом ему удастся работать со своим воспитанником, вместо того чтобы бороться против него. Я бы хотела здесь отметить только, что для такого рода работы позиция Айхорна гораздо более выгодна, чем позиция аналитика. Он уполномочен властями принимать те или иные меры и имеет за

Введение в технику психоанализа

собой авторитет должностного лица. Аналитик же, как это известно ребенку, получает полномочия и оплату от родителей; он всегда попадает в ложное положение, когда действует против своих доверителей — даже если это в их интересах. И действительно, при всякого рода необходимых переговорах с родителями этого ребенка я всегда чувствовала, что у меня нечиста совесть по отношению к ним, и спустя несколько недель анализ в силу этих невыясненных отношений прекратился из-за внешнего повода, несмотря на самые благоприятные внутренние условия.

Как бы то ни было, в обоих этих случаях легко можно было создать предварительные условия, необходимые для начала анализа: сознание болезни, доверие и решение на анализ.

Перейдем теперь к рассмотрению другой крайности: случаю, в котором нет одного из этих трех факторов.

Речь идет о десятилетнем мальчике с неясными симптомами множества страхов, нервозности, скрытности и детских перверсивных действий. В последние годы он совершил несколько мелких краж и одну крупную. Конфликт с родителями был скрытым; также при поверхностном рассмотрении нельзя было найти ничего, что свидетельствовало бы о сознании ребенком своего безотрадного, в общем, состояния или о желании изменить его. Его отношение ко мне было крайне отрицательным и недоверчивым, все его стремление было направлено на то, чтобы не допустить раскрытия его сексуальных тайн. В данном случае я не могла прибегнуть к одному из тех двух приемов, которые оказались столь удачными в прежних случаях. Я не могла образовать союз с его сознательным эго против отколовшейся части его существа, так как он вовсе не замечал такого раскола. Равным образом я не могла стать его союзницей в его борьбе с окружающим миром, с которым он (поскольку он осознавал это) был связан сильными чувствами. Путь, по которому я должна была пойти, был, очевидно, иным, более трудным и менее непосредственным. Речь шла о том, чтобы завоевать доверие, которого нельзя было добиться прямым путем, и навязать себя человеку, который уверен, что отлично сможет справиться и без меня.

Лекция первая

Я пыталась добиться этого разными способами. В течение долгого времени я не предпринимала ничего, приспособляясь лишь к его капризам и подделываясь всевозможными способами под его настроения. Если он приходил на сеанс в веселом настроении, — я тоже была веселой. Если он предпочитал во время сеанса сидеть под столом, то я вела себя так, как будто это было в порядке вещей: приподымала скатерть и беседовала с ним. Если он приходил с бечевкой в кармане и показывал мне, как он завязывает замысловатые узлы и проделывает разные фокусы, то я показывала ему, что я умею делать еще более замысловатые узлы и более поразительные фокусы. Если он гримасничал, то я гримасничала еще больше, а если он предлагал мне испытать, кто из нас сильнее, то я старалась и здесь намного превосходить его. Я следовала за ним в беседах на различные темы: от приключений морских пиратов и географических сведений до коллекционирования марок и любовных историй. При всех этих разговорах ни одна тема не казалась мне сомнительной или неподходящей для его возраста, и мои сообщения были построены таким образом, что они ни разу не вызвали в нем недоверия, будто за ними скрыта воспитательная цель. Мое поведение напоминало кинофильм или приключенческий роман, которые не преследуют никакой иной цели, кроме развлечения зрителя или читателя, и которые приспособляются с этой целью к интересам и потребностям своей публики. Действительно, моя первая цель заключалась исключительно в том, чтобы вызвать у мальчика интерес к своей персоне. То обстоятельство, что в течение этого подготовительного периода я узнала очень многое о его интересах и наклонностях, было непредвиденным, но весьма важным побочным достижением. Спустя некоторое время я добавила к этому другой фактор. Незаметно я оказалась полезной для него, печатала во время сеанса его письма на пишущей машине, ¹ охотно помогала ему записывать его дневные фантазии |; и выдуманные им истории, которыми он очень гордился, и даже изготовляла для него во время сеанса различные безделушки. Для одной маленькой девочки, которая проходила в это же время подготовительный этап,

Введение в технику психоанализа

я очень усердно занималась во время сеансов вязанием и постепенно одела всех ее кукол и игрушечных зверей. Таким образом, я развила, коротко говоря, второе приятное качество: не только представляла собой интерес, но стала еще и полезной. Дополнительным плюсом второго этапа оказалось то обстоятельство, что благодаря писанию писем и вымышленных историй я мало-помалу была введена в круг его знакомств и фантазийной активности.

Но затем ко всему этому добавилось еще нечто несравненно более важное. Я дала ему понять, что, подвергаясь анализу, он получает огромные практические преимущества: так, например, наказуемые действия имеют совершенно иные, гораздо более благоприятные последствия, если о них узнает сначала аналитик, а от него уже об этом узнают воспитатели. Таким образом, он привык прибегать к анализу как к защите от наказания и к моей помощи — для заглаживания необдуманных поступков. Он просил меня положить на прежнее место украденные им деньги и приходил ко мне со всеми необходимыми, но неприятными признаниями, которые следовало сделать своим родителям. Он проверял мою пригодность в этом отношении бесчисленное множество раз, прежде чем он решил действительно в нее поверить. Но после этого уже не оставалось сомнений: я стала для него не только интересным и полезным человеком, но и очень сильной личностью, без помощи которой он уже не мог обойтись. С помощью этих трех качеств я стала ему необходима; можно было бы сказать, что он стал полностью зависим и возникла ситуация переноса. Этого момента я и ждала, чтобы весьма энергично потребовать от него — не в форме словесного приказанья и не сразу — соответствующей компенсации, а именно: выдачи всех его сокровенных тайн, столь необходимых для анализа; это заняло еще несколько ближайших недель, и лишь после этого можно было приступить к настоящему анализу.

Вы видите, что я в данном случае вовсе не стремилась вызвать у ребенка осознание болезни, которое в дальнейшем пришло само собой совсем иным путем. Здесь задача заключалась лишь в создании связи, кото-

Лекция первая

рая должна была быть достаточно прочной для того, чтобы можно было осуществить дальнейший анализ.

Однако я боюсь, что после этого подробного описания у вас создалось такое впечатление, будто вся суть заключается именно в этой связи. Я постараюсь рассеять это впечатление с помощью других примеров, занимающих среднее положение между приведенными здесь крайними случаями.

Мне было предложено подвергнуть анализу другого десятилетнего мальчика, у которого в последнее время развился крайне неприятный, доставляющий массу хлопот окружающим симптом: бурные припадки агрессии, наступавшие у него без видимой причины. Они казались тем более странными, что ребенок был вообще заторможенным и боязливым. В данном случае я легко завоевала его доверие, так как он знал меня раньше. Точно так же решение подвергнуться анализу вполне совпадало с его собственными намерениями, так как его младшая сестра была уже моей пациенткой, и ревность к тем преимуществам, которые она, очевидно, извлекала из своего положения в семье, стимулировала и его желания. Несмотря на это, я не могла найти настоящей исходной точки для анализа. Объяснить это было нетрудно. Хотя он частично сознавал свои страхи как болезненное состояние и хотел избавиться от них и от своих задержек, однако с его главным симптомом, с припадками ярости, дело обстояло как раз наоборот. Он определенно гордился ими, рассматривал их как нечто отличающее его от других, хотя бы даже в негативном свете, и ему было приятно беспокойство родителей, вызванное его состоянием. Таким образом, он свыкся с этим симптомом и, вероятно, воспрепятствовал бы попытке искоренить его с помощью анализа. Я воспользовалась в этом случае несколько скрытным и не совсем честным приемом. Я решила поссорить его с йтой частью его существа. Я заставляла его описывать мне свои припадки каждый раз, когда они имели место, и притворялась крайне озабоченной и огорченной. Я осведомлялась, насколько он вообще мог владеть собой в таком состоянии, и сравнивала его неистовство с поведением психически больного, которому вряд ли

Введение в технику психоанализа

могла уже понадобиться моя помощь. Это озадачило и испугало его, так как в его честолюбивые расчеты отнюдь не входила возможность прослыть психически больным. Он стал стараться сдерживать свои порывы, сопротивляться им. Он не способствовал их проявлению, как раньше, но чувствовал, что действительно неспособен подавить их, и таким образом пришел к осознанию болезни и стал испытывать острую неудовлетворенность. Наконец симптом превратился, как я и добивалась, из ценного достояния в беспокоящее чуждое образование, для преодоления которого он обратился ко мне за помощью.

Вас удивит, что я в этом случае вызвала состояние, изначально имевшее место у маленькой девочки, страдавшей неврозом навязчивости: расщепление в собственном эго ребенка. Точно так же и в другом случае с семилетней невротичной капризной девочкой мне пришлось прибегнуть к такому же приему после длительного подготовительного периода, весьма аналогичного вышеописанному случаю. Я отделила от ее эго все дурное в ней, персонифицировала его, дала ему собственное имя, противопоставила ей и добилась, наконец, того, что она стала мне жаловаться на созданную таким образом персону и поняла, насколько она страдала от нее. Рука об руку с возникшим таким образом сознанием болезни приходит доступность ребенка анализу.

Но здесь мы не должны забывать о другом препятствии. Я имела возможность подвергнуть длительному анализу очень одаренного и способного ребенка:

ту описанную выше восьмилетнюю девочку, которая отличалась чрезмерной чувствительностью и которая так много плакала. Она искренно стремилась стать другой, она имела все данные и все возможности, чтобы использовать проводимый мною анализ. Но работа тормозилась всегда на определенном этапе, и я уже решила, что можно довольствоваться теми небольшими результатами, которых мне удалось добиться: исчезновением самых мучительных симптомов. Тогда обнаружилось, что нежная привязанность к няне, относившейся отрицательно к предпринятому анализу, и была той именно преградой, на которую наталкивались наши старания, как

Лекция первая

И только мы действительно начинали проникать вглубь. Хотя она питала доверие к тому, что выяснялось при анализе, и моим словам, но только до известного предела, до которого она позволяла себе это и за которым начиналась ее преданность няне. Все, что выходило за этот предел, наталкивалось на упорное и непреодолимое сопротивление. Она воспроизводила таким образом стабильный конфликт, который имел место при выборе между жившими отдельно друг от друга родителями и сыграл большую роль в ее развитии в раннем детском возрасте. Но и это открытие мало помогло делу, так как нынешняя ее привязанность к воспитательнице была весьма реальна и обоснована. Я начала упорную и настойчивую борьбу с этой няней за расположение ребенка. В этой борьбе обе стороны пользовались всеми доступными средствами; я старалась пробудить в ней критику, пыталась поколебать ее слепую привязанность и стремилась использовать малейший конфликт, какие ежедневно быtaient в детской, так, чтобы он расположил ребенка на мою сторону. Я заметила свою победу, когда маленькая девочка, рассказывая мне однажды об одном таком волнующем ее домашнем инциденте, закончила свой рассказ вопросом: «Думаешь, она права?». Вот когда анализ фрейда в более глубокие слои ее психики и получил самый впечатляющий результат из всех приведенных случаев.

В данном случае было нетрудно решить вопрос: допустим ли такой образ действий, как борьба за расположение ребенка? Влияние воспитательницы, о которой идет речь, было неблагоприятным не только для анализа, но и для общего развития ребенка. Но представьте себе, в какое затруднительное положение вы попадаете, когда вашим противником является не чужой человек, а родители ребенка. Или когда вы стоите перед вопросом: целесообразно ли ради успешной аналитической работы лишать ребенка влияния, благоприятного и желательного в других отношениях. Мы еще вернемся к этому вопросу при рассмотрении вопроса о практике проведения детского анализа и об отношении его к окружающей ребенка среде.

Введение в технику психоанализа

Я заканчиваю эту главу двумя небольшими сообщениями, из которых вы увидите, насколько ребенок может постичь смысл аналитической работы и терапевтической задачи.

Лучший пример — неоднократно упоминавшаяся здесь маленькая девочка, страдавшая неврозом навязчивости. Она рассказывала мне однажды о необыкновенно благополучном исходе ее борьбы со своим чертом и неожиданно потребовала признательности с моей стороны. «Анна, — сказала она, — разве я не сильнее своего черта? Разве я не могу сама с ним справиться? Ты, собственно, не нужна мне для этой цели». Я полностью согласилась с ней. Разумеется, она гораздо сильнее его и может обойтись без моей помощи. «Но ты мне все-таки нужна, — сказала она, немного подумав. — Ты должна помочь мне, чтобы я не была так несчастна, если я должна быть сильнее его». Я думаю, что и от взрослого невротика нельзя ожидать лучшего понимания той перемены, на которую он надеется в результате аналитического лечения.

Второй случай. Мой десятилетний пациент, которого я так подробно описала, находясь на более поздней стадии анализа, вступил однажды в приемной в разговор с взрослым пациентом моего отца. Тот рассказал ему, что его собака растерзала курицу и он, хозяин собаки, должен был за нее заплатить. «Собаку следовало бы послать к Фрейду, — сказал мой маленький пациент, — ей нужен анализ». Взрослый ничего не ответил, но впоследствии выразил свое крайнее неодобрение. Какое странное впечатление сложилось у этого мальчика об анализе! Ведь собака не больна. Собаке захотелось растерзать курицу, и она сделала это. Я отлично поняла, что мальчик хотел сказать этим. Он, должно быть, подумал: «Бедная собака! Она так хотела бы быть хорошей, но в ней есть что-то, заставляющее ее поступать так жестоко с курами».

Вы видите, что у маленького запущенного невротика вместо сознания болезни легко возникает сознание испорченности, которое становится, таким образом, мотивом для проведения анализа.

Лекция *вторая*. Приемы детского анализа

Я допускаю, что мои последние выводы произвели весьма странное впечатление на практических аналитиков. Весь арсенал изложенных мною приемов во многом противоречит правилам психоаналитической техники, которыми мы до сих пор руководились.

Рассмотрим еще раз мои приемы. Я обещаю маленькой девочке, что она выздоровеет: при этом я исхожу из тех соображений, что нельзя требовать от ребенка, чтобы он пошел по неизвестной ему дороге с незнакомым ему человеком к цели, в которой он не уверен. Я исполняю его очевидное желание зависимости от авторитета и уверенности в успехе. Я открыто предлагаю себя в союзники и вместе с ребенком критикую его родителей. В другом случае я веду тайную борьбу против домашней обстановки, в которой живет ребенок, и всеми средствами помогаю его любви. Я преувеличиваю опасность симптома и пугаю пациента для достижения своей цели. И, наконец, я вкрадываюсь в доверие к детям и навязываю себя им, хотя они уверены, что отлично могут справиться и без меня.

Куда же исчезает предписанная аналитику строгая сдержанность, осторожность при обещании пациенту возможности выздоровления или даже только улучшения, его абсолютная выдержанность во всех личных делах, полная откровенность в оценке болезни и неограниченная свобода, которая предоставляется пациенту, в любой момент прекратить по своему желанию совместную работу? Хотя мы поддерживаем представление о такой свободе и у маленьких пациентов, но это остается в большей или меньшей степени фикцией: приблизительно так же обстоит дело и в школе. Если принять всерьез вытекающую отсюда свободу действий, то, по всей вероятности, на следующий день все классы бы опустели. Я защищаюсь от возникшего, вероятно, у вас предположения, что я поступила таким образом вследствие незнания или нарочитого пренебрежения правилами психоаналитической техники. Я полагаю, что я

Введение в технику психоанализа

развила лишь в большей степени основные элементы тех приемов, которыми пользуетесь вы все по отношению к своим пациентам, не акцентируя этого. Может быть, я в своей первой лекции несколько преувеличила разницу между первоначальной ситуацией ребенка и взрослого. Вы знаете, как скептически мы относимся в первые дни к решению пациента лечиться и к тому доверию, которое он питает к нам. Мы опасаемся, что можем потерять его еще до начала анализа, и обретаем прочную почву для наших действий только тогда, когда мы вполне уверены в том, что возникла ситуация переноса. В первые дни с помощью ряда приемов, мало чем отличающихся от длительных и необычных приемов, применяемых мною в работе с детьми, мы действуем на него почти незаметно, так, чтоб не было никаких особых усилий с нашей стороны.

Возьмем, например, депрессивного, меланхоличного пациента. В действительности аналитическая терапия и техника **не** предназначены для таких случаев. Но там, где такое лечение предпринимается, необходим подготовительный этап, в течение которого мы пробуждаем в пациенте интерес и мужество, необходимое для аналитической работы, ободряя его и вникая в его личные потребности. Приведем еще один пример. Как вам известно, правила психоаналитической техники предостерегают нас от того, чтобы приступать слишком рано к толкованию сновидений и не посвящать таким образом пациента в его внутренние процессы, которые еще непонятны ему и которые могут вызвать у него только протест. Однако, если мы имеем дело с умным, образованным, скептически настроенным больным, страдающим неврозом навязчивости, то нам даже бывает приятно преподнести ему сразу же в начале лечения особенно красивое и убедительное толкование сновидения. Этим мы его заинтересовываем, удовлетворяем его высокие интеллектуальные запросы и, в сущности, делаем то же самое, что и работающий с детьми аналитик, демонстрирующий маленькому мальчику, что он умеет показывать с помощью бечевки более интересные фокусы, нежели сам ребенок. Точно так же существует аналогия в том, что, имея: дело с капризным и запущенным ребен-

Лекция вторая

ком, мы становимся на его сторону и выражаем готовность помочь ему в борьбе с окружающим миром. Мы показываем также и взрослому невротiku, что хотим помочь ему и поддержать его, и при всех семейных конфликтах мы всегда принимаем его сторону. Следовательно, и в данном случае мы становимся интересными и полезными для него людьми. Вопрос о влиянии сильной личности и авторитета тоже играет здесь важную роль. Наблюдение показывает, что на первых этапах анализа опытному и пользующемуся всеобщим уважением аналитику гораздо легче удержать своих пациентов и предотвратить их «бегство», чем молодому начинающему аналитику. Первому не приходится испытывать на себе во время первых сеансов стольких проявлений «отрицательного переноса», проявлений ненависти и недоверия, как последнему. Мы объясняем себе это различие неопытностью молодого аналитика, недостатком такта в обращении с пациентом, его поспешностью или слишком большой осторожностью в толкованиях. Однако я полагаю, что в данном случае следовало бы принять во внимание исключительно внешний фактор, связанный с авторитетом. Пациент спрашивает себя и не без основания: что это за человек, который претендует на то, чтобы стать таким огромным авторитетом? Дает ли ему право на это его положение в обществе или отношение к нему других людей? Мы не должны трактовать это однозначно как оживление старых импульсов ненависти;

в данном случае мы имеем дело скорее с проявлением здорового, критического ума, дающего знать о себе перед тем, как пациент попадает в ситуацию аналитического переноса. При такой оценке положения вещей аналитик, пользующийся известностью и уважением, имеет те же преимущества, что и работающий с детьми аналитик, который сильнее и старше, чем его маленький пациент, и который становится сильной личностью, исключая всякие сомнения, если ребенок чувствует, что его родители ставят авторитет аналитика выше своего.

Следовательно, основные элементы такого подготовительного этапа лечения, о которых я говорила выше, имеют место и при анализе взрослых пациентов. Но мне кажется, что я неправильно формулировала свою мысль.

Введение в технику психоанализа

Было бы правильнее сказать: в технике анализа взрослых людей мы обнаруживаем еще элементы тех приемов, которые оказались необходимыми по отношению к ребенку. Границы их использования определяются тем, в какой мере взрослый пациент, с которым мы работаем, остается незрелым и зависимым существом и насколько он, следовательно, приближается в этом отношении к ребенку.

До сих пор речь шла только о подготовительном этапе лечения и о создании аналитической ситуации.

Допустим теперь, что аналитику действительно удалось с помощью вышеприведенных приемов завоевать доверие ребенка, вызвать у него осознание своей болезни и, руководствуясь своим собственным решением, стремится теперь изменить свое состояние. Таким образом, перед нами стоит второй вопрос, рассмотрение тех приемов, которыми мы располагаем для собственно аналитической работы с ребенком.

В технике анализа взрослых пациентов мы имеем четыре таких вспомогательных приема. Мы пользуемся, во-первых, всем тем, что может нам дать сознательное воспоминание пациента, для составления возможно более подробной истории болезни. Мы пользуемся толкованием сновидений. Мы перерабатываем и интерпретируем свободные ассоциации, которые дает нам анализируемый. И пользуясь, наконец, интерпретацией его реакций переноса, мы пытаемся проникнуть в те его прежние переживания, которые никак иначе не могут быть переведены в сознание. Вы должны будете в дальнейшем терпеливо подвергнуть систематическому рассмотрению эти приемы и проверить, могут ли они быть применены и использованы в детском анализе.

Уже при составлении истории болезни на основании сознательных воспоминаний пациента мы наталкиваемся на первое отличие. Имея дело со взрослым пациентом, мы стараемся не использовать сведений, полученных от членов его семьи, а полагаемся исключительно на те сведения, которые он сам может нам дать. Мы обосновываем это добровольное ограничение тем, что сведения, полученные от членов семьи больного, в большинстве случаев бывают ненадежными, неполными и

Лекция вторая

окраска их обуславливается личной установкой того или иного члена семьи по отношению к больному. Ребенок же может рассказать нам очень немного о своей болезни. Его воспоминания ограничены коротким периодом времени, пока на помощь ему не приходит анализ. Он так занят актуальными переживаниями, что воспоминания о прошедшем бледнеют в сравнении с ними. Кроме того, он сам не знает, когда возникли его отклонения и когда он стал отличаться от других детей. Ребенок не склонен еще сравнивать себя с другими детьми, у него еще слишком мало собственных критериев, по которым он мог бы судить о своей недостаточности. Таким образом, аналитик, работающий с детьми, фактически собирает сведения об анамнезе у родителей пациента. При этом он учитывает всевозможные неточности и искажения, обусловленные личными мотивами.

Зато в области толкования сновидений те же приемы, какие применяются при анализе взрослых, остаются в силе и для детского анализа. Во время анализа частота сновидений у ребенка такая же, как и у взрослого. Ясность или бессвязность сновидений зависит как

- в одном, так и в другом случае от силы сопротивления. Тем не менее детские сновидения гораздо легче интерпретировать, хотя они в процессе анализа не всегда бывают так же просты, как примеры, приведенные в «Толковании сновидений». Мы находим в них все те искажения исполнения желаний, которые соответствуют более сложной невротической организации маленьких пациентов. Нет ничего проще, чем сделать понятным для ребенка его сновидение. Когда он впервые рассказывает мне сновидение, я говорю ему: «Само сновидение ничего не может создать; каждый его элемент был откуда-нибудь почерпнут». Затем я отправляюсь вместе с ребенком на поиски. Он увлекается отысканием отдельных элементов сновидения подобно игре в кубики, и он с большим удовлетворением следит за тем, в каких ситуациях реальной жизни встречаются отдельные визуальные и звуковые образы сновидения. Может быть, это происходит оттого, что ребенку сновидения ближе, чем взрослому человеку. Может быть, он, отыскивая смысл в сновидении, не удивляется ничему, по-

Введение в технику психоанализа

сколько раньше никогда не слышал мнения взрослых о бессмысленности сновидений. Во всяком случае он гордится удачным толкованием сновидения. Кроме того, я часто видела, что даже неразвитые дети, оказавшиеся весьма неподходящими для анализа во всех других пунктах, справлялись с толкованием сновидений. В двух

случаях я долгое время вела анализ почти исключительно с помощью сновидений.

Но даже если маленький сновидец не дает нам свободных ассоциаций, часто имеется возможность осуществить толкование сновидения. Нам гораздо легче изучить ситуацию, в которой находится ребенок, охватить его переживания: круг лиц, с которыми он контактирует, значительно уже, чем у взрослого человека. Обычно мы позволяем себе использовать для интерпретации собственное восприятие ситуации взамен отсутствующих свободных ассоциаций. Нижеследующие два примера детских сновидений, не представляя собой ничего нового, послужат наглядной иллюстрацией вышесказанного.

На пятом месяце анализа десятилетней девочки я подхожу, наконец, к вопросу о ее онанизме, в котором она сознается с глубоким чувством вины. Во время мастурбации она испытывает ощущение сильного жара, и ее отрицательное отношение к действиям, связанным с гениталиями, распространяется также на весь спектр подобных ощущений. Она начинает бояться огня, не хочет носить теплого платья. Опасаясь взрыва, она не может смотреть без страха на пламя в газовой печи, расположенной в ванной комнате рядом с ее спальней. Однажды вечером в отсутствие матери няня хочет растопить печь в ванной комнате, но не может сама справиться и зовет на помощь старшего брата. Он тоже ничего не может сделать. Маленькая девочка стоит рядом, и ей кажется, что она могла бы справиться с этим. В следующую ночь ей снится та же самая ситуация, с той лишь разницей, что в сновидении она действительно помогает растопить печь, но допускает при этом какую-то ошибку, и печь взрывается. В наказание за это няня держит ее над огнем, так что она должна сгореть. Она просыпается в сильном страхе, будит тотчас же свою мать, рассказывает ей свое сновидение и заканчивает свой рас-

Лекиия вторая

сказ предположением (основанным на своих аналитических познаниях), что это было, вероятно, сновидение, связанное с мыслями о наказании. Других свободных ассоциаций она не дает. Однако в данном случае мне было легко дополнить их. Манипуляции с печкой символизируют, очевидно, ее манипуляции с собственным телом. Подобное же поведение, по ее мнению, свойственно и ее брату. «Ошибка» в сновидении является выражением ее собственной критики; взрыв, вероятно, символизирует характер ее оргазма. Няня, предостерегающая ее от онанизма, имеет таким образом основание для ее наказания.

Два месяца спустя она увидела второе сновидение, связанное с огнем. Сон был следующего содержания: «На радиаторе центрального отопления лежат два кирпича разного цвета. Я знаю, что дом сейчас загорится, и испытываю страх. Затем кто-то приходит и забирает кирпичи». Когда она проснулась, ее рука лежала на гениталиях. На этот раз она дает свободные ассоциации в связи с одним элементом сновидения, а именно с кирпичами: ей сказали, что если положить себе кирпичи на голову, то не будешь расти. Исходя из этого, можно без труда дать толкование этого сновидения. «Не расти» — это наказание, которое она боится понести за свой онанизм. Значение огня мы знаем из прежнего сновидения, он — символ ее сексуального возбуждения. Таким образом, она занимается онанизмом во сне. Воспоминание предостерегает ее, напоминает обо всех запретах, касающихся онанизма, и она испытывает страх. Незвестным лицом, убравшим кирпичи, являюсь, вероятно, я со своим успокаивающим влиянием.

Не все сновидения, имеющие место во время детского анализа, могут быть легко истолкованы. Но, в общем, права была эта маленькая девочка, страдавшая неврозом навязчивости, которая обычно начинала свой рассказ следующими словами: «Сегодня я видела странное сновидение. Но мы с тобой скоро узнаем, что все это значит».

Наряду с толкованием сновидений большую роль в детском анализе играют также грезы. Многие из детей, в работе с которыми я приобрела свой опыт, были

страстными мечтателями. Рассказы об их фантазиях были для меня наилучшим вспомогательным средством при анализе. Обычно бывает очень легко побудить детей, доверие которых уже завоевано, к рассказам о своих дневных фантазиях. Они рассказывают их легче. Очевидно, стыдятся их меньше, чем взрослые люди, которые называют свои мечты «ребяческими». В то время, как взрослый человек обычно подвергает свои грезы анализу с запозданием и неохотно — именно вследствие чувства стыда и отрицательного к ним отношения, — появление их у ребенка часто оказывается значительным подспорьем во время трудных первоначальных этапов анализа. Следующие примеры проиллюстрируют три типа таких фантазий.

Простейшим типом являются грезы как реакция на дневное переживание. Так, например, вышеупомянутая маленькая мечтательница в период, когда борьба с ее братьями и сестрами за первенство играла важнейшую роль в ее анализе, реагирует на кажущееся пренебрежительным отношением к ней в семье следующей фантазией:

«Я вообще не хотела бы родиться, я хотела бы умереть. Иногда я представляю себе, что я умираю и потом опять появляюсь на свет в виде животного или куклы. Если я появляюсь на свет в виде куклы, то я знаю, кому я хотела бы принадлежать: маленькой девочке, у которой раньше служила моя няня; она была очень милая и хорошая. Я хотела бы быть ее куклой, и пусть бы она обращалась со мной, как вообще обращаются с куклами; я бы не обижалась на нее. Я была бы прелестным, маленьким ребенком, меня можно было бы умыть и делать со мной все, что угодно. Девочка любила бы меня больше всех. Даже если она получила бы в подарок новую куклу, я все равно продолжала бы оставаться ее любимицей. Она никогда не любила бы другую куклу больше, чем меня». Следует ли упоминать что ее брат и сестра, на которых больше всего была направлена ее ревность, были младше ее. Ни одно ее сообщение, ни одна ассоциация не могли бы яснее иллюстрировать ее актуальную ситуацию, чем эта маленькая фантазия.

Шестилетняя девочка, страдающая неврозом навязчивых состояний, в течение начального этапа анали-

Лекция вторая

за живет в знакомой семье. У нее наступает очередной припадок агрессии, который резко осуждается другими детьми. Ее маленькая подруга отказывается даже спать с ней в одной комнате, что очень обижало мою пациентку. Но во время анализа она рассказывает мне, что няня подарила ей игрушечного зайчика за то, что она была умницей, и уверяет меня вместе с тем, что другие дети охотно спят с ней в одной комнате. Потом она рассказывает мне о видении, которое неожиданно посетило ее во время отдыха. Она будто бы не знала, что это ее творение. Однажды жил маленький заяц, с которым его родные обращались плохо. Они хотели позвать человека, чтобы тот зарезал его. Зайчик узнал об этом. У него был совсем старенький автомобиль, на котором все-таки можно было ехать. Он сел в него ночью и уехал. Он приехал к красивому дому, в котором жила девочка (здесь она называет свое имя). Она услышала его плач, сошла вниз и впустила его, и он остался у нее жить. Таким образом она выражает свое чувство, что она лишняя и нежеланная, чувство, которое она хотела скрыть при анализе от меня и даже от себя. Она сама фигурирует в этом сновидении в двух ролях: во-первых, в образе нелюбимого маленького зайчика, а во-вторых, в образе девочки, которая отнеслась к зайчику *тау.*, как она хотела бы, чтобы обращались и с ней.

Вторым, более сложным, типом являются грезы с продолжением. С детьми, создающими такие грезы, как правило, бывает легко уже с самого первого этапа анализа войти в такой тесный контакт, что они ежедневно рассказывают продолжение своей фантазии, исходя из чего можно судить об актуальном внутреннем состоянии ребенка.

В качестве третьего примера я приведу случай из анализа девятилетнего мальчика. Хотя в его грезах фигурируют разные люди и разные ситуации, однако они воспроизводят один и тот же тип переживаний в разных вариациях. Он начал сеанс с рассказов о многочисленных накопившихся у него фантазиях. Во многих из них главными действующими лицами были герой и король. Король угрожает герою пытками и убийством, герой избегает этого всевозможными способами. Всевозмож-

Введение в технику психоанализа

ная техника, особенно воздушный флот, играет большую роль при преследовании героя. Большое значение имеет также режущая машина, выпускающая при движении серповидные ножи в обе стороны. Фантазия кончается тем, что герой побеждает и поступает с королем так, как тот хотел поступить с героем.

В другой фантазии он видит учительницу, которая бьет и наказывает детей. В итоге дети окружают ее, побеждают и бьют ее до тех пор, пока она не умирает.

В третьем варианте фигурирует машина, которая наносит удары. В конце концов в нее вместо пленника, для которого она предназначена, попадает сам мучитель.

У мальчика был целый запас таких фантазий с бесконечными вариациями. Совершенно не зная ребенка, мы догадываемся, что в основе всех этих фантазий лежит защита и месть за угрозу кастрации или, иными словами, в фантазиях кастрация производится над теми, кто угрожал ей. Вы должны согласиться, что при таком начале анализа можно сделать ряд выводов, весьма существенных для дальнейшего течения анализа.

Другим техническим вспомогательным средством, которым я пользовалась в некоторых случаях наряду со сновидениями и грезами, было рисование. В трех упоминаемых мною историях рисование заменило мне на некоторое время почти все другие вспомогательные приемы. Так, например, та девочка, которой снился огонь, в период, когда она была занята своим кастрационным комплексом, непрерывно рисовала страшные человекоподобные чудовища с чрезмерно длинным подбородком, длинным носом, бесконечно длинными волосами и страшными зубами. Имя этого часто встречающегося в ее рисунках чудовища было «кусака». Его занятием было, очевидно, откусывание члена, который был изображен на его теле в разных вариантах. Содержанием целого ряда других рисунков, которые она создавала во время сеансов, сопровождая ими свои рассказы или же молча, были разнообразные существа, дети, птицы, змеи, куклы, все с бесконечно вытянутыми в длину руками, ногами, клювами и хвостами. На другом рисунке, относящемся к тому же периоду, она с быстротой молнии изобразила все то, чем она хотела бы быть: мальчика

Лекция вторая

(для того, чтобы иметь член), куклу (чтобы быть самой любимой), собачку (которая была для нее представителем мужского пола) и юнгу, позаимствованного ею из фантазии, в которой она одна сопровождает в виде мальчишки своего отца в кругосветном путешествии. Над всеми этими фигурами находился еще рисунок из сказки, которую она слышала, но отчасти выдумала сама: ведьма, вырывающая великану волосы. То есть опять-таки "изображение кастрации, в которой она в то время обвиняла свою мать. Удивительное впечатление производила серия картин из гораздо более позднего периода, где в противоположность этому королева дает маленькой принцессе, стоящей перед ней, прекрасный цветок на длинном стебельке (очевидно, опять символ пениса). Совсем иными были рисунки маленькой девочки, страдавшей неврозом навязчивых состояний. Она иногда сопровождала иллюстрациями рассказы о своих анальных фантазиях, которые заполняли первый этап анали-*fasi*. Так, например, она нарисовала сказочную страну, где все обилием дышит, в которой люди вместо того, чтобы проесть себе дорогу через горы каши и пирогов, как они это делают в сказке, должны съесть громадную кучу навоза. Кроме того, у меня есть целый ряд ее рисунков, которые изображают в нежнейших тонах цветы и сады и выполнены с величайшей тщательностью, III Чистотой и аккуратностью. Рисунки эти относятся к тому именно периоду, когда она рассказывала мне свои отвратительные анальные фантазии.

Я боюсь, что я нарисовала вам слишком идеалистическую картину взаимоотношений при детском анализе. Члены семьи охотно дают необходимые сведения;

И ребенок сам оказывается усердным интерпретатором сновидений, рассказывает нам свои многочисленные фантазии и предоставляет нам, кроме того, целые серии интересных рисунков, на основании которых можно сделать те или иные выводы о его бессознательных импульсах. После всего вышеизложенного, казалось бы, не совсем понятно, почему детский анализ до сих пор считается особенно трудной областью аналитической техники и почему многие аналитики заявляют, что они не знают, как приступить к лечению детей.

Введение в технику психоанализа

Ответить на это нетрудно. Все описанные мною преимущества аннулируются благодаря тому, что ребенок отказывается давать нам свободные ассоциации. Он ставит аналитика в затруднительное положение, поскольку основной прием, на котором построена собственно аналитическая техника, здесь почти совершенно неприменим. Требования, предъявляемые к взрослым пациентам, как-то: удобное лежачее положение, сознательное решение не подвергать критике приходящие ему в голову мысли, сообщать аналитику все без исключения и обнажать, таким образом, то, что скрывается под поверхностью его сознания, — находятся в явном противоречии с сущностью ребенка.

Разумеется, совершенно верно, что ребенка, которого вы привязали к себе вышеописанным образом и который испытывает потребность в вашем обществе, можно заставить сделать многое. Он согласится иногда на ваше предложение сообщить свободные ассоциации, но только на короткое время и в угоду аналитику. Полученные таким образом свободные ассоциации могут оказаться очень полезными и в случае затруднительной ситуации приносят нам иногда неожиданное объяснение. Однако они всегда имеют характер одноразового вспомогательного акта, а не прочного базиса, на который должна опираться вся аналитическая работа.

Находясь в затруднительном положении и не зная, что предпринять далее, я иногда предлагала одной маленькой девочке, которая было особенно послушна при анализе и охотно исполняла мои желания и которая при больших способностях к рисованию отличалась прекрасной зрительной памятью, «представлять какие-нибудь картины». Тогда она садилась на корточки с закрытыми глазами и прислушивалась к тому, что происходило в ней.

Таким образом она действительно дала мне объяснение затянувшейся ситуации, обусловленной сопротивлением. Темой наших бесед была тогда борьба с онанизмом и освобождение от него, к которой она относилась с удвоенной нежностью для того, чтобы защититься от моих попыток устранить ее привязанность. Я предложила ей «представить какую-нибудь картину», и пер-

Лекция вторая

[?1Вое, что она увидела, это как «няня улетает через море». [В дополнение она сообщила, что вокруг меня танцевало ' много чертей и это означало, что я заставлю няню уйти, Но тогда она лишится защиты от онанистического иску-? шения, и я сделаю ее «гадкой».

Иногда на помощь нам приходят случайные и произвольные ассоциации, и даже чаще, чем ассоциации, возникающие по нашей просьбе и по желанию пациента. Здесь я опять хочу привести пример с маленькой девочкой, страдавшей неврозом навязчивых состояний.

На важном этапе анализа возникла необходимость показать ей, что она испытывает к своей матери ненависть, от которой **она** до сих пор ограждала себя созданием в себе «черта», безличного олицетворения всех импульсов ненависти. До **сих** пор охотно следуя за мной в анализе, в этом месте она стала проявлять сопротивление. В это же

время в домаш-, **яей** обстановке она на каждом шагу демонстрировала упрямство и злость, и по этому поводу я доказывала ей ежедневно, что вести себя так плохо можно только по отношению к человеку, которого ненавидишь. В итоге, под влиянием приведенных мною все новых и новых доказательств, она как будто уступила, но теперь хотела узнать у меня также и причину чувства йненависти к якобы очень любимой матери. Я отказывалась, так как сама , **не** знала этой причины. После минутного молчания она сказала: «Я думаю, что причина в сновидении, которое я •видела однажды (несколько недель назад) и которого мы так и не поняли». (Я прошу ее повторить содержание этого сновидения, что она охотно исполняет): «Там были „**все** куклы, и мой зайчик тоже был там.

Тогда я ушла, а зайчик стал горько плакать. Мне стало так жаль зайчика. Мне кажется, что я теперь всегда подражаю зайчику и плачу так же, как он». В действительности, конечно, было 'наоборот: не она подражала зайчику, а зайчик подражал **ей**. Она сама представляет в этом сновидении мать и обращается с зайчиком так, как мать обращалась с ней. Связывая это сновидение с вопросом о причине ненависти к матери, она обнаруживает, наконец, то чувство, которое сознательно не хотела открыть матери: мать постоянно оставляла ее именно тогда, когда ребенок больше всего нуждался в ней.

Несколько дней спустя она еще раз повторяет этот процесс. Я настойчиво стараюсь привести ее вновь к этой теме после того, как ее грустное настроение, проявившееся на минуту, опять овладевает ею. Она ничего не отвечает, но вдруг говорит с глубокой задумчивостью:

«Летом в Г. очень красиво, вот туда я хотела бы опять поехать». При подробном расспросе выясняется, что во время пребывания в этой дачной местности она пережила один из наиболее тяжелых периодов своей жизни. Ее старший брат заболел коклюшем, и его отвезли к родителям в город, а она с няней и двумя младшими детьми осталась. «Няня всегда сердилась, когда я отнимала у маленьких детей игрушки», — говорит она неожиданно. Таким образом, к мнимому предпочтению, которое родители отдавали якобы брату, добавился еще тот факт, что няня в действительности отдавала предпочтение младшим детям. Она чувствовала себя покинутой всеми и реагировала на это по-своему. Следовательно, на этот раз воспоминание о красивой местности привело к одному из самых тяжелых упреков в адрес матери.

Я привела эти три примера получения ассоциаций, поскольку аналогичные случаи встречаются довольно часто в детском анализе. Вы знаете, что с такими же проявлениями мы обычно встречаемся и у взрослых.

Отсутствие у ребенка готовности к ассоциированию побуждало всех занимавшихся до настоящего времени вопросами детского анализа найти что-нибудь, чем можно было бы заменить этот технический прием. Д-р Гуг-Гельмут пыталась заменить данные, получаемые с помощью свободных ассоциаций у взрослого человека, играми с ребенком, посещением его в домашней обстановке, подробным изучением всех обстоятельств его жизни. Мелани Кляйн заменяет (согласно сделанным ею сообщениям) технику свободных ассоциаций, применяемую у взрослых пациентов, техникой игры у детей. Она исходит из предположения, что действие более свойственно маленькому ребенку, нежели речь. Она предоставляет ему массу мелких игрушек, целый мир в миниатюре, и дает ему, таким образом, возможность действовать в этом игрушечном мире. Все действия, совершенные ребенком в такой обстановке, она сравнива-

Лекция третья

ет со свободными ассоциациями взрослого и сопровождает их интерпретациями подобно тому, как мы это обычно делаем в работе со взрослыми пациентами. На первый взгляд может показаться, что мы безупречно восполняем этим осязаемый пробел в технике детского анализа. Однако я оставляю за собой право в следующей лекции рассмотреть теоретические основания этой техники игры и связать их с последним вопросом нашей темы, с ролью переноса в детском анализе.

Лекция третья. Роль переноса в детском анализе

Я позволю себе повторить вкратце содержание последней лекции.

Мы рассмотрели приемы детского анализа и узнали, что мы вынуждены составлять историю болезни на основании сведений об анамнезе, полученных от членов семьи больного вместо того, чтобы положиться исключительно на сведения, которые дает нам пациент;

мы узнали, что ребенок является хорошим интерпретатором сновидений, и оценили значение грез и свободных рисунков как технического приема. Кроме того, я должна была разочаровать вас сообщением, что ребенок не склонен выражать свободные ассоциации и что это вынуждает нас искать замену этому важнейшему вспомогательному приему при анализе взрослых пациентов. Мы закончили нашу лекцию рассмотрением таких методов, которыми пытались заменить технику свободных ассоциаций, и отложили теоретическую оценку их до следующей лекции.

Разработанная Мелани Кляйн техника игры, несомненно, очень ценна для наблюдения ребенка. Вместо того чтобы вести трудное и связанное с большой затратой времени наблюдение над ребенком в его домашней обстановке, мы сразу переносим весь знакомый ему мир в кабинет аналитика и предоставляем там ребенку свободу действий на глазах у аналитика, но без вмешательства с его стороны. Таким образом, мы изучаем различные реакции ребенка, степень его агрессивности или

Введение в технику психоанализа

сострадания, а также его установку в отношении к разным предметам и людям, представленным в виде игрушечных фигур. Преимущество в сравнении с наблюдением в условиях реальной жизни заключается еще и в том, что игрушечный мир удобен и подчинен воле ребенка; таким образом, ребенок может совершать в нем все те действия, которые осуществляются в реальном мире, исключительно в пределах фантазии вследствие того, что ребенок обладает крайне недостаточной силой и властью. Все эти преимущества диктуют нам необходимость применения метода игры, разработанного Мелани Кляйн при изучении маленьких детей, которые не умеют еще облекать свои мысли в словесную форму.

Мелани Кляйн делает еще один важный шаг в применении этой техники. Она придает каждой свободной игре ребенка такое же значение, как и свободной ассоциации взрослого пациента, и интерпретирует последовательно каждое действие, произведенное ребенком в этой обстановке, облекая его в форму суждений, то есть она старается найти в каждом действии, связанном с игрой, символическое значение, лежащее в его основе. Если ребенок опрокидывает фонарный столб или какую-нибудь игрушечную фигуру, то она объясняет это, например, агрессивным действием, направленным против отца. Столкновение двух автомобилей в игре ребенка она объясняет как символическое выражение наблюдения половых сношений родителей. Работа Мелани Кляйн заключается прежде всего в том, что она сопровождает действия ребенка интерпретацией и объяснением, которые в свою очередь дают направление дальнейшим действиям пациента, подобно тому как это имеет место при интерпретации свободных ассоциаций у взрослых.

Рассмотрим еще раз, вправе ли мы сопоставлять такие действия ребенка, совершенные во время игры, с ассоциированием взрослого человека. Хотя ассоциация взрослого «свободна», то есть при возникновении ее пациент исключает всякую сознательную направленность и воздействие на течение своих мыслей, но вместе с тем у него существует определенное целевое представление: он, ассоциирующий таким образом, подвергается анализу. У ребенка отсутствует это целевое представление.

Лекция третья

вначале я уже изложила вам, каким образом я стараюсь ^ознакомить маленького пациента с конечной целью ^Предпринимаемого анализа. Но дети, для которых Мелани Кляйн выработала свою технику игры, и прежде¹ ; все дети, находящиеся на начальных стадиях либи-^дозного развития, слишком малы, чтобы на них можно было воздействовать таким образом. Мелани Кляйн счи-|тает одним из важнейших позитивных моментов своего i уюта еще и то обстоятельство; что в этом случае пред-² дарительная подготовка ребенка становится излишней. | Таким образом, отсутствие у ребенка целевого представления является возражением против сделанного Мела-|ни Кляйн сопоставления игры со свободным ассоциированием. Если свободная игра ребенка не детерминирована | тем же целевым представлением, что и свободные ассоциации взрослого человека, то мы, пожалуй, не вправе "рассматривать их всегда как таковые. Вместо символического толкования они часто допускают невинное объяснение. Ребенок, опрокидывающий фонарный столб, мог ^накануне видеть нечто подобное во время прогулки; стол-|кновение повозок могло также быть воспроизведением (виденного им на улице происшествия, а ребенок, бегущий навстречу посетительнице и открывающий ее су-д*очку, вовсе не должен, как думает Мелани Кляйн, символически выражать таким образом свое любопытство, Прет ли в гениталиях матери нового братца; ребенок действует скорее под впечатлением недавнего переживания, когда кто-нибудь из посетителей принес ему подарок в такой же сумочке. И в случае со взрослым мы ^Роже не считаем себя вправе придавать всем его действиям и свободным ассоциациям символический смысл, | а только тем из них, которые возникают под влиянием ^Аналитической ситуации.

;;, Однако возражение, приведенное нами против ана-

Еитического применения техники, выработанной Мела-и Кляйн, может быть, с другой стороны, аннулирова-о. Совершенно верно, конечно, что игра ребенка допускает такое невинное толкование. Но почему он воспроизводит именно эти позаимствованные из его переживаний сцены с фонарем или двумя повозками? Не является ли символическое значение, скрытое за этими

Введение в технику психоанализа

наблюдениями, тем фактором, который заставляет ребенка отдавать им предпочтение и воспроизводить их теперь, во время аналитического сеанса? Верно и то, что у ребенка, совершающего те или иные действия, отсутствует представление цели, связанное с аналитической ситуацией и детерминирующее свободные ассоциации взрослых пациентов. Но, может быть, он в нем и не нуждается. Взрослый пациент должен сознательным усилием воли отказаться от управления мыслями и предоставить их течение воздействию скрытых в его бессознательном импульсов. Ребенок же, вероятно, не нуждается в таком произвольном изменении своей ситуации. Может быть, он всегда и во время любой игры находится под влиянием своего бессознательного.

Вы видите, что вопрос о правильности или неправильности сопоставления детской свободной игры со свободной ассоциацией взрослого пациента нелегко решить с помощью теоретических доводов и возражений. Поэтому то или иное решение данного вопроса необходимо проверить на практике. .

Подвергнем критике еще один пункт техники Мелани Кляйн. Кроме действий, которые производит ребенок с предоставленными ему игрушками, Мелани Кляйн интерпретирует все действия, совершаемые ребенком по отношению к находящимся в ее кабинете предметам и по отношению к ней самой. И в этом она строго придерживается прототипа аналитической ситуации взрослого пациента. Мы считаем себя вправе подвергать анализу поведение пациента во время сеанса, равно как и все его произвольные и непроизвольные действия, совершаемые им в нашем присутствии. Обоснование этого мы находим в феномене переноса, который устанавливает пациент некоторый может придавать определенное символическое значение обычно незначительным действиям.

Однако возникает вопрос, развивается ли вообще у ребенка такой же перенос, как и у взрослого пациента, каким образом и в какой форме проявляется его перенос и как он может быть использован для толкования? Итак, мы подходим к четвертому и самому важному пункту нашей темы — роль переноса как технического

Лекция третья

вспомогательного приема при детском анализе. Реше-Идоае этого вопроса даст нам в то же время новый материал для опровержения или подтверждения выводов Ме-яни Кляйн.

'К Вы помните из первой лекции, сколько усилий я ^ Приложила, чтобы добиться прочной привязанности ребен-|?ка и поставить его в состояние зависимости от меня. Я не (.стремясь бы к этому с такой энергией, используя мно-і. жество приемов, если бы считала возможным провести дет-| ,ский анализ без такого переноса. Но нежная привязан-1-, рость, положительный перенос являются предварительным -условием всей дальнейшей работы. Разумеется, ребенок в | большей степени, чем взрослый пациент, склонен верить | только тем, кого любит, и только тогда выполняет что-либо,

когда делает этого из любви к известному лицу. ' Для детского анализа эта привязанность необходима в гораздо большей степени, нежели для анализа взрослого пациента. Первый преследует, кроме анали-,,тических целей, отчасти и воспитательные, на которых | мы впоследствии остановимся более подробно, успехи »{;же воспитания всегда (а не только при детском анали-і)" зе) колеблются в зависимости от чувства привязанности У воспитанника к воспитателю. Мы не можем также ска-| зать, что при детском анализе достаточно одного лишь ^переноса для достижения наших целей, независимо от ^ того, имеет ли он положительный или отрицательный ^характер. Мы знаем, что в случае со взрослыми мы мо-|&жем в течение долгого времени мириться с отрицатель-!fiNM переносом, который мы используем в своих целях, |? подвергая его систематическому толкованию и отыски-|^вая его первопричины. При детском же анализе отри-К' "дательные импульсы, направленные против аналитика, 'являются прежде всего помехой, как бы много материа-^ла для выводов они нам ни давали. Мы стремимся раз-І рушить и уничтожить их по возможности скорее. На-|; ртаящая плодотворная работа может быть осуществлена ^только при положительной привязанности.

1'!', Возникновение такой нежной привязанности мы 1^описали подробно при рассмотрении введения в анализ. |Ц; Проявления ее в фантазиях и поступках почти ничем не отличаются от таких же поступков у взрослых пациен-

Введение в технику психоанализа

тов. Проявления отрицательного переноса мы встречаем во всех тех случаях, когда мы освобождаем из бессознательного часть вытесненного материала и навлекаем на себя благодаря этому сопротивление со стороны эго. В этот момент мы кажемся ребенку самым опасным и страшным искусителем и вызываем на себя все проявления ненависти и протеста, которые прежде относились к его собственным запрещенным импульсам.

Ниже я подробно привожу фантазию переноса, рассказанную мне неоднократно упоминавшейся здесь маленькой девочкой, страдавшей неврозом навязчивых состояний. Внешний повод к возникновению этой фантазии был, очевидно, дан мной, так как я навестила ее накануне в ее домашней обстановке и присутствовала при ее вечерней ванне. На другой день она начала свой сеанс словами: «Ты посетила меня в то время, когда я принимала ванну; в следующий раз я навещу тебя, когда ты будешь принимать ванну». Несколько позже она поведала мне свою фантазию, возникшую после моего ухода, когда она лежала в постели, готовясь заснуть. Ее собственные пояснения и примечания я привожу в скобках:

«Все богатые люди не могли терпеть тебя. Твой отец, который был очень богат, тоже не мог тебя терпеть. (Это значит, что я сердита на твоего отца, ты, наверное, это знаешь.) И ты никого не любила и ни с кем не проводила сеансов. Мои родители тоже ненавидели меня; и Ганс, и Энни, и Вальтер тоже ненавидели меня, все люди во всем мире ненавидели нас, даже люди, которые не знали нас, даже мертвые. Итак, ты любила только меня, а я — только тебя, и мы всегда были вместе. Все другие люди были очень богаты, а мы обе были очень бедны. Мы ничего не имели, даже платьев не было у нас, потому что они все отняли. Только диван остался в комнате, и мы обе спали на нем. Но мы были очень счастливы друг с другом. И тогда мы подумали, что у нас должен быть маленький ребенок. -Тогда мы смешали большое и маленькое, чтобы сделать ребенка. Но потом мы подумали, что некрасиво делать ребенка из этого. И мы начали смешивать лепестки цветов и другие вещи, и это дало мне ребенка, потому что он был во мне. Он оставался во мне довольно долго (моя

Лекция третья

мама рассказывала мне, что дети остаются очень долго в своих матерях), а потом пришел доктор и вынул его, но я вовсе не была больна (обыкновенно матери болеют, так сказала моя мама). Ребенок был такой славный и милый, и мы подумали, что и мы хотели бы быть такими милыми, и мы превратились в совсем маленьких людей. (Это происходит, мне кажется, оттого, что мы выяснили, что я хотела бы быть такой же маленькой, как Вальтер и Энни.) И так как мы ничего не имели, то стали строить дом из розовых лепестков, и кровати из розовых лепестков, и подушки, и матрацы, все было сшито из розовых лепестков. Там, где оставалось место, мы вставляли какие-то белые кусочки. Вместо обоев у нас было тончайшее стекло, а на стенах были вырезаны разные узоры. Кресла тоже были вырезаны из стекла, но мы были такими легкими, что кресла не ломались, и мы не были слишком тяжелыми для них. (Я думаю, что моя мать потому не участвует в этом сновидении, что я вчера была на нее сердита.)» Затем следует еще подробное описание мебели и домашней утвари. Она продолжала развивать, очевидно, в этом направлении свою фантазию до тех пор, пока не уснула. При этом она придает большое значение тому, что наша бедность, о которой она говорила вначале, совершенно исчезла под конец и что мы имели гораздо более красивые вещи, чем богатые люди, о которых она упоминала.

Однако эта же пациентка рассказывает мне в другой раз, что внутренний голос предостерегает ее относительно меня. Он говорит: «Не верь Анне Фрейд. Она лжет. Она тебе не поможет, она сделает тебя еще более гадкой. Она изменит даже твою внешность так, что ты станешь некрасивой. Все, что она говорит тебе, неправда. Скажи, что тебе нездоровится, оставайся в постели и не ходи к ней сегодня». Она заставляет этот голос умолкнуть и говорит, что она должна будет рассказать все это во время сеанса.

Другая маленькая пациентка в период, когда мы обсуждаем вопрос о ее онанизме, видит меня во всевозможных унижительных положениях, нищенкой, бедной старухой, а однажды она увидела меня одну, стоящей посреди комнаты, и множество чертей, танцующих вокруг меня.

Введение в технику психоанализа

Таким образом, вы видите, что мы становимся, как и при анализе взрослых, мишенью, на которую устремляются, смотря по обстоятельствам, положительные или отрицательные импульсы пациентов. После этих примеров мы могли бы сказать, что при детском анализе перенос осуществляется в полной мере. Тем не менее нас ожидает разочарование именно в этой области аналитической работы. Хотя ребенок поддерживает очень живую связь с аналитиком, хотя он открывает при этом многие реакции, выработавшиеся у него в результате взаимоотношений со своими родителями, хотя в смене, интенсивности и выражении своих чувств он дает нам важнейшие указания относительно формирования своего характера, тем не менее невроз переноса как таковой у ребенка не возникает.

Все вы знаете, что я подразумеваю под этим. Взрослый невротик во время аналитического лечения постепенно видоизменяет симптомы, по поводу которых он обратился к аналитику. Он отказывается от своих старых объектов, с которыми были связаны его фантазии, и фиксирует заново свой невроз вокруг личности аналитика. Мы говорим, что он заменяет существовавшие до настоящего времени симптомы симптомами переноса, переводит свой невроз, каков бы он ни был, в невроз переноса и направляет теперь все свои аномальные реакции на новый объект, на аналитика. На этой новой, привычной для аналитика почве, на которой он может вместе с пациентом проследить возникновение и рост отдельных симптомов, на очищенном таким образом операционном поле происходит затем окончательная борьба, постепенное осознание болезни и раскрытие ее бессознательного содержания.

Мы можем указать две теоретические причины, в силу которых такое течение болезни с трудом может быть осуществлено у маленького ребенка. Одна из этих причин кроется в структуре детской личности, другая — в аналитике, работающем с детьми.

Ребенок не соглашается, подобно взрослому, на «переиздание» своих любовных привязанностей, потому что — если можно так выразиться — старое издание еще не разошлось. Его первоначальные объекты, роди-

Лекция третья

Бели, существуют еще как любовные объекты в реаль-Цйости, а не в фантазии, как это имеет место у взрослого рйбвротика; между родителями и ребенком существуют I все взаимоотношения, типичные для повседневной жиз-^ ни, все радости и горести переживаются реально и свя-| заны еще с ними. Аналитик попадает в эту ситуацию |' как новое лицо, и ему приходится, вероятно, делить с Г родителями любовь или ненависть ребенка. Ребенок не ^испытывает необходимости заменить в своих пережи-; ваниях родителей аналитиком; последний не доставля-иt ет ребенку — по сравнению с первоначальными объек-ртами — всех тех благ, которые ощущает взрослый , пациент, заменяя фантастические объекты реально су-т ществующим лицом.

Г Вернемся теперь к методу Мелани Кляйн. Она ут-| верждает, что если ребенок встречает ее во время перво-If го сеанса враждебно, относится к ней отрицательно или даже пытается ударить ее, то в этом можно усмотреть .доказательство амбивалентной установки по отношению К матери. Отрицательные компоненты этой амбивалент-' ности переносятся на аналитика. Однако я полагаю, что дело обстоит иначе. Чем больше маленький ребенок при-і зван к своей матери, тем меньше положительных им-|, пульсов остается у него для чужих людей. Яснее всего I; это обнаруживается у грудного младенца, который от-! носится со страхом и отрицанием ко всем, кроме матери } или няни. Скорее даже наоборот: именно с теми детьми, г которые не избалованы любовным отношением к ним ||; домашних, которые в семейном кругу не получают и ^сами не проявляют глубокой нежности, скорее всего устанавливаются положительные' взаимоотношения. Они '^получают наконец от аналитика то, чего они долго и ||;напрасно ожидали от первичных объектов.

Ц.! Однако, с другой стороны, аналитик, работающий Ц с/детьми, является мало подходящим объектом для тако-^То переноса, который подлежал бы толкованию. Мы зна-⁸¹¹ ем, как мы должны вести себя для достижения этой цели ю во время анализа с взрослым пациентом. Мы остаемся |; безличными, лишенными всякой индивидуальности, мы iт;, являемся как бы чистым листом бумаги, на который па-к;' циент заносит все свои фантазии, обусловленные пере-

носом, подобно трюку, как в кино проецируют изображение на пустой экран. Мы избегаем накладывать на пациента те или иные запреты, разрешать ему то или иное удовлетворение. Если же несмотря на это пациенту кажется, что мы запрещаем или разрешаем ему что-либо, то нам легко объяснить ему, что материал для такого суждения он заимствует из своего прошлого.

Аналитик, работающий с детьми, никоим образом не может оставаться безличным. Мы уже слышали, что он становится для ребенка интересным человеком, обладающим всеми импонирующими и привлекательными качествами. Воспитательные задачи, которые, как вы услышите, добавляются к анализу, требуют того, чтобы ребенок отлично знал, что аналитик считает желательным или нежелательным, что он одобряет и чего не одобряет. Такое ясно очерченное и во многих отношениях своеобразное лицо является, к сожалению, неудачным объектом для переноса и мало пригодным для этой цели, когда дело доходит до толкования переноса. Затруднение, которое возникает в данном случае, равносильно — если воспользоваться предыдущим сравнением — тому затруднению, какое мы испытали бы, если бы на экране, на который должно быть спроецировано движущееся изображение, была нарисована какая-нибудь статичная картина. Чем богаче и красочней была бы эта картина, тем больше терялись бы очертания проецированной киноленты.

Следовательно, у ребенка не возникает невроз переноса. Несмотря на все положительные или отрицательные импульсы, направленные на аналитика, аномальные реакции ребенка продолжают разыгрываться там же, где они разыгрывались и раньше: в домашней обстановке. Отсюда вытекает очень трудная техническая задача, стоящая перед детским аналитиком: вместо того, чтобы ограничиться аналитической интерпретацией происходящего на глазах у аналитика, толкованием свободных ассоциаций или поступков пациента, аналитик должен направить свое внимание туда, где разыгрываются невротические реакции, а именно: на домашнюю среду, окружающую ребенка. Таким образом, при детском анализе мы сталкиваемся с множеством техниче-

Лекция третья

Гких и практических трудностей, с которыми я хочу вас || лишь познакомить, не приводя никаких конкретных Ц примеров. Если мы станем на эту точку зрения, то нам необходимо быть постоянно в курсе поведения ребенка, мы должны знать всех окружающих его лиц и быть до некоторой степени уверенными в их реакциях по отношению к ребенку. Если взять идеальный случай, то мы должны делить работу с фактическими воспитателями ребенка, а значит, делить с ними его любовь и ненависть.

Там, где внешние обстоятельства или отношение родителей исключают возможность совместной работы, результатом является утрата подлежащего анализу материала. Я припоминаю случаи детского анализа, которые я проводила, пользуясь, в силу указанных причин, исключительно сновидениями и фантазиями. Перенос не давал материала для толкования, а невротический материал ускользал от меня в большей мере, чем мне бы этого хотелось.

Тем не менее и в этом вопросе, равно как и при начальной аналитической ситуации, мы располагаем целым рядом приемов и техник для того, чтобы уподобить положение ребенка положению взрослого пациента, которое в гораздо большей мере пригодно для проведения анализа, другими словами, мы располагаем средствами для того, чтобы вызвать у ребенка невроз переноса. Это становится необходимым в том случае, где речь идет о тяжелом невротическом заболевании в среде, отрицательно относящейся к анализу или к ребенку. В этом случае необходимо удалить ребенка из семьи и поместить его в соответствующее учреждение. Ввиду того, что таких учреждений в настоящее время еще нет, мы вправе представлять их себе как учреждения, во главе которых стоит аналитик, работающий с детьми, или — более конкретно — школы, построенные на аналитических принципах и проводящие воспитательную работу совместно с аналитиком. В обоих случаях мы имели бы в первое время свободный от симптомов период, в течение которого ребенок сжился бы с новой, благоприятной и покамест индифферентной окружающей средой. Чем лучше он себя будет чувствовать в этот период, тем

Введение в технику психоанализа

менее уместным и своевременным будет проведение анализа. В течение этого времени лучше всего оставить его в покое. Лишь когда он освоится с окружающей обстановкой, то есть когда под влиянием реальной повседневной жизни у него установится связь с новой средой, в которой первоначальные объекты постепенно потускнеют, когда в этом новом окружающем его мире вновь оживут его симптомы, когда его аномальные реакции сгруппируются вокруг новых лиц, когда у него возникнет, таким образом, невроз переноса, — лишь тогда он станет вновь доступен для анализа. В учреждении первого рода, во главе которого стоял бы аналитик (в настоящее время мы не можем даже сказать, желателен ли такой тип учреждения), это был бы настоящий невроз переноса в том же смысле, что и у взрослых пациентов, центральной фигурой которого является аналитик. Во втором случае мы искусственно улучшили бы домашнюю обстановку, мы заменили бы ее таким окружением, которое дало бы нам возможность — когда это оказалось бы необходимым для аналитической работы — взглянуть на поведение ребенка, так сказать, сверху и реакции которого по отношению к ребенку мы могли бы контролировать и регулировать.

Таким образом, удаление ребенка из родительского дома в техническом отношении казалось бы нам самым удачным практическим разрешением вопроса. Но когда мы будем говорить о конечных стадиях анализа, вы услышите, сколько сомнений возникает относительно этого мероприятия. Мы нарушаем этим естественное развитие ребенка в важном пункте, мы преждевременно разлучаем ребенка с родителями в такое время, когда он не способен ни к самостоятельной эмоциональной жизни, ни к свободному выбору новых объектов любви в силу внешних условий. Даже в том случае, если детский анализ потребует очень длительного времени, тем не менее, в большинстве случаев, между его окончанием и периодом развития зрелости остается незаполненный промежуток, в течение которого ребенок во всех отношениях нуждается в воспитании, руководстве и защите. Но кто же нам даст какие бы то ни было гарантии, что ребенок сам найдет дорогу к правильным объек-

Лекция четвертая

ветииж после того, как нам удалось разрушить перенос? К рйизвестному времени ребенок возвращается, таким обра-,|й|ом, в родительский дом, в котором он чувствует себя ^•йуясим, дальнейшее руководство его воспитанием дове-|| рвется, может быть, людям, с которыми мы его с тру-|удом и насильно разлучили. В силу внутренних причин ^ребенок не может быть самостоятельным. Вследствие |j|iутого мы вновь ставим его в затруднительное положение, в котором он, помимо прочего, опять встречает в sf большинстве случаев условия, при которых возникли ^fsro первоначальные конфликты. Тогда он может либо l'снова пойти по совершенному уже однажды пути, кото-|;рый привел его к неврозу, либо же, если этот путь зак-;| рыт для него вследствие удачного аналитического лече-Цяия, он идет противоположным путем к открытому W& '(протесту. С точки зрения болезни это, может быть, и К; Полезно, но с точки зрения социального порядка, явля-Ц¹ Кяцегося конечной целью воспитания и лечения ребен-|> ка> это далеко не выигрышный момент.

Лекция четвертая. Психоанализ в детском возрасте и воспитание

Вы проследили вместе со мной два этапа детского 'анализа. Эта, последняя, лекция нашего курса будет \ посвящена рассмотрению третьего и, быть может, само-!,го важного этапа.

; Позвольте мне еще раз сделать краткий обзор просчитанного курса. В первой части мы рассматривали введение в аналитическую работу с детьми. Мы можем ска-^зать, что содержание ее, с точки зрения аналитической ^теории, совершенно индифферентно. Я описывала вам ^•так пространно все эти мелкие, ребяческие и детские ^поступки, вроде вязания и игр, все эти приемы, с помо-^ щью которых мы добивались расположения ребенка, не |',Потому, что я считаю их особенно важными для анали-Й за; я преследовала совершенно иную цель: показать вам, ";', каким недоступным объектом является ребенок, как мало применимы к нему даже зарекомендованные приемы научной терапии и как настойчиво он требует, что-

Введение в технику психоанализа

бы к нему подходили, сообразуясь с его собственной детской индивидуальностью. Что бы мы ни начинали делать с ребенком, обучаем ли мы его арифметике или географии, воспитываем ли мы его или подвергаем анализу, — мы должны прежде всего установить с ним определенные эмоциональные взаимоотношения. Чем труднее работа, которая предстоит нам, тем прочнее должна быть эта связь.

Подготовительный этап лечения, то есть создание такой связи, следует своим собственным правилам, которые определяются личностью ребенка и пока совершенно не зависят от аналитической терапии и техники. Вторая часть нашего курса была собственно аналитической; в ней я старалась дать вам обзор тех путей, которыми мы можем приблизиться к бессознательной сфере ребенка. Эта часть нашего курса, как я заметила, разочаровала вас, так как вам стало ясно, что как раз наиболее верные в большинстве случаев, специфические технические приемы, применяемые при анализе взрослых, не могут быть использованы для лечения ребенка, что мы должны отказаться от многих требований науки и добывать материал для анализа там, где мы можем его найти, аналогично тому, как мы поступаем в повседневной жизни при желании познакомиться с интимными переживаниями человека. Разочарование вызвано в данном случае, как мне кажется, еще одним моментом. Аналитики часто спрашивали у меня, не случилось ли мне подойти гораздо ближе, чем это получается при анализе взрослых, к процессам развития, которые имели место в течение первых двух лет жизни и на которые все настойчивее направляются наши аналитические изыскания, связанные с открытием бессознательного. Эти аналитики полагают, что ребенок стоит еще ближе к этому важному периоду, что вытеснение выражено у него еще не столь сильно и, стало быть, проще проникнуть сквозь материал, наслоившийся на эти ранние переживания, и что таким образом здесь откроются, может быть, неожиданные возможности для исследования. До сих пор я была вынуждена отвечать на этот вопрос отрицательно. Правда, материал, который предоставляет нам ребенок, как вы уже видели из приведенных мною примеров, ясен и понятен. Он дает

Лекция четвертая

дам ключ к пониманию содержания детских неврозов;
я оставляю за собой право дать их описание в другом месте. Этот материал служит нам веским подтвержде-^{нием} множества таких фактов, о которых мы до сих пор говорили лишь на основании выводов, сделанных из анализа взрослых. Однако мой опыт, наработанный с помощью описанной здесь техники, подсказывает, что мы не можем перешагнуть за тот период, когда у ребенка появляется речевая способность, то есть когда его мышление приравнивается к нашему. Теоретически это ограничение наших возможностей, на мой взгляд, нетрудно понять. Все, что мы узнаем относительно этого * доисторического» периода при анализе взрослых пациентов, добывается с помощью свободных ассоциаций и толкования реакций переноса, то есть с помощью тех двух технических приемов, которые неприменимы при детском анализе. Но, кроме того, наше положение в данном случае можно сравнить с положением этнолога, который тщетно пытался бы получить у первобытного народа ключ к пониманию доисторического времени более кратким путем, чем при изучении культурного народа. Напротив, при изучении пер-; вобытного народа он был бы лишен такого источника, как сказания и мифы, которые позволяют ему при изу-, чении культурного народа сделать определенные выводы о доисторических временах. Точно так же и у маленького ребенка нет еще реактивных образований и покрывающих воспоминаний, которые возникают лишь во время латентного периода и из которых проведенный впоследствии анализ может добыть скрытый за , ними материал. Таким образом, вместо того, чтобы иметь какие-нибудь преимущества перед анализом со , взрослыми пациентами, детский анализ оказывается : менее благодарным и в получении бессознательного материала.

Теперь я перехожу к третьей и последней части нашего курса, посвященной использованию аналитичес-, кого материала, который был получен после тщательно проведенного подготовительного этапа с помощью описанных здесь прямых и косвенных методов. После всех сделанных выводов вы готовы к тому, чтобы услышать

от меня нечто новое и отступающее от классических правил анализа.

Рассмотрим еще раз более подробно аналогичную ситуацию со взрослым пациентом. Его невроз разыгрывается, как мы знаем, в пределах его психических инстанций между тремя факторами: между его бессознательными влечениями, его эго и суперэго, которое является представителем этических и эстетических требований общества. Задача анализа заключается в том, чтобы путем вывода в сознание бессознательных влечений устранить конфликт, существующий между этими тремя инстанциями. Импульсы, находившиеся до сих пор в вытесненном состоянии, не подвергались вследствие этого воздействию суперэго. Анализ освобождает их и делает доступными влиянию суперэго, которое определяет теперь их дальнейшую судьбу. Место вытеснения занимает теперь сознательная критика, осуждение одних влечений, в то время как другие частично сублимируются, отклоняются от сексуальных целей, частично же допускаются к удовлетворению. Этот новый благоприятный исход связан с тем, что эго пациента, начиная с того момента, когда было осуществлено первоначальное вытеснение, вплоть до того времени, когда анализ выполнил свою освободительную работу, проделало весь путь этического и интеллектуального развития, и таким образом эго пациента может принимать теперь совсем иные решения, чем те, которые принимались им раньше. Влечения должны подвергнуться теперь различным ограничениям, а суперэго должно отказаться от некоторых своих преувеличенных притязаний. На общем поле сознательной работы осуществляется теперь синтез между обеими инстанциями.

Сравните теперь эту ситуацию с ситуацией с ребенком. Конечно, невроз ребенка тоже разыгрывается в пределах психических инстанций; и в данном случае он тоже определяется тремя силами: влечениями, эго и суперэго. Но мы уже дважды сталкивались с обстоятельствами, подготовившими нас к тому, что при анализе ребенка внешний мир является хотя и неудобным для анализа, но органически важным фактором и оказывает очень сильное влияние на внутренние соотношения: во-первых, при

Лекция четвертая

рассмотрении начальной ситуации детского анализа мы были вынуждены считаться с тем, что такой важный момент, как сознание болезни, существует не у самого ребенка, а у окружающих его лиц, и во-вторых, при описании ситуации переноса выяснилось, что аналитику приходится делить любовь и ненависть ребенка с его фактическими объектами. Таким образом, нас не должно удивлять, что внешний мир оказывает гораздо более сильное влияние на механизм инфантильного невроза и на течение анализа, чем у взрослого пациента.

Мы сказали ранее, что суперэго взрослого индивида является представителем моральных требований общества, в котором живет человек. Мы знаем, что суперэго обязано своим происхождением отождествлению ребенка с первыми и самыми важными объектами привязанности — с родителями, на которых опять-таки общество возложило задачу внушить ребенку общеобязательные этические требования и добиться требуемого обществом ограничения влечений. Таким образом, требование, которое имело первоначально личный характер и исходило от родителей, становится лишь в ходе прогресса (от объектной любви к родителям до отождествления с ними) эго-идеалом, независимым от внешнего мира и его прототипов.

У ребенка же о такой независимости не может быть и речи. Освобождение от привязанности к любимым объектам произойдет лишь в далеком будущем, отождествление же при продолжающейся объектной любви в детском возрасте и воспитание происходит очень медленно и частично. Тем не менее в этот ранний период суперэго существует, и многие отношения между ним и эго аналогичны отношениям, существующим в более позднем возрасте. Однако не следует упускать из виду постоянную смену взаимоотношений между суперэго и объектами, которым оно обязано своим возникновением; мы можем сравнить их с отношениями, имеющими место в двух сообщающихся сосудах. Если усиливаются хорошие отношения с родителями во внешнем мире, то одновременно усиливаются и притязания суперэго и энергия, с которой оно их предъявляет. Если эти отношения ухудшаются, то одновременно слабеет и суперэго.

Приведем в качестве первого примера совсем маленького ребенка. Если матери или няне удастся приучить маленького ребенка после первого года жизни отправлять вовремя естественные надобности, то у нас получается такое впечатление, что ребенок соблюдает это требование чистоплотности не только из боязни или любви к матери или няне, но что у него самого возникает определенное отношение к этому требованию, что он сам радуется своей опрятности и огорчается, если с ним случается промах в этом отношении. Правда, мы всегда замечаем, что последующая разлука с человеком, который научил ребенка соблюдать опрятность (временная разлука с матерью или смена няни), ставит под угрозу это завоевание. Ребенок становится опять неопрятным, таким же, каким он был до того, как его научили соблюдать опрятность; он снова начинает соблюдать ее лишь тогда, когда возвращается его мать или когда у него возникает привязанность к новой няне. Тем не менее впечатление, что ребенок предъявлял уже сам к себе требование соблюдать опрятность, не было ошибочным. Это требование существует, но оно только тогда значимо для ребенка, если авторитетное лицо существует как объект во внешнем мире. Если ребенок теряет связь с объектом, он утрачивает также и радость от исполнения этого требования.

В начале латентного периода соотношения продолжают оставаться такими же. При анализе взрослых мы часто получаем подтверждение того, какие опасные последствия для моральной сферы и структуры личности ребенка может иметь каждое нарушение его привязанности к родителям. Если ребенок теряет своих родителей в силу неких причин и если они теряют для него ценность как объекты, вследствие, скажем, душевного заболевания или совершенного им преступного действия, то он подвергается вместе с тем и опасности потерять или обесценить свое частично уже созданное суперэго. Из-за этого он не может уже противопоставить своим влечениям, требующим удовлетворения, активных внутренних сил. Таким образом можно было бы, пожалуй, объяснить возникновение некоторых асоциальных типов и психопатических личностей.

Лекция четвертая

Для характеристики этих соотношений, существующих еще и в конце латентного периода, я приведу пример, позаимствованный мною из анализа мальчика, находящегося в периоде, предшествующем половой зрелости. Однажды в начале лечения я спросила его по какому-то поводу, не бывает ли у него каких-нибудь дурных мыслей. Он ответил: «Если я нахожусь, например, один дома и в доме есть фрукты. Родители ушли и не дали мне попробовать этих фруктов. Тогда я все время думаю о том, что теперь я мог бы попробовать их. Но я стараюсь думать о чем-нибудь другом, потому что я не хочу красть». Я спросила его, всегда ли он может устоять против таких мыслей. Он ответил мне утвердительно, он никогда еще ничего не украл. «А если твое желание станет очень сильным, — спросила я, — что ты тогда сделаешь?». «Я все-таки ничего не возьму, — ответил он торжествующе, — потому что я боюсь отца». Вы видите, что его суперэго достигло большой независимости, которая сказывается в его стремлении не прослыть вором. Когда же искушение становится слишком сильным, он должен призвать на помощь то лицо (то есть отца), которому обязано своим существованием это требование и от которого исходят предостережения и угрозы наказания. Другой ребенок, находясь в таком же положении, вспомнил бы, вероятно, о своей любви к матери.

Эта слабость и зависимость требований детского эго-идеала, о которых я здесь говорю, вполне согласуются также с другим наблюдением, которое может быть сделано в любом случае при более близком ознакомлении с ним; ребенок имеет двойную мораль: одну, предназначенную для мира взрослых, и другую — для себя и своих сверстников. Мы знаем, например, что у ребенка в определенном возрасте появляется чувство стыда, то есть он избегает показываться голым и отправлять свои естественные нужды в присутствии незнакомых взрослых людей, а впоследствии также и в присутствии близких ему людей. Но мы знаем также, что эти же дети без всякого стыда раздеваются в присутствии других детей и что не всегда удается запретить им ходить вместе с другими детьми в уборную. К своему удивле-

Введение в технику психоанализа

нию, мы можем установить также, что дети брезгают некоторыми вещами только в присутствии взрослых, то есть как бы под их давлением, в то время как эта реакция не проявляется, когда они находятся в одиночестве или в обществе сверстников. Я вспоминаю десятилетнего мальчика, который во время прогулки оживленно воскликнул, указывая на кучу коровьего помета: «Посмотри, какая странная вещь...». Мгновение спустя он заметил свою ошибку и густо покраснел. Затем он извинился передо мною: он сразу не заметил, что это такое, в противном случае он никогда не сказал бы этого. Однако я знаю, что он охотно говорит со своими товарищами, не краснея, об экскрементальных процессах. Этот же мальчик однажды уверял меня, что, когда он находится один, он может трогать руками свой собственный кал, не испытывая при этом брезгливого чувства. Если при этом присутствует кто-нибудь из взрослых, то ему даже трудно говорить об этом.

Следовательно, стыд и отвращение, эти два важнейших реактивных образования, назначение которых заключается в том, чтобы не допустить к удовлетворению анальные эксгибиционистические стремления, нуждаются даже после своего возникновения во взрослом объекте для своего укрепления и активности.

Эти замечания относительно зависимости детского суперэго и двойной морали ребенка в вопросах, связанных со стыдом и отвращением, приводят нас к важнейшему различию между детским анализом и анализом взрослого пациента. Детский анализ вообще не является приватным делом, касающимся исключительно двух людей, аналитика и его пациента. Поскольку детское суперэго еще не стало безличным представителем исходящих от внешнего мира требований, поскольку оно еще органически связано с внешним миром, постольку существующие в этом внешнем мире объекты играют важную роль во время самого анализа и особенно последнего этапа, когда речь идет об использовании влечений, освобожденных от вытеснения.

Вернемся еще раз к сравнению со взрослым невротиком. Мы сказали, что при анализе его нам приходится считаться с его влечениями, его эго и суперэго; если

Лекция четвертая

обстоятельства складываются благоприятно, нам не нужно беспокоиться о судьбе побуждений, исходящих из бессознательной сферы. Они подпадают под влияние суперэго, которое несет ответственность за их дальнейшую судьбу.

Кому же мы предоставим решение этого вопроса при детском анализе? Принимая во внимание все вышеприведенные выводы и сохраняя последовательность, мы могли бы сказать: лицам, воспитывающим ребенка, с которыми его суперэго связано еще очень тесно, то есть в большинстве случаев родителям ребенка. Не забывайте, с какими трудностями связано такое положение вещей. Эти же самые родители или воспитатели предъявляли к ребенку чрезмерные требования и привели его вследствие этого к чрезмерному вытеснению и неврозу. В данном случае между образованием невроза и освобождением от него с помощью анализа нет такого большого промежутка времени, как у взрослого пациента, эго которого проходит в течение этого периода все стадии своего развития; таким образом, у взрослого пациента то эго, которое приняло первое решение, и то эго, которое предпринимает теперь проверку его, не являются уже больше идентичными. Родители, которые способствовали заболеванию ребенка и которые должны способствовать теперь его выздоровлению, являются фактически теми же самыми людьми с теми же самыми взглядами. Лишь в самом благоприятном случае, будучи научены горьким опытом (болезнью ребенка), они готовы смягчить теперь свои требования. Таким образом, было бы опасно предоставить им решение судьбы освобожденных с помощью анализа влечений. Слишком велико опасение, что ребенок вынужден будет еще раз пойти по пути вытеснения, который опять приведет его к неврозу. При таком положении вещей было бы целесообразнее вовсе отказаться от длительной и трудной освободительной аналитической работы.

Каков же выход из создавшегося положения? Допустимо ли преждевременно объявить ребенка совершеннолетним потому лишь, что он одержим неврозом и должен быть подвергнут анализу, и предоставить ему самому решение важного вопроса, как ему поступить с осво-

божденными от вытеснения влечениями? Я не знаю, какими этическими инстанциями он руководствовался бы, с помощью каких критериев или практических соображений он смог бы найти выход из этого трудного положения. Я полагаю, что если бы оставить его одного и лишить его какой бы то ни было помощи извне, он нашел бы лишь один-единственный кратчайший и удобный путь: путь непосредственного удовлетворения. Однако из аналитической теории и практики мы знаем, что именно в целях предохранения от невроза нельзя допустить, чтобы ребенок испытал действительное удовлетворение на какой-либо ступени неизбежной перверсивной сексуальности. В противном случае фиксация на испытанном однажды удовольствии станет препятствием для дальнейшего нормального развития, и стремление к повторению этого переживания станет опасным стимулом для регрессии с более поздних ступеней развития.

Я вижу только один выход из этого затруднительного положения. Аналитик сам должен требовать, чтоб ему была предоставлена свобода действий для руководства ребенком в этом важнейшем вопросе. Под его влиянием ребенок должен научиться вести себя по отношению к своим влечениям, в конечном итоге по его усмотрению будет решен вопрос о том, какую часть инфантильных сексуальных побуждений следует подавить или отбросить вследствие несовместимости их с культурными установками, какие влечения могут быть допущены к непосредственному удовлетворению и какие должны подвергнуться сублимированию. В последнем случае воспитание должно прийти на помощь ребенку всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Короче говоря, аналитик должен суметь занять во время анализа ребенка место его эго-идеала, он не должен начинать свою освободительную аналитическую работу до тех пор, пока не будет уверен в том, что он окончательно овладел этой психической инстанцией ребенка. И здесь-то для аналитика очень важно играть роль сильной личности, о чем мы уже говорили вначале при введении в детский анализ. Только в том случае, если ребенок чувствует, что авторитет аналитика выше, чем

Лекция третья

^'.авторитет его родителей, он согласится уступить наи-1-BSbiciuee место в своей эмоциональной жизни этому ново-,му объекту, занявшему место рядом с его родителями. , Если родители ребенка, как я уже упоминала раньше, научены чему-нибудь вследствие болезни ребенка и выражают готовность приспособиться к требованиям аналитика, то в данном случае оказывается возможным произвести действительное разделение аналитической и вос-' питательной работы между аналитическими сеансами и домашней обстановкой или скорее даже установить совместное действие обоих факторов. Воспитание ребенка не ' только не прекращается по окончании анализа, но полно-• стью вновь переходит непосредственно из рук аналитика в руки родителей, обогативших теперь свой опыт и разум.

Но если родители, пользуясь своим влиянием, затрудняют работу аналитика, то ребенок, эмоциональная

привязанность которого направлена и на аналитика, и 'на родителей, попадает в такое же положение, что и в случае неудачного брака, где он становится объектом I раздора. Тогда нам нечего будет удивляться, если в результате такого положения появятся все те отрицательные последствия при формировании характера ребенка, . которые наблюдаются при неудачно сложившейся семейной жизни. Там ребенок пользуется конфликтом 'между отцом и матерью, здесь — между аналитиком и родителями, чтобы избавиться — как в первом, так и во втором случае — от всяких требований. Это положение становится опасным, если ребенок, у которого возникает сопротивление, сумеет так восстановить своих родителей против аналитика, что они потребуют прекращения анализа. Аналитик теряет ребенка в крайне неблагоприятный момент, когда у ребенка существует сопротивление и отрицательный перенос, и можно не сомневаться в том, что все влечения, освобожденные до тех пор с помощью анализа, будут использованы ребенком с самой худшей ; стороны. В настоящее время я не берусь за анализ ребенка, если характеристика или аналитическая образованность родителей не исключают хотя бы отчасти возможность такого исхода.

Необходимо, чтобы аналитик полностью овладел детской психикой.

Я иллюстрирую это положение с по-

Введение в технику психоанализа

мощью одного примера. Речь идет о шестилетней пациентке, неоднократно упоминавшейся больной, страдавшей неврозом навязчивых состояний.

С помощью анализа я добилась того, что она позволила своему «черту» говорить, после чего она стала рассказывать одну за другой множество анальных фантазий, сперва неохотно, но заметив, что я не выражаю неудовольствия, она стала откровеннее. Все время сеанса занимали сообщения о ее анальных фантазиях. Во время беседы со мной она освобождалась также и от того давления, которое она постоянно испытывала на себе. Она сама называла время, проведенное у меня, «часом своего отдыха». «Анна, — сказала она мне однажды, — проведенный с тобою сеанс — это час моего отдыха. В это время мне не нужно сдерживать своего черта». «Знаешь, — добавила она тотчас же, — у меня есть еще одно время отдыха: когда я сплю». Во время анализа и во время сна она освобождалась, очевидно, от того, что у взрослого человека равнозначно постоянной затрате энергии на поддержание вытеснения. Ее освобождение сказалось прежде всего в том, что в ней происходила какая-то перемена, она становилась внимательной и оживленной.

Некоторое время спустя она сделала еще один шаг в этом направлении. Она стала рассказывать фантазии, которые до сих пор тщательно скрывала; дома, когда к столу подавали какое-нибудь блюдо, она делала вполголоса какое-нибудь сравнение или произносила, обращаясь к другим детям, «грязную» шутку. Тогда ее воспитательница пришла ко мне, чтобы получить соответствующие указания. Я в то время не имела еще достаточного опыта, отнеслась к этому недостаточно серьезно и посоветовала ей просто не обращать внимания на такие пустяки. Однако результаты получились совершенно неожиданные. Вследствие отсутствия критики ребенок пол-ерял всякое чувство меры и начал проявлять в домашней обстановке все, о чем до тех пор говорилось только во время сеанса; она полностью погрузилась в свои представления, сравнения и суждения на анальную тему. Другим членам семьи это вскоре показалось невыносимым; поведение ребенка, особенно за обеденным столом, отбивало аппе-

Лекция четвертая

тит у всех, и как дети, так и взрослые молча и осуждающе покидали один за другим комнату. Моя маленькая пациентка вела себя так, будто одержима перверсией, или как психически больная взрослая и поставила себя таким образом вне человеческого общества. Ее родители, не желая наказывать ее, не изолировали ее от других детей, но в результате другие члены семьи начали теперь избегать ее, у нее же самой исчезли в это время все барьеры и в других сферах. В течение нескольких дней она превратилась в веселого, шаловливого, избалованного, довольного собой ребенка.

Ее воспитательница пришла ко мне во второй раз пожаловаться на ее поведение: состояние невыносимое, жизнь в доме нарушена. Что делать? Можно ли сказать ребенку, что рассказы о таких вещах сами по себе еще не так страшны, но что она ее просит не делать этого дома. Я восстала против этого. Я должна была сознаться, что я действительно допустила ошибку, приписав суперэго ребенка самостоятельную сдерживающую силу, которой суперэго вовсе не обладало. Как только авторитетные лица, существовавшие во внешнем мире, стали менее требовательны, тотчас же снисходительным стал и эго-идеал, бывший до тех пор очень строгим и обладавший достаточной силой, чтобы вызвать целый ряд симптомов невроза навязчивости. Я понадеялась на эту невротическую строгость эго-идеала, была неосторожна и не достигла при этом ничего для цепей анализа. Я на некоторое время превратила заторможенного, невротичного ребенка в капризного, можно было бы, пожалуй, сказать, перверсивного ребенка. Но кроме того, я в то же время усложнила себе работу, так как этот освобожденный ребенок растянул теперь свой «час отдыха» на весь день, перестал считать совместную нашу работу важной, не давал больше соответствующего материала для анализа, потому что он рассеивал его в течение дня вместо того, чтобы собирать его для сеанса, и мгновенно потерял необходимое для анализа сознание болезни. Для детского анализа в еще большей мере, чем для анализа взрослых "пациентов, сохраняет свою силу положение, что аналитическая работа может быть проведена лишь в состоянии неудовлетворенности.

Введение в технику психоанализа

К счастью, положение оказалось лишь теоретически столь опасным, на практике его легко было исправить. Я попросила воспитательницу ничего не предпринимать и запастись еще немного терпением. Я обещала ей опять призвать ребенка к порядку, но не могла ей сказать твердо, как скоро наступит улучшение. Во время следующего сеанса я действовала очень энергично. Я заявила ей, что она нарушила договор. Я думала, что она рассказывала мне эти грязные вещи для того, чтобы избавиться от них, но теперь я вижу, что это вовсе не так. Она охотно рассказывала все это в своем домашнем кругу, потому что это доставляло ей удовольствие. Я ничего не имею против этого, но только я не понимаю, зачем тогда ей нужна я. Мы можем прекратить сеансы, и она будет иметь возможность получать удовольствие. Но если она остается при своем первоначальном намерении, то она должна говорить об этих вещах только со мной и больше ни с кем; чем больше она будет воздерживаться от этого дома, тем больше она будет вспоминать во время сеанса, тем больше я буду узнавать о ней, тем скорее я смогу освободить ее. Теперь она должна принять то или иное решение. После этого она сильно побледнела, задумалась, посмотрела на меня и сказала тем же серьезным тоном, как и при первом аналитическом уговоре: «Если ты говоришь, что это так, то я больше не буду говорить об этом». Таким образом была восстановлена ее невротическая добросовестность. С этих пор ее домашние не слышали от нее больше ни одного слова о подобных вещах. Она опять превратилась из избалованного, перверсивного в заторможенного и вялого ребенка.

Такое же превращение повторялось у этой пациентки еще несколько раз в процессе лечения. Когда она впадала после освобождения с помощью анализа от своего очень тяжелого невроза навязчивости в другую крайность, в «испорченность» или в перверсию, то у меня не было другого выхода, кроме как вновь воссоздать невроз и восстановить в правах исчезнувшего уже «черта»; разумеется, я делала это всякий раз в меньшем объеме и с большей осторожностью и мягкостью, чем это делалось первоначально, пока я, наконец, не добилась

Лекция четвертая

дую, что ребенок мог придерживаться середины между этими двумя крайностями.

Я не остановилась бы так подробно на этом примере, если бы все вышеописанные отношения при детском анализе не были так ясно выражены в нем: слабость детского эго-идеала, зависимость эго от требований, а следовательно, и невроза от внешнего мира, его неспособность одержать без посторонней помощи освобожденные импульсы и вытекающая из этого необходимость для аналитика обладать авторитетом в воспитательном отношении¹. Следовательно, деятельность аналитика объединяет в себе две трудные и противоречащие друг другу задачи: он должен анализировать и воспитывать, то есть должен в одно и то же время позволять и запрещать, разрывать и вновь связывать. Если это ему не удастся, то анализ становится для ребенка индальгенцией, позволяющей ему делать все, что считается в обществе недозволенным. Если же разрешение этих задач удастся аналитику, то он корригирует неудачное воспитание и аномальное развитие и дает возможность ребенку или тем, кто решает судьбу ребенка, исправить сделанные ошибки.

Вы знаете, что в конце анализа со взрослым пациентом мы не принуждаем его к здоровью. Он сам решает, что ему делать. От него зависит, захочет ли он еще раз проделать путь, приведший его к неврозу, позволит ли ему развитие его эго пойти противоположным путем всеобъемлющего удовлетворения своих влечений или же ему удастся найти средний путь между этими двумя. Осуществить истинный анализ скрывающихся в нем сил. Точно так же мы не можем заставить родителей маленькой пациентки обращаться более благоразумно с выздоравливающим ребенком. Детский анализ не защищает ребенка от вреда, который может быть ему причинен в будущем. Он оперирует, главным образом, с прошлым. Конечно, он создает таким образом лучшую, расчищенную почву для будущего развития.

¹ Эта авторитетность дает аналитику, работающему с детьми, возможность применять «активную терапию» по Ференци, подавлять отдельные симптомы, что влечет за собой застой либидо и доставляет, таким образом, обильный материал для анализа.

Введение в технику психоанализа

Я полагаю, что из вышеизложенного становится ясным важное указание относительно показаний к детскому анализу. Показание это диктуется не только определенным заболеванием ребенка. Детский анализ распространяется прежде всего на среду психоаналитиков, он должен ограничиться пока детьми аналитиков, анализируемых и родителей, которые относятся к анализу с определенным доверием и уважением. Только в такой среде можно будет без резких движений перевести аналитическое воспитание, имеющее место во время лечения, в домашнее воспитание. Там, где анализ ребенка не может органически сблизиться с его другой жизнью, а проникает в другие сферы как инородное тело и нарушает их, там анализ вызовет у ребенка еще больше конфликтов по сравнению с теми, от которых его освободит.

Я боюсь, что это утверждение разочаровало тех из вас, кто был уже готов отнестись к детскому анализу с некоторым доверием.

Открыв вам столько, трудностей детского анализа, я не хотела бы закончить эти лекции, не сказав в нескольких словах о больших возможностях, которые имеет, несмотря на все трудности, детский анализ и даже о некоторых его преимуществах перед анализом взрослых пациентов. Я вижу прежде всего три такие возможности.

У ребенка мы можем добиться совсем иных изменений характера, чем у взрослого. Ребенок, который под влиянием своего невроза пошел по пути аномального развития характера, должен проделать лишь короткий обратный путь, чтобы снова попасть на нормальную и соответствующую его истинной сущности дорогу. Он не построил еще на этом пути, подобно взрослому, всю свою жизнь, не избрал себе профессии под влиянием аномального развития, не установил дружеских или любовных отношений. При «анализе характера» взрослого мы должны собственно разобрать всю его жизнь, сделать невозможное, а именно: аннулировать поступки, не только осознать их влияние, но и упразднить его, если мы хотим иметь действительный успех. Следовательно, в этом вопросе анализ ребенка имеет много преимуществ перед анализом взрослых.

Лекция четвертая

Вторая возможность касается воздействия на су-перэго. Смягчение его строгости является, как вы знаете, одним из требований, предъявляемых к анализу невроза. Здесь, однако, анализ взрослых пациентов встречает наибольшие затруднения; он должен вести борьбу с самыми старыми и самыми важными объектами привязанности индивида, с родителями, которых он интроецировал путем отождествления. Память о них хранится в большинстве случаев с благоговением, и поэтому тем труднее бороться с ними. При детском анализе, как вы уже видели, мы имеем дело с живыми, реально существующими во внешнем мире лицами. Если к работе, ведущейся изнутри, добавить еще работу извне, если мы попытаемся видоизменить с помощью аналитического влияния не только существующее уже отождествление, но если наряду с этим мы постараемся видоизменить с помощью обычного человеческого воздействия также и реальные объекты, то эффект полу-' , читая полный и поразительный.

То же самое относится и к третьему пункту. При работе со взрослыми мы должны ограничиться тем, что помогаем им приспособиться к окружающей среде. Мы не имеем ни намерения, ни возможности преобразовать эту среду соответственно его потребностям, при детском же анализе мы легко можем сделать это. Потребности ребенка проще, их легче понять и удовлетворить;

наши возможности в соединении с возможностями родителей бывают при благоприятных условиях вполне достаточны, чтобы из каждой ступени лечения ребенка и улучшения его состояния доставлять ему все или почти все из того, что ему необходимо. Таким образом, мы 'облегчаем ребенку приспособление, пытаюсь приспособо-:' бить окружающую среду к нему. И в данном случае мы 'проделываем двойную работу: изнутри и извне. •

Я полагаю, что благодаря наличию трех этих мо-ментов мы добиваемся в детском анализе — несмотря |; на вышеперечисленные трудности — такого изменения характера, такого улучшения и выздоровления, о котором мы не можем и мечтать при анализе взрослых.

Я готова к тому, что присутствующие здесь практические аналитики после всего вышеизложенного ска-

Введение в технику психоанализа

жут: то, что я проделываю с детьми, настолько отступает от общепринятых правил психоанализа, что уже не имеет с ним ничего общего. Это «дикий» метод, который заимствует все у анализа, но не следует строгим аналитическим предписаниям. Но представьте себе такое положение: вообразите, что во время приема к вам приходит взрослый невротик и просит вас взять его на излечение; после более подробного ознакомления оказывается, что его влечения, его интеллект так же мало развиты, зависят в такой же степени от окружающей среды, как и у моих маленьких пациентов. Тогда вы, вероятно, сказали бы: «Фрейдский анализ является прекрасным методом, но он не создан для таких людей». И вы применили бы к нему комплексное лечение, вы вели бы чистый анализ постольку, поскольку это соответствовало бы его сущности, в остальном вы воспользовались бы детским анализом, потому что лучшего он и не заслуживает в соответствии с его инфантильным характером.

Я думаю, что аналитический метод — предназначенный для определенного объекта, для взрослого невротика — несколько не пострадает, если мы попытаемся применить его в модифицированном виде к другим объектам. Если кто-нибудь захочет найти иное применение психоанализа, не следует ставить ему это в упрек. Следует только всегда знать, что делаешь.

ЭГО И МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ

Теория защитных механизмов

ЭГО КАК ТОЧКА НАБЛЮДЕНИЯ

Определение психоанализа. В развитии психоаналитической науки были периоды, когда теоретическое исследование индивидуального эго было не слишком популярным. Многие аналитики считали, что в анализе ценность научной и терапевтической работы прямо пропорциональна глубине затрагиваемых психических слоев. Всегда, когда интерес смещался от глубоких к более поверхностным психическим слоям, то есть всегда, когда исследование отклонялось от ид к эго, возникало ощущение, что это начало отхода от психоанализа в целом. Считалось, что термин «психоанализ» должен быть соединен для новых открытий, относящихся к бессознательной психической жизни, например к исследованию подавленных инстинктивных импульсов, аффектов и фантазий. Такими же проблемами, как приспособление детей и взрослых к внешнему миру, такими понятиями, как здоровье и болезнь, добродетель и порок, психоанализ не занимается. Он должен посвятить свои исследования исключительно детским фантазиям, сохранившимся во взрослой жизни, воображаемому удовлетворению и ожидаемому в качестве возмездия за него наказанию.

Такое определение психоанализа достаточно часто встречалось в психоаналитических работах и, по-видимому, подкреплялось его практическим использованием, при котором психоанализ и глубинная психология всегда

Эго и механизмы защиты

рассматривались как синонимы. Более того, некоторые основания для такого определения имеются и в прошлом психоанализа, поскольку можно сказать, что с самых первых лет нашей науки ее теория, построенная на эмпирической основе, была преимущественно психологией бессознательного, или, как мы сказали бы сейчас, психологией ид. Но это определение немедленно утрачивает все претензии на точность, как только мы прикладываем его к психоаналитической терапии. Анализ как терапевтический метод с самого начала имеет дело с эго и его отклонениями; исследование ид и его способа действия всегда было лишь средством для достижения цели. А цель всегда одна и та же: коррекция этих отклонений и восстановление эго в его целостности.

Когда работы Фрейда, начиная с «Психология масс и анализ Я» (1921) и «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), приняли новое направление, на исследования эго перестала лежать печать аналитической неортодоксальности, и интерес окончательно сосредоточился на образованиях эго. С тех пор термин «глубинная психология» не покрывает всей области психоаналитических исследований. В настоящее время мы, по-видимому, определили бы задачу анализа следующим образом: получить максимально полное знание о всех трех образованиях, из которых, как мы считаем, состоит психическая личность, и изучить их отношения между собой и с внешним миром. Иными словами, по отношению к эго — исследовать его содержание, границы и функции, проследить историю его зависимости от внешнего мира, ид и суперэго; по отношению к ид — дать описание инстинктов, то есть содержания ид, и проследить их трансформации.

Ид, эго и суперэго в самовосприятии. Все мы знаем, что эти три психических образования доступны наблюдению в разной степени. Наше знание об ид — которое раньше называлось системой Ucs. — может быть получено лишь на основании производных этой системы, проявляющихся в системах PCS. и Cs. Если внутри ид преобладает состояние покоя и удовлетворения, при котором в поисках удовлетворения ни один инстинктивный импульс не вторгается в эго и не вызывает в нем

Теория защитных механизмов

чувств напряжения и страдания, то мы ничего не можем узнать о содержании ид. Отсюда следует, по крайней мере теоретически, что ид не всегда доступно для наблюдения.

С суперэго дело обстоит иначе. Его содержания большей частью осознаны и, следовательно, прямо доступны эндопсихическому восприятию. Тем не менее наше описание суперэго всегда начинает становиться неопределенным, когда между ним и эго существуют гармоничные отношения. В этом случае мы говорим, что они совпадают, то есть в такие моменты суперэго недоступно наблюдению как отдельное образование ни для самого субъекта, ни для внешнего наблюдателя. Его очертания становятся ясными лишь тогда, когда оно относится к Эго враждебно либо критично. Суперэго, как и ид, становится видимым через состояния, которые оно продуцирует в эго, например через чувство вины, вызванное критическим отношением.

Эго как наблюдатель. Это означает, что собственно; полем нашего наблюдения всегда является эго. Это, так сказать, опосредующее звено, через которое мы пытаемся обрисовать два других образования.

Когда отношения между двумя соседними силами — эго и ид — сбалансированы, первая из них превосходно дополняет свою функцию наблюдателя за второй. Различные инстинктивные импульсы постоянно прокладывают себе путь из ид в эго, где они получают доступ к моторному аппарату, посредством которого и достигают удовлетворения. В благоприятных случаях эго не протестует против «пришельца», а предоставляет в его распоряжение свою собственную энергию и ограничивается наблюдением; оно отмечает начало инстинктивного импульса, величину напряжения и чувства страдания, которыми он сопровождается, и, наконец, исчезновение напряжения при достижении удовлетворения. Наблюдение над всем процессом дает нам ясную и неискаженную картину инстинктивного импульса, количества либидо, которым он наделен, и цели, к которой он стремится. Если эго находится в согласии с импульсом, то оно в эту картину вообще не входит.

Эго и механизмы защиты

К сожалению, переход инстинктивного импульса от одного образования к другому может сигнализировать о самых различных конфликтах, в результате чего наблюдение эго прерывается. На своем пути к удовлетворению импульсы ид должны пройти через территорию эго, а там они будут в чуждой среде. В ид преобладают так называемые первичные процессы; здесь нет синтеза идей, аффекты подвержены вытеснению, противоположности не являются взаимоисключающими и могут даже совпадать, а конденсация вполне естественна. Ведущим принципом, управляющим психическими процессами, является принцип достижения удовольствия. В эго, напротив, ассоциация идей осуществляется в соответствии со строгими условиями, которые мы обозначаем общим термином «вторичные процессы»;

кроме того, инстинктивные импульсы уже не могут стремиться к непосредственному удовлетворению — они должны учитывать требования реальности, и более того, они должны подчиняться этическим и моральным правилам, при помощи которых суперэго стремится контролировать поведение эго. Следовательно, эти импульсы рискуют навлечь на себя неудовольствие в основном чуждых по отношению к ним образований. Они подвержены критике, отвержению и самым различным изменениям. Мирные отношения между соседствующими силами прекращаются. Инстинктивные импульсы продолжают стремиться к своим целям с присущими им упорством и энергией и совершают враждебные вторжения в эго, надеясь одержать над ним верх при помощи внезапной атаки. Эго со своей стороны становится подобно зрительным; оно контратакует и вторгается на территорию ид. Его цель заключается в том, чтобы постоянно держать инстинкты в бездейственном состоянии при помощи соответствующих защитных мер, призванных обезопасить его собственные границы.

Картина этих процессов, получаемая нами при помощи способности эго к наблюдению, более неопределенна, но в то же время и более ценна. Она показывает нам два психических образования в действии в один и тот же момент. Мы видим уже не искаженный импульс ид, а импульс ид, измененный определенными защит-

ными мерами со стороны эго. Задача анализирующего наблюдателя заключается в том, чтобы разделить картину, представляющую собой компромисс между различными образованиями, на ее составляющие: ид, эго и, возможно, суперэго.

Вторжения ид в эго, рассматриваемые как материал для наблюдения. Во всем этом нас поражает тот факт, что вторжения с той и с другой стороны совершенно неравноценны с позиции наблюдения. Все защитные меры эго против ид срабатывают тихо и незаметно. Самое большое, что мы можем сделать, — это ретроспективно реконструировать их; мы никогда не можем видеть их в действии. Таков, например, случай успешного вытеснения. Эго ничего о нем не знает; мы осознаем его лишь впоследствии, когда становится очевидным, что чего-то недостает. При этом я имею в виду, что, когда мы пытаемся сформировать объективное суждение о конкретном индивиде, мы обнаруживаем, что некоторые импульсы ид, проявления которых в эго в поисках удовлетворения мы могли бы ожидать, отсутствуют. Если они вообще не появляются, мы можем лишь предположить, что доступ в эго для них постоянно закрыт, то есть что они подверглись вытеснению. Но это ничего не говорит нам о самом процессе вытеснения.

Это же относится и к успешному реактивному образованию, которое является одной из наиболее эффективных мер, предпринимаемых эго в качестве постоянной защиты от ид. Такие образования появляются в эго почти незаметно в ходе детского развития. Мы даже не можем сказать, что внимание эго было предварительно сосредоточено на противоположных инстинктивных импульсах, которые замещаются реактивным образованием. Как правило, эго ничего не знает ни об отвержении импульса, ни обо всем конфликте, в результате которого возникает новое образование. Анализирующий наблюдатель мог бы легко принять это образование за результат спонтанного развития эго, если бы не его чрезмерный характер, указывающий на наличие долговременного конфликта. В данном случае также наблюдение конкретного вида защиты ничего

Эго и механизмы защиты

не говорит о процессе, при помощи которого он осуществляется.

Отметим, что вся приобретенная нами важная информация была получена при изучении вторжений с противоположной стороны, а именно со стороны ид в эго. Скрытое содержание вытеснения становится явным при обращении движения, то есть когда вытесненное содержание возвращается, как это можно видеть при неврозе. Здесь мы можем проследить каждую стадию конфликта между инстинктивным импульсом и защитой эго. Точно так же реактивные образования могут быть изучены при их распаде. В этом случае вторжение ид приобретает форму подкрепления либидозного катексиса первичного инстинктивного импульса, скрывающегося за реактивным образованием. Это позволяет импульсу проложить путь в сознание, и на время инстинктивный импульс и реактивное образование видны в эго бок о бок. Возникающее благодаря другой функции эго — стремлению к синтезу — это состояние дел, чрезвычайно благоприятное для аналитического наблюдения, длится лишь несколько мгновений. Затем возникает новый конфликт между производным ид и активностью эго, в котором решается, кто из них одержит верх или какой компромисс будет достигнут. Если благодаря подкреплению ее энергетического катексиса защита, созданная эго, оказывается успешной, вторгшаяся из ид сила изгоняется и в душе вновь воцаряется покой — ситуация, максимально затрудняющая наши наблюдения.

ПРИМЕНЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПСИХИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ

В первой главе я описала условия, при которых должно осуществляться психоаналитическое наблюдение психических процессов. Теперь я хочу описать, как наша аналитическая техника по мере своего развития приспособлялась к этим условиям.

Гипнотическая техника в доаналитический период.

В гипнотической технике доаналитического периода эго все еще приписывалась полностью негативная роль. Целью гипнотизера было получить доступ к содержа-

нию бессознательного, и он рассматривал эго в основном как помеху в своей работе. Было уже известно, что при помощи гипноза можно элиминировать или, во вся-¹ ком случае, преодолеть эго пациента. Новой особенностью техники, описанной в «Studies on hysteria» (1893— 1895), было то, что врач извлекает выгоду из устранения эго, получая доступ к бессознательному пациента — сейчас известному как ид, — путь к которому был ранее перекрыт эго. Таким образом, целью было раскрытие бессознательного; эго было помехой, а гипноз — способом временно ее устранить. Когда в гипнозе проявлялась часть содержания бессознательного, врач вводил ее в эго, и результатом этого введения в сознание было прояснение симптома. Но эго не принимало участия в терапевтическом процессе. Оно переносило чужака лишь в течение того времени, пока само оно находилось под влиянием врача, вызвавшего гипнотическое состояние. Затем оно восставало и начинало новую борьбу, чтобы защитить себя от навязанного ему элемента ид, и в результате с трудом достигнутый терапевтический успех исчезал. Таким образом, наибольший триумф гипнотической техники — полное устранение эго на период исследования — оказался неэффективным в достижении постоянных результатов, что привело к разочарованию в ценности данной техники.

Свободные ассоциации. Даже в свободных ассоциациях — методе, заменившем гипноз,— роль эго все еще остается отрицательной. Правда, эго пациента больше не устраняется насильственно. Вместо этого ему предлагают самоустраниться, воздержаться от критики ассоциаций и пренебречь требованиями логической связности, которые в другое время должны соблюдаться. От эго требуют молчания, а ид предлагают говорить и обещают ему, что его производные не встретятся с обычными трудностями, если они появятся в сознании. Конечно же, нельзя обещать, что, возникнув в эго, они достигнут своей инстинктивной цели, какой бы она ни была. Договор справедлив только для их перехода в словесную форму; он не дает им права на контроль над моторным аппаратом, что является их истинной целью.

Эго и механизмы защиты

Действительно, по строгим правилам аналитической техники этот аппарат заранее выводится из игры.

Таким образом, мы играем с инстинктивными импульсами пациента в двойную игру, с одной стороны, поощряя их проявление, а с другой—неуклонно отказывая им в удовлетворении, — процедура, которая порождает одну из многочисленных трудностей в овладении аналитической техникой.

Даже в наши дни многие начинающие аналитики считают, что главное — это добиться, чтобы их пациенты действительно выдавали все свои ассоциации без изменения или торможения, то есть безоговорочно выполнить основное правило анализа. Но даже если такой идеал и достигается, в этом нет никакого прогресса, поскольку в конечном счете это означает попросту возобновление архаичной ситуации гипноза, с ее односторонней концентрацией врача на ид. К счастью для анализа, такое послушание со стороны пациента практически невозможно. Основное правило никогда не может быть соблюдено далее определенной границы. Эго временно хранит молчание, а производные ид пользуются этой паузой, чтобы проложить себе путь в сознание. Аналитик спешит уловить их последовательности. Затем эго вновь встряхивается, отвергает установку пассивной терпимости, которую оно вынуждено было принять, и при помощи одного из своих привычных защитных механизмов вмешивается в поток ассоциаций. Пациент нарушает основное правило анализа, или, как мы говорим, обнаруживает «сопротивление». Это значит, что вторжение ид в эго уступило место контратаке эго против ид. Аналитик при этом наблюдает, как эго предпринимает против ид одну из тех уже описанных мною защитных мер, которые столь незаметны, и теперь он должен сделать ее предметом своего исследования. Он отмечает также, что с изменением предмета внезапно меняется ситуация анализа.

При анализе ид его задача облегчается спонтанной тенденцией производных ид достичь поверхности: его усилия и стремления материала, который он пытается анализировать, однонаправлены. При анализе защитных операций эго такой общности цели, конечно же, нет.

Бессознательные элементы эго не стремятся стать сознательными и не получают от этого никакой выгоды. Поэтому анализ эго намного труднее анализа ид. Эго приходится осуществлять косвенным путем, он не может непосредственно исследовать активность эго. Единственная возможность заключается в том, чтобы реконструировать эту активность на основе ее влияния на ассоциации пациента. Исходя из природы этого влияния — это может быть пропуск в ассоциациях, их перестановка, смещение смысла и т. д., — мы надеемся установить, какого типа защита была использована эго при его вмешательстве. Таким образом, первоочередной задачей аналитика является опознание защитного механизма. Сделав это, он тем самым произвел часть анализа эго. Его следующая задача заключается в том, чтобы исправить то, что было проделано защитой, то есть обнаружить и восстановить на своем месте то, что было вытеснено, исправить смещение и поместить то, что было изолировано, обратно в его исходный контекст. Восстановив разорванные связи, аналитик вновь переключает свое внимание с анализа эго на анализ ид.

Таким образом, нас интересует не соблюдение основного правила анализа ради него самого, а порождаемый им конфликт. Лишь тогда, когда наблюдение направлено поочередно то на ид, то на эго, а интерес раздвоен, охватывая обе стороны находящегося перед нами человека, мы можем говорить о психоанализе, отличающемся от одностороннего гипнотического метода.

Другие средства, используемые в аналитической технике, теперь легко могут быть классифицированы на основании того, на что направлено внимание наблюдателя.

Толкование сновидений. Ситуация интерпретации сновидений нашего пациента и ситуация, в которой мы работаем с его свободными ассоциациями, — это одна и та же ситуация. Психическое состояние спящего мало отличается от состояния пациента во время анализа. Подчиняясь основному правилу анализа, пациент произвольно приостанавливает некоторые функции эго; у спящего это происходит автоматически под влиянием

Эго и механизмы защиты

сна. Пациент располагается на кушетке, чтобы у него не было возможности удовлетворить свои инстинктивные желания в действии; точно так же во сне моторная система приводится в состояние бездействия. А влияние цензуры, перевод скрытых желаний в явное содержание сна, с искажениями, сгущениями, смещениями, перестановками и пропусками, соответствуют искажениям, возникающим в ассоциациях в результате сопротивления. Таким образом, интерпретация сновидений помогает нам в исследовании ид в той мере, в какой она позволяет обнаружить скрытые намерения (содержание ид), а также в исследовании эго и его защитных операций в той мере, в какой она позволяет нам реконструировать предпринятые цензором меры по их воздействию на содержание сновидения.

Толкование символов. Побочный продукт толкования сна — понимание символов сна — во многом обуславливает успешность нашего исследования ид. Символы представляют собой постоянные и универсально значимые связи между конкретными содержаниями ид и отдельными представлениями слова или предмета.

Знание этих отношений позволяет нам на основании сознательных проявлений делать достоверные выводы относительно лежащего за ними бессознательного содержания, не прибегая предварительно к трудоемкому рассмотрению предпринятых эго защитных мер. Техника перевода символов — это прямая дорога к пониманию или, точнее, способ перейти от высших слоев сознания к низшим слоям бессознательного, не задерживаясь на промежуточных слоях предшествующей активности эго, которая могла заставить определенное содержание ид приобрести конкретную форму эго. Знание языка символов имеет для понимания ид такую же ценность, как знание математических формул — для решения типичных задач. Такие формулы могут быть выгодно использованы, несмотря на то, что неизвестно, как именно они были получены. Однако, хотя они и помогают решать задачи, они ничего не дают для понимания математики. Точно так же, интерпретируя символы, мы можем выявить содержание ид, не придя при этом к более

глубокому психологическому пониманию индивида, с которым мы имеем дело.

Парапраксии (ошибочные действия). Время от времени мы можем наблюдать проблески бессознательного и другим образом — в тех проявлениях ид, которые известны как парапраксии. Насколько нам известно, это случается не только в ситуации анализа и может наступить в любое время, когда при некоторых особых обстоятельствах бдительность эго ослаблена или отвлечена и бессознательный импульс (опять-таки при особых обстоятельствах) внезапно подкрепляется. Такие парапраксии, особенно в форме обмолвок и забывания, могут произойти и в ходе анализа, когда они, подобно вспышке, освещают некоторые стороны бессознательного, которые мы, возможно, долго старались проинтерпретировать аналитически. На ранних этапах развития аналитической техники подобные неожиданные удачи приветствовались как неопровержимое доказательство существования бессознательного для пациентов, маловосприимчивых к аналитическому толкованию. В таких случаях аналитики были счастливы предоставившейся эго возможности продемонстрировать на легко понятных примерах действие различных механизмов, таких, как замещение, конденсация и пропуск. Но вообще-то важность этих случайных событий для аналитической техники невелика по сравнению с теми вторжениями ид, которые специально-вызываются в ходе аналитической работы.

Перенос. То же самое теоретическое различие между наблюдением ид, с одной стороны, и наблюдением эго, с другой, может быть осуществлено, пожалуй, и для наиболее мощного инструмента в руках аналитика: интерпретации переноса. Под переносом мы понимаем все те импульсы, переживаемые пациентом в его отношениях с аналитиком, которые не создаются вновь объективной аналитической ситуацией, а имеют свои истоки в ранних, — точнее, очень ранних — связях с объектом, а сейчас лишь оживают под влиянием вынужденного повторения. Поскольку эти импульсы не возникают впервые, но представляют собой повторение, они обладают исключительной ценностью как средство получения

Эго и механизмы защиты

информации о прошлых аффективных переживаниях пациента. Мы увидим, что можно выделить различные типы переноса в зависимости от степени его сложности.

а) Перенос либидозных импульсов. Первый тип переноса очень прост. Пациент обнаруживает, что его отношения с аналитиком осложняются пылкими эмоциями, например любовью, ненавистью, ревностью, тревогой, которые не оправданы фактами реальной ситуации. Сам пациент сопротивляется этим эмоциям и чувствует стыд, унижение и т. д., когда они проявляются помимо его воли. Часто нам удается проложить им путь к сознательному выражению, настаивая лишь на соблюдении основного правила анализа. Дальнейшее исследование обнаруживает истинный характер этих эмоций — они представляют собой вторжения ид. Их источник находится в старых аффективных конstellациях, таких, как эдипов комплекс и комплекс кастрации, и они становятся понятными и оправданными, если мы отделим их от ситуации анализа и поместим в определенную детскую аффективную ситуацию. Поставленные на свое собственное место, эти эмоции помогают нам заполнить амнестический провал в прошлом пациента и дают нам новую информацию о его детской инстинктивной и аффективной жизни. Обычно пациент охотно сотрудничает с нами в ходе интерпретации, поскольку сам чувствует, что перенесенный аффективный импульс представляет собой вторгшееся чужеродное тело. Помещая этот импульс на его место в прошлое, мы тем самым освобождаем пациента в настоящем от импульса, чуждого его эго, что помогает ему совершить анализ. Следует отметить, что интерпретация этого первого типа переноса способствует лишь наблюдению ид.

б) Перенос защиты. Иначе обстоит дело, когда мы переходим ко второму типу переноса. Навязчивое повторение, преобладающее у пациента в ситуации анализа, затрагивает не только предшествовавшие импульсы ид, но также и предшествовавшие защитные меры против инстинктов. Таким образом, пациент переносит не только неискаженные детские импульсы ид, которые подвергаются вторичной цензуре со стороны взрослого эго, лишь когда они проложили себе путь к сознатель-

ному выражению; он также переносит импульсы ид во всех тех искаженных формах, которые они приобрели, когда он был еще ребенком. В крайнем случае может быть так, что сам инстинктивный импульс вообще не участвует в переносе, в нем участвует лишь определенная защита, принятая эго против некоторых позитивных или негативных установок либидо, как, например, реакция избегания позитивной фиксации любви при скрытой женской гомосексуальности или пассивная, мазохистская установка женского типа, на которую Вильгельм Райх обращал внимание у пациентов-мужчин, чьи отношения с отцами некогда характеризовались агрессивностью. Я считаю, что мы несправедливы к нашим пациентам, если описываем такие переносные защитные реакции, как «камуфляж», или говорим, что пациенты «втирают аналитику очки» или каким-то иным образом разочаровывают его. И действительно, мы зря будем настаивать на неуклонном соблюдении основного правила, то есть требовать, чтобы пациенты были искренними и выдали импульс ид, скрытый за проявленной в переносе защитой. Пациент искренен, когда он выражает импульс или аффект единственным доступным ему путем, а именно — в искаженной защитной форме. Я думаю, что в таком случае аналитик не должен опускать ни одной из тех промежуточных стадий трансформации, которые претерпел инстинкт, и стараться любой ценой прийти к исходному инстинктивному импульсу, против которого эго установило свою защиту, а также ввести его в сознание пациента.

Самым правильным методом будет смещение центра внимания в анализе, его переключение с инстинкта на конкретный защитный механизм, то есть с ид на эго. Если мы сумеем проследить путь, проделанный инстинктом при его различных трансформациях, то выигрыш в анализе будет двойным. Явление переноса, которое мы интерпретировали, распадается на две части, берущие начало в прошлом: либидозный или агрессивный элемент, принадлежащий ид, и защитный механизм, который мы должны приписать эго, в наиболее поучительных случаях — эго того самого периода в детстве, в котором впервые возник импульс ид. Мы не только за-

Эго и механизмы защиты

полняем провал в памяти пациента, касающийся его инстинктивной жизни, как мы это делаем и при интерпретации первого, простого типа переноса, но мы также дополняем и заполняем провалы в истории развития его эго, или, иначе говоря, истории трансформаций, которые претерпевает инстинкт.

Интерпретация второго типа переноса более плодотворна, чем интерпретация первого типа, но именно она лежит в основе большинства технических трудностей, возникающих между аналитиком и пациентом. Пациент не ощущает реакций переноса второго типа как чужеродное тело, и это не удивительно, если учесть, какую большую роль в их продуцировании играет эго — даже если это эго первых лет жизни. Нелегко убедить пациента в повторяющейся природе этого явления. Форма, в которой эти реакции возникают в его сознании, синтонна эго. Искажения, требуемые цензурой, были осуществлены задолго до этого, и взрослое эго не видит причин, по которым оно должно было бы остерегаться их появления в свободных ассоциациях. При помощи рационализации пациент легко закрывает глаза на расхождения между причиной и следствием, которые так заметны для наблюдателя и показывают со всей очевидностью, что у переноса нет объективных оснований. Когда реакции переноса приобретают такую форму, мы не можем рассчитывать на добровольное сотрудничество пациента, как при реакциях первого типа. Едва лишь интерпретация затрагивает неизвестные элементы эго, его действия в прошлом, как эго полностью противодействует работе анализа. Это ситуация, которую мы обычно описываем не очень удачным термином «анализ характера».

С теоретической точки зрения явления, обнаруженные посредством интерпретации переноса, распадаются на две группы: содержания ид и действия эго, которые в любом случае были внесены в сознание. Аналогично могут быть классифицированы результаты интерпретации свободных ассоциаций пациента: непрерывный поток ассоциаций освещает содержание ид; появление сопротивления — защитные механизмы, используемые эго. Единственное различие заключается в том, что интерпретация переноса относится исключительно к прошло-

му и может одновременно осветить целые периоды из ¹ прошлой жизни пациента, тогда как содержание ид, выявляемое в свободных ассоциациях, не связано ни с каким конкретным временным периодом, а защитные действия эго, проявляющиеся в ходе анализа в форме сопротивления свободным ассоциациям, могут относиться и к его жизни в настоящем.

в) *Действие в переносе*. Важный вклад в понимание нами пациента вносит третья форма переноса. При интерпретации сновидений, в свободных ассоциациях, интерпретации сопротивления и в двух уже описанных формах переноса мы видим пациента включенным в ситуацию анализа, то есть в неестественном эндопси-•хическом состоянии. Относительная сила двух образований изменена: баланс нарушен в пользу ид в одном случае под влиянием сна, а в другом — благодаря соблюдению основного правила анализа. Сила факторов эго, когда мы встречаемся с ними — будь то в форме цензуры сновидений или в форме сопротивления свободным ассоциациям, — уже снижена, и ее воздействие ослаблено, и нам часто бывает исключительно трудно обрисовать их в их естественной величине и силе.

Мы все знакомы с обвинениями, часто выдвигаемыми против аналитиков, в том, что они могут хорошо знать бессознательное пациента, но плохо судят о его эго. Эта критика, по-видимому, в значительной степени оправдана, поскольку аналитики имеют недостаточно возможностей наблюдать целостное эго пациента в действии.

Возможно такое усиление переноса, при котором пациент на время перестает соблюдать строгие правила аналитического лечения и начинает проигрывать в своем повседневном поведении как инстинктивные импульсы, так и защитные реакции, включённые в его перенесенные аффекты. Это известно как действие в переносе — процессе, при котором, строго говоря, границы анализа уже оставлены позади. С точки зрения аналитика это поучительно, поскольку психическая структура пациента автоматически проявляется в своих естественных пропорциях. Когда мы интерпретируем это «действие», мы должны разделить действия переноса на их

Эго и механизмы защиты

составляющие части и тем самым обнаружить количество энергии, используемой в данный конкретный момент различными образованиями. В отличие от наблюдений, проводимых при продуцировании пациентом свободных ассоциаций, эта ситуация показывает нам как абсолютное, так и относительное количество энергии, используемой каждым образованием.

Хотя интерпретация «действия» в переносе и обеспечивает нам достаточно существенное понимание, терапевтический выигрыш обычно невелик. Введение бессознательного в сознание и осуществление терапевтического воздействия на отношения между ид, эго и суперэго зависят от создания ситуации анализа, которая конструируется искусственно и напоминает гипноз в том отношении, что активность образований эго снижена. Пока эго продолжает функционировать свободно или же если оно действует заодно с ид и просто выполняет его приказы, для эндопсихических замещений и осуществления воздействий извне имеется мало возможностей. Поэтому для аналитика работать с этой, третьей формой переноса, которую мы называем действием, еще труднее, чем с переносом различных типов защиты. Так что естественно, что он попытается в максимальной степени ограничить ее посредством даваемых им аналитических интерпретаций и накладываемых неаналитических ограничений.

СВЯЗЬ МЕЖДУ АНАЛИЗОМ ИД И АНАЛИЗОМ ЭГО

Я достаточно подробно описала, как явление переноса осуществляется в трех формах: перенос либидозных тенденций, перенос защиты и действие в переносе. Моей целью было показать, что технические трудности анализа относительно невелики, когда речь идет о том, чтобы ввести в сознание производные бессознательного, и что они очень велики, когда нам приходится иметь дело с бессознательными элементами в эго.

Это можно выразить следующим образом: трудность заключается не в нашей аналитической технике как таковой; она ничуть не меньше годится для введения в сознание бессознательных частей эго, чем для введения в сознание бессознательных частей ид или суперэго. Вот только мы, аналитики, меньше знакомы с трудностями

анализа эго, чем с трудностями анализа ид. Аналитическая теория более не утверждает, что понятие эго тождественно понятию системы чувственного сознания;

иначе говоря, мы осознали, что существенные части образований эго сами бессознательны и нуждаются в помощи анализа для того, чтобы стать осознанными. В результате анализ эго приобрел в наших глазах намного большее значение. Все, что включается в анализ со стороны эго, — это такой же качественный материал, как и производные ид. Мы не вправе рассматривать эго лишь как помеху в анализе ид. Но, конечно же, все, исходящее от эго, является также сопротивлением в собственном смысле слова: силой, направленной против всего, исходящего из бессознательного, а тем самым и против работы аналитика.

Таким образом, для нас будет делом чести научиться осуществлять анализ эго пациента — пусть и против воли самого этого эго — с не меньшей точностью, чем анализ ид.

Односторонность аналитической техники и трудности, к которым она приводит. Из того, что было сказано ранее, нам известно, что если мы сосредоточиваем наше внимание на свободных ассоциациях пациента и скрытых стремлениях его сновидений, на толковании символов и содержания переноса, воображаемого либо осуществленного в действии, мы можем продвинуться в нашем исследовании ид, но этот анализ является односторонним. Наряду с этим исследование форм сопротивления, работы цензуры сновидений и различных перенесенных типов защиты от инстинктивных импульсов и фантазий помогает нам в изучении неизвестных действий эго и суперэго, но этот метод также является односторонним. Если верно, что лишь сочетание этих двух линий исследования, без уклонения в ту или иную сторону, может дать полную картину психики субъекта, то верно также и то, что, если мы предпочтем один из способов аналитического исследования в ущерб всем остальным, результатом будет искаженная или, по меньшей мере, неполная картина психической личности — карикатура на действительность.

Эго и механизмы защиты

Например, техника, которая ограничивается исключительно интерпретацией символов, рискует высветить материал, представляющий собой исключительно содержание ид. Используя эту технику будет склонен игнорировать или, по крайней мере, считать менее значимыми те бессознательные элементы в образованиях эго, которые могут быть введены в сознание лишь с помощью других методов анализа. Эта техника может быть оправдана тем, что она позволяет обойтись без окольных путей и, не анализируя эго, прямо подойти к подавленной инстинктивной жизни. Однако ее результаты будут все же неполными. Лишь анализ бессознательных защитных операций эго позволяет нам реконструировать те изменения, которые претерпели инстинкты. Не зная их, мы можем, конечно, открыть многое относительно содержания подавленных инстинктивных стремлений и фантазий, но мы по-прежнему будем знать мало — или вообще ничего — относительно осуществившихся с ними преобразований и различных путей, которыми они входят в структуру личности.

Техника, отклоняющаяся слишком далеко в сторону анализа сопротивлений пациента, также дает неполные результаты — но в прямо противоположном смысле. Такой метод представит нам полную картину эго субъекта, но за счет отказа от глубины и полноты анализа его ид.

Аналогичными будут и результаты техники, которая чрезмерно концентрируется на переносе. Нет сомнений в том, что пациенты, находясь в состоянии интенсифицированного переноса, которому этот метод благоприятствует, продуцируют обильный материал из глубочайших слоев ид. Но при этом они переходят границы ситуации анализа. Эго больше не остается вовне, его энергия не уменьшена, сила не снижена, оно не сохраняет позицию объективного наблюдения, при которой не принимает активного участия в происходящем.

Напротив, оно захвачено, затоплено, погружено в действие. Даже если под воздействием навязчивого повторения оно ведет себя полностью как детское эго, это не меняет того факта, что оно действует, вместо того чтобы анализировать. Но это означает, что подобная техника, с

Теория защитных механизмов

использованием которой были связаны надежды достичь более глубокого понимания наших пациентов, с терапевтической точки зрения приводит к разочарованию, которого с теоретической точки зрения следовало ожидать в результате действия в переносе.

Кроме того, техника детского анализа, которую я сама отстаивала (А. Freud, 1927), также является хорошим примером опасностей одностороннего подхода. Если мы отказываемся от свободных ассоциаций, в недостаточной мере используем интерпретацию символов и начинаем интерпретировать перенос лишь на поздней стадии лечения, то для нас оказываются закрытыми три важных пути раскрытия содержания ид и действий эго.

В этом случае возникает вопрос, на который я собираюсь ответить в следующей главе: как преодолеть все эти недостатки и, несмотря ни на что, проникнуть глубже поверхностных слоев психической жизни?

ЗАЩИТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЭГО, РАССМАТРИВАЕМЫЕ КАК ОБЪЕКТ АНАЛИЗА

Отношение между эго и аналитическим методом.

Детальные и утомительные теоретические рассуждения, содержащиеся в предыдущей главе, для практических целей могут быть резюмированы в нескольких простых предложениях. Задача аналитика заключается в том, чтобы ввести в сознание все, что является бессознательным, независимо от того, какому психическому образованию оно принадлежит. Аналитик объективно и равномерно распределяет свое внимание между бессознательными элементами всех трех образований. Иначе говоря, когда он принимается за работу по разъяснению, он выбирает себе позицию, равноудаленную от ид, эго и суперэго.

К сожалению, однако, различные обстоятельства препятствуют этой равноудаленности. Беспристрастность аналитика не встречает отклика; различные образования реагируют на его усилия по-разному. Мы знаем, что сами по себе импульсы ид не склонны оставаться неосознанными. Они естественным образом устремлены вверх, постоянно пытаются проложить себе путь в сознание и тем самым достичь удовлетворения или, по

Эго и механизмы защиты

крайней мере, направить свои производные на поверхность сознания. Как я показала, работа аналитика осуществляется в том же направлении и подкрепляет эту устремленную вверх тенденцию. Тем самым для подавленных элементов в ид аналитик выступает как помощник и освободитель.

С эго и суперэго дело обстоит иначе. В той мере, в какой образования эго стремятся ограничить импульсы ид собственными способами, аналитик выступает как возмутитель спокойствия. В ходе своей работы он уничтожает старательно созданные вытеснения и разрушает компромиссные образования, воздействие которых патологично, но форма которых полностью синтонна эго. Цель аналитика, заключающаяся во введении бессознательного в сознание, и усилия образований эго по овладению инстинктивной жизнью противоречат друг другу. Следовательно, за исключением случаев понимания пациентом своей болезни, образования эго рассматривают цель аналитика как угрозу.

Следуя линиям изложения, намеченным в предыдущей главе, мы должны описать отношение эго к работе анализа как тройственное. Реализуя способность к самонаблюдению, о которой я говорила, эго делает общее с аналитиком дело; эта эго способность находится в распоряжении аналитика, и эго передает ему картину других образований, созданную на основе их производных, вторгшихся на его территорию. Эго антагонистично аналитику в том отношении, что в своем самонаблюдении оно ненадежно и тенденциозно. Сознательно регистрируя и передавая одни факты, эго фальсифицирует и отбрасывает другие, препятствуя их освещению, а это полностью противоречит методам аналитического исследования, настаивающим на том, что рассмотрено должно быть все, что возникает, без всякой дискриминации. Наконец, эго само является объектом анализа в том отношении, что постоянно осуществляемые им защитные действия реализуются бессознательно и могут быть введены в сознание лишь ценой значительных усилий, подобно бессознательной активности любого из вытесняемых инстинктивных импульсов.

Защита от инстинкта, проявляющаяся в форме сопротивления. В предыдущей главе я попыталась провести теоретическое различие между анализом ид и эго, которые в нашей практической работе неразрывно связаны друг с другом. Результат этой попытки еще раз подтвердил тот вывод, к которому привел нас опыт: в исследовании материал, помогающий анализировать эго, выступает в форме сопротивления анализу ид. Факты настолько самоочевидны, что объяснение кажется почти излишним. Эго в анализе становится активным, когда оно пытается при помощи противодействия воспрепятствовать вторжению ид. Поскольку цель анализа заключается в том, чтобы облегчить доступ в сознание идеаторным представлениям подавленных инстинктов, то есть способствовать вторжениям ид, защитные действия эго против этих представлений автоматически приобретают характер активного сопротивления анализу. А поскольку для того, чтобы обеспечить соблюдение основного правила анализа, позволяющего этим представлениям всплывать в свободных ассоциациях пациента, аналитик использует свое личное влияние, то и защита, воздвигаемая эго против инстинктов, приобретает форму прямого сопротивления самому аналитику. Враждебность по отношению к аналитику и усиление мер, которые должны воспрепятствовать всплыванию импульсов ид, совпадают друг с другом. Когда в определенные моменты анализа защита снимается и инстинктивные представления могут беспрепятственно проявиться в форме свободных ассоциаций, отношение эго к аналитику на это время освобождается от искажений.

Конечно, кроме этой конкретной формы существует множество других форм сопротивления в анализе. Как нам известно, помимо так называемых сопротивлений эго существуют перенесенные сопротивления, а также те противодействующие, с трудом преодолеваемые в анализе силы, чей источник лежит в навязчивом повторении. Таким образом, мы не можем сказать, что всякое сопротивление есть результат защитных действий со стороны эго. Но каждая такая защита от ид, воздвигаемая в ходе анализа, может быть обнаружена лишь в форме сопротивления работе аналитика. Анализ сопротивлений эго

Эго и механизмы защиты

дает хорошую возможность наблюдать и вводить в сознание бессознательные защитные действия эго.

Защита от аффектов. Помимо случаев столкновения между эго и инстинктом у нас есть и другие возможности для наблюдения действий эго. Эго находится в конфликте не только с теми производными ид, которые пытаются пробиться на его территорию, чтобы получить доступ к сознанию и достичь удовлетворения. Эго не менее энергично и активно защищается также от аффектов, связанных с этими инстинктивными импульсами. Отвергая требования инстинктов, эго в первую очередь должно уладить дело с этими аффектами. Любовь, вожеление, ревность, разочарование, страдание и печаль сопутствуют сексуальным желаниям; ненависть, гнев и ярость сопутствуют импульсам агрессии; если инстинктивные импульсы, с которыми они связаны, должны быть отражены, то эти аффекты должны подвергнуться всем тем различным мерам, к которым прибегает эго в попытке овладеть ими, то есть они должны претерпеть метаморфозу. Где бы ни происходила трансформация аффекта — в анализе или вне его, — она является результатом работы эго, и нам предоставляется возможность исследовать его действия. Мы знаем, что судьба аффекта, связанного с инстинктивным требованием, не тождественна судьбе его идеаторного представления. Очевидно, однако, что одно и то же эго может иметь в своем распоряжении лишь ограниченное количество способов защиты. В отдельные периоды жизни и в соответствии со своей собственной конкретной структурой индивидуальное эго выбирает то один, то другой способ защиты — это может быть вытеснение, смещение, перестановка и т. д. — и может использовать его как в своем конфликте с инстинктами, так и в защите от высвобождения аффекта. Если мы знаем, как конкретный пациент стремится защититься от всплывания своих инстинктивных импульсов, то есть какова природа его обычных сопротивлений эго, мы можем составить представление о его возможной установке по отношению к собственным нежелательным аффектам. Если же у какого-либо пациента ярко выражены конкретные формы трансформации аффектов, такие, как полное

Теория защитных механизмов

вытеснение эмоций, отрицание и т. д., нас не удивит, если он применит те же самые способы для защиты от своих инстинктивных импульсов и свободных ассоциаций. Эго остается одним и тем же, и во всех своих конфликтах оно более или менее последовательно в использовании имеющихся в его распоряжении средств.

Явление постоянной защиты. Другой областью, в которой могут исследоваться защитные действия эго, является феномен, описанный Вильгельмом Райхом в его заметках о «последовательном анализе сопротивления» (W. Reich, 1935). Телесные характеристики, такие, как скованность и напряженность, такие особенности, как постоянная улыбка, высокомерное, ироничное и дерзкое поведение, — все это остатки очень сильных защитных процессов в прошлом, которые оторвались от своих исходных ситуаций (конфликтов с инстинктами или аффектами) и превратились в постоянные черты характера, «броню характера» (как говорит Райх, *characterpanzerung*). Когда в анализе нам удастся проследить возникновение этих остатков, вплоть до их исторического источника, они вновь обретают подвижность и перестают блокировать доступ к защитным действиям, в которые эго активно вовлечено в данный момент. Поскольку эти способы защиты стали постоянными, мы не можем связать их возникновение или исчезновение с возникновением или исчезновением инстинктивных требований и аффектов изнутри или же с появлением и прекращением искушающих ситуаций и аффективных стимулов извне. Поэтому их анализ — чрезвычайно трудоемкий процесс. Я убеждена, что их выдвижение на передний план оправдано лишь в том случае, если мы не можем обнаружить никаких следов текущего конфликта между эго, инстинктом и аффектом. Я полагаю также, что под «анализом сопротивления» следует понимать не только анализ этого конкретного явления, но и анализ всех видов сопротивления.

Формирование симптома. Анализ сопротивления эго, его защитных действий, предпринимаемых против инстинктов и трансформаций, претерпеваемых аффектами, выявляет и вводит в сознание в динамике те же

Эго и механизмы защиты

самые способы защиты, которые предстают перед нами в застывшем состоянии, когда мы анализируем «броню характера». В еще большей степени и также в фиксированном состоянии мы преодолеваем их, когда мы изучаем формирование невротических симптомов. Это так, поскольку роль, выполняемая эго в формировании этих компромиссов, которые мы называем симптомами, заключается в постоянном использовании особого метода защиты при столкновении с конкретным инстинктивным требованием и в точном повторении этой же процедуры всякий раз, когда подобное требование возникает в своей стереотипной форме. Нам известно, что имеется постоянная связь между конкретными неврозами и особыми способами защиты, как, например, между истерией и вытеснением или между неврозом навязчивости и процессами изоляции и уничтожения. Такую же постоянную связь между неврозом и защитным механизмом мы обнаруживаем, когда исследуем способы защиты, которые пациент использует против своих аффектов, и форму сопротивления, принятую его эго. Отношение конкретного индивида к его свободным ассоциациям в анализе и тот способ, при помощи которого, будучи предоставлен самому себе, он овладевает требованиями своих инстинктов и отражает нежелательные аффекты, позволяют нам *a priori* сформулировать природу формирования у него симптома. При этом исследование последнего позволяет нам *a posteriori* сделать заключение относительно структуры его сопротивления и защиты от своих аффектов и инстинктов. Этот параллелизм наиболее знаком нам в случаях истерии и невроза навязчивости, где он отчетливо проявляется в соотношении между симптомами пациента и формой его сопротивления.

Формирование симптома истерических больных в их конфликте со своими инстинктами основано главным образом на вытеснении: они исключают из сознания идеаторные представления своих сексуальных импульсов. Аналогична и форма их сопротивления свободным ассоциациям. Ассоциации, вызывающие защитную реакцию эго, попросту изгоняются. Все, что пациент ощущает, — это пустота в сознании. Он умолкает; можно сказать, что в потоке его ассоциаций наступает такой же разрыв, как

и в его инстинктивных процессах при формировании симптомов. Наряду с этим мы узнаем, что способом защиты, применяемым при формировании симптома эго человека, страдающего неврозом навязчивости, является изоляция. Эго попросту вырывает инстинктивный импульс из контекста, хотя и сохраняет его при этом в сознании. Соответственно и сопротивление таких пациентов приобретает иную форму. Пациент с навязчивостью не умолкает; он говорит, даже находясь в состоянии сопротивления. Но при этом он разрывает связи между своими ассоциациями и изолирует мысли от аффектов, так что его ассоциации кажутся такими же бессмысленными в малом масштабе, как его симптом — в большом.

Аналитическая техника и защита от инстинктов и аффектов. Молодая девушка обратилась ко мне по поводу состояний острой тревоги, которые нарушали ее повседневную жизнь и мешали регулярно посещать школу. Хотя она и пришла по настоянию своей матери, она не проявляла нежелания говорить мне о своей жизни — как в прошлом, так и в настоящем. Ее отношение ко мне было дружелюбным и искренним, однако я отметила, что в разговоре она тщательно избегает малейшего намека на ее симптом. Она никогда не говорила о приступах тревоги, имевших место в перерывах между аналитическими сеансами. Если я настаивала на анализе какого-либо симптома или давала интерпретации ее тревоги, основанные на ее же ассоциациях, дружелюбное отношение девушки ко мне менялось. Каждый такой случай заканчивался градом презрительных и насмешливых замечаний. Попытка установить связь между отношением пациентки и ее связью с матерью окончилась полной неудачей. Как в сознании, так и в бессознательном эта связь была совершенно иной. В результате этих повторяющихся вспышек презрения и насмешки я оказалась в тупике, и пациентка на время стала недоступной для дальнейшего анализа. Однако, когда анализ продвинулся глубже, мы обнаружили, что эти аффекты не являются реакцией переноса в собственном смысле слова и вообще не были связаны с ситуацией анализа.

Эго и механизмы защиты

Они указывали на привычное отношение пациентки к самой себе, когда эмоции нежности, желания или тревоги готовы были всплыть в ее аффективной жизни. Чем сильнее аффект овладевал ею, тем сильнее и злее она себя высмеивала. Аналитик стал адресатом этих защитных реакций лишь вторично, поскольку она поощряла стремление пациентки к осознанной проработке своей тревожности. Интерпретация содержания тревоги, пусть даже и правильно выведенная на основе другого общения, не приводила к результату столь долго, сколь долго каждый подход к аффекту лишь усиливал защитные реакции. Было невозможно сделать это содержание сознательным до тех пор, пока мы не ввели в сознание — и тем самым не нейтрализовали — способ защиты пациентки от своих аффектов при помощи презрительного унижения — процесса, ставшего привычным во всех областях ее жизни. Исторически этот способ защиты при помощи насмешки и презрения объяснялся ее идентификацией с покойным отцом, который пытался воспитать у маленькой девочки самоконтроль, делая насмешливые замечания, когда ею овладевали эмоциональные вспышки. Способ стал стереотипом благодаря памяти об отце, которого она горячо любила. С точки зрения техники, необходимой для понимания этого случая, нужно было начать с анализа защиты пациентки от ее собственных аффектов и продолжать, идя к разъяснению ее сопротивления в переносе. И лишь после этого можно было перейти к анализу тревоги и ее истоков.

С технической точки зрения этот параллелизм между защитой пациента от своих инстинктов и аффектов, формированием симптомов и сопротивлением очень важен, особенно в детском анализе. Наиболее очевидным дефектом в нашей технике анализа детей является отсутствие свободных ассоциаций. Обходиться без них очень трудно, и не только потому, что на основе идеаторных представлений инстинктов пациента, возникающих в его свободных ассоциациях, мы получаем большинство наших знаний об ид. В конце концов существуют другие способы получить информацию об импульсах ид. Сновидения и мечты детей, активность их фантазии в игре,

Теория защитных механизмов

рисунки и т. д. выявляют тенденции ид в более открытой и доступной форме, чем у взрослых, и в анализе могут заменить проявление производных ид в свободных ассоциациях. Однако когда мы обходимся без основного правила анализа, конфликт, связанный с его соблюдением, также исчезает, а именно из этого конфликта мы черпаем наши знания о сопротивлениях эго, когда анализируем взрослых, — наши знания о защитных действиях эго против производных ид. Поэтому есть риск, что детский анализ может дать массу информации относительно ид, но мало знаний о детском эго.

В игровой технике, разработанной для анализа маленьких детей в английской школе психоанализа (М. Klein, 1932), отсутствие свободных ассоциаций компенсировано самым непосредственным образом. Эти аналитики считают, что детская игра эквивалентна свободным ассоциациям взрослого, и интерпретируют игру таким же образом. Свободный поток ассоциаций соответствует не нарушаемому развитию игры; прерывания и торможения в игре приравниваются к прерывам в свободных ассоциациях. Отсюда следует, что, если мы анализируем перерыв в игре, мы обнаруживаем, что он представляет собой защитное действие со стороны эго, сопоставимое с сопротивлением в свободных ассоциациях.

Если по теоретическим соображениям, например, испытывая колебания при доведении интерпретации символов до ее крайних границ, мы не можем принять это полное уравнивание между свободными ассоциациями и игрой, то мы должны попытаться использовать в детском анализе некоторые новые технические методы, помогающие нам в исследовании эго. Я считаю, что анализ трансформаций, претерпеваемых аффектами ребенка, может заполнить пробел. Аффективная жизнь детей менее сложна и более прозрачна, чем аффективная жизнь взрослых; мы можем наблюдать, что вызывает у них аффекты, будь то внутри аналитической ситуации или вне ее. Ребенок видит, что другому уделяется больше внимания, чем ему, — он неизбежно почувствует обиду и ревность. Исполняется давнее желание — это наверняка его обрадует. Он ожидает наказания — при этом чувствует тревогу. Ребенку отказывают в предвкушаемом и обещанном удовольствии или откладывают

Эго и механизмы защиты

ют его — результатом наверняка будет чувство разочарования и т. д. Мы ожидаем, что ребенок будет обычно реагировать на данные конкретные события конкретными аффектами. Но в противоположность ожиданиям наблюдение может показать нам совершенно иную картину. Например, ребенок может проявлять безразличие там, где мы ожидали разочарования, быть в веселом настроении вместо огорчения, проявлять чрезмерную нежность вместо ревности. Во всех этих случаях произошло что-то, что нарушило нормальный процесс; эго вмешалось и послужило причиной трансформации аффекта. Анализ и введение в сознание конкретной формы этой защиты от аффекта — будь то обращение, перемещение или полное вытеснение — говорят нам о конкретной технике, принятой эго данного ребенка, и, подобно анализу сопротивления, позволяют нам сделать заключение о его отношении к своим инстинктам и о природе формирования его симптома. Исключительно важным фактом в детском анализе является то, что, наблюдая аффектные процессы, мы в значительной степени не зависим от сотрудничества ребенка и от степени правдивости того, что он нам говорит. Его аффекты выдают себя помимо его воли.

Вот пример того, о чем я говорила. У одного маленького мальчика была привычка испытывать приступы военного энтузиазма всегда, когда возникала причина для тревоги кастрации: он надевал военную форму, вооружался игрушечной саблей и другим оружием. Понаблюдав за ним в ряде таких случаев, я предположила, что он обращает свою тревогу в ее противоположность, а именно в агрессивность. После этого мне было нетрудно прийти к заключению о том, что за всеми его приступами агрессивного поведения лежит тревога кастрации. Более того, для меня не было неожиданностью, когда я обнаружила, что он страдает неврозом навязчивости, то есть что в его инстинктивной жизни имеется тенденция обращать нежелательные импульсы в их противоположность. Одна маленькая девочка, казалось бы, не проявляла никакой реакции на ситуации разочарования. Единственное, что было заметно, — это подергивание уголка ее рта. Таким образом она выдавала спо-

Теория защитных механизмов

способность ее эго подавлять нежелательные психические процессы и замещать их физическими. В этом случае не будет неожиданностью обнаружить, что у пациентки в ее конфликте с ее инстинктивной жизнью имеется тенденция к истерическому реагированию. Другая девочка настолько полно вытеснила свою зависть к пенису ее младшего брата — аффект, полностью доминировавший в ее жизни, — что даже в анализе было исключительно трудно обнаружить его малейшие следы. Единственное, что мог заметить аналитик, — это то, что в тех случаях, когда у нее возникала зависть к своему брату или ревность к нему, она начинала играть в странную воображаемую игру, в которой она выполняла роль волшебника, способного изменять весь мир при помощи своих жестов. Этот ребенок обратил зависть в ее противоположность — в приписывание себе магических сил. При помощи этого она избегала болезненного осознания того, что полагала своим физическим недостатком. Ее эго прибегало к защитному механизму обращения, к тому типу формирования реакции против аффекта, который одновременно выдает ее навязчивую установку по отношению к инстинкту. После того как это было понято, аналитику было несложно прийти к выводу о связи волшебной игры с завистью к пенису. Мы видим, таким образом, что применение этого принципа служит для перевода защитных действий эго, и такой метод почти в точности соответствует разрешению сопротивлений эго, возникающих в свободных ассоциациях. Наша цель — такая же, как и при анализе сопротивления. Чем более полно мы сможем ввести в сознание как сопротивление, так и защиту против аффектов и тем самым сделать их бездействующими, тем быстрее мы сможем продвинуться к пониманию ид.

ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Психоаналитическая теория и защитные механизмы.

Термин «защита», которым я так свободно пользовалась в предыдущих трех главах, является самым первым отражением динамической позиции в психоаналитической теории.

Эго и механизмы защиты

Он впервые появился в 1894 г. в работе Фрейда «Защитные нейропсихозы» и был использован в ряде его последующих работ («Этиология истерии», «Дальнейшие замечания о защитных нейропсихозах») для описания борьбы эго против болезненных или невыносимых мыслей и аффектов. Позже этот термин был оставлен и впоследствии заменен термином «вытеснение». Отношения между двумя понятиями, однако, остались неопределенными. В приложении к работе «Торможение, симптом, страх» (1926) Фрейд возвращается к старому понятию защиты, утверждая, что его применение имеет свои преимущества, «поскольку мы вводим его для общего обозначения всех техник, которые эго использует в конфликте и которые могут привести к неврозу, оставляя слово «вытеснение» для особого способа защиты, лучше всего изученного нами на начальном этапе наших исследований». Здесь прямо опровергается представление о том, что вытеснение занимает среди психических процессов исключительное положение, и в психоаналитической теории отводится место другим процессам, служащим той же цели, а именно «защите эго от инстинктивных требований». Значение вытеснения сведено до «особого метода защиты».

Это новое представление о роли вытеснения требует исследования других конкретных способов защиты и сопоставления таких способов, открытых и описанных исследователями, работающими в психоаналитической традиции.

В том же приложении к «Торможению, симптому и страху» высказывается предположение, на которое я ссылаюсь в предыдущей главе, о том, что «дальнейшие исследования могут показать, что существует тесная связь между конкретными формами защиты и конкретными заболеваниями, как, например, между вытеснением и истерией». Регрессия и реактивное изменение эго (формирование реакции), изоляция и «уничтожение» — все они рассматриваются как защитные техники, используемые при неврозах навязчивости.

Двигаясь в этом направлении, нетрудно пополнить список защитных методов эго способами, описанными в других работах Фрейда. Например, в работе «О неко-

торых невротических механизмах при ревности, паранойе и гомосексуальности» (1922) интроекция, или идентификация, и проекция указываются как важные защитные способы, используемые эго при болезненных эмоциях данного типа, и характеризуются как «невротические механизмы». В своей работе по теории инстинкта (1915) Фрейд описывает процессы борьбы эго с самим собой и обращения, обозначая их как «изменения инстинкта». С точки зрения эго эти два последних механизма также могут быть зачислены в рубрику защитных средств, поскольку истоки всех превращений, которым подвергаются инстинкты, лежат в определенной активности эго. Если бы не вмешательство эго или внешних сил, которые представляет эго, каждый инстинкт знал бы только одну участь — удовлетворение.

К девяти способам защиты, которые очень хорошо знакомы на практике и исчерпывающе описаны в теоретических работах по психоанализу (регрессия, вытеснение, формирование реакции, изоляция, уничтожение, проекция, интроекция, поворот против себя и обращение), мы должны добавить десятый, который относится, скорее, к изучению нормы, а не к неврозу: сублимацию, или смещение инстинктивных целей.

Насколько нам известно на данный момент, в своих конфликтах с производными инстинктов и с аффектами эго имеет в своем распоряжении эти десять способов. Задачей практикующего аналитика является определить, насколько они эффективны в процессах сопротивления эго и формирования симптома, которые он имеет возможность наблюдать у разных людей.

Сопоставление результатов, достигнутых с помощью разных механизмов в отдельных случаях. В качестве иллюстрации я рассмотрю случай молодой женщины, работавшей в детском учреждении. Она была в семье средним ребенком из нескольких братьев и сестер. В детстве она страдала от необузданной зависти к пенису, по отношению к ее старшим и младшим братьям, и от ревности, которая неоднократно вызывалась беременностями ее матери. И наконец, к зависти и ревности добавилась сильная враждебность по отношению к матери.

Эго и механизмы защиты

Но, поскольку детская фиксация любви была не слабее, чем ненависть, жестокий защитный конфликт с отрицательными импульсами последовал вслед за начальным периодом непокорности и непослушания. Она боялась, что из-за проявлений своей ненависти она утратит любовь матери, которую она не хотела терять. Она боялась также, что мать накажет ее, и еще сильнее критиковала себя за свои запретные желания отмщения. Когда она достигла подросткового возраста, эта ситуация тревожности и конфликта стала становиться все более и более острой, и ее эго пыталось овладеть ее импульсами различными способами. Для того чтобы разрешить проблему амбивалентности, девочка сместилась к одной стороне своего амбивалентного чувства. Мать продолжала оставаться для нее любимым объектом, но с этого времени в жизни девочки всегда была вторая важная фигура женского рода, которую она жестоко ненавидела. Это облегчало дело: ненависть к более удаленному объекту не сопровождалась столь безжалостно чувством вины, как ненависть к своей матери. Но даже перемещенная ненависть оставалась источником сильных страданий. По прошествии определенного времени стало ясно, что в качестве способа овладения ситуацией это первое перемещение было неадекватным.

Тогда эго маленькой девочки прибегло ко второму механизму. Ид обратило внутрь ненависть, которая до этого была связана исключительно с другими людьми. Ребенок начал мучить себя самообвинениями и чувством неполноценности. В течение всего детства и подросткового возраста вплоть до взрослой жизни она делала все, что могла, чтобы поставить себя в невыгодное положение и повредить своим интересам, всегда подчиняя собственные желания требованиям других. После принятия такого способа защиты по всем своим внешним проявлениям она стала мазохисткой.

Но эта мера также оказалась неадекватной в качестве способа овладения ситуацией. Тогда пациентка прибегла к механизму проекции. Ненависть, которую она испытывала по отношению к объектам любви женского пола или их заменителям, трансформировалась в убеждение, что они ненавидят, унижают и преследуют ее саму.

Теория защитных механизмов

Ее эго освободилось от чувства вины. Непослушный ребенок, питавший грешные чувства по отношению к окружающим людям, превратился в жертву жестокости, пренебрежения и преследования. Но использование этого механизма привело к тому, что на характер пациентки наложился постоянный параноидальный отпечаток, который стал для нее источником очень больших трудностей как в юности, так и в зрелые годы.

Пациентка была уже взрослой, когда пришла на анализ. Те, кто знал ее, не считали ее больной, но ее страдания были тяжелыми. Несмотря на всю ту энергию, которую ее эго затратило на свою защиту, ей так и не удалось действительно овладеть своей тревожностью и чувством вины. В каждом случае, когда возникала опасность активизации зависти, ревности и ненависти, она прибегала ко всем своим защитным механизмам. Однако ее эмоциональные конфликты так и не пришли ни к какому разрешению, которое оставило бы в покое ее эго, не говоря уже о том, что конечный результат всей ее борьбы был крайне скудным. Ей удалось сохранить иллюзию того, что она любит свою мать, но она осталась переполненной ненавистью и из-за этого презирала себя и не доверяла себе. Ей не удалось сохранить чувство того, что она любима; оно было разрушено механизмом проекции. Не удалось ей также избежать наказаний, которых она боялась в детстве; обернув свои агрессивные импульсы вовнутрь, она сама причинила себе все те страдания, которые раньше переживала из-за ожидания наказания со стороны матери. Три использованных ею механизма не смогли предохранить ее эго от постоянного состояния напряжения и бдительности, не принесли эго облегчения от налагаемых на него непомерных и мучительных чувств, приносящих пациентке столько страданий.

Сравним эти процессы с соответствующими процессами при истерии или неврозе навязчивости. Предположим, что проблема в каждом случае остается той же самой: как овладеть ненавистью к матери, развивающейся на основе зависти к пенису. Истерия решает ее при помощи вытеснения. Ненависть к матери вытесняется из сознания, и любые ее возможные производные,

Эго и механизмы защиты

которые стремятся войти в эго, энергично отбрасываются. Агрессивные импульсы, связанные с ненавистью, и сексуальные импульсы, связанные с завистью к пенису, могут быть трансформированы в телесные симптомы, если пациент обладает способностью обращения и если этому благоприятствуют соматические условия. В других случаях эго защищает себя от реактивации исходного конфликта, развивая фобию и избегая возможностей затруднения. Это накладывает ограничения на его деятельность, заставляя избегать любой ситуации, которая может привести к возвращению вытесненных импульсов.

В невротических навязчивости, как и в истериях, ненависть к матери и зависть к пенису вначале вытесняются. Затем эго принимает меры безопасности против их возвращения при помощи формирования реакций. Ребенок, бывший агрессивным по отношению к матери, развивает по отношению к ней исключительную нежность и заботится о ее безопасности; зависть и ревность трансформируются в бескорыстие и заботу о других. Создавая навязчивые ритуалы и меры предосторожности, ребенок защищает любимого человека от любой вспышки своих агрессивных импульсов, а при помощи чрезмерного строгого морального кодекса он контролирует проявление своих сексуальных импульсов.

У ребенка, овладевающего своими детскими конфликтами в описанной выше истерической или навязчивой форме, патология выражена сильнее, чем у описанной выше пациентки. Осуществившееся вытеснение лишает таких детей контроля над частью их аффективной жизни. У них исходные отношения с матерью и братьями и не менее важное отношение к своей собственной женственности были изъяты из дальнейшей сознательной ассимиляции и оказались навязчиво и бесповоротно зафиксированы в реактивном изменении, которое претерпело эго. Большая часть их активности затрачивается на поддержание антикатексисов, которые должны впоследствии обеспечить безопасность вытеснения, и эта трата энергии проявляется в торможении и сокращении других видов жизненной активности. Но эго ребенка, разрешившего свои конфликты при помощи вытеснения,

при всех патологических последствиях этого находится в покое. Ид страдает вторично, от последствий невроза, вызванного вытеснением. Но оно, по крайней мере в пределах истерии обращения или невроза навязчивости, обуздано своей тревожностью, избавилось от чувства вины и удовлетворило свою потребность в наказании. Разница заключается в том, что, если эго использует вытеснение, формирование симптомов избавляет его от задачи овладения своими конфликтами, тогда как, если эго использует другие способы защиты, оно по-прежнему должно решать эту проблему.

На практике использование вытеснения в противоположность иным способам защиты встречается реже, чем сочетание двух различных способов у одного и того же индивида. Это хорошо иллюстрирует история пациентки, также страдавшей в раннем детстве от острой зависти к пенису, в данном случае — по отношению к отцу. Сексуальные фантазии этого периода достигли своего максимума в возникшем у нее желании откусить пенис отца. В этот момент эго воздвигло свою защиту. Шокирующая мысль была вытеснена. Она была замещена своей противоположностью — общим неприятием кусания, которое вскоре развилось в трудности при еде, сопровождаемые истерическим чувством отвращения. Одной частью заторможенного импульса — той, которая была представлена в оральной фантазии, — удалось овладеть. Но агрессивное содержание, т. е. желание нанести ущерб своему отцу или замещающему его лицу, осталась в сознании до тех пор, пока с развитием суперэго моральное чувство эго не отвергло этот импульс. При помощи механизма замещения, который более подробно я опишу позднее, побуждение причинить вред трансформировалось в своеобразную удовлетворенность и неприязнительность. Мы видим, что два последовательных способа защиты сформировали субстрат истерии, на который наложилось специфическое изменение эго, не имеющее само по себе патологического характера.

Впечатление, созданное этими примерами, подтверждается и в других случаях, когда мы детально рассматриваем результат воздействия различных защитных

Эго и механизмы защиты

механизмов. Теоретически вытеснение может быть подведено под общее понятие защиты и рядоположено другим конкретным способам. Однако с точки зрения эффективности по сравнению со всеми остальными оно занимает уникальную позицию. Ид достигает большего в количественном отношении, то есть оно способно справиться с мощными инстинктивными импульсами, перед лицом которых остальные защитные механизмы оказываются неэффективными. Ид действует лишь единожды, хотя антикатексис, осуществляемый для обеспечения вытеснения, является постоянным формированием и требует постоянной затраты энергии. Другие механизмы, напротив, должны вновь приводиться в действие всякий раз, когда возрастает инстинктивная энергия. Но вытеснение не только самый эффективный, это еще и самый опасный механизм. Отъединение от эго, наступающее вследствие изоляции сознания от всего хода инстинктивной и аффективной жизни, может полностью разрушить целостность личности. Так вытеснение становится основой формирования компромисса и невроза. Последствия других способов защиты не менее серьезны, но, даже приобретая острую форму, они все же в большей мере остаются в пределах нормы. Они проявляются в многочисленных изменениях, диспропорциях и искажениях эго, которые частично сопровождают, а частично замещают невроз.

Предложения к хронологической классификации.

Даже после того, как мы определили, что вытеснение занимает среди способов защиты эго исключительную позицию по отношению ко всем остальным, нам не перестает казаться, что мы объединили под одним названием разнородные явления. Такие способы защиты, как изоляция и уничтожение, стоят бок о бок с истинно инстинктивными процессами типа регрессии, обращения и оборота против себя. Некоторые из них служат для овладения большим количеством инстинктов или аффектов, а другие — для овладения лишь малыми их количествами. Соображения, определяющие выбор со стороны эго того или иного механизма, остаются неясными. Возможно, вытеснение используется главным образом при борьбе с

Теория защитных механизмов

сексуальными желаниями, тогда как другие способы могут быть более пригодны для борьбы против инстинктивных сил различного рода, в частности против инстинктивных импульсов. Возможно также, что эти другие способы лишь завершают то, что оставило незавершенным вытеснение, или же имеют дело с нежелательными мыслями, возвращающимися в сознание при неудавшемся вытеснении¹. Возможно также, что каждый защитный механизм вначале формируется для овладения конкретными инстинктивными побуждениями и связан, таким образом, с конкретной фазой детского развития².

В приложении к «Торможениям, симптомам и тревожности», на которое я уже не раз ссылалась, содержится предварительный ответ на эти вопросы. «Возможно, что до расщепления на эго и ид и до формирования суперэго психический аппарат использует различные способы защиты из числа тех, которыми он пользуется уже после достижения этих стадий организации» (S. Freud, 1926). Это можно раскрыть следующим образом. Вытеснение состоит в извлечении, или исторжении, мысли или аффекта из сознательного эго. Бессмысленно говорить о вытеснении, когда эго все еще слито с ид. Точно так же мы можем предположить, что проекция и интроекция были способами, зависевшими от дифференциации эго от внешнего мира. Исторжение мыслей или аффектов из эго и их изгнание во внешний мир могут принести эго облегчение лишь тогда, когда эго научилось отличать себя от этого мира. Таким же образом интроекция из внешнего мира в эго не может обогатить его до тех пор, пока не имеется ясного различия между тем, что принадлежит одному, и тем, что принадлежит другому. Но ситуация, без сомнения, не так проста. В случае проекции и интроекции исходные моменты крайне сложны (S. Freud, 1913)³. Сублима-

¹ Я повторяю здесь предположение, выдвинутое Жанной Лемпл-де-Грут (Jeanne Lampl-de-Groot) во время обсуждения в Венском обществе.

² В соответствии с предложением Хелен Дойч (Helene Deutsch).

³ Ср. с позицией английской школы психоанализа, на которую я ссылаюсь.

Эго и механизмы защиты

ция, то есть замещение инстинктивной цели в соответствии с высшими социальными ценностями, означает принятие или, по крайней мере, знание этих ценностей, что, в свою очередь, предполагает существование суперэго. Соответственно защитные механизмы вытеснения и сублимации могут быть использованы лишь относительно поздно в процессе развития, тогда как время использования проекции и интроекции зависит от принятой теоретической точки зрения. Такие процессы, как регрессия, обращение и борьба против себя самого, по-видимому, не зависят от стадии, достигнутой психической структурой, и являются столь же древними, как сами инстинкты, или, по меньшей мере, столь же древними, как конфликт между инстинктивными импульсами и любыми препятствиями, с которыми они могут встретиться на пути к удовлетворению. Нас не должно удивлять, что это самые ранние защитные механизмы, используемые эго.

Однако предлагаемая хронологическая классификация противоречит тому полученному в опыте факту, что самым ранним проявлением невроза, с которым мы сталкиваемся у маленьких детей, оказываются истерические симптомы, связь которых с вытеснением не подлежит сомнению, при этом истинно мазохистские явления, возникающие в результате оборота инстинкта против себя, встречаются в раннем детстве очень редко. В соответствии с теорией английской школы психоанализа интроекция и проекция, которые, с нашей точки зрения, должны быть приписаны тому периоду, когда эго уже отдифференцировалось от внешнего мира, являются теми самыми процессами, при помощи которых развивается структура эго и без которых дифференциация никогда бы не осуществилась. Эти различия во мнениях выявляют тот факт, что хронология психических процессов остается одним из самых темных мест в аналитической теории. Это хорошо видно на примере дискуссии о том, когда формируется индивидуальное суперэго. Таким образом, классификация защитных механизмов по их положению во времени неизбежно подвергается всем тем сомнениям, которые и сегодня связаны с хронологическими моментами в анализе. По-видимому, лучше бу-

дет прекратить попытки такой их классификации и вместо этого детально исследовать ситуации, провоцирующие защитные реакции.

**ОРИЕНТАЦИЯ ЗАЩИТНЫХ ПРОЦЕССОВ В СООТВЕТСТВИИ С
ИСТОЧНИКОМ ТРЕВОГИ И ОПАСНОСТИ**

Инстинктивные опасности, от которых защищается эго, всегда одни и те же, но могут изменяться причины, по которым эго ощущает конкретное вторжение инстинкта опасным.

Мотивы защиты от инстинктов

а) Тревожность суперэго в неврозах взрослых. Защитная ситуация, с которой мы больше всего знакомы в анализе и знания о которой наиболее полны,— это та, которая формирует основу невроза у взрослых.

Она заключается в том, что некоторые инстинктивные желания стремятся проникнуть в сознание и при помощи эго достичь удовлетворения. Эго не противостоит этому, но суперэго протестует. Эго подчиняется высшему образованию и послушно вступает в борьбу против инстинктивного импульса со всеми последствиями, которые влечет за собой такая борьба. Характерным для этого процесса является то, что само эго не рассматривает импульс, с которым оно борется, как опасный.

Мотив, побуждающий защиту, исходно не является его собственным. Инстинкт рассматривается как враждебный потому, что суперэго запрещает его удовлетворение, и если он достигнет своей цели, то несомненно вызовет затруднения в отношениях между эго и суперэго.

Следовательно, эго взрослого невротика боится инстинкта потому, что оно боится суперэго. Его защита мотивирована тревогой суперэго.

Пока наше внимание приковано к защите от инстинкта, воздвигнутой взрослым невротиком, мы будем рассматривать суперэго как грозную силу. В этом контексте оно выступает как исток всех неврозов. Суперэго— интриган, мешающий эго прийти к дружественному взаимопониманию с инстинктами. Суперэго воздвигает идеальный стандарт, в соответствии с которым сексуальность запрещается, а агрессия объявляется антисоциальной. Ид требует такой степени отказа от сексуаль-

Эго и механизмы защиты

нести и ограничения агрессии, которая не совместима с психическим здоровьем. Эго полностью лишено своей независимости и сведено к роли инструмента для выполнения желаний суперэго; в результате оно становится враждебным по отношению к инстинктам и не способным к наслаждению. Исследование ситуации защиты в таком виде, как она выступает в неврозе взрослых, побуждает нас в нашей терапевтической работе уделять очень большое внимание анализу суперэго. Уменьшение его силы, снижение его требовательности или — как осмеливаются утверждать некоторые — его полное уничтожение должно облегчить состояние эго и ослабить невротический конфликт, по меньшей мере в одном направлении. Это представление о суперэго как об источнике всякого невротического зла дает большие надежды на профилактику неврозов. Если невроз возникает вследствие требовательности суперэго, тогда те, кто воспитывает детей, должны лишь избегать всего, что может привести к формированию исключительно требовательного суперэго. Они должны следить за тем, чтобы их воспитательные методы, которые затем интернализируются суперэго, были мягкими; родительский пример, который суперэго усваивает при помощи процесса идентификации, должен быть выражением их реальных человеческих слабостей и толерантной установки по отношению к инстинктам, вместо того чтобы быть претензией на сверхстрогий моральный кодекс, который невозможно применить на практике. Наконец, агрессивность ребенка должна иметь выход во внешний мир, для того чтобы она не стала вредоносной и не обернулась вовнутрь, в результате чего она наделяет суперэго чертами жестокости. Если воспитанию это удастся, то мы должны предположить, что выходящие в жизнь человеческие существа будут свободны от тревожности, избавлены от неврозов, способны к наслаждению и не будут раздираемы внутренними конфликтами. Однако на практике воспитатели обнаружили, что надежда искоренить невроз из человеческой жизни иллюзорна¹, а с теоретической точки зрения она рассыпа-

¹ Наиболее бескомпромиссным выразителем этой точки зрения является Вильгельм Райх (W. Reich, 1935), однако его мнение разделяется многими.

ется, как только мы делаем следующий шаг в аналитическом исследовании.

б) Объективная тревога в детском неврозе. Исследование защиты в детском неврозе говорит нам о том, что суперэго вовсе не является необходимым фактом в формировании невроза. Взрослые невротики стремятся отразить свои сексуальные и агрессивные желания, чтобы избежать конфликта с суперэго. Маленькие дети точно так же обходятся со своими инстинктивными импульсами, чтобы не нарушать запретов своих родителей. Эго маленького ребенка, как и эго взрослого, сражается с инстинктами не добровольно; его защита побуждается не собственными чувствами по этому поводу. Эго видит в инстинктах опасность потому, что те, кто воспитывает ребенка, запретили их удовлетворение и вторжение инстинкта влечет за собой ограничения и наказание или угрозу наказания. Страх кастрации приводит маленького ребенка к такому же результату, как угрызения совести у взрослого невротика; детское эго боится инстинктов потому, что оно боится внешнего мира. Его защита от них мотивирована страхом перед внешним миром, то есть объективной тревогой.

Когда мы обнаруживаем, что объективная тревога развивается в детском эго те же самые фобии, неврозы навязчивости, истерические симптомы и невротические черты, как и у взрослого вследствие активности суперэго, мы, естественно, начинаем ниже оценивать могущество суперэго. Мы понимаем, что то, что мы ему приписали, должно принадлежать самой тревоге. В формировании невроза, по-видимому, неважно, с чем связана эта тревога. Будь то страх перед внешним миром или страх перед суперэго, существенно то, что защитный процесс порождается тревогой. Симптомы, входящие в сознание как конечный результат этого процесса, не позволяют нам определить, какой тип тревоги в эго породил их.

Если мы исследуем эту вторую защитную ситуацию — защиту от инстинктов по мотиву объективной тревоги, — мы оценим как очень значимое то влияние, которое внешний мир оказывает на детей, а соответственно мы еще раз почувствуем надежду на эффективную профилактику неврозов. Замечено, что в наши дни ма-

Эго и механизмы защиты

ленькие дети страдают от такой высокой степени объективной тревоги, которая вовсе не является необходимой. Наказания, которые, как они боятся, будут применены к ним, если они удовлетворят свои инстинкты, на современной стадии цивилизации совершенно устарели. Кастрация больше не практикуется в качестве наказания за запретные сексуальные слабости, а акты агрессии больше не наказываются увечьем. Но в то же время в наших воспитательных методах сохраняется отдаленное сходство с варварскими наказаниями прежних времен, вполне достаточное для того, чтобы вызвать смутные опасения и страхи. Оптимисты считают, что можно будет избежать этих внушений угрозы кастрации и насильственных мер, даже и сегодня присутствующих если и не в используемых ныне дисциплинарных методах, то в манере поведения и в интонациях взрослых. Те, кто стоит на этой точке зрения, считают, что связь между современным воспитанием и этими древними страхами наказания может быть наконец разорвана. В результате, говорят они, объективная тревога ребенка уменьшится и наступит радикальное изменение в отношениях между его эго и инстинктами, которое будет означать, что наконец будет уничтожена основа детских неврозов.

в) *Инстинктивная тревога (страх перед силой инстинктов)*. Однако сейчас, как и ранее, психоаналитический опыт разрушает перспективу успешной профилактики. Человеческое эго по самой своей природе не является плодородной почвой для беспрепятственного удовлетворения инстинкта. Под этим я имею в виду, что эго дружелюбно по отношению к инстинктам, лишь пока оно мало отдифференцировано от ид. Когда эго переходит от первичных ко вторичным процессам, от принципа удовольствия к принципу реальности, оно становится, как я уже показала, враждебной для инстинктов территорией. Его недоверие к их требованиям сохраняется всегда, но в нормальных условиях оно едва заметно. Эго обращает свой взгляд на гораздо более ожесточенную борьбу, которую ведут на его территории суперэго и внешний мир против импульсов ид. Однако если эго чувствует, что высшие защитные силы его покинули, или если требования инстинктивных импульсов стано-

Теория защитных механизмов

вятся чрезмерными, его молчаливая враждебность по отношению к инстинктам возрастает до состояния тревоги. «Нельзя уточнить, чего опасается эго со стороны внешнего мира и со стороны либидозной опасности; мы знаем, что это страх быть подавленным и уничтоженным, но он не может быть «схвачен» аналитически» (S. Freud, 1923)¹. Роберт Вальдер описывает это как опасность того, что целостная организация эго может быть разрушена или затоплена (R. Walder, 1936). Влияние этой тревоги, испытываемой эго из-за силы инстинктов, в точности таково же, как и оказываемое тревогой суперэго или объективной тревогой, которые мы исследовали. Защитные механизмы приводятся в действие против инстинктов со всеми уже знакомыми результатами в формировании неврозов и невротических характеристик. У детей вызванная таким образом защита лучше всего может быть исследована в тех случаях, когда прикладываются значительные усилия для устранения с помощью воспитательных мер аналитического характера и самого терапевтического анализа причин объективной тревоги и тревоги сознания, которые в противном случае остаются скрытыми.

В дальнейшей жизни мы можем наблюдать их в полной силе, когда внезапное вторжение инстинктивной энергии угрожает нарушить баланс психической организации, что в норме происходит при физиологических изменениях, в подростковом возрасте и в климактерическом периоде, а также в силу патологических причин — в начале одного из периодических приступов, возникающих при психозах.

Дополнительные мотивы защиты от инстинкта.

К уже упомянутым трем сильным мотивам защиты от инстинкта (тревога суперэго, объективная тревога, тревога вследствие силы инстинктов) следует добавить те, которые возникают в последующей жизни из потребности эго в синтезе. Взрослое эго требует определенной

¹См. также «Торможение, симптомы и тревожность» (S. Freud, 1926), где нас предупреждают об опасности переоценки роли суперэго в вытеснении и подчеркивают важность количественных факторов, таких, как чрезмерная степень стимуляции.

Эго и механизмы защиты

гармонии между своими импульсами, вследствие чего возникает ряд конфликтов, исчерпывающе описанных Александером (F. Alexander, 1934). Это конфликты между противоположными тенденциями, такими, как гомосексуальность и гетеросексуальность, пассивность и активность и т. д. Какой из двух противоположных импульсов будет отвергнут, а какой принят или какой компромисс будет достигнут между ними в каждом индивидуальном случае, определяется тем количеством энергии, которое несет каждый из них.

Первые два из рассмотренных нами мотивов защиты (тревога суперэго и объективная тревога) имеют, кроме того, общий источник. Если инстинкт может достичь удовлетворения, несмотря на противодействие суперэго или внешнего мира, результатом будет, конечно же, первичное удовольствие, но также и вторичное неудовольствие, как следствие либо чувства вины, исходящего из бессознательного, либо наказаний, налагаемых внешним миром. Таким образом, когда удовлетворение инстинкта отвергается на основании одного или другого из этих двух мотивов, воздвигается защита в соответствии с принципом реальности. Ее основная цель — избежать этого вторичного неудовольствия.

Мотивы защиты от аффектов. Точно те же причины, которые лежат в основе защиты эго от инстинктов, лежат и в основе его защиты от аффектов. Когда эго стремится защититься от инстинктивных импульсов на основании одного из указанных мною мотивов, оно обязано также отвергнуть аффекты, связанные с инстинктивными процессами. Природа этих аффектов несущественна: они могут быть приятными, болезненными или опасными для эго. Это неважно, поскольку эго не позволено испытать их такими, каковы они в действительности. Если аффект связан с запретным инстинктивным процессом, его судьба решена заранее. Одного того, что он с ним связан, достаточно, чтобы насторожить эго против него.

Таким образом, основания защиты от аффекта лежат попросту в конфликте между эго и инстинктом. Имеется, однако, другая, более примитивная связь между эго и аффектами, не имеющая аналога в отношении эго

Теория защитных механизмов

к инстинктам. Удовлетворение инстинкта исходно всегда является чем-то приятным. Но аффект может быть исходно либо приятным, либо болезненным, в зависимости от своей природы. Если эго не имеет ничего против конкретного инстинктивного процесса и не отвергает аффекта на этом основании, его установка по отношению к инстинктивному процессу будет полностью определяться принципом удовольствия: эго будет приветствовать приятные аффекты и защищаться от болезненных. И даже когда, вытесняя инстинкт, эго побуждается тревогой и чувством вины к защите от аффекта, мы все еще можем видеть следы отбора в соответствии с принципом удовольствия. Эго все еще в большей степени готово отринуть аффекты, связанные с запретными сексуальными импульсами, если эти аффекты неприятны, например: горе, вожделение, печаль. Наряду с этим эго может дольше сопротивляться запрету в случае позитивных аффектов просто потому, что они приятны, или может короткое время выносить их, когда они внезапно врываются в сознание.

Эта простая защита от исходно болезненных аффектов соответствует защите против исходно болезненных стимулов, навязываемых эго внешним миром. Мы увидим позже, что способы, используемые детьми в таких примитивных формах защиты, подчиняющихся принципу удовольствия, сами более примитивны по своей природе.

Подтверждение наших выводов в аналитической практике. Факты, которые приходится тщательно собирать и связывать между собой в теоретическом изложении, к счастью, без большого труда могут быть продемонстрированы при анализе наших пациентов. Когда при помощи анализа мы обращаем защитный процесс, мы обнаруживаем различные факторы, вызвавшие его к жизни. Мы можем оценить количество энергии, затраченное на вытеснение, по силе того сопротивления, с которым мы встречаемся, пытаясь извлечь вытесненное. Точно так же мы можем сделать заключение о мотиве, лежащем в основе защиты пациента от инстинктивного импульса, на основании строения его психики, когда

Эго и механизмы защиты

мы вновь вводим этот импульс в сознание. Если мы снимаем невротическую защиту, установленную по настоянию суперэго, у анализируемого возникает чувство вины, то есть он испытывает тревогу суперэго. Если же защита была установлена под давлением со стороны внешнего мира, он чувствует объективную тревогу. Если, анализируя ребенка, мы оживляем отвергнутые им болезненные аффекты, он испытывает то же самое сильное неудовольствие, которое заставило его эго прибегнуть к защитным мерам. Наконец, если мы вмешиваемся в защитный процесс, мотивированный страхом пациента перед силой его инстинктов. Происходит именно то, чего стремилось избежать его эго: производные ид, до сего времени подавленные, прокладывают себе путь на территорию эго, где встречают лишь незначительное сопротивление.

Соображения относительно психоаналитической терапии. Этот обзор защитных процессов дает нам ясное представление о возможных направлениях аналитической терапии. В анализе происходит обращение защитных процессов, отвергнутым инстинктивным импульсам или аффектам прокладывается путь обратно в сознание, и эго и суперэго предоставляется возможность поладить с ними на лучшей основе. Прогноз разрешения психических конфликтов наиболее благоприятен, когда мотивом защиты от инстинкта была тревога суперэго. Здесь конфликт является чисто эндопсихическим, и согласие между разными инстанциями может быть достигнуто, особенно если суперэго стало более доступным рассудку с помощью анализа идентификаций, на которых оно основано, и присвоенной им агрессивности. Когда, таким образом, снижается страх эго перед суперэго, ему больше нет необходимости прибегать к защите, в результате которой наступают патологические последствия.

Но даже и в тех случаях, когда защита в детском неврозе мотивирована объективной тревогой, аналитическая терапия имеет хорошие шансы на успех. Простейший метод, который согласуется с принципами анализа, заключается для аналитика в том, чтобы, после

того как он изменил защитные процессы в психике ребенка, попытаться повлиять на реальность, то есть на тех, кто занимается воспитанием ребенка, с тем, чтобы понизить объективную тревогу, в результате чего эго принимает менее суровую установку по отношению к инстинктам и не должно более предпринимать столь больших усилий для их отвержения. В других случаях анализ показывает, что различные тревоги, которые привели к возникновению защиты, связаны с давно минувшей ситуацией. Эго признает, что больше нет никакой необходимости бояться ее. Или же обнаруживается, что источник кажущейся объективной тревоги лежит в преувеличенных, незрелых и искаженных представлениях о реальности, основанных на первобытных ситуациях, некогда актуальных, но более не существующих. Анализ демаскирует эту «объективную тревогу» и показывает, что она представляет собой продукт фантазии, против которого не стоит осуществлять защитные операции.

Когда эго предприняло защитные меры против аффекта, чтобы избежать неудовольствия, то для их снятия, если мы хотим достичь стойкого результата, нужно еще что-то помимо анализа. Ребенок должен научиться выдерживать все большее и большее количество неудовольствия, не прибегая к защитным механизмам. Следует учесть, однако, что с теоретической точки зрения задача преподнести ему этот урок стоит не перед анализом, а "перед воспитанием.

Единственное патологическое состояние, плохо поддающееся анализу, — это защита, основанная на страхе пациента перед силой собственных инстинктов. В подобных случаях существует опасность того, что мы разрушим защиту эго, не будучи в состоянии немедленно прийти к нему на помощь. В ходе анализа мы всегда успокаиваем пациента, который боится допустить в сознании импульсы своего ид, говоря ему, что, будучи осознанными, они менее опасны и легче поддаются контролю, чем когда они бессознательны. Единственная ситуация, в которой эти обещания могут оказаться ложными, — это та, в которой защита осуществлена потому, что пациент боится силы своих инстинктов. В слу-

Эго и механизмы защиты

чаях наиболее суровой борьбы эго с целью предохранить себя от того, чтобы быть затопленным ид, как, например, при периодических обострениях психоза, наиболее существенны количественные отношения. Единственное, в чем нуждается эго в таком конфликте, — это подкрепление. В той мере, в какой анализ может укрепить эго, вводя в сознание бессознательное содержание ид, он и здесь имеет терапевтический эффект. Но в той мере, в какой введение в сознание бессознательных действий эго нарушает его защитные процессы и делает их неэффективными, результатом анализа оказывается ослабление эго и усиление патологического процесса.

Примеры избегания объективного недовольства и объективной опасности (предварительные стадии защиты)

ОТРИЦАНИЕ В ФАНТАЗИИ

Все способы защиты, открытые анализом, служат единственной цели — помочь эго в его борьбе с инстинктивной жизнью. Они мотивированы тремя основными типами тревоги, которой подвержено эго, — инстинктивной тревогой, объективной тревогой и тревогой сознания. Кроме того, простой борьбы конфликтующих импульсов уже достаточно для того, чтобы запустить защитные механизмы.

Психоаналитическое исследование проблем защиты развивалось следующим образом: начавшись с конфликтов между ид и образованиями эго (как это показано в истерии, неврозах навязчивости и т. д.), оно перешло затем к борьбе между эго и суперэго (в меланхолии), после чего обратилось к изучению конфликтов между эго и внешним миром (например, в детской фобии животных, обсуждающейся в «Торможении, симптоме и страхе»). Во всех этих конфликтах эго индивида стремится отвергнуть часть своего собственного ид. Таким образом, инстанция, воздвигающая защиту, и вторгающаяся сила, которая отвергается, всегда остаются теми

Примеры избегания неудовольствия и опасности

же самыми; изменяются лишь мотивы, побуждающие эго предпринимать защитные меры. В конечном счете все эти меры направлены на то, чтобы обеспечить безопасность эго и уберечь его от переживания неудовольствия.

Однако эго защищается не только от неудовольствия, исходящего изнутри. В том же самом раннем периоде, когда эго знакомится с опасными внутренними инстинктивными стимулами, оно также переживает неудовольствие, источник которого находится во внешнем мире. Эго находится в тесном контакте с этим миром, дающим ему объекты любви и те впечатления, которые фиксирует его восприятие и ассимилирует его интеллект. Чем больше значимость внешнего мира как источника удовольствия и интереса, тем выше и возможность пережить исходящее от него неудовольствие. Эго маленького ребенка все еще живет в соответствии с принципом удовольствия; оно еще не скоро научится выносить неудовольствие. В это время индивид еще слишком слаб для того, чтобы активно противостоять внешнему миру, защищаться от него при помощи физической силы или изменять его в соответствии со своей собственной волей;

как правило, ребенок еще слишком слаб физически для того, чтобы убежать, а его понимание еще так ограничено, что не может увидеть неизбежное в свете разума и подчиниться ему. В этот период незрелости и зависимости эго помимо того, что оно предпринимает усилия по овладению инстинктивными стимулами, стремится всеми способами защитить себя от объективного неудовольствия и грозящих ему опасностей.

Поскольку теория психоанализа основана на изучении неврозов, естественно, что аналитические наблюдения были сначала сосредоточены на внутренней борьбе между инстинктами и эго, следствием которой являются невротические симптомы. Усилия детского эго избежать неудовольствия, непосредственно сопротивляясь внешним впечатлениям, принадлежат к области нормальной психологии. Их последствия могут быть важными для формирования эго и характера, но они не патогенны. Когда эта конкретная функция упоминается в клинических аналитических работах, она никогда не

Эго и механизмы защиты

рассматривается как основной предмет исследования, а, скорее, как побочный продукт наблюдения.

Вернемся к фобии животных Маленького Ганса. Это клинический пример одновременных защитных процессов, направленных соответственно вовнутрь и наружу. Мы говорили, что в основе невроза маленького мальчика лежат импульсы, связанные с эдиповым комплексом¹. Он любит свою мать и из ревности принимает агрессивную установку по отношению к отцу, которая вторично вступает в конфликт с его нежной привязанностью к нему. Эти инстинктивные импульсы возбуждают его страх кастрации, который он переживает как объективную тревогу, и тогда запускаются различные защитные механизмы против инстинктов. Его невроз использует методы замещения (отца на вызывающее страх животное) и обращения его собственной угрозы своему отцу, то есть превращение ее в тревогу, чтобы не испытывать самому угрозы со стороны отца. Наконец искажение истинной картины довершается регрессией на оральный уровень (мысль о том, что его покусает). Эти механизмы прекрасно выполняют свою цель отвержения инстинктивных импульсов; запретная любовь к своей матери и опасная агрессивность по отношению к своему отцу исчезли из сознания. Его страх кастрации, связанный с отцом, превратился в симптом страха перед лошадьми, но в соответствии с механизмом фобии Маленький Ганс избегает приступов страха при помощи невротического торможения — он отказывается выходить из дома.

В анализе Маленького Ганса эти защитные механизмы должны были быть обращены. Его инстинктивные импульсы были освобождены от искажений, и его страх был отделен от мысли о лошадях и прослежен до реального объекта — его отца, после чего он был обсужден, ослаблен, и было показано, что он не имеет объективного основания. После этого нежная привязанность мальчика к своей матери смогла ожить и отразиться в сознательном поведении, поскольку теперь, когда страх кастрации исчез, его чувство по отношению к ней больше не было опасным. После того как

¹ См. описание в «Торможении, симптоме и страхе».

Примеры избегания неудовольствия и опасности

его страх был рассеян, исчезла необходимость регрессии, к которой этот страх его привел, и он смог вновь достичь фаллического уровня развития либидо. Невроз ребенка был исцелен.

На этом закончим разговор о превратностях защитных процессов, направленных против инстинктов.

Но даже и после того, как аналитическая интерпретация позволила инстинктивной жизни Маленького Ганса обрести ее нормальный ход, его психические процессы некоторое время все еще оставались нарушенными. Он постоянно сталкивался с двумя объективными фактами, с которыми никак не мог примириться. Его собственное тело (в особенности пенис) было меньшим, чем у его отца, и отец для него выступал как противник, над которым он не надеялся одержать верх. Таким образом, оставалась объективная причина для зависти и ревности. Кроме того, эти аффекты распространялись также на его мать и маленькую сестру: он завидовал им, потому что, когда мать удовлетворяла физические потребности ребенка, обе они испытывали удовольствие, тогда как он оставался в роли простого наблюдателя. Вряд ли можно ожидать от пятилетнего ребенка уровня осознания и рассудительности, достаточного для того, чтобы избавиться от этих объективных фрустраций, утешив себя обещаниями удовлетворения в некотором отдаленном будущем, или чтобы принять это неудовольствие, как он принял факты своей детской инстинктивной жизни после того, как он осознанно признал их.

Из детального описания истории Маленького Ганса, приведенного в «Анализе фобии пятилетнего мальчика» (S. Freud, 1909), мы узнаем, что в действительности финал этих объективных фрустраций был совершенно иным. В конце анализа Ганс связал воедино две мечты:

фантазию о том, чтобы иметь много детей, за которыми бы он ухаживал и купал в ванной, и фантазию о слесаре, который клещами откусывает у Ганса ягодичи и пенис с тем, чтобы дать ему большие и лучшие. Аналитику (который был отцом Ганса) нетрудно опознать в этих фантазиях выполнение двух желаний, которые никогда не были реализованы в действительности. У Ганса теперь есть —

Эго и механизмы защиты

по крайней мере в воображении — такой же половой член, как у отца, и дети, с которыми он может делать то же, что его мать делает с его маленькой сестрой.

Еще даже до того, как он породил эти фантазии, Маленький Ганс расстался со своей агорафобией, и теперь, с этим новым психическим достижением, он наконец обрел душевное равновесие. Фантазии помогли ему примириться с реальностью, точно так же как невроз помог ему прийти к согласию со своими инстинктивными импульсами. Отметим, что сознательное понимание неизбежного не играло здесь никакой роли. Ганс отрицал реальность посредством своей фантазии; он трансформировал ее в соответствии со своими собственными целями и выполнением своих собственных желаний;

тогда, и только тогда, он смог принять ее.

Изучение защитных процессов в ходе анализа Маленького Ганса показывает, что судьба его невроза была определена начиная с того момента, когда он сместил свою агрессивность и тревогу с отца на лошадей. Однако это впечатление обманчиво. Такая замена человеческого объекта животным сама по себе не является невротическим процессом; она часто случается в нормальном развитии детей, и ее последствия у разных детей существенно различаются.

Например, семилетний мальчик, которого я анализировала, развлекался следующей фантазией. У него был ручной лев, который всех пугал и никого, кроме него, не любил. Он приходил по его зову и следовал за ним как собачонка, куда бы он ни шел. Мальчик присматривал за львом, кормил его и ухаживал за ним, а вечером устраивал ему постель у себя в комнате. Как это обычно бывает с мечтами, повторяющимися изо дня в день, главная фантазия стала основой многочисленных приятных эпизодов. Например, была особая мечта, в которой он приходил на маскарад и говорил всем, что лев, которого он привел с собой, — это всего лишь его переодетый друг. Это было неправдой, поскольку «переодетый друг» был в действительности его львом. Мальчик наслаждался, представляя, как бы все перепугались, если бы узнали его секрет. В то же время он чувствовал, что реальных оснований для страха окружающих нет,

Примеры избегания неудовольствия и опасности

поскольку, пока он держал льва под своим контролем, тот был безвредным.

Из анализа маленького мальчика легко можно было увидеть, что лев замещал отца, которого он, подобно Маленькому Гансу, ненавидел и боялся как реального соперника по отношению к своей матери. У обоих детей агрессивность трансформировалась в тревогу и аффект был перенесен с отца на животное. Но последующие способы обращения с этими аффектами были у них различны. Ганс использовал свой страх перед лошадьми как основу невроза, то есть он заставил себя отказаться от своих инстинктивных желаний, интернализовал весь конфликт и в соответствии с механизмом фобии избегал провоцирующих ситуаций. Мой пациент устроил дело более удобным для себя образом. Подобно Гансу в фантазии о слесаре, он просто отрицал болезненный факт и в своей фантазии о льве обращал его в его приятную противоположность. Он называл животное, на которое смещен страх, своим другом, и сила льва, вместо того чтобы быть источником страха, теперь находилась в распоряжении мальчика. Единственным указанием на то, что в прошлом лев был объектом тревоги, являлась тревога других людей, как это описано в воображаемых эпизодах¹.

А вот другая фантазия на тему животных, принадлежащая десятилетнему пациенту. В определенный период жизни этого мальчика животные играли исключительно важную роль; он проводил часы в мечтах, в которых фигурировали животные, и даже записывал некоторые из воображаемых эпизодов. В своей фантазии он имел огромный цирк и тоже был укротителем льва. Самых свирепых животных, которые на воле были смертельными врагами, он обучал жить вместе. Мой маленький пациент укрощал их, то есть он сначала обу-

¹ Берта Борнштейн описывает фантазии семилетнего мальчика, в которых сходным образом добрые животные превращались в злых. Каждый вечер ребенок расставлял игрушечных зверей вокруг своей постели как охраняющих божеств, но воображал, что ночью они действуют заодно с чудовищами, которые хотят напасть на него (B. Bornstein, 1936).

Эго и механизмы защиты

чал их не нападать друг на друга, а затем не нападать на людей. Укрощая животных, он никогда не пользовался хлыстом, а выходил к ним безоружным.

Все эпизоды, в которых фигурируют животные, концентрируются в следующей истории. Однажды во время представления, в котором они все участвовали, сидевший среди публики разбойник внезапно направил на мальчика пистолет. Все звери немедленно ринулись на его защиту и вырвали разбойника из толпы, не нанеся вреда никому другому. Дальнейший ход фантазии относился к тому, как звери — из преданности своему хозяину — наказали разбойника. Они держали его в плену, погребали его и с триумфом воздвигали над ним огромную башню из своих собственных тел. Затем они уводили его в свое логово, где он должен был провести три года. Перед тем как в конце концов отпустить его, много слонов, выстроившись в ряд, били его своими хоботами, а стоявший последним грозил ему поднятым пальцем (!) и предупреждал его, чтобы он никогда больше так не делал. Разбойник обещал это.

«Он никогда больше так не сделает, пока мои звери со мной.» После описания всего того, что звери сделали разбойнику, следовало любопытное завершение этой фантазии, содержащее уверение в том, что, пока он был их пленником, они кормили его очень хорошо, так что он даже не ослаб.

У моего семилетнего пациента фантазия о льве была явным указанием на отработку амбивалентной установки по отношению к отцу. Фантазия о цирке идет в этом отношении значительно дальше. При помощи того же самого процесса обращения внушающий страх реальный отец превращен в защищающих зверей из фантазии, но опасный отцовский объект вновь возникает в образе разбойника. В истории со львом было неясно, от кого в действительности замещающий отца лев защищает ребенка; обладание львом в основном возвышало мальчика в глазах других людей. Но в фантазии о цирке ясно, что сила отца, воплощенная в диких зверях, служила защитой от самого отца. Подчеркивание того, что раньше звери были дикими, означает, что в прошлом они были объектами тревоги. Их сила и ловкость, их хоботы

Примеры избегания неудовольствия и опасности

и поднятый палец очевидно связаны с отцом. Ребенок уделяет этим признакам большое внимание: в своей фантазии он изымает их у отца, которому он завидует, и, присвоив их себе, становится лучше его. Таким образом, их роли обращаются. Отец предупрежден, «чтобы он больше так не делал», и вынужден просить прощения. Замечательно то, что обещание безопасности для мальчика, которое звери в конце концов вырвали у отца, зависит от того, что мальчик по-прежнему будет ими владеть. В «постскрипту» относительно питания разбойника возобладал другой аспект амбивалентного отношения к отцу. Совершенно очевидно, что мечтатель чувствует необходимость успокоить себя относительно того, что, несмотря на все агрессивные действия, за жизнь его отца можно не беспокоиться.

Темы, появляющиеся в мечтах этих двух мальчиков, вовсе не являются их исключительной особенностью: они обычны для сказок и других детских историй¹. В связи с этим мне вспоминается история об охотнике и зверях, встречающаяся в фольклоре и сказках. Охотник был несправедливо обижен злым королем и изгнан из своего дома в лесу. Когда ему наступило время покинуть дом, он с грустью и тоской в сердце шел последний раз по лесу. Он встречал поочередно льва, тигра, пантеру, медведя и т. д. Каждый раз он целился в зверя из ружья, и каждый раз, к его удивлению, зверь начинал говорить и просил сохранить ему жизнь:

«Охотник, пощади, не убивай, я *двух*

детенышей тебе отдам!»²

Охотник соглашался на выкуп и продолжал свой путь вместе с отданными ему детенышами. В конце концов он собрал огромное количество молодых хищников и, поняв, что у него теперь есть грозное войско, которое

¹ Здесь вспоминается тема зверей-помощников, встречающаяся в мифах и обсуждающаяся время от времени в психоаналитической литературе, однако под другими углами зрения, нежели предлагаемый нами. См.: Rank O. The myth of the birth of the hero. N. Y., 1914.

² «Lieber Jager, lass mich leben / Ich will dir zwei Junge geben!»

Эго и механизмы защиты

будет сражаться за него, направился с ними в столицу и пошел к королевскому замку. Перепуганный король исправил совершенную по отношению к охотнику несправедливость и, кроме того, движимый страхом, отдал ему половину королевства и выдал за него замуж свою дочь.

Очевидно, что сказочный охотник воплощает сына, находящегося в конфликте со своим отцом. Борьба между ними разрешается своеобразным, окольным путем. Охотник удерживается от того, чтобы отомстить взрослому хищному животному, которое представляет собой первое замещение отца. В качестве вознаграждения он получает детенышей, в которых воплощена сила этих животных. При помощи этой вновь обретенной силы он побеждает своего отца и принуждает его дать ему жену. Реальная ситуация обращена еще раз: сильный сын становится со своим отцом, который, испугавшись этой демонстрации силы, подчиняется ему и выполняет все его желания. Приемы, используемые в сказке, совершенно те же самые, что и в фантазии моего пациента о цирке.

Помимо историй о животных мы находим в детских сказках другое соответствие фантазиям моего маленького пациента о льве. Во многих книжках для детей, — пожалуй, наиболее яркими примерами являются истории из «Маленького лорда Фаунтлероя»¹ и «Маленького полковника»² — есть маленький мальчик или девочка, которым, в противоположность всем ожиданиям, удается «приручить» несдержанного взрослого человека, который могуществен или богат и которого все боятся. Только ребенок может тронуть его сердце и завоевать его любовь, хотя всех остальных он ненавидит. Наконец, старик, которого никто не может контролировать и который не может контролировать сам себя, подчиняется влиянию и контролю маленького ребенка и даже начинает делать добро другим людям.

Эти сказки, как и фантазии о животных, доставляют удовольствие за счет полного обращения реальной

¹Alice Hodgson Burnett. ² Annie Fellows Johnston.

Примеры избегания неудовольствия и опасности

ситуации. Ребенок выступает как человек, который не только владеет сильной отцовской фигурой (лев) и контролирует ее, так что он превосходит всех вокруг; он также и воспитатель, который постепенно преображает зло в добро. Мои читатели вспомнят, что лев в первой фантазии был обучен не нападать на людей и что звери владельца цирка должны были прежде всего научиться контролировать свои агрессивные импульсы, направленные друг на друга и на людей. В этих детских историях страх, связанный с отцом, смещается точно так же, как и в фантазиях с животными. Он выдает себя в страхе других людей, которых ребенок успокаивает, но этот замещающий страх является дополнительным источником удовольствия.

В двух фантазиях Маленького Ганса и в фантазиях о животных других моих пациентов способ, при помощи которого можно избежать объективного неудовольствия и объективной тревоги, очень прост. Эго ребенка отказывается осознавать некоторую неприятную реальность. Прежде всего он поворачивается к ней спиной, отрицает ее и в воображении обращает нежелательные факты. Так «злой» отец становится в фантазии защищающим животным, в то время как беспомощный ребенок становится обладателем могущественных замещений отца. Если трансформация успешна и благодаря фантазии ребенок становится нечувствительным к данной реальности, эго спасено от тревоги и у него нет необходимости прибегать к защитным мерам против инстинктивных импульсов и к формированию невроза.

Этот механизм относится к нормальной фазе в развитии детского эго, но когда он возникает в последующей жизни, то указывает на развитую стадию психического заболевания. В некоторых острых спутанных психотических состояниях эго пациента ведет себя по отношению к реальности именно таким образом. Под влиянием шока, такого, как внезапная утрата объекта любви, оно отрицает факты и заменяет невыносимую реальность некоторой приятной иллюзией.

Когда мы сопоставляем детские фантазии с психо-тическими иллюзиями, то начинаем видеть, почему человеческое эго не может более экстенсивно использовать

Эго и механизмы защиты

этот механизм — одновременно столь простой и столь эффективный — отрицания существования объективных источников тревоги и неудовольствия. Способность эго отрицать реальность совершенно несовместима с другой его функцией, высоко им ценимой, — его способностью опознавать объекты и критически проверять их реальность. В раннем детстве эта несовместимость еще не оказывает возмущающего влияния. У Маленького Ганса, владельца льва и хозяина цирка, функция проверки реальности была совершенно не нарушена. Конечно же, они не верили действительно в существование своих зверей или в свое превосходство над отцами. Интеллектуально они были полностью способны отличить фантазию от факта. Но в сфере аффекта они аннулировали объективно болезненные факты и осуществили гипер-катексис фантазии, в котором эти факты были изменены, так что удовольствие, получаемое от воображения, возобладавало над объективным неудовольствием.

Трудно сказать, в какой момент эго утрачивает способность преодолевать значительные количества объективного неудовольствия при помощи фантазии. Мы знаем, что даже во взрослой жизни мечты все еще могут играть свою роль, иногда расширяя границы слишком узкой реальности, а иногда полностью обращая реальную ситуацию. Но во взрослой жизни мечта — всегда игра, род побочного продукта лишь с небольшим либидозным катексисом. Она позволяет, самое большее, овладеть некоторой частью дискомфорта или достичь иллюзорного облегчения от какого-либо незначительного неудовольствия. Повидимому, исходная значимость мечты как способа защиты от объективной тревоги утрачивается с окончанием раннего периода детства. Во всяком случае мы полагаем, что способность к проверке реальности объективно подкрепляется, так что она может закрепиться даже в сфере аффекта; мы знаем также, что в дальнейшей жизни потребность эго в синтезе делает возможным сосуществование противоположностей; возможно также, что привязанность зрелого эго к реальности вообще сильнее, чем у детского эго, так что по самой природе вещей фантазия перестает столь высоко цениться, как в ранние годы. В любом случае ясно,

Примеры избегания неудовольствия и опасности

что во взрослой жизни удовлетворение инстинктивного импульса через фантазию уже не безвредно. По мере роста катексиса фантазия и реальность становятся несовместимыми: должно быть либо одно, либо другое. Мы знаем также, что проникновение импульса ид в эго и его удовлетворение там посредством галлюцинации представляют собой для взрослого психотическое расстройство. Эго, которое пытается уберечься от тревоги, избавиться от инстинктов и избежать невроза, отрицая реальность, перегружает этот механизм. Если это происходит во время латентного периода, то разовьется какая-либо аномальная черта характера, как в случае с двумя мальчиками, истории которых я приводила. Если это происходит во взрослой жизни, отношения эго к реальности будут глубоко поколеблены¹.

Мы еще не знаем точно, что происходит во взрослом эго, когда оно выбирает иллюзорное удовлетворение и отказывается от функции проверки реальности. Ид освобождает себя от внешнего мира и полностью перестает регистрировать внешние стимулы. В инстинктивной жизни такая нечувствительность к внутренним стимулам может быть достигнута единственным путем — посредством вытеснения.

ОТРИЦАНИЕ В СЛОВЕ И ДЕЙСТВИИ

В течение нескольких лет детское эго может избавляться от нежелательных фактов, отрицая их и сохраняя при этом ненарушенной способность к проверке реальности. Ребенок полностью использует эту возможность, не замыкаясь при этом в сфере идей и фантазии, поскольку он не только мыслит, но и действует. Он использует самые разные внешние объекты, драматизи-

¹ Напомню читателю, что отношение механизма отрицания к психическому заболеванию и к формированию характера обсуждалось разными авторами. Хелен Дойч (H. Deutsch, 1933) показывает значение этого процесса в генезисе хронической гипомании. Бертрам Левин (B. D. Lewin, 1932) описывает, как этот же самый механизм используется вновь сформированным наслаждающимся эго (pleasure ego) пациента с гипоманией. Анни Ангель (A. Angel, 1934) отмечает связь между отрицанием и оптимизмом.

Эго и механизмы защиты

руя свое обращение реальной ситуации. Отрицание реальности, без сомнения, также является одним из многих мотивов, лежащих в основе детской игры в целом и исполнения роли в частности.

Я вспоминаю маленькую книжечку стихов английского писателя, в которой великолепно описано сосуществование фантазии и факта в жизни маленького ребенка. Это книга «Когда мы были маленькими» А. А. Милна. В детской ее трехлетнего героя есть четыре стула. Когда он сидит на первом из них, он — путешественник, плывущий ночью по Амазонке. На втором он — лев, пугающий рычанием свою няню. На третьем он — капитан, ведущий свой корабль через море. Но на четвертом, на высоком детском стульчике, он пытается притвориться самим собой, то есть маленьким мальчиком. Нетрудно увидеть замысел автора: элементы, из которых создается приятный мир фантазии, готовыми идут ребенку в руки, но его задача и его достижение заключаются в том, чтобы признать и усвоить факты реальности.

Интересна готовность взрослых использовать тот же самый механизм в своем взаимодействии с детьми. Большая часть удовольствия, которое они доставляют ребенку, основана на таком же отрицании реальности. Сплошь и рядом даже маленькому ребенку говорят о том, «какой он большой мальчик», и вопреки очевидным фактам утверждают, что он так же силен, «как папа», так же умен, «как мама», храбр, «как солдат», или крепок, как его «старший брат». Более естественным является использование взрослыми такого обращения фактов, когда они хотят успокоить ребенка. Взрослые уверяют его, когда он ушибся, что «теперь уже лучше», или что еда, которую он ненавидит, «совсем не плохая», или, когда он огорчен чьим-то уходом, мы говорим ему, что он или она «скоро придет». Некоторые дети усваивают эти утешающие формулы и используют стереотипные фразы для описания того, что болезненно для них. Например, маленькая девочка двух лет имеет привычку, когда бы ее мать ни вышла из комнаты, сообщать об этом факте механическим бормотанием: «Мама скоро придет». Другой ребенок привык возвещать жалобным голосом всякий раз,

Примеры избегания недовольства и опасности

когда он должен был принять невкусное лекарство, «любит его, любит его» — часть фразы, при помощи которой няня пыталась заставить его поверить, что капли вкусные.

Многие подарки, приносимые ребенку взрослыми гостями, способствуют той же иллюзии. Маленькая сумочка или крошечный зонтик должны помочь маленькой девочке изобразить «взрослую леди»; тросточка, различное игрушечное оружие позволяют маленькому мальчику подражать мужчине. Даже куклы, помимо того, что они используются во всяких других играх, создают иллюзию материнства, а железные дороги, машинки и кубики не только служат для выполнения различных желаний и обеспечивают возможность сублимации, но и создают в умах детей приятную фантазию о том, что они могут контролировать мир. Здесь мы переходим от собственно процессов защиты и избегания к процессам обусловливания детской игры — предмету, который исчерпывающе обсуждался с различных точек зрения академической психологией.

Все это дает новое основание для разрешения многолетнего конфликта между различными методами воспитания детей (Фребель против Монтессори). Реальная проблема заключается в том, в какой мере задачей воспитания должно быть поощрение детей даже младшего возраста к тому, чтобы они направили все свои усилия на ассимиляцию реальности, и в какой мере допустимо поощрять их отгораживаться от реальности и создавать мир фантазии.

Позволяя детям уходить в фантазии, при помощи которых они преобразуют болезненную реальность в ее противоположность, взрослые делают это при определенных строгих условиях. Предполагается, что дети будут удерживать действие своей фантазии в строго определенных границах. Ребенок, который только что был конем или слоном, расхаживал на четвереньках и ржал или трубил, должен быть готов по первому зову занять свое место за столом и быть спокойным и послушным. Укротитель львов должен быть готов подчиниться своей няне, а путешественник или пират должен послушно идти в постель, когда самые интересные вещи в мире взрослых

Эго и механизмы защиты

только начинаются. Снисходительное отношение взрослого к механизму отрицания у ребенка исчезает в тот момент, когда ребенок перестает осуществлять переход от фантазии к реальности с готовностью, без всякой задержки или заминки, или когда он пытается подчинить свое реальное поведение фантазиям, — точнее говоря, в тот момент, когда фантазия ребенка перестает быть игрой и становится автоматизмом или навязчивостью.

Одна маленькая девочка, которую я имела возможность наблюдать, не могла примириться с фактом различия между полами. У нее были старший и младший братья, и сравнение себя с ними было для нее постоянным источником острого неудовольствия, побуждавшего девочку как-то защититься от него или «проработать» его. В то же самое время эксгибиционизм играл существенную роль в развитии ее инстинктивной жизни, и ее зависть к пенису и желание иметь его приобрели форму желания иметь что-то, что она могла бы показывать, как и ее братья. Из того, что происходит в таких случаях с другими детьми, мы знаем, что существуют различные способы, при помощи которых она могла бы удовлетворить это желание. Например, желание показывать что-нибудь могло быть перенесено с гениталий на ее остальное прелестное тело. Или она могла развить у себя интерес к красивой одежде и стать «хвастливой». Или она могла заняться физическими упражнениями и гимнастикой для замещения акробатики гениталий ее братьев. Она же выбрала кратчайший путь. Она отвергла тот факт, что у нее нет пениса, и тем самым избавила себя от необходимости находить замещение; с этого времени она стала страдать навязчивым стремлением демонстрировать несуществующий орган. В физической сфере эта навязчивость выражалась в том, что она поднимала юбку и демонстрировала себя. Смыслом этого было: «Посмотрите, какая у меня есть отличная штука!» В повседневной жизни она при каждой возможности звала других, чтобы они пришли и посмотрели на что-то, чего там вообще не было¹: «Иди посмотри, сколько яиц снесли куры!».

¹Ср. с введенным С. Радо (S. Rado, 1933) понятием «желания пениса» у маленькой девочки, которое он описывает как галлюцинаторное воспроизводство виденного ею мужского члена.

Примеры избегания неудовольствия и опасности

«Послушайте, вон машина с дядей!» На самом деле не было ни яиц, ни машины, которую все нетерпеливо ждали. Вначале ее родные встречали эти шутки смехом и аплодисментами, но внезапное и повторяющееся разочарование в конце концов стало приводить ее братьев и сестер к потокам слез. Можно сказать, что ее поведение в это время находилось на грани между игрой и навязчивостью.

Еще более явно этот же самый процесс виден у семилетнего укротителя львов из предыдущей главы. Как показал анализ, его фантазии представляют собой не компенсацию остатков неудовольствия и тревоги, а попытку целиком овладеть, острым страхом кастрации. У него сформировалась привычка отрицания, вплоть до того, что он больше не мог удерживаться на уровне своего желания трансформировать объекты тревоги в дружественные существа, которые бы защищали его или повиновались ему. Он удвоил свои усилия; тенденция преуменьшать все, что пугает его, возросла. Все, что возбуждало тревогу, становилось для него объектом осмеяния, а поскольку все вокруг него было источником тревоги, весь мир приобрел черты абсурдности. Его реакцией на постоянное давление страха кастрации было не менее постоянное высмеивание. Вначале это производило шутливое впечатление, но навязчивый характер этого проявлялся в том, что мальчик был свободен от тревоги лишь тогда, когда шутил, а когда он пытался подойти к внешнему миру более серьезно, то расплачивался за это приступами тревоги.

Как правило, мы не видим ничего ненормального в маленьком мальчике, который хочет быть взрослым мужчиной и играет «в папу», позаимствовав для этого отцовскую шляпу и тросточку. Во всяком случае, это очень знакомая фигура. Мне рассказали, что это было излюбленной игрой одного из моих маленьких пациентов, который, когда я познакомилась с ним, впадал в исключительно плохое настроение, когда он видел необычно высокого или сильного мужчину. У него была привычка надевать отцовскую шляпу и разгуливать в ней. Пока никто не мешал ему, он был спокоен и счастлив. Точно так же во время летних каникул он, изображая взрослого, расхаживал с набитым рюкзаком на спи-

Эго и механизмы защиты

не. Разница между ним и маленьким мальчиком, который играет во взрослого, заключается в том, что мой маленький пациент играл всерьез, и, когда его заставляли снять шляпу — во время еды или при укладывании в постель,— он реагировал на это тревогой и плохим настроением.

Получив шапку, похожую на «настоящую», маленький мальчик воспроизвел поведение, обычно связанное со шляпой его отца. Он повсюду таскал ее с собой, конвульсивно теребя ее в руках, если ее не разрешалось надеть. Естественно, он постоянно обнаруживал, что хорошо бы использовать руки для других целей. Однажды, когда он тревожно озирался вокруг, не зная, куда деть шапку, он обратил внимание на передний карман своих брюк. Он немедленно засунул туда шапку, освободил руки и, к своему огромному облегчению, понял, что теперь ему не нужно больше расставаться со своим сокровищем. Шапка очутилась в том месте, которому она всегда принадлежала по своему символическому значению: она оказалась в непосредственной близости от его гениталий.

В приведенном описании я несколько раз, за неимением лучшего слова, описывала поведение этих детей как навязчивое. Для поверхностного наблюдателя оно действительно очень похоже на симптомы невроза навязчивости. Если, однако, мы пристальнее рассмотрим действия детей, то увидим, что они не являются навязчивыми в точном смысле этого слова. Их структура отлична от того, что характерно для невротических симптомов в целом. Верно, что, как и в случае формирования невротических симптомов, приводящий к навязчивым действиям процесс начинается с некоторой объективной фрустрации или разочарования, но возникающий при этом конфликт не интернализуется: он сохраняет свою связь с внешним миром. Защитная мера, к которой прибегает эго, направлена не против инстинктивной жизни, а непосредственно на внешний мир, причинивший фрустрацию. Так же как при невротическом конфликте восприятие запретных инстинктивных стимулов отвергается при помощи вытеснения, детское эго прибегает к отрицанию, чтобы не осознавать определен-

Примеры избегания неудовольствия и опасности

ные болезненные впечатления, поступающие извне. При неврозе навязчивости вытеснение обеспечивается с помощью формирования реакции, содержащей обращение вытесненного инстинктивного импульса (симпатия вместо жестокости, застенчивость вместо эксгибиционизма). Аналогично и в детских ситуациях, описанных мною, отрицание реальности дополняется и подтверждается, когда в своих фантазиях, словах или действиях ребенок обращает реальные факты. Поддержание навязчивого формирования реакций требует постоянного расхода энергии, который мы называем антикатексисом. Подобная затрата необходима и для того, чтобы это ребенка могло поддерживать и драматизировать его приятные фантазии. Мужественность братьев маленькой девочки, чей случай я описывала, постоянно выставлялась перед ней напоказ; с не меньшей регулярностью она отвечала утверждением: «Мне тоже есть что показать».

Зависть маленького мальчика в случае с шапкой постоянно возбуждалась мужчинами, которых он видел вокруг себя, и он упорно представал перед ними со шляпой, шапкой или рюкзаком, которые считал надежным доказательством собственной мужественности. Любое внешнее вмешательство в такого рода поведение дает такой же результат, как и помеха протеканию действительно навязчивой деятельности. Нарушается тщательно сохранявшееся равновесие между отвергавшейся тенденцией и защитной силой; внешний стимул, который отрицался, или инстинктивный стимул, который был вытеснен, стремится проложить себе путь в сознание и вызывает в это чувства тревоги и неудовольствия.

Способ защиты посредством отрицания в слове и действии подвержен таким же ограничениям во времени, как и те, что я обсуждала в предыдущей главе в связи с отрицанием в фантазии¹. Он может быть использован, лишь пока он способен сосуществовать со способностью к проверке реальности, не нарушая ее. Организация зрелого эго становится объединенной на основе

¹ «Деперсонализация» в детской игре, которую я не буду здесь детально анализировать, находится между «отрицанием в слове и действии» и «отрицанием в фантазии».

Эго и механизмы защиты

синтеза; способ отрицания отбрасывается и используется вновь лишь в том случае, когда отношение к реальности серьезно нарушено и функция проверки реальности приторможена. Например, в психотических иллюзиях кусок дерева может представлять объекты любви, к которым пациент стремится или которые он утратил, так же как дети используют подобные вещи для того, чтобы защитить себя¹. Единственным возможным исключением в неврозе является «талисман» навязчивых невротиков, но я не собираюсь углубляться в дискуссию относительно того, представляет ли собой этот предмет, столь драгоценный для пациентов, защиту от внутренних запретных импульсов или внешних враждебных сил, или же в нем сочетаются оба типа защиты.

Способ отрицания в слове и действии подвержен и второму ограничению, не относящемуся к отрицанию в фантазии. В своих фантазиях ребенок всемогущ. До тех пор пока он никому их не сообщает, никто не может в них вмешаться. Однако драматизация фантазий в слове и действии требует подмостков во внешнем мире. Таким образом, использование ребенком этого механизма внешне ограничено тем, в какой мере окружающие соглашаются с его драматизацией, так же как внутренне оно ограничено мерой совместимости с функцией проверки реальности. Например, в случае мальчика с шапкой успешность его защитных усилий целиком зависит от разрешения надевать ее дома, в школе и в детском саду. Однако люди вообще судят о нормальности или ненормальности таких защитных механизмов не по их внутренней структуре, а по степени их заметности. Пока навязчивость маленького мальчика имела форму хождения в шапке, у него был «симптом». Его считали странным ребенком, и всегда оставалась опасность, что у него отберут вещь, которая защищала его от тревоги. В следующий период жизни его стремление к защите становится менее заметным. Он откладывает рюкзак и головной убор и ограничивается тем, что носит в кармане карандаш. С этого времени он считается нормальным.

Ср. с понятием скотомизации у Р. Лафорга (R. Laforgue, 1928).

Примеры избегания неудовольствия и опасности

Он адаптировал свой механизм к своему окружению, или, по крайней мере, он скрыл его и не позволяет ему вступать в конфликт с требованиями других людей. Но это не значит, что произошли какие-либо изменения во внутренней тревожной ситуации. В успешности отрицания у себя страха кастрации он не менее навязчивым образом зависит от наличия при нем карандаша, и если он потеряет его или не- будет иметь при себе, то будет страдать от приступов тревоги и неудовольствия в точности так же, как и раньше.

Судьба тревоги иногда определяется терпимостью других людей по отношению к таким защитным мерам. Тревога может на этом остановиться и остаться ограниченной исходным «симптомом», или, если попытка защиты оказалась неудачной, она может развиваться дальше, приводя к внутреннему конфликту, к тому, что защитная борьба оборачивается против инстинктивной жизни, а тем самым к развитию настоящего невроза. Но было бы опасно пытаться предотвратить детский невроз, соглашаясь с отрицанием реальности ребенком. При чрезмерном использовании оно представляет собой механизм, который провоцирует в эго искажения, эксцентричность и идиосинкразии, от которых трудно избавиться после окончания периода примитивного отрицания.

ОГРАНИЧЕНИЕ эго

Наше сравнение механизмов отрицания и вытеснения, формирования фантазии и формирования реакции обнаружило параллелизм в способах, используемых эго для избегания неудовольствия, исходящего от внешних и внутренних источников. Такой же параллелизм мы обнаруживаем, исследуя другие, более простые защитные механизмы. Способ отрицания, на котором основана фантазия об обращении реальных фактов в их противоположность, используется в ситуациях, в которых невозможно избежать неприятного внешнего воздействия. Когда ребенок становится старше, его большая свобода физического перемещения и возросшая психическая активность позволяют ему избегать таких стимулов, и ему уже не нужно выполнять столь

Эго и механизмы защиты

сложную психическую операцию, как отрицание. Вместо того чтобы воспринимать болезненное впечатление, а затем аннулировать его, лишая его катексиса, эго может вообще отказаться от встречи с опасной внешней ситуацией. Ид может пуститься в бегство и тем самым в прямом смысле слова «избежать» возможности неудовольствия. Механизм избегания настолько примитивен и естествен и, кроме того, настолько нераздельно связан с нормальным развитием эго, что нелегко в целях теоретического обсуждения отделить его от обычного контекста и рассмотреть изолированно.

Когда я анализировала маленького мальчика, обозначенного в предыдущей главе как «мальчик с шапкой», я могла наблюдать, как его избегание неудовольствия развивается по этим линиям. Однажды, когда он был у меня дома, он нашел маленький альбом для рисования, который ему очень понравился. Он принялся с энтузиазмом заполнять страницы цветным карандашом, и ему понравилось, когда я стала делать то же самое. Однако вдруг он посмотрел на то, что я делаю, остановился и явно огорчился. В следующий момент он положил карандаш, пододвинул альбом (до того ревниво охраняемый) ко мне, встал и сказал: «Делай сама; я лучше посмотрю». Очевидно, когда он посмотрел на мой рисунок, он поразил его как более красивый, более искусный или в чем-то еще превосходящий его собственный;

это сравнение потрясло его. Он немедленно решил, что больше не будет со мной соревноваться, поскольку результаты этого неприятны, и отказался от деятельности, которая секундой раньше доставляла ему удовольствие. Он принял роль зрителя, который ничего не делает и которому поэтому не нужно сравнивать свои успехи с чьими-то чужими. Накладывая на себя это ограничение, ребенок избегает повторения неприятного впечатления.

Этот случай был не единичным. Игра со мной, которую он не смог выиграть, переводная картинка, которая была не так хороша, как моя, — короче говоря, все, что он не мог сделать так же хорошо, как эго, оказывалось достаточным для такой же резкой смены настроения. Ребенок переставал получать удовольствие от того,

Примеры избегания неудовольствия и опасности

что он делал, переставал это делать и, по-видимому, автоматически утрачивал к этому интерес.

При этом его поглощали занятия, в которых он чувствовал свое превосходство надо мной, и он готов был заниматься ими бесконечно. Было естественно, что, когда он первый раз потел в школу, он вел себя там в точности так же, как и, со мной. Он отказывался присоединяться к другим детям в игре или занятиях, в которых не чувствовал себя уверенно. Он ходил от одного ребенка к другому и «смотрел». Его способ овладевать неудовольствием, обращая его во что-то приятное, изменился. Он ограничил функционирование своего эго и в ущерб своему развитию уходил от любой внешней ситуации, которая могла привести к возникновению того тигра неудовольствия, которого он больше всего боялся. Лишь когда мальчик оказывался среди более младших детей, он отказывался от этих ограничений и принимал активное участие в их занятиях.

В детских садах и школах, устроенных на современный лад, когда классному обучению уделяется меньше внимания, чем самостоятельно выбранной индивидуальной работе, дети, похожие на моего маленького мальчика с шапкой, совсем не редки. Учителя говорят, что появилась новая группа детей, промежуточная между теми, кто умен, заинтересован и прилежен, с одной стороны, и теми, кто интеллектуально пассивен и кого трудно заинтересовать и вовлечь в работу, с другой. Этот юный тип на первый взгляд не может быть отнесен ни с одной из привычных категорий неуспевающих учеников. Хотя такие дети явно умны, хорошо развиты и популярны среди школьных товарищей, их невозможно заставить принять участие в систематических играх или уроках. Несмотря на то что используемый в школе метод Основан на тщательном избегании критики и порицания, дети ведут себя так, словно их запугивают. Малейшее сравнение их достижений с достижениями других детей лишает работу в их глазах всякой ценности. Если им не удастся выполнить задачу или конструктивную игру, они отказываются повторить попытку. В результате они остаются пассивными и отказываются занимать любое место или участвовать в любом занятии, ограни-

чиваясь наблюдением за работой других. Их безделье имеет вторичный антисоциальный эффект, потому что, скучая, они начинают ссориться с детьми, поглощенными работой или игрой.

Контраст между хорошими способностями и малой продуктивностью этих детей заставляет думать, что они невротически заторможены и что нарушение, от которого они страдают, основано на процессах и содержаниях, знакомых нам из анализа истинных торможений. В обоих случаях картина свидетельствует об одинаковом отношении к прошлому. В обоих случаях симптом связан не со своим реальным объектом, но с чем-то, что в настоящем замещает какой-то доминировавший в прошлом интерес. Например, когда ребенок заторможён в счете или мышлении, или взрослый — в речи, или музыкант — в игре, реальная деятельность, которой они избегают, — это не мыслительная работа с понятиями или числами, не произнесение слов, не касание струн смычком или клавиш пианино пальцами. Сами по себе эти виды деятельности для эго безвредны, но они оказались связанными с прошлой сексуальной активностью, которую человек отринул; теперь же они представляют ее, и, став таким образом «сексуализированными», они являются объектом защитных операций эго. Точно так же у детей, защищающихся от недовольства, которое они испытывают при сравнении их достижений с достижениями других, чувство, о котором идет речь, является замещающим. Размер больших достижений другого человека означает (или, по крайней мере, означает это у моих пациентов) размер гениталий, больших, чем их собственные, и дети завидуют этому. Кроме того, когда их поощряют соревноваться со сверстниками, это напоминает о безнадежном соперничестве, имевшем место на эдиповой фазе развития, или приводит к неприятному осознанию различий между полами.

В одном отношении, однако, два вида нарушений различаются. С одной стороны, дети, которые настаивают на том, чтобы играть роль зрителей, вновь обретают свои способности к работе, если изменяются условия, в которых они должны работать. С другой стороны, ис-

Примеры избегания неудовольствия и опасности

тинные торможения не меняются, и перемены во внешней среде их практически не затрагивают. Маленькая девочка, относящаяся к первой группе, по внешним причинам вынуждена была некоторое время не ходить в школу, где она привыкла «смотреть». Ее учили дома, и она под видом игры овладела знаниями, которые оставались для нее закрытой книгой, пока она находилась с другими детьми. Я знаю похожий случай полного поворота у другой маленькой девочки семи лет. Она вернулась в школу, успев перед этим позаниматься с частным репетитором. Во время этих домашних уроков ее поведение было нормальным и не обнаруживалось ни малейших признаков торможения, но она не могла достичь столь же хороших результатов в школе, где преподавание велось по тем же направлениям. Таким образом, эти две девочки могли учиться лишь при условии, что их достижения не будут сравниваться с достижениями других детей, точно так же, как мальчик, которого я анализировала, мог играть только с младшими, но не со старшими детьми. Внешне эти дети ведут себя так, словно действия, о которых идет речь, подвержены как внутреннему, так и внешнему торможению. В действительности, однако, задержка осуществляется автоматически и происходит тогда, когда в результате конкретной деятельности возникает неприятное ощущение. Психическая ситуация этих детей похожа на ту, которая, как показано в исследованиях женственности, характерна для маленьких девочек на определенном поворотном этапе их развития (S. Freud, 1933). Независимо, от какого бы то ни было страха наказания или угрызений совести маленькая девочка в определенный период своей жизни занимается клиторической мастурбацией, ограничивая тем самым свои мужские стремления. Ее самолюбие унижено, когда она сравнивает себя с мальчиками, которые лучше вооружены для мастурбации, и она не хочет, чтобы ей снисхождением постоянно напоминали о ее ущербности.

Было бы неверно полагать, что такие ограничения накладываются на эго только с целью избежать неудовольствия, вытекающего из осознания своей неполноценности по сравнению с другими, то есть из разочаро-

Эго и механизмы защиты

вания и обескураженности. В анализе десятилетнего мальчика я наблюдала такое ограничение деятельности как переходный симптом, имевший целью избежать непосредственной объективной тревоги. Но у этого ребенка была противоположная причина для тревоги. На определенной стадии своего анализа он стал блестящим футболистом. Его доблесть была признана большими мальчиками в его школе, и к его огромному удовольствию, они позволили ему присоединиться к ним в их играх, хотя он был намного младше их. Вскоре он рассказал следующий сон. Он играл в футбол, и большой мальчик ударил по мячу с такой силой, что мой пациент вынужден был перепрыгнуть через него, чтобы не быть сбитым. Он проснулся с чувством тревоги. Интерпретация сна показала, что гордость от того, что его приняли в игру большие мальчики, быстро обернулась тревогой. Он боялся, что они позавидуют его игре и станут агрессивными по отношению к нему. Ситуация, которую он сам создал, играя так хорошо, и которая вначале была источником удовольствия, стала источником тревоги. Та же самая тема вскоре вновь появилась в фантазии, когда он собирался ложиться спать. Ему показалось, что он видит, как другие мальчики пытаются отбить ему ноги большим футбольным мячом. Мяч с силой летел в него, и он поджимал ноги, чтобы уберечь их. Мы уже обнаружили в анализе этого мальчика, что ноги имеют для него особое значение. Круглым путем ольфакторных ощущений и представлений о негибкости и хромоте ноги стали представлять пенис. Сон и фантазия сдержали его страсть к игре. Его игра ухудшилась, и вскоре восхищение им исчезло. Смыслом этого отступления было: «Вам уже не нужно отбивать мне ноги, потому что я теперь не так хорошо играю».

Но процесс не окончился ограничением эго в одном направлении. Когда мальчик перестал играть, он внезапно развил другую сторону своих способностей — всегда имевшуюся у него склонность к литературе и написанию сочинений. Он начал читать мне стихи, некоторые из которых сочинил сам, принес мне короткие рассказы, написанные, когда ему было всего семь лет, и строил честолюбивые планы литературной карьеры.

Примеры избегания неудовольствия и опасности

Футболист превратился в писателя. Во время одного из аналитических сеансов он построил график, чтобы проиллюстрировать свое отношение к различным мужским профессиям и хобби. В середине была большая жирная точка, обозначающая литературу, в кружке вокруг нее находились различные науки, а практические профессии были обозначены более удаленными точками. В одном из верхних углов страницы, близко к краю, стояла маленькая точка. Она обозначала спорт, который совсем недавно занимал в его мыслях такое важное место. Маленькая точка была способом выразить то исключительное презрение, которое он теперь питал к спортивным играм. Было поучительно видеть, как за несколько дней при помощи процесса, напоминающего рационализацию, его осознанная оценка различных видов деятельности изменилась под влиянием тревоги. Литературные достижения мальчика в это время были поистине удивительными. Когда он перестал отличаться в играх, в функционировании его это образовался разрыв, который был заполнен сверхизобилием продукции в другом направлении. Как и можно было ожидать, анализ показал, что в основе тревоги, связанной с мыслью о том, что старшие мальчики могут отомстить ему, лежала реактивация его соперничества с отцом.

Маленькая девочка десяти лет отправилась на свой первый бал, полная радостных предчувствий. Она надела новое платье и туфли, о которых долго мечтала, и с первого взгляда влюбилась в самого красивого и элегантного мальчика на балу. Случилось так, что, хотя он был ей совершенно незнаком, его звали так же, как и ее. Вокруг этого факта она соткала фантазию о том, что между ними есть тайная связь. Она делала ему авансы, но не встретила поддержки. В действительности, когда они танцевали вместе, он смеялся над ее неуклюжестью. Разочарование было одновременно и ударом, и унижением. С этого времени она стала избегать балов, утратила интерес к одежде и не хотела учиться танцевать. Некоторое время она получала удовольствие, глядя на то, как танцуют другие дети, не присоединяясь к ним и отказываясь от всех приглашений. Постепенно она стала относиться к этой стороне своей жизни с презрени-

Эго и механизмы защиты

ем. Но, как и маленький футболист, она компенсировала себе такое ограничение своего эго. Отказавшись от женских интересов, она стала выделяться интеллектуально и этим кружным путем в конце концов завоевала признание многих мальчиков своего возраста. Позже в анализе выяснилось, что отпор, полученный ею от мальчика, которого звали так же, как и ее, означал для нее повторение травматического переживания раннего детства. Элементом ситуации, от которого убегало ее эго, как и в тех случаях, что я описывала раньше, была не тревога и не чувство вины, а интенсивное неудовольствие, вызванное неудачным соревнованием.

Рассмотрим теперь различие между торможением и ограничением эго. Человек, страдающий от невротического торможения, защищает себя от перехода в действие некоторого запретного инстинктивного импульса, то есть от высвобождения неудовольствия через некоторую внутреннюю опасность. Даже когда, как при фобиях, тревога и защита кажутся связанными с внешним миром, он на самом деле боится своих собственных внутренних процессов. Он избегает ходить по улицам, чтобы не подвергаться некогда осаждавшим его соблазнам. Он избегает вызывающего у него тревогу животного, чтобы защитить себя не от самого животного, а от тех агрессивных тенденций внутри себя, которые эта встреча может возбудить, и от их последствий. При этом в ограничении эго неприятные внешние впечатления в настоящем отвергаются, потому что они могут оживить сходные впечатления, бывшие в прошлом. Возвращаясь к нашему сравнению между механизмами вытеснения и отрицания, мы можем сказать, что различие между торможением и ограничением эго заключается в следующем: в первом случае эго защищается от своих собственных внутренних процессов, во втором — от внешних стимулов.

Из этого фундаментального различия следуют и другие различия между этими двумя психическими ситуациями. За каждой невротически заторможенной активностью лежит инстинктивное желание. Упрямство, с которым каждый отдельный импульс идет стремиться достичь своей цели, превращает простой процесс тормо-

Примеры избегания неудовольствия и опасности

жения в фиксированный невротический симптом, который представляет собой постоянный конфликт между желанием ид и защитой, воздвигнутой эго. Пациент растрчивает в этой борьбе свою энергию; его импульсы ид с небольшими изменениями присоединяются к желанию считать, говорить публично, играть на скрипке или чем-нибудь еще, тогда как эго в это время с не меньшим упорством препятствует или, по крайней мере, искажает выполнение его желания.

Когда ограничение эго осуществляется вследствие объективной тревоги или неудовольствия, такой фиксации на прерываемой деятельности не происходит. Здесь подчеркивается не сама деятельность, а неудовольствие или удовольствие, которое она вызывает. В погоне за удовольствием и в усилиях избежать неудовольствия эго использует все свои способности. Ид прекращает те виды деятельности, которые высвобождают неудовольствие и тревогу, и не хочет больше заниматься ими. Забрасывается вся область интересов, и, если опыт эго был неудачным, оно направляет всю свою энергию на достижение чего-либо прямо противоположного. Примером этому может служить маленький футболист, обратившийся к литературе, и маленькая танцовщица, чье разочарование привело к тому, что она стала отличницей. Конечно, в этих случаях эго не создало новых способностей; оно просто использовало те, которыми /же обладало.

Как метод избегания неудовольствия, ограничение эго, подобно различным формам отрицания, не относится;я исключительно к психологии неврозов, а представля-т собой нормальную стадию в развитии эго. Когда эго долодо и пластично, его уход от одной области деятель-[ости иногда компенсируется превосходством в другой, [а которой оно концентрируется. Но когда оно стало ри-идным или уже приобрело интолерантность к неудоволь-твию, став таким образом навязчиво фиксированным на пособе избегания, такой уход карается нарушенным раз-итием. Сдавая одну позицию за другой, оно становится дносторонним, утрачивает слишком много интересов и южет добиться лишь небольших достижений.

Эго и механизмы защиты

В теории воспитания важность решимости детского эго избежать неудовольствия оценена недостаточно, и это привело к провалу ряда воспитательных экспериментов в недавнем прошлом. Современный метод заключается в том, чтобы давать растущему эго ребенка большую свободу действий и особенно позволять ему свободно выбирать виды деятельности и интересы. Идея состоит в том, что таким образом эго лучше разовьется и сможет быть достигнута сублимация в различных формах. Но дети в подростковом возрасте могут придавать большее значение избеганию тревоги и неудовольствия, чем прямому или косвенному удовлетворению инстинкта. Во многих случаях при отсутствии внешнего руководства выбор ими занятия определяется не их конкретными талантами и способностями к сублимации, а надеждой обезопасить себя как можно быстрее от тревоги и неудовольствия. К удивлению воспитателя, результатом свободы выбора в таких случаях оказывается не расцвет личности, а обеднение эго.

Такие защитные меры против объективного неудовольствия и опасности, как те три, которые я использовала в этой главе в качестве иллюстрации, представляют собой со стороны детского эго профилактику невроза — профилактику, которую оно предпринимает на свой собственный страх и риск. Для того чтобы избежать страдания, оно препятствует развитию тревоги и деформирует само себя. Кроме того, защитные меры, которые оно усваивает, — будь то бегство от физической доблести к интеллектуальным достижениям, или упорная решимость женщины быть на равной ноге с мужчинами, или ограничение деятельности общением только с более слабыми — в дальнейшей жизни подвержены всем видам нападений извне. Человек может оказаться вынужденным изменить свой образ жизни из-за какой-нибудь катастрофы, такой, как утрата объекта любви, болезнь, бедность или война, и тогда эго опять столкнется с исходной ситуацией тревоги. Утрата привычной защиты от тревоги может, подобно фрустрации какого-то привычного удовлетворения инстинкта, стать непосредственной причиной невроза.

Примеры двух типов защиты

Дети еще в такой степени зависимы от других людей, что такие возможности формирования невроза могут быть созданы или устранены в зависимости от действий взрослых. Ребенок, который ничему не учится в школе со свободным методом преподавания и проводит время просто наблюдая или рисуя, при строгом режиме становится «заторможенным». Жесткое настаивание других людей на какой-либо неприятной деятельности может заставить его зафиксироваться на ней, но тот факт, что он не может избежать неудовольствия, заставляет его искать новые способы овладения этим чувством. Однако даже полностью развернутое торможение или симптом могут быть изменены, если обеспечена внешняя защита. Мать, чья тревога возбуждена и чье самолюбие унижено при виде дефекта своего ребенка, будет защищать и охранять его от неприятных внешних ситуаций. Но это означает, что ее отношение к симптому ребенка в точности такое же, как у больного фобией к своим приступам тревоги: искусственно ограничивая свободу действий ребенка, она позволяет ему убежать и избежать страдания. Совместные усилия матери и ребенка по обеспечению безопасности ребенка от тревоги и неудовольствия, по всей видимости, приведут к исчезновению симптомов, столь характерных для детских неврозов. В таких случаях невозможно объективно оценить тяжесть симптоматики ребенка до тех пор, пока он не будет лишен своей защиты.

Примеры двух типов защиты

ИДЕНТИФИКАЦИЯ С АГРЕССОРОМ

Вскрыть защитные механизмы, к которым обычно прибегает эго, бывает относительно легко, когда каждый из них используется отдельно и лишь в случае конфликта с какой-либо конкретной опасностью. Когда мы обнаруживаем отрицание, мы знаем, что это реакция на внешнюю опасность; когда имеет место вытеснение, эго борется с инстинктивным стимулом. Сильное внешнее сходство между торможением и ограничением эго с меньшей уверенностью позволяет говорить, явля-

Эго и механизмы защиты

ются ли эти процессы частью внешнего или внутреннего конфликта. Дело обстоит намного сложнее, когда защитные механизмы сочетаются или когда один и тот же механизм используется то против внутренней, то против внешней силы. Прекрасной иллюстрацией обеих этих трудностей является процесс идентификации. Поскольку это один из факторов развития суперэго, он участвует в овладении инстинктом. Но, как я надеюсь показать ниже, бывают случаи, когда идентификация сочетается с другими механизмами, образуя одно из наиболее мощных орудий эго в его действиях с внешними объектами, возбуждающими тревогу.

Август Айхорн рассказывает, что, когда он консультировал школьный комитет, ему пришлось иметь дело с учеником начальной школы, которого привели к нему из-за привычки гримасничать. Учитель жаловался на то, что поведение мальчика, когда его ругали или порицали, было ненормальным. Он начинал при этом корчить такие гримасы, что весь класс взрывался от смеха. Учитель считал, что либо мальчик насмехается над ним, либо лицо у него дергается из-за какого-нибудь тика. Его слова тут же подтвердились, потому что мальчик начал гримасничать прямо на консультации, но, когда учитель, мальчик и психолог оказались вместе, ситуация разъяснилась. Наблюдая внимательно за обоими, Айхорн увидел, что гримасы мальчика были просто карикатурным отражением гневного выражения лица учителя и бессознательно копировали его лицо во время речи. Своими гримасами он ассимилировался, или идентифицировался, с угрожающим внешним объектом.

Мои читатели вспомнят случай с маленькой девочкой, которая пыталась при помощи магических жестов справиться с унижением, связанным с завистью к пенису. Этот ребенок сознательно и целенаправленно использовал механизм, к которому мальчик прибегал неосознанно. Дома она боялась проходить через темный зал из страха перед привидениями. Однако внезапно она обнаружила способ, позволявший ей делать это: она пробегала через зал, выделявая различные странные жесты. Девочка с триумфом сообщила своему младшему брату секрет того, как она справи-

Примеры двух типов защиты

лась со своей тревогой. «Можно не бояться, когда идешь через зал,— сказала она,— нужно лишь представить себе, что ты то самое привидение, которое должно тебе встретиться». Так обнаружилось, что ее магические жесты представляют собой движения, которые, по ее мнению, должно делать привидение.

Мы можем рассматривать такой вид поведения у двух описанных мною детей как идиосинкразию, но в действительности для примитивного эго это один из наиболее естественных и распространенных типов поведения, давно известный тем, кто исследует примитивные способы вызывать и изгонять духов и примитивные религиозные церемонии. Кроме того, существует много детских игр, в которых посредством превращения субъекта в угрожающий объект тревога превращается в приятное чувство безопасности. Это — новый подход к изучению игр с перевоплощением, в которые так любят играть дети.

Однако физическая имитация антагониста представляет собой ассимиляцию лишь одного элемента сложного переживания тревоги. Нам известно из наблюдения, что имеются и другие элементы, которыми необходимо овладеть. Шестилетний пациент, на которого я уже ссылаюсь, должен был несколько раз посетить зубного врача. Вначале все шло замечательно. Лечение не причиняло ему боли, он торжествовал и потешался над самой мыслью о том, что кто-то может этого бояться. Но в один прекрасный день мой маленький пациент явился ко мне в на редкость плохом настроении. Врач сделал ему больно. Он был раздражен, недружелюбен и вымещал свои чувства на вещах в моей комнате. Его первой жертвой стал кусок индийского каучука. Он хотел, чтобы я дала ему его, а когда я отказалась, он взял нож и попытался разрезать его пополам. Затем он пожелал большой клубок бечевки. Он хотел, чтобы я и его отдала ему, и живо обрисовал мне, какие замечательные поводки он сделает из нее для своих животных. Когда я отказалась отдать ему весь клубок, он снова взял нож и отрезал большой кусок бечевки, но не использовал его. Вместо этого через несколько минут он начал резать бечевку на мелкие кусочки. Наконец он отбросил клубок и обратил свое вни-

Эго и механизмы защиты

мание на карандаши — начал без устали затачивать их, ломая кончики и затачивая снова. Было бы неправильно сказать, что он играл «в зубного врача». Реального воплощения врача не было. Ребенок идентифицировался не с личностью агрессора, а с его агрессией.

В другой раз этот маленький мальчик пришел ко мне сразу после того, как с ним случилось небольшое происшествие. Он участвовал в игре во дворе школы и на всем ходу налетел на кулак учителя физкультуры, который тот как раз случайно выставил перед собой. Губа у него была разбита, лицо залито слезами, и он пытался спрятать и то и другое, закрывая лицо руками. Я попыталась утешить и успокоить его. Он ушел от меня очень расстроенным, но на следующий день появился снова, держась очень прямо, и был вооружен до зубов. На голове у него была военная каска, на боку — игрушечный меч, а в руке — пистолет. Увидев, что я удивлена этой перемене, он сказал мне просто: «Эго пожелало, чтобы все это было при мне, когда я буду играть с вами». Однако он не стал играть; вместо этого он сел и написал письмо своей матери: «Дорогая мамочка, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пришли мне перочинный нож, который ты мне обещала, и не жди до Пасхи!». В этом случае мы тоже не можем сказать, что для того, чтобы овладеть тревожным переживанием предыдущего дня, он воплотил в себе учителя, с которым столкнулся. В данном случае он не имитировал и его агрессию. Оружие и форма, будучи мужскими атрибутами, явно символизировали силу учителя и, подобно атрибутам отца в фантазиях о животных, помогли ребенку идентифицироваться с мужественностью взрослого и тем защититься от нарциссического унижения или от реальных неудач.

Приведенные примеры иллюстрируют знакомый нам процесс. Ребенок интроецирует некоторые характеристики объекта тревоги и тем самым ассимилирует уже перенесенное им переживание тревоги. Здесь механизм идентификации или интроекции сочетается с другим важным механизмом. Воплощая агрессора, принимая его атрибуты или имитируя его агрессию, ребенок преобразуется из того, кому угрожают, в того, кто угрожает. В «По ту сторону принципа удовольствия» (S. Freud, 1920) детально

Примеры двух типов защиты

обсуждается значение такого перехода от пассивной к активной роли как средства ассимиляции неприятного или травматического опыта в детстве. «Если доктор смотрел у ребенка горло или произвел небольшую операцию, то это страшное происшествие, наверно, станет предметом ближайшей игры, но нельзя не заметить, что получаемое при этом удовольствие проистекает из другого источника. В то время как ребенок переходит от пассивности переживания к активности игры, он переносит это неприятное, которое ему самому пришлось пережить, на товарища по игре и мстит таким образом тому, кого этот последний замещает» (ibid., p. 17). То, что истинно относительно игры, истинно также и относительно другого поведения детей. В случае мальчика, корчившего гримасы, и девочки, практиковавшей магию, не ясно, что в конце концов стало с угрозой, с которой они идентифицировались, но в случае плохого настроения другого мальчика агрессия, принятая от зубного врача и учителя физкультуры, была направлена против всего мира в целом.

Этот процесс трансформации еще больше поражает нас своей необычностью, когда тревога связана не с каким-то событием в прошлом, а с чем-то ожидаемым в будущем. Я вспоминаю мальчика, имевшего привычку яростно трезвонить входным звонком детского дома, в котором он жил. Как только дверь открывалась, он начинал громко бранить горничную за то, что она так долго не открывала и не слышала звонка. В промежутке между звонком и приступом ярости он испытывал тревогу, как бы его не отругали за его невоспитанность — за то, что он звонит слишком громко. Он набрасывался на служанку, прежде чем она успевала пожаловаться на его поведение. Горячность, с которой он бранил ее, — профилактическая мера — указывала на интенсивность его тревоги. Принятая им агрессивность была направлена на конкретного человека, от которого он ожидал агрессии, а не на какое-либо замещение. Обращение ролей нападающего и подвергающегося нападению было в данном случае доведено до своего логического завершения.

Женни Вельдер дала яркое описание этого процесса у пятилетнего мальчика, которого она лечила¹.

¹ Устное сообщение на Венском семинаре по лечению детей (см.: K. Hall, 1946).

Эго и механизмы защиты

Когда анализ подошел вплотную к материалу, касающемуся мастурбации и связанных с ней фантазий, мальчик, до того застенчивый и заторможенный, стал неимоверно агрессивным. Его обычно пассивное отношение исчезло, и от его женственных черт не осталось и следа. Во время анализа он заявлял, что он рычащий лев, и нападал на аналитика. Он носил с собой прут и играл в Крэмпуса¹, то есть стегал им направо и налево, когда шел по лестнице у себя дома, а также в моей комнате. Его бабушка и мать жаловались, что он пытается ударить их по лицу. Беспокойство матери достигло предела, когда он принялся размахивать кухонными ножами. Анализ показал, что агрессивность ребенка не может считаться указанием на то, что было снято торможение каких-то его инстинктивных импульсов. До высвобождения его мужских стремлений было еще далеко. Он просто страдал от тревоги. Введение в сознание и необходимое признание его более ранней и недавней сексуальной активности возбудили в нем ожидание наказания. Согласно его опыту, взрослые сердились, когда обнаруживали, что ребенок занимается такими вещами. Они кричали на него, отпускали ему пощечины или били его розгой; возможно, они могли бы даже что-то отрезать у него ножом. Когда мой маленький пациент принял на себя активную роль, рыча, как лев, и размахивая прутком и ножом, он драматизировал и предвосхищал наказание, которого так боялся. Он интроецировал агрессию взрослых, в чьих глазах ощущал себя виноватым, и, сменив пассивную роль на активную, направил свои собственные агрессивные действия против этих самых людей. Каждый раз, когда мальчик оказывался на грани сообщения мне того, что он считал опасным материалом, его агрессивность возрастала. Но, как только его запретные мысли и чувства были высказаны, обсуждены и интерпретированы, ему стал не нужен прут Крэмпуса, который до этого он неизменно таскал с собой, и он оставил его у меня дома. Его навязчивое стремление бить других исчезло вместе с исчезновением тревожного ожидания того, что побьют его самого.

¹ Черт, сопровождавший св. Николая и наказывавший непослушных детей-

Примеры двух типов защиты

«Идентификация с агрессором» представляет собой нормальную стадию развития суперэго. Когда два мальчика, чьи случаи я описала, идентифицировались с угрозой наказания, исходящей от старших, они сделали важный шаг к формированию суперэго: они интернализовали критику другими их поведения. Когда ребенок постоянно повторяет этот процесс интернализации и интроецирует качества людей, ответственных за его воспитание, присваивая их характеристики и мнения, он постоянно поставляет материал, из которого может формироваться суперэго. Но в это время ребенок еще не признает всем сердцем эту организацию. Интернализованная критика не сразу становится самокритикой. Как мы видели на приведенных мною примерах, она еще отделена от собственного предосудительного поведения ребенка и оборачивается назад, во внешний мир. При помощи нового защитного процесса идентификация с агрессором сменяется активным нападением на внешний мир.

Рассмотрим более сложный пример, который, возможно, прольет свет на это новое развитие защитного процесса. Один мальчик на пике своего эдипова комплекса использовал этот конкретный механизм для овладения фиксацией на своей матери. Его прекрасные отношения с ней были нарушены взрывами негодования. Он укорял ее страстно и по самым разным поводам, но одно странное обвинение фигурировало постоянно; он упорно жаловался на ее любопытство. Легко увидеть первый шаг в проработке его заторможенных аффектов. В его воображении мать знала о его либидозном чувстве к ней и с возмущением отвергала его авансы. Ее возмущение активно воспроизводилось в его собственных взрывах негодования по отношению к ней. Однако в противоположность пациенту Женни Вельдер он упрекал ее не вообще, а конкретно в любопытстве. Анализ показал, что это любопытство было элементом инстинктивной жизни не его матери, а его собственной. Из всех составляющих инстинктов, входящих в его отношения с ней, скопофилическим импульсом овладеть было труднее всего. Обращение ролей было полным. Он принял на себя возмущение своей матери, а ей взамен приписал свое собственное любопытство.

Эго и механизмы защиты

¹ На некоторых фазах сопротивления молодая пациентка горько упрекала аналитика в скрытности. Она жаловалась на то, что аналитик слишком скрытна, приставала к ней с личными вопросами и очень расстраивалась, если не получала ответа. После этого упреки прекращались, но вскоре начинались вновь, всегда одним и тем же стереотипным, по-видимому, автоматизированным образом. В этом случае мы также можем выделить в психическом процессе две фазы. Время от времени по причине торможения, мешавшего ей выговориться, пациентка сознательно сама вытесняла очень личный материал. Она знала, что нарушает основное правило анализа, и ожидала, что аналитик будет упрекать ее. Она интроецировала вымышленный упрек и, приняв активную роль, принялась упрекать аналитика. Ее фазы агрессии в точности совпадали во времени с фазами скрытности. Она критиковала аналитика как раз за то, в чем сама чувствовала себя виноватой. Ее собственное скрытное поведение воспринималось как предосудительное поведение со стороны аналитика.

У другой молодой пациентки периодически случались вспышки неимоверной агрессивности.

Объектами этих вспышек были эго, ее родители и другие менее близкие ей люди. В особенности она жаловалась на две вещи. Во-первых, во время этих фаз у нее было такое чувство, что люди скрывают от нее что-то, известное всем, кроме нее, и ее мучило желание узнать, что же это такое. Во-вторых, она была глубоко разочарована недостатками всех своих друзей. Как и в предыдущем случае, когда периоды, в которые пациентка скрывала материал, совпадали с периодами жалоб на скрытность аналитика, у этой пациентки агрессивные фазы наступали автоматически, как только ее вытесненные фантазии о мастурбации, не осознаваемые ею самой, готовы были всплыть в ее сознании. Осуждение ею собственных объектов любви соответствовало порицанию, которого она ожидала от них из-за своей детской мастурбации. Она полностью идентифицировалась с этим осуждением и обернула его против внешнего мира. Тайна, которую все от нее скрывали, была тайной ее собственной мастурбации, которую она хранила не только от других, но и от

Примеры двух типов защиты

себя. Здесь также агрессивность пациентки соответствует агрессивности других людей, а ее тайна является отражением ее собственного вытеснения.

Эти три примера дали нам некоторое представление об истоках этой фазы в развитии функционирования суперэго. Даже после того как внешняя критика была интроецирована, угроза наказания и допущенный проступок все еще не соединились в психике пациента. В то время как критика интернализуется, проступок эк-стернализуется. Это означает, что механизм идентификации с агрессором дополняется другой защитной мерой, а именно проекцией вины.

Эго, которое при помощи защитного механизма проекции развивается в этом направлении, интроецирует авторитеты, критике которых оно подвержено, и включает их в суперэго. После этого оно становится способным проецировать запретные импульсы вовне. Его нетерпимость по отношению к другим людям опережает строгость по отношению к себе. Эго узнает, что достойно порицания, но защищается от неприятной самокритики при помощи этого защитного механизма. Сильное негодование по поводу чужих неправильных поступков — предшествование и замещение чувства вины по отношению к самому себе. Негодование эго возрастает автоматически, когда близится восприятие его собственной вины. Эта стадия развития суперэго представляет собой предварительную фазу нравственности. Истинная нравственность начинается тогда, когда интернационализованная критика, теперь включенная в предъявляемую суперэго норму, совпадает с восприятием своего собственного проступка со стороны эго. Начиная с этого момента строгость суперэго обращается вовнутрь, а не наружу, и человек становится не столь нетерпимым к другим людям. Но, достигнув этой стадии своего развития, эго должно выдерживать острейшее неудовольствие, причиняемое самокритикой и чувством вины.

Вполне возможно, что многие люди задерживаются на промежуточной стадии развития суперэго и никогда не завершают интернализации процесса критики. Хотя они и воспринимают свою собственную вину, тем

Эго и механизмы защиты

не менее продолжают оставаться весьма агрессивными по отношению к другим людям. В таких случаях поведение суперэго по отношению к другим столь же безжалостно, как и поведение суперэго по отношению к собственному эго пациента при меланхолии. По-видимому, когда развитие суперэго таким образом заторможено, преждевременно начинают развиваться меланхолические состояния.

«Идентификация с агрессором» представляет собой, с одной стороны, предварительную фазу развития суперэго, а с другой — промежуточную стадию развития паранойи. Она сходна с первой механизмом идентификации, а со второй — механизмом проекции. В то же время идентификация и проекция представляют собой нормальные виды деятельности эго, и их результаты существенно различаются в зависимости от того материала, к которому они применены.

Конкретное сочетание интроекции и проекции, которое мы обозначили термином «идентификация с агрессором», может рассматриваться как нормальное лишь в той мере, в какой эго использует этот механизм в своем конфликте с авторитетом, то есть в своих попытках совладать с объектом тревоги. Это защитный процесс, который перестает быть безобидным и становится патологическим, когда он направлен на любовную жизнь человека. Когда муж перемещает на жену свое собственное стремление к неверности, а затем страстно упрекает ее в неверности, в действительности он интроецирует упреки жены и проецирует часть своего ид¹. Эго намерение, однако, заключается в защите себя не от агрессии извне, а от разрушения своей позитивной либидозной фиксации на ней возмущающими внешними силами. Соответственно отличается и результат. Вместо агрессивного отношения к бывшему внешнему противнику пациент развивает навязчивую фиксацию на своей жене, и эта фиксация приобретает форму проецируемой ревности.

¹ Ср.: Freud S. *Some neurotic mechanisms in jealousy, paranoia and homosexuality*. 1922.

Примеры двух типов защиты

Когда механизм проекции используется как защита от гомосексуальных любовных импульсов, он сочетается еще и с другими механизмами. Обращение (в этом случае обращение любви в ненависть) дополняет то, что начали интроекция и проециция, и результатом оказывается развитие параноидальных иллюзий. В любом случае — при защите против гетеросексуальных или гомосексуальных любовных импульсов — проекция больше не является произвольной. Выбор места для своих бессознательных импульсов со стороны эго определяется «наличным материалом (*Wahrnehmungsmaterial*), в котором проявляются аналогичные бессознательные импульсы партнера» (8. Freud, 1922).

С теоретической точки зрения анализ процесса «идентификации с агрессором» помогает нам различать способы употребления конкретных защитных механизмов; на практике это позволяет нам отличать приступы тревоги в переносе от вспышек агрессии. Когда анализ вносит в сознание пациента истинные бессознательные агрессивные импульсы, сдерживаемый аффект будет искать выход через отреагирование в переносе. Но если в основе его агрессии лежит то, что, как он предполагает, является нашей критикой, стремление «дать ей практический выход» и «отреагировать» ее не окажет на агрессию ни малейшего влияния. Агрессия возрастает, пока бессознательные импульсы остаются запретными, и исчезает, как у маленького мальчика, который признался в своей мастурбации лишь с исчезновением страха перед наказанием и перед суперэго.

ФОРМА АЛЬТРУИЗМА

Механизм проекции нарушает связь между идеациональными представлениями опасных инстинктивных импульсов и эго. В этом он очень напоминает процесс вытеснения. Другие защитные процессы, такие, как смещение, обращение или борьба против себя самого, влияют на сам инстинктивный процесс; вытеснение и проекция в основном предотвращают его осознание. При вытеснении нежелательная идея отбрасывается обратно в ид, тогда как при проекции она смещается во внешний мир. Другим моментом, в котором проекция сход-

Эго и механизмы защиты

на с вытеснением, является то, что она не связана ни с какой конкретной тревожной ситуацией, но в равной мере может быть мотивирована объективной тревогой, тревогой суперэго и инстинктивной тревогой. Авторы английской школы психоанализа утверждают, что в первые месяцы жизни, еще до всякого вытеснения, ребенок уже проецирует свои первые агрессивные импульсы и что этот процесс чрезвычайно важен для формирующегося у ребенка представления об окружающем мире и для направления, в котором развивается его личность.

Во всяком случае, использование механизма проекции весьма естественно для эго маленьких детей в ранний период развития. Они используют его как способ отрицания своих собственных действий и желаний, когда те становятся опасными, и для возложения ответственности за них на какую-то внешнюю силу. «Чужой ребенок», животное, даже неодушевленные предметы могут быть использованы детским эго для того, чтобы избавиться от своих собственных недостатков. Для него естественно постоянно избавляться таким образом от запретных им импульсов и желаний, полностью возлагая их на других людей. Если эти желания влекут за собой наказание со стороны старших, эго выставляет в качестве мальчика для битья тех людей, на которых оно их спроецировало; если же проекция была вызвана чувством вины, то вместо того, чтобы критиковать себя, эго обвиняет других. В любом случае оно отделяет себя от своих действий и в своих суждениях о них проявляет крайнюю нетерпимость.

Механизм проекции нарушает наши человеческие отношения, когда мы проецируем нашу собственную ревность и приписываем другим людям наши собственные агрессивные действия. Но он может также действовать и иным образом, позволяя нам формировать дружеские привязанности и тем самым укреплять наши отношения друг с другом. Эта нормальная и менее заметная форма проекции может быть названа «альтруистическим подчинением»¹ наших собственных инстинктивных импульсов в пользу других людей.

¹ «Altruistische Abtretung»;
дом Бибрингом (Edward Bibring).

Примеры двух типов защиты

Ниже следует пример того, что я имею в виду. Молодая гувернантка сообщила в ходе анализа, что в детстве она была одержима двумя идеями — хотела иметь красивую одежду и много детей. В своих мечтах она была почти полностью поглощена картиной осуществления этих двух желаний. Но она хотела и многого другого — иметь и делать все то, что имели и делали ее друзья, которые были намного старше ее; в действительности она хотела все делать лучше их и хотела, чтобы ею восхищались за ее ум. Ее вечный крик «И я!» бесконечно надоел старшим членам семьи. Он свидетельствовал о ее желаниях, которые были одновременно острыми и ненасыщаемыми. Что больше всего поражало в ней взрослой — так это ее скромный характер и непритязательность требований к жизни. Когда она пришла на анализ, она была незамужней и бездетной, а ее одежда — поношенной и неброской. Она не проявляла зависти и честолюбия и соревновалась с другими людьми лишь в том случае, если ее вынуждали к этому внешние обстоятельства. Первое впечатление было таким, что, как это часто бывает, она развилась в прямо противоположном направлении, нежели этого можно было ожидать по ее детству, а ее желания были вытеснены и замещены в сознании формированием реакций (скромность вместо стремления к восхищению и непритязательность вместо честолюбия). Можно было ожидать, что причина вытеснения лежит в запрете сексуальности, распространяясь с ее эксгибиционистских импульсов и желания иметь детей на всю инстинктивную жизнь.

Но в то время, когда я познакомилась с ней, в ее поведении были особенности, противоречившие такому впечатлению. Когда ее жизнь была изучена более детально, стало ясно, что ее исходные желания проявились таким образом, который был бы невозможен, если бы имело место вытеснение. Отрицание ее собственной сексуальности не уничтожило в ней живого интереса к любовной жизни ее подруг и коллег. Она с энтузиазмом занималась сватовством, и ей доверялось много любовных историй. Хотя она и не проявляла никакой заботы о своей собственной одежде, она живо интересовалась одеждой своих друзей. Сама бездетная, она была преда-

Эго и механизмы защиты

на чужим детям, на что указывала и выбранная ею профессия. Она была чрезвычайно озабочена тем, чтобы у ее друзей была красивая одежда, чтобы ими восхищались и чтобы у них были дети. Точно так же, несмотря на свое собственное скромное поведение, она проявляла честолюбие в отношении мужчин, которых она любила, и с чрезвычайным интересом следила за их карьерой. Было похоже на то, что ее собственная жизнь была полностью лишена интересов и желаний; вплоть до времени анализа в ней практически не случалось никаких событий. Вместо того чтобы стремиться к достижению собственных целей, она растрачивала всю свою энергию на сочувствие людям, о которых заботилась. Она жила жизнью других людей вместо того, чтобы иметь какие-либо переживания в своей собственной.

Анализ ее отношений с матерью и отцом в детстве ясно обнаружил природу происшедшей с ней внутренней трансформации. В результате ее раннего отказа от инстинкта сформировалось исключительно строгое су-перэго, которое сделало для нее невозможным удовлетворение ее собственных желаний. Ее желание иметь пенис, с ответвлениями в форме честолюбивых мужских фантазий, было запрещено, равно как и ее женское желание показаться своему отцу голой или в красивой одежде и завоевать его восхищение. Но эти импульсы не были вытеснены: она нашла замещения во внешнем мире для размещения каждого из них. Тщеславие подруг дало опору для проекции ее собственного тщеславия, а ее ли-бидозные желания и честолюбивые фантазии также были размещены во внешнем мире. Она спроецировала свои запретные инстинктивные импульсы на других людей точно так же, как и пациенты, которых я описывала в предыдущей главе. Единственное различие заключается в том, как потом обращались с этими импульсами. Пациентка не отделяла себя от своих замещений, а идентифицировалась с ними. Она демонстрировала сочувствие желаниям других людей и чувствовала наличие необычайно сильной связи между этими людьми и собой. Ее суперэ-го, осуждавшее конкретный инстинктивный импульс, когда он был связан с ее собственным эго, оказывалось неожиданно терпимым к нему в других людях. Она удов-

Примеры двух типов защиты

летворяла свои инстинкты, соучаствуя в их удовлетворении другими, используя для этой цели механизмы проекции и идентификации¹. Установка на скромность и запрет ее собственных импульсов привели к тому, что сама она словно исчезала, когда речь шла об удовлетворении тех же самых желаний после того, как они были спроецированы на других. Таким образом, ее отказ от своих собственных инстинктивных импульсов в пользу других людей имеет эгоистическое значение, но ее поведение, стремящееся удовлетворить импульсы других, не может быть названо иначе как альтруистическое.

Такая передача своих собственных желаний другим людям была характерна для всей ее жизни и очень ясно прослеживалась в анализе маленьких изолированных инцидентов. Например, в возрасте тринадцати лет она тайно влюбилась в друга своей старшей сестры, который ранее был объектом ее ревности. Ей представлялось, что временами он предпочитает ее сестре, и она всегда надеялась, что он как-нибудь даст ей понять, что любит ее. Однажды, как это уже бывало не раз, случилось так, что ею пренебрегли. Молодой человек неожиданно позвонил вечером и пригласил ее сестру на прогулку. В анализе пациентка очень отчетливо вспомнила, как, вначале будучи парализованной от разочарования, она вдруг начала суетиться, приносить все, чтобы сделать сестру «красивой» для прогулки, и нетерпеливо помогать ей приготовиться. Занимаясь этим, пациентка почувствовала себя совершенно счастливой и совсем забыла, что развлекаться идет не она, а ее сестра. Она спроецировала свое желание любви и стремление к восхищению на свою соперницу и, идентифицировавшись с объектом своей зависти, наслаждалась выполнением своего желания.

Она проходила через тот же самый процесс, когда дело касалось не исполнения желания, а, скорее, его фрустрации. Она любила давать детям, за которыми ухаживала, разные вкусные вещи. Однажды мать отказала своему ребенку в каком-то лакомстве. Хотя

¹Ср. с понятием «сочувствующей» идентификации и комментариями П. Федерна по этому поводу (P. Federn, 1936).

Эго и механизмы защиты

сама пациентка была к лакомствам равнодушна, отказ матери ее страшно возмутил. Она пережила фрустрацию желания ребенка так, словно оно было ее собственным, точно так же как в другом случае она наслаждалась исполнением желаний своей сестры. Очевидно, что то, что она делала для других людей, давало ей возможность беспрепятственно реализовывать собственные желания.

Эта последняя черта проявляется даже еще ярче в переживаниях другой пациентки. Молодая женщина, бывшая в очень дружеских отношениях со своим свекром, очень странно прореагировала на смерть свекрови. Вместе с другой женщиной из семьи она взялась распорядиться вещами покойной. В отличие от всех остальных моя пациентка отказалась взять себе хоть одну вещь. Вместо этого она отложила одно пальто в подарок отсутствовавшей в то время кузине. Сестра свекрови хотела отрезать от пальто меховой воротник и взять его себе; и тут пациентка, которая до этого была безразличной и незаинтересованной, впала в бешеную ярость. Всю ярость своей обычно заторможенной агрессии она обратила на свою тетку и настояла на том, что ее протеже получит то, что она хотела ей отдать. Анализ этого инцидента показал, что пациентка не взяла ничего из вещей свекрови из-за чувства вины. Взять что-нибудь символизировало для нее исполнение желания занять место свекрови рядом со свекром. Поэтому она отказалась от всех своих притязаний и от желания стать наследницей своей «матери» в пользу кузины. Сделав это, однако, она почувствовала всю силу желания и смогла настоять на его реализации, чего бы она никогда не сделала, если бы речь шла о ней самой. Суперэго, столь беспощадно относившееся к ее собственному инстинктивному импульсу, санкционировало желание, когда оно перестало быть связанным с собственным эго пациентки. Когда дело касалось выполнения желания другого человека, агрессивное поведение, которое до этого обычно тормозилось, вдруг стало приемлемым для эго.

Обратив внимание на такое сочетание проекции и идентификации, используемое в целях защиты, мы можем увидеть в повседневной жизни множество случаев,

Примеры двух типов защиты

подобных описанным мною. Например, молодая девушка, мучившаяся сомнениями по поводу собственного замужества, делала все, что могла, чтобы устроить помолвку своей сестры. Пациент, который страдал от навязчивого торможения и не мог истратить на себя ни копейки, не колебался в щедрых тратах на подарки. Другая пациентка, которую ее тревога удерживала от путешествия, оказалась неожиданно настойчивой в советах друзьям предпринять его. Во всех этих случаях идентификация пациента с другом, сестрой, получателем подарка выдает себя неожиданным теплым чувством связи между ними, которое сохраняется до тех пор, пока косвенным образом не будет удовлетворено его собственное желание. Шутки о «сводничестве старых дев» и о «надоедливых наблюдателях, для которых ни одна ставка не является слишком высокой»¹, неувядаемы. Передача своих собственных желаний другому человеку и попытка таким косвенным образом обеспечить безопасность их удовлетворения, без сомнения, сродни тому интересу и удовольствию, которые получает человек, наблюдая за игрой, в которой сам он не делает ставок.

Этот защитный процесс служит двум целям. С одной стороны, он позволяет человеку проявлять дружеский интерес к удовлетворению инстинктов других людей и, таким образом, косвенно и несмотря на запрет суперэго удовлетворять свои собственные; с другой стороны, он высвобождает заторможенную активность и агрессию, исходно предназначенные для обеспечения удовлетворения инстинктивных желаний в их первичной связи с самим собой. Пациентка, которая не может и пальцем пошевелить для удовлетворения своих собственных оральных импульсов, может чувствовать негодование при отказе матери удовлетворить своего ребенка, то есть, при ограничении оральных импульсов кого-то другого. Для невестки, для которой наследование имущества покойной запрещено, допустимо защищать символические права другого со всей силой собственной агрессии. Служащий, который никогда не осмелится попросить о повышении зарплаты для себя, осаждает руководителя требованиями в защиту интересов своего

¹ «oKiebitze, denen Kein Spiel zu hoch ist».

Эго и механизмы защиты

коллеги. Анализ таких ситуаций показывает, что истоки этого защитного процесса лежат в конфликте ребенка с властью родителей по поводу определенных форм удовлетворения инстинкта. Агрессивные импульсы, направленные против матери и сдерживавшиеся все время, пока дело касалось удовлетворения собственных желаний человека, высвобождаются, когда желания являются чьими-то чужими. Наиболее знакомым представителем такого типа личности является человек, занимающийся благотворительностью, который с крайней агрессивностью и энергией требует денег у одной группы людей для того, чтобы отдать их другой. По-видимому, крайним выражением этого является случай убийцы, который во имя угнетаемого убивает угнетателя. Объектом, на который направляется высвободившаяся агрессия, неизменно оказывается представитель власти, принуждавший человека в детстве к отказу от инстинкта.

Различные факторы определяют выбор объекта, во имя которого происходит отказ от инстинктивных импульсов. Возможно, что восприятия запретного импульса в другом человеке оказывается достаточно для того, чтобы указать эго на возможность проекции. В случае пациентки, распределявшей имущество свекрови, тот факт, что замещающая фигура не была близкой родственницей, являлся гарантией безопасности желания самой пациентки, представлявшего собой ее кровосмесительные импульсы. В большинстве случаев замещающий объект ранее был объектом зависти. Альтруистичная гувернантка в моем первом примере сместила собственные честолюбивые мечты на своих друзей-мужчин, а свои либидозные желания — на подруг. Первые пришли на смену ее привязанности к отцу и старшему брату, которые оба были объектами ее зависти к пенису, а последние представляли сестру, на которую в более позднем периоде детства эта зависть была смещена в форме зависти к ее красоте. Пациентка чувствовала, что, будучи девочкой, она не сможет реализовать свои честолюбивые стремления, и в то же время она не была достаточно красивой для того, чтобы привлекать внимание мужчин. Разочаровавшись в себе, она сместила свои желания на объекты, которые, как она чувствовала-

Примеры двух типов защиты

ла, лучше приспособлены для их удовлетворения. Ее друзья-мужчины косвенно достигали в профессиональной жизни того, чего ей самой было никогда не достичь, а ее более красивые подруги делали то же самое в области любви. Ее альтруистический отказ был способом преодолеть испытываемое ею нарциссическое унижение.

Отказ от инстинктивных желаний в пользу объекта, более подходящего для их реализации, часто определяет отношение девушки к мужчине, которого она выбирает для того, чтобы он замещал ее — в ущерб истинной связи с объектом. На основании такой «альтруистической» привязанности она ожидает, что он реализует планы, которые, как она считает, она сама не может реализовать из-за своего пола: например, она хочет, чтобы он стал студентом, или приобрел определенную профессию, или стал вместо нее знаменитым или богатым. В таких случаях эгоизм и альтруизм могут смешиваться в самых различных пропорциях. Мы знаем, что родители иногда навязывают своим детям собственные жизненные планы — одновременно и альтруистически, и эгоистически.

Дело обстоит так, словно они хотят через ребенка, которого они считают более подходящим для этой цели, вырвать у жизни исполнение желаний, которых им самим реализовать не удалось. Возможно, что даже наиболее альтруистическое отношение матери к своему сыну во многом определяется таким отказом от своих собственных желаний в пользу объекта, чей пол делает его «более подходящим» для реализации. И действительно, жизненный успех мужчины существенно компенсирует отказ женщин его семьи от их собственных мечтаний. ^

Наиболее тонкое и детальное исследование такого альтруистического отречения мы можем найти в пьесе Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак». Герой этой пьесы — историческая фигура, французский дворянин XVII в., поэт и гвардейский офицер, известный своим умом и храбростью, но не имевший успеха у женщин из-за огромного носа. Он пылко влюбился в свою прекрасную кузину Роксану, но, зная о своем уродстве, отказался от всякой надежды завоевать ее сердце.

Вместо того чтобы, используя свое замечательное искусство фехтовальщика, держать на расстоянии

Эго и механизмы защиты

всех соперников, он отказывается от своих надежд на ее любовь в пользу человека, более красивого, чем он сам.

Совершив эту жертву, он обращает свою силу, храбрость и ум на службу этому более удачливому любовнику и делает все, что в его силах, чтобы помочь ему добиться цели. Кульминацией пьесы является ночная сцена под балконом женщины, которую любят оба мужчины. Сирано подсказывает своему сопернику слова, которыми тот должен завоевать ее. Затем он в темноте занимает его место и говорит вместо него, забывая в пылу своего ухаживания о том, что ухаживает-то не он. Обратно к своей позиции уступившего он возвращается лишь в последний момент, когда просьба Кристиана, красавца-любовника, удовлетворена и он забирается на балкон, чтобы поцеловать свою любимую. Сирано становится все более и более преданным своему сопернику и в бою больше старается спасти его жизнь, чем свою. Когда эта замещающая фигура отнята у него смертью, он чувствует, что ему нельзя ухаживать за Роксаной. То, что поэт описывает в «альтруизме» Сирано нечто большее, чем странную любовную историю, ясно из параллели, которую он проводит между любовной жизнью Сирано и его судьбой как поэта. Точно так же как Кристиан ухаживает за Роксаной при помощи писем Сирано, такие писатели, как Корнель, Мольер и Свифт, заимствуют целые сцены из его неизвестных произведений, укрепляя тем самым свою славу. В пьесе Сирано смиряется с этой судьбой. Он в равной мере готов уступить свои слова как Кристиану, который красивее его, так и Мольеру, который гениальнее, чем он. Внешний дефект поэта—необыкновенно длинный нос, — вызывающий, по его мнению, к нему презрение, заставляет Сирано де Бержерака думать, что другие больше подходят для реализации его мечтаний, чем он сам.

В заключение рассмотрим понятие альтруистического отречения еще с одной стороны, а именно в его отношении к страху смерти. Тому, кто широко проецирует свои инстинктивные импульсы на других людей, этот страх незнаком. В момент опасности его эго не беспокоится за свою собственную жизнь. Вместо этого оно испытывает исключительную озабоченность и тревогу за жизни своих объектов любви. Наблюдения показыва-

Примеры двух типов зашиты

ют, что эти объекты, безопасность которых так важна для него, суть замещающие фигуры, на которые он сместил свои инстинктивные желания.

Например, молодая гувернантка, чей случай я описывала, испытывала чрезвычайно большую тревогу за своих подруг во время их беременности и родов. В пьесе, на которую я ссылаюсь, Сирано в бою ставит безопасность Кристиана выше своей собственной. Было бы ошибкой полагать, что речь здесь идет о вытесненном соперничестве, прорвавшемся в желании смерти, которое затем вытесняется. Анализ показывает, что как тревога, так и ее отсутствие исходят из того, что человек считает свою собственную жизнь достойной сохранения лишь при наличии возможности удовлетворения собственных инстинктов. Когда он отрекается от своих импульсов в пользу других людей, их жизни становятся для него дороже, чем своя собственная. Смерть замещающей фигуры означает — как смерть Кристиана означала для Сирано — утрату всякой надежды на удовлетворение.

Лишь после анализа, заболев, молодая гувернантка обнаружила, что мысль о смерти для нее болезненна. К ее собственному удивлению, она обнаружила, что горячо стремится прожить достаточно долго для того, чтобы успеть обставить свой новый дом и сдать экзамен, который обеспечит ее профессиональное продвижение. Ее дом и экзамен означали, хотя и в сублимированной форме, выполнение инстинктивных желаний, которые анализ позволил ей еще раз связать с собственной жизнью¹.

¹ Существует явное сходство между ситуацией альтруистического отречения и условиями, определяющими мужскую гомосексуальность. Гомосексуалист отрекается от своих притязаний на любовь матери к младшему брату, которому он ранее завидовал. Правда, он сам удовлетворяет это притязание, принимая материнскую позицию, то есть наслаждаясь как активной, так и пассивной стороной отношений между матерью и сыном. Трудно определить, в какой мере этот процесс включен в описанные мною различные формы альтруистического отречения. И Сирано, и альтруистичная молодая гувернантка должны были получать удовольствие от этого механизма еще даже до того, как они косвенным образом получили удовольствие от успехов своих замещающих фигур. Восторг, испытываемый ими, когда они дают и помогают, показывает, что отречение само по себе является

Защита, мотивированная страхом перед силой инстинктов (на примере явления пубертата)

Эго и ид в ПЕРИОД полового СОЗРЕВАНИЯ

Из всех периодов человеческой жизни, в которых инстинктивные процессы обретают первостепенную важность, период полового созревания всегда привлекал наибольшее внимание. Психические явления, свидетельствовавшие о наступлении полового созревания, долгое время были предметом психологического исследования. В неаналитических работах мы находим много замечательных описаний изменений, происходящих в характере в эти годы, нарушений психического равновесия и в первую очередь непонятных и непримиримых противоречий, появляющихся в психической жизни. Подростки исключительно эгоистичны, считают себя центром Вселенной и единственным предметом, достойным интереса, и в то же время ни в один из последующих периодов своей жизни они не способны на такую преданность и самопожертвование. Они вступают в страстные любовные отношения лишь для того, чтобы оборвать их так же внезапно, как и начали. С одной стороны, они с энтузиазмом включаются в жизнь сообщества, а с другой — они охвачены страстью к одиночеству. Они колеблются между слепым подчинением избранному ими лидеру и вызывающим бунтом против любой и всяческой власти. Они

удовлетворением инстинкта. Как и в процессе идентификации с агрессором, пассивность трансформируется в активность, нарциссическое унижение компенсируется чувством силы, связанным с ролью благодетеля, а пассивное переживание фрустрации компенсируется активным дарованием счастья другим.

Открытым остается вопрос о том, существует ли истинно альтруистическое отношение к своему ближнему, в котором удовлетворение своего собственного инстинкта вообще не имеет места даже в замещенной или сублимированной форме. Во всяком случае, проекция и идентификация не являются единственными способами обретения позиции, имеющей все признаки альтруизма; например, другой — и более легкий — путь к той же самой цели заключается в различных формах мазохизма.

Защита, мотивированная страхом

эгоистичны и материалистичны и в то же время преисполнены возвышенного идеализма. Они аскетичны, но внезапно погружаются в распущенность самого примитивного характера. Иногда их поведение по отношению к другим людям грубо и бесцеремонно, хотя сами они неимоверно ранимы. Их настроение колеблется между сияющим оптимизмом и самым мрачным пессимизмом. Иногда они трудятся с неиссякающим энтузиазмом, а иногда медлительны и апатичны.

Официальная психология стремится объяснить эти явления двумя различными путями. В соответствии с одной теорией этот сдвиг в психической жизни происходит из-за химических изменений, то есть представляет собой прямое следствие начала функционирования половых желез. Это, так сказать, простое психическое сопровождение физиологических изменений. Другая теория отвергает всякое представление о такой связи между физическим и психическим. В соответствии с ней революция, происходящая в психической сфере, является просто знаком того, что индивид достиг психической зрелости, точно так же как одновременно происходящие физические изменения свидетельствуют о физической зрелости. Подчеркивается, что тот факт, что психические и физические процессы появляются одновременно, не доказывает наличия причинно-следственной связи между ними. Таким образом, вторая теория утверждает, что психическое развитие полностью независимо от процессов, происходящих в железах, и от инстинктивных процессов. Эти два направления психологической мысли сходятся в одном: оба они считают, что не только физические, но и психические явления периода полового созревания исключительно важны для развития индивида и что именно здесь лежит начало и исток сексуальной жизни, способности любить и характера в целом.

В отличие от академической психологии психо-анализ до настоящего времени не обнаруживал склонности концентрироваться на психологических проблемах периода полового созревания, хотя в других случаях)н очень часто использует противоречия в психической жизни как исходный пункт для своих исследований.

Эго и механизмы защиты

Если исключить несколько работ, в которых было заложено основание исследования периода полового созревания (S. Freud, 1905; E. Jones, 1923; S. Bernfeld, 1923), можно сказать, что авторы-психоаналитики в основном пренебрегали этим периодом и уделяли больше внимания другим стадиям развития. Причина этого очевидна. Психоанализ не разделяет взгляда, согласно которому сексуальная жизнь человека начинается в период полового созревания. В соответствии с нашей теорией у сексуальной жизни есть две исходные точки. Впервые она начинается на первом году жизни. В раннем сексуальном периоде, а не в периоде полового созревания осуществляются критические шаги в развитии, проходят важные прегенитальные фазы сексуальной организации, развиваются и приводятся в действие различные сложные инстинкты и определяется нормальность или аномальность индивида, его способность или неспособность любить. Изучая этот ранний период, мы ожидаем получить знания об истоках и развитии сексуальности, которые академическая психология надеется приобрести в результате исследования периода полового созревания. Период полового созревания — лишь одна из фаз в развитии человеческой жизни. Это — первое повторение детского сексуального периода; второе повторение наступает в климактерическом периоде. Каждый сексуальный период — это возобновление и воскрешение того, что уже было пройдено. Конечно же, помимо этого, каждый из них вносит в сексуальную жизнь человека что-то свое. Благодаря тому факту, что физическая сексуальная зрелость наступает в период полового созревания, генитальность в этом периоде выступает на первый план и генитальные тенденции преобладают над прегенитальными составляющими инстинктами. В климактерическом периоде, когда физические сексуальные функции ослабевают, генитальные импульсы вспыхивают в последний раз и прегенитальным импульсам вновь воздается должное.

До сих пор в психоаналитических работах рассматривалось в основном сходство между этими тремя периодами выраженной сексуальности в человеческой жизни. Наиболее тесно они сходны друг с другом в количествен-

ном соотношении между силой эго и силой инстинктов. В каждом случае — в раннем детском периоде, в периоде полового созревания и в климактерическом периоде — относительно сильное ид противостоит относительно слабому эго. Мы можем, таким образом, сказать, что это — периоды, в которых ид сильно, а эго ослаблено. Кроме того, имеется большое качественное сходство "о одном из двух факторов в отношениях между ид и эго в эти три периода. Ид человека в течение всей жизни в основном остается одним и тем же. Верно, что инстинктивные импульсы способны к изменению, когда они вступают в столкновение с эго и с требованиями внешнего мира. Но внутри самого ид не происходит никаких или почти никаких изменений, за исключением продвижения от прегенитальных к генитальным инстинктивным целям.

Сексуальные желания, готовые при любом подкреплении либидо преодолеть вытеснение, равно как и связанные с ними катексисы объектов и фантазии, очень мало различаются в детстве, в периоде полового созревания, во взрослой жизни и в климактерическом периоде. Мы видим, таким образом, что в основе качественного сходства между тремя периодами в жизни человека, в которых возрастает либидо, лежит относительная неизменность ид.

Намного меньше внимания психоаналитики уделяли различиям между этими периодами. Эти различия возникают из-за второго фактора в отношениях между ид и эго, а именно способности человеческого эго к изменению. Неизменность ид уравнивается изменчивостью эго. Рассмотрим в качестве примера эго в раннем детстве и эго в период полового созревания. В эти периоды оно различается по объему, содержанию, своим знаниям и способностям, отношениям и тревогам. Соответственно в конфликтах с инстинктами эго в различные периоды использует различные защитные механизмы. Можно ожидать, что более детальное рассмотрение различий между ранним детством и периодом полового созревания прольет свет на формирование эго, так же как исследование сходства между этими периодами проливает свет на инстинктивную жизнь.

Эго и механизмы защиты

Как при исследовании инстинктивных процессов, так и при исследовании эго более поздний этап развития может быть понят на основе предшествующего. Прежде чем мы сможем объяснить те нарушения, которым эго подвержено в период полового созревания, мы должны понять сущность ситуации, в которой находится эго в раннем детстве. У маленького ребенка конфликт между эго и ид имеет свои специфические особенности. Требования удовлетворения инстинктов, возникающие из желаний, характерных для оральной, анальной и фаллической фаз, чрезвычайно настоятельны, а аффекты и фантазии, связанные с эдиповым комплексом и комплексом кастрации, очень интенсивны, в то время как противостоящее им эго находится еще в процессе формирования и пока еще слабо и неразвито. Однако маленький ребенок не существо с необузданными инстинктами, и при обычных обстоятельствах он не осознает давления инстинктивной тревоги. Во внешнем мире, например в оказываемых на него воспитательных воздействиях, слабое эго ребенка имеет могущественного союзника в борьбе против его инстинктивной жизни. Не возникает такой ситуации, в которой эго должно мериться своими слабыми силами с намного более сильными инстинктивными импульсами, которым, оставшись наедине с ними, эго неизбежно уступит. Мы не оставляем ребенку времени осознать собственные желания и оценить свою силу или слабость по отношению к своим инстинктам. Отношение ребенка к эго попросту диктуется ему обещаниями и угрозами со стороны других людей, другими словами — надеждой на любовь и ожиданием наказания.

Под таким внешним влиянием маленькие дети в течение нескольких лет приобретают способность контролировать свою инстинктивную жизнь, но невозможно определить, какая часть этого достижения должна быть отнесена за счет их эго, а какая — за счет прямого давления внешних сил. Если в этой конфликтной ситуации эго ребенка встает на сторону внешних влияний, о ребенке говорят, что он «хороший». Если эго встает на сторону ид и борется с ограничениями удовлетворения инстинктов, налагаемыми воспитанием, то он «плохой».

Наука, посвятившая себя детальному исследованию таких колебаний детского эго между ид и внешним миром,— это педагогика. Она стремится найти способы укрепления связи между воспитывающими силами и эго в целях более успешного овладения инстинктами.

Но у маленького ребенка имеется еще и эндопсихический конфликт, который недостижим для воспитания. Внешний мир очень рано устанавливает свое представительство в психике ребенка в форме объективной тревоги. Само по себе появление такой тревоги еще не служит доказательством формирования более высокой инстанции — сознания или суперэго — внутри эго, но оно является его предвестником. Объективная тревога представляет собой предвосхищение страдания, которое может быть наложено на ребенка в качестве наказания внешними силами, своего рода «предвосхищающее страдание», которое управляет поведением эго, вне зависимости от того, наступает ли ожидаемое наказание. С одной стороны, сила этой тревоги соответствует опасному или угрожающему поведению тех, с кем контактирует ребенок. С другой стороны, она подкрепляется обращением инстинктивных процессов против себя, часто сочетается с тревогой, порождаемой в фантазии, и не учитывает объективных изменений, так что ее связь с реальностью становится еще слабее. Несомненно, в психике маленького ребенка настоятельные инстинктивные требования конфликтуют с острой объективной тревогой, и симптомы детского невроза представляют собой попытки разрешить этот конфликт. Исследование и описание этой внутренней борьбы — спорная для ученых территория; некоторые считают, что это область педагогики, тогда как мы уверены, что подобные явления принадлежат к области теории неврозов.

В ситуации, в которой находится эго маленького ребенка, есть и другая особенность, которая никогда не воспроизводится в дальнейшей жизни. Во всех более поздних защитных ситуациях обе противоборствующие стороны уже присутствуют: инстинкт сталкивается с более или менее стойким эго, с которым он должен прийти к соглашению. Но у маленьких детей эго является продуктом самого конфликта, и та сторона эго, которая

в дальнейшей жизни будет выполнять задачу овладения инстинктами, в этом раннем периоде лишь зарождается под совместным давлением инстинктивных требований ид и внешней по своему происхождению объективной тревоги. Можно сказать, что это «делается по мерке»¹, то есть прекрасно приспособлено к сохранению равновесия между двумя силами: побуждением инстинкта и давлением извне. Мы считаем первый детский период прошедшим, когда эта сторона формирования эго достигает определенной стадии. Эго заняло ту позицию, которую намеревалось занять в борьбе с ид. Эго решило, в какой пропорции оно будет настаивать на удовлетворении и отказе в удовлетворении инстинкта, разрешая свои различные конфликты. Эго приучило себя к определенной отсрочке в удовлетворении своих желаний. Методы защиты, которые оно предпочитает, несут на себе печать объективной тревоги. Можно сказать, что между ид и эго установился *modus vivendi*, которого отныне придерживаются оба.

В течение нескольких лет ситуация меняется. Наступает период латентности с физиологически обусловленным спадом силы инстинктов, и в защитной войне, которую ведет эго, наступает перемирие. Эго теперь имеет возможность посвятить себя другим задачам и приобретает новые содержания, знания и способности. В то же время эго становится сильнее по отношению к внешнему миру; оно уже не так беспомощно и податливо и не считает внешний мир столь всемогущим, как раньше. Его отношение к внешним объектам постепенно изменяется, и эго преодолевает эдипову ситуацию. Прекращается полная зависимость от родителей, и на смену любви к объекту начинает приходиться идентификация. Все больше и больше интроецируются принципы, предлагаемые ребенку его родителями и учителями,— их желания, требования и идеалы. В его внутренней жизни внешний мир уже проявляется не только в форме объективной тревоги. Он создал внутри эго постоянное

¹ Ультрасовременные воспитательные методы могут быть описаны как попытка подогнать внешний мир «по мерке» для ребенка.

образование, в котором воплощены требования окружающих его людей и которое мы называем суперэго. Одновременно с этим развитием происходят изменения в детской тревоге. Страх перед внешним миром принимает не такие угрожающие размеры и постепенно уступает место страху перед новыми представителями старой силы — тревоге суперэго, тревоге сознания и чувству вины. Это означает, что в борьбе за овладение инстинктивными процессами эго латентного периода приобрело нового союзника. Тревога сознания порождает защиту от инстинктов в латентном периоде, так же как она порождалась объективной тревогой в раннем детстве. Как и раньше, трудно определить, какой объем обретенного в подростковом возрасте контроля над инстинктами должен быть отнесен за счет самого эго, а какой — за счет мощного воздействия суперэго.

Но передышка, предоставляемая периодом латентности, длится недолго. Едва лишь борьба между двумя антагонистами, эго и ид, завершается этим временным перемирием, как условия соглашения резко меняются из-за подкрепления одной из сражающихся сторон. Физиологический процесс, отмечающий достижение физической половой зрелости, сопровождается стимуляцией инстинктивных процессов, которая проявляется в психической сфере в форме притока либидо. Отношение, установившееся между силами эго и ид, разрушается, с трудом достигнутое психическое равновесие опрокидывается, и в результате внутренние конфликты между двумя образованиями возобновляются.

Вначале мало что можно сказать относительно ид. Интервал между латентностью и пубертатом — так называемый предпубертатный период — в основном является подготовительным к физической сексуальной зрелости. В это время качественных изменений в инстинктивной жизни не происходит, но возрастает количество инстинктивной энергии. Это возрастание не ограничено сексуальной жизнью. В распоряжении ид имеется большое количество либидо, и оно, не делая различий, насыщает либидинальной энергией все доступные импульсы ид. Агрессивные импульсы усиливаются до полной неуправляемости, голод становится обжорством, а непослу-

Эго и механизмы защиты

шание латентного периода превращается в подростковое криминальное поведение. Оральные и анальные интересы, долго остававшиеся скрытыми, вновь выступают на поверхность. Привычка к чистоте, старательно вырабатывавшаяся в период латентности, уступает место удовольствию от грязи и беспорядка, а вместо скромности и доброжелательности появляются эксгибициони-стские тенденции, грубость и жестокость по отношению к животным. Сформированные реакции, казавшиеся твердо установившимися в структуре эго, грозят разлететься на куски. В то же время в сознании возникают старые, исчезнувшие тенденции. Эдиповы желания реализуются в форме фантазий и мечтаний, в которых они претерпевают лишь небольшие изменения; у мальчиков идея кастрации, а у девочек зависть к пенису вновь становятся центром интересов. Во вторгающихся силах очень мало новых элементов. Их натиск в основном еще раз выносит на поверхность знакомое содержание ранней детской сексуальности маленького ребенка.

Но возрожденная таким образом детская сексуальность сталкивается уже с другими условиями. Эго раннего детского периода было неразвитым и неопределенным, податливым и пластичным под влиянием ид; в предпубертатном периоде, напротив, оно твердо и крепко. Эго уже знает себя самого. Детское эго могло внезапно взбунтоваться против внешнего мира и вступить в союз с ид для достижения удовлетворения инстинктов, но если это сделает эго подростка, то оно оказывается вовлеченным в конфликт с суперэго. Его прочно установившееся отношение к ид, с одной стороны, и к суперэго, с другой, — то, что мы называем характером, — делает эго негибким. Эго знает только одно желание: сохранить характер, развившийся в латентном периоде, восстановить прежнее соотношение между своими собственными силами и силами ид и ответить на большую настоятельность инстинктивных требований удвоенными усилиями, направленными на свою защиту. В этой борьбе за сохранение неизменным своего собственного существования эго, мотивированное в равной мере объективной тревогой и тревогой сознания, использует

Защита, мотивированная страхом

без различия все те способы защиты, к которым оно уже прибегало в детстве и в латентном периоде. Эго вытесняет, смещает, отрицает, обращает инстинкты и оборачивает их против себя; оно продуцирует фобии и истерические симптомы и сдерживает тревогу при помощи навязчивого мышления и поведения. Если мы рассмотрим эту борьбу за главенство между эго и ид, то поймем, что все 'тревожные явления предпубертатного периода соответствуют различным фазам конфликта. Возросшая активность фантазии, возвраты к прегени-тальному (то есть перверсному) сексуальному удовлетворению, агрессивное или криминальное поведение означают частичные успехи ид, тогда как проявление различных форм тревоги, развитие аскетических черт, акцентуация невротических симптомов и торможений означают более сильную защиту, то есть частичный успех эго.

С достижением телесной сексуальной зрелости, собственно начала пубертата, происходят дальнейшие изменения, на сей раз качественного характера. До сих пор усиление инстинктивного катексиса носило общий, недифференцированный характер; теперь ситуация меняется (во всяком случае, у мальчиков): генитальные импульсы становятся более насыщенными либидозной энергией. В психической сфере это означает, что либи-дозный катексис отбирается у прегенитальных импульсов и концентрируется на генитальных чувствах, целях и мыслях об объектах. Таким образом, генитальность приобретает возросшую психическую значимость, тогда как прегенитальные тенденции отодвигаются на задний план. Первым результатом оказывается явное улучшение ситуации. Ответственные за воспитание подростка взрослые, ранее озабоченные и озадаченные прегениталь-ным характером его инстинктивной жизни в предпубер-татном периоде, теперь с облегчением отмечают, что весь хаос грубости, агрессивности и перверсного поведения испарился, как дурной сон. Пришедшая ему на смену генитальная маскулинность оценивается гораздо более благоприятно и снисходительно, даже когда она переходит границы социальной условности. Однако это физиологическое, спонтанное исцеление прегенитальности, ре-

Эго и механизмы защиты

зультат происходящего в пубертате естественного процесса, во многом разочаровывает. Благоприятная компенсация возможна, но лишь в случаях, до сих пор характеризовавшихся вполне определенными прегенитальными фиксациями. Например, мальчик с пассивной и женственной установкой внезапно переключается на мужественно-активную позицию, когда либидозный катексис переносится на гениталии. Но это не означает, что страх кастрации и конфликты, породившие его женственную установку, разрешены или разрушены. Они просто временно перекрыты возрастом генитального катексиса. Когда давление инстинктов, столь возросшее в пубертате, возвращается к своему нормальному уровню во взрослой жизни, тревога и конфликты, по всей вероятности, появятся вновь неизменными и будут вредить его мужественности. Это справедливо также для оральной и анальной фиксаций, которые временно становятся менее значимыми при возрастании либидо в пубертате. Однако впоследствии они оказываются столь же значимыми, как и ранее, и старое патогенное притяжение этих прегенитальных формаций будет в последующей жизни столь же большим. Кроме того, в пубертате может не быть компенсирующего эффекта, когда в детстве и предпубертатном периоде доминировали не оральные и анальные, а фаллические интересы (это касается мальчиков с тенденцией к фаллическому эксгибиционизму). В таких случаях возрастание генитального либидо в пубертате не только не снимает нарушения, но усиливает его. Не происходит спонтанного исцеления и с детской перверсией: напротив, наблюдается крайне неприятная акцентуация патологической ситуации. Фаллические тенденции возносятся на такую высоту, что генитальная маскулинность пациента чрезмерно преувеличивается и становится неконтролируемой.

Эта оценка нормальности или аномальности конкретных инстинктивных целей зависит, однако, от ценностных стандартов, относящихся ко взрослой жизни, и имеет мало или не имеет ничего общего с эго подростка. Идет внутренний защитный конфликт, и этим ценностям уделяется мало внимания. В подростковом возрасте отношение эго к ид исходно определяется количествен-

Защита, мотивированная страхом

ными, а не качественными характеристиками. Проблема заключается не в удовлетворении или фрустрации того или иного инстинктивного желания, а в природе психической структуры в детстве и в подростковом возрасте. Существуют две крайности, которыми может закончиться конфликт. Либо ид, ставшее теперь сильным, может одолеть эго, и в этом случае от предшествующего характера индивида не останется и следа, и вхождение во взрослую жизнь будет отмечено разгулом удовлетворения инстинктов. Либо может победить эго, и тогда характер индивида, выработавшийся в латентном периоде, установится раз и навсегда. Когда это происходит, импульсы ид подростка заключаются в тесные границы, предписанные инстинктивной жизни ребенка. Возрастающее либидо не может быть использовано, и для того, чтобы держать его под контролем, необходимо постоянное действие антикатексиса, защитных механизмов и симптомов. Помимо того, что в результате уродуется инстинктивная жизнь, то, что победоносное эго становится жестко фиксированным, постоянно вредит индивиду. Образования эго, которые без уступок сопротивляются натиску пубертата, обычно на всю жизнь остаются негибкими, неприступными и неспособными к исправлению в соответствии с изменяющимися требованиями реальности.

Логично предположить, что перерастание конфликта в ту или другую из этих крайностей или его счастливое разрешение в достижении равновесия между психическими инстанциями и, далее, различные фазы, которые он проходит, определяются количественным фактором, а именно изменениями абсолютной силы инстинктов. Но этому простому объяснению противоречат аналитические наблюдения над процессами, происходящими у индивидов в пубертате. Когда инстинкты становятся сильнее по физиологическим причинам, индивид не обязательно оказывается в их власти; точно так же при ослаблении силы инстинктов эго и суперэго не обязательно начинают играть большую роль, чем ид. Из исследования невротических симптомов и предменструальных состояний нам известно, что, когда требования инстинктов становятся более настоятельными, эго побуждается к удвоению сво-

Эго и механизмы защиты

ей защитной активности. Когда же требования инстинктов не так настоятельны, опасность, связанная с ними, уменьшается, а с ней уменьшаются и объективная тревога, тревога сознания и инстинктивная тревога эго. За исключением тех случаев, когда эго полностью затоплено ид, мы обнаруживаем отношение, противоположное описанному. Любое дополнительное давление инстинктивных требований ужесточает сопротивление эго соответствующим инстинктам и усиливает симптомы, торможения и т. д., основанные на этом сопротивлении, тогда как, если инстинкты становятся менее настоятельными, эго делается более покладистым и более склонным к тому, чтобы допустить удовлетворение. Это означает, что абсолютная сила инстинктов в пубертате (которая в любом случае не может быть независимо измерена или оценена) не позволяет прогнозировать конечный исход пубертата. Он определяется относительными факторами: во-первых, силой импульсов ид, которая обусловлена физиологическими процессами в пубертате; во-вторых, толерантностью или интолерантностью эго по отношению к инстинктам, которые зависят от характера, сформировавшегося в период патентное™; в-третьих — и это качественный фактор, который определяет количественный конфликт, — природой и эффективностью имеющихся в распоряжении эго защитных механизмов, варьирующих в зависимости от конституции индивида (то есть его предрасположенности к истерии или неврозу навязчивости) и направлений его развития.

ИНСТИНКТИВНАЯ ТРЕВОГА В ПУБЕРТАТНОМ ПЕРИОДЕ

Мы уже отмечали, что фазы человеческой жизни, характеризующиеся возрастанием либидо, чрезвычайно важны для аналитического исследования ид. Благодаря повышенному катексису желания, фантазии и инстинктивные процессы, которые в другие периоды остаются незамеченными или заключены в бессознательное, всплывают в сознании, преодолевая при необходимости препятствия, поставленные на их пути вытеснением, и становятся доступными для наблюдения, когда они прокладывают себе путь к выходу.

Защита, мотивированная страхом

Важно сосредоточить внимание на периодах возросшего либидо и на исследовании эго. Как мы видели, косвенным следствием усиления инстинктивных импульсов является удвоение усилий индивида по овладению инстинктами. Общие тенденции в эго, которые в периоды спокойствия инстинктивной жизни едва заметны, становятся яснее очерченными, и выраженные механизмы эго латентного периода или взрослой жизни могут оказаться настолько преувеличенными, что приводят к патологическим искажениям характера. Из различных установок, которые эго может принять по отношению к инстинктивной жизни, выделяются две. Акцентируясь в пубертате, они поражают наблюдателя своей силой и объясняют некоторые из характерных особенностей этого периода. Я имею в виду аскетизм и интеллектуальность в подростковом возрасте.

Аскетизм в подростковом возрасте. Чередуясь с инстинктивными крайностями и вторжениями из ид, а также с другими явно противоречивыми установками, в подростковом возрасте иногда проявляется антагонизм по отношению к инстинктам. По интенсивности этот антагонизм далеко превосходит любое вытеснение, обычное для нормальных условий или для более или менее тяжелых неврозов. По способу своего проявления и широте охвата он меньше сродни симптомам выраженного невротического расстройства, чем аскетизму религиозного фанатика. При неврозе всегда существует связь между вытеснением инстинкта и природой или качеством вытесненного инстинкта. Так, истерики вытесняют генитальные импульсы, связанные с объектными желаниями эдипова комплекса, но более или менее индифферентны или толерантны в своей установке по отношению к другим инстинктивным желаниям, например анальным или агрессивным импульсам. Навязчивые невротики вытесняют анально-садистские желания, которые вследствие вытеснения становятся носителями их сексуальности, но терпимо относятся к оральному удовлетворению и к эксгибиционистским импульсам, которые у них могут возникнуть до тех пор, пока они не связаны непосредственно с ядром их невроза. При ме-

Эго и механизмы защиты

ланхолии вытесняются в основном оральные тенденции, а пациенты с фобией вытесняют импульсы, связанные с комплексом кастрации.

Ни в одном из этих случаев нет неразличающего отвержения инстинктов, и, анализируя их, мы всегда обнаруживаем определенную связь между содержанием вытесненного инстинкта и причинами, по которым человек изгоняет его из сознания.

Другая картина предстает перед нами, когда, анализируя подростков, мы исследуем отвержение ими инстинкта. Верно, что и здесь также исходная точка процесса отвержения может быть найдена в инстинктивных образованиях, подверженных особому торможению, например в фантазиях об инцесте предпубертатного периода или возросшей тенденции к онанизму, в которых эти желания находят свою разрядку. Но из этой точки процесс распространяется на всю жизнь.

Как я уже отмечала, подростки озабочены не столько удовлетворением или фрустрацией конкретных инстинктивных желаний, сколько удовлетворением инстинктов или фрустрацией как таковой. Молодые люди, проходящие через ту аскетическую фазу, которую я имею в виду, бегут словно бы от количества, а не от качества своих инстинктов. Они остерегаются наслаждения вообще, и поэтому самой безопасной стратегией для них является встреча наиболее настоятельных желаний максимальным торможением. Каждый раз, когда инстинкт говорит <<эго хочу», эго отвечает: «Ты не должен», во многом на манер строгих родителей при раннем обучении ребенка. Это подростковое недоверие к инстинктам имеет опасную тенденцию к распространению; оно может начаться с собственно инстинктивных желаний и распространиться на самые обычные физические потребности. Все мы встречали молодых людей, сурово отвергающих любые импульсы с привкусом сексуальности, избегающих общества сверстников, отказывающихся принимать участие в увеселениях и, как истинные пуритане, не желающих иметь ничего общего с театром, музыкой и танцами. Мы можем понять, что есть связь между отказом от красивой и привлекательной одежды и торможением сексуальности. Но мы начинаем трево-

Защита, мотивированная страхом

житься, если отказ начинает распространяться на безвредные и необходимые вещи, как в случае, когда молодой человек отказывает себе в самой обычной защите от холода, умерщвляет свою плоть всеми возможными способами и подвергает свое здоровье ненужному риску, не только отвергая конкретные виды орального наслаждения, но «из принципа» сокращая свой дневной рацион до минимума. Мы беспокоимся, когда вместо того, чтобы насладиться долгим ночным сном, этот юноша принуждает себя рано вставать, когда он неохотно смеется или улыбается или когда в крайних случаях он сдерживает дефекацию и мочеиспускание до последней возможности на том лишь основании, что нельзя немедленно уступать всем своим физическим потребностям.

Этот тип отвержения инстинктов отличается от обычного вытеснения еще в одном отношении. При неврозе мы привыкли видеть, что, когда удовлетворение конкретного инстинкта вытесняется, для него находится некоторое замещение. При истерии это достигается обращением, то есть разрядкой сексуального возбуждения в других телесных зонах или процессах, которые становятся сексуализированными. При неврозах навязчивости имеется замещающее удовольствие на том уровне, на котором осуществилось вытеснение, а при фобиях есть, по крайней мере, некоторый эпиносический¹ выигрыш. Или же заторможенные формы удовлетворения заменяются на другие способы наслаждения при помощи процесса смещения и формирования реакции, поскольку мы знаем, что истинные невротические симптомы, такие, как истерические приступы, тики, навязчивые действия, привычка к мрачным размышлениям и т. д., представляют собой компромиссы, в которых инстинктивные требования ид удовлетворяются не менее эффективно, чем требования эго и суперэго. Но в отвержении инстинкта, характерного для подросткового возраста, не остается лазейки для такого замещающего удовлетворения: механизм в этом случае, по всей

¹ Epinosic (синоним — advantage by illness) — использование болезни как средства достижения тех или иных собственных целей.

Эго и механизмы защиты

видимости, иной. Вместо образования компромисса (соответствующего невротическим симптомам) и обычных процессов смещения, регрессии и обращения против себя мы почти неизменно обнаруживаем поворот от аскетизма к излишества; невзирая на любые внешние ограничения, подросток внезапно погружается во все то, что он ранее тормозил. По причине своего антисоциального характера такие подростковые эксцессы сами по себе являются нежелательными; тем не менее с аналитической точки зрения они представляют собой временное выздоровление от аскетизма. Когда такого выздоровления не происходит и эго каким-то необъяснимым образом оказывается достаточно сильным для того, чтобы без всяких отклонений удержаться в своем отвержении инстинктов, в результате парализуется витальная активность человека — возникают своеобразные условия, которые следует рассматривать уже не как нормальное явление пубертата, а как психотическое расстройство.

Возникает вопрос: действительно ли оправдано различие между отверженным инстинктом в пубертате и обычными процессами вытеснения? Основой такого теоретического различия является то, что у подростков процесс вытеснения начинается со страха перед количеством инстинктов, а не перед качеством какого-то конкретного импульса и заканчивается не замещающим удовлетворением и образованием компромиссов, а резким наложением или последовательной сменой отказа в удовлетворении инстинктов и инстинктивных эксцессов или, точнее говоря, их чередованием. При этом мы знаем, что при обычном невротическом вытеснении качественный катексис вытесняемого инстинкта является важным фактором и что при неврозе навязчивости обычно возникает чередование торможения и послабления. Тем не менее у нас все еще сохраняется впечатление, что в случае подросткового аскетизма действует более примитивный и менее сложный механизм, чем при собственно вытеснении; возможно, что первый из них представляет собой особый случай или, скорее, предварительную фазу вытеснения.

В аналитических исследованиях неврозов уже давно показано, что человеческой природе свойственно от-

Защита, мотивированная страхом

вержение некоторых инстинктов, в частности сексуальных, независимо от индивидуального опыта. Эта предрасположенность, по-видимому, обусловлена филогенетической наследственностью, своеобразным накоплением, аккумулярованным в результате актов вытеснения, практиковавшихся многими поколениями и лишь продолжаемых, а не заново иницируемых индивидами. Для описания этого двойственного отношения человечества к сексуальной жизни — конституционного отвращения вкупе со страстным желанием — Блейлер ввел термин «амбивалентность».

Во время спокойных жизненных периодов исходная враждебность это по отношению к инстинкту — его страх перед силой инстинктов, как мы его назвали, — есть не более чем теоретическое понятие. Мы предполагаем, что основой неизменно остается инстинктивная тревога, но для наблюдателя она маскируется гораздо более заметными и выступающими явлениями, возникающими из объективной тревоги и тревоги сознания и являющимися результатом ударов, которым подвергался индивид.

По-видимому, внезапное возрастание инстинктивной энергии в пубертате и в других жизненных периодах усиливает исходный антагонизм между эго и инстинктами до такой степени, что он становится активным защитным механизмом. Если это так, то аскетизм пубертатного периода можно рассматривать не как ряд качественно обусловленных деятельностей вытеснения, а просто как проявление врожденной враждебности между эго и инстинктами, которая неразборчива, первична и примитивна.

Интеллектуализация в пубертате. Мы пришли к выводу о том, что в периоды, характеризуемые возрастанием либидо, общие установки эго могут развиваться в определенные способы защиты. Если это так, то этим можно объяснить и другие изменения, происходящие в эго в пубертате.

Мы знаем, что большинство изменений этого периода происходит в инстинктивной и аффективной жизни и что эго претерпевает вторичные изменения, когда

Эго и механизмы защиты

оно непосредственно участвует в попытке овладеть инстинктами и аффектами. Но это ни в коем случае не исчерпывает возможностей изменения подростка. С возрастанием инстинктивной энергии он в большей мере оказывается в их власти; это естественно и не требует дальнейшего объяснения. Подросток также становится более моральным и аскетичным, что объясняется конфликтом между эго и ид. Но кроме того, он становится более интеллектуальным, и его интеллектуальные интересы углубляются. Вначале мы не видим, каким образом это продвижение в интеллектуальном развитии связано с продвижением в развитии инстинктов и с усилением образований эго в их сопротивлении неистовым атакам, направленным против него.

В целом можно было бы ожидать, что натиск инстинкта или аффекта будет снижать интеллектуальную активность человека. Даже при нормальном состоянии влюбленности интеллектуальные возможности человека снижаются и его рассудок становится менее надежным, чем обычно. Чем более страстно его желание удовлетворить свои инстинктивные импульсы, тем меньше, как правило, он склонен использовать интеллект для их рассудочного исследования и подавления.

На первый взгляд кажется, что в подростковом возрасте все происходит наоборот. Резкий скачок в интеллектуальном развитии молодого человека не менее заметен и неожидан, чем его быстрое развитие в других направлениях. Мы знаем, как часто все интересы мальчиков в латентном периоде сосредоточены на реальных вещах. Некоторые мальчики любят читать об открытиях и приключениях, изучать числа и пропорции или «проглатывать» описания странных животных и предметов, тогда как другие посвящают время механике, от ее простейших до наиболее сложных форм. Общим у этих двух типов является то, что объект, которым они интересуются, должен быть не продуктом фантазии наподобие сказок и басен, доставлявших удовольствие в раннем детстве, а чем-то конкретным, что имеет реальное физическое существование. Когда начинается предпубертатный период, тенденция смены конкретных интересов латентного периода абстрактными становится все

более выраженной. В частности, подростки того типа, который Бернфельд описывает как «затянувшийся пу-бертат», обладают ненасытным желанием думать об абстрактных предметах, размышлять и говорить о них. Часто дружба в этом возрасте основана на желании вместе размышлять и обсуждать эти предметы. Диапазон таких абстрактных интересов и проблем, которые эти молодые люди пытаются разрешить, очень широк. Они обсуждают свободную любовь или замужество и семейную жизнь, свободное существование или приобретение профессии, скитания или оседлую жизнь, анализируют философские проблемы, такие, как религия или свободомыслие, различные политические теории, такие, как революция или подчинение власти, или саму дружбу во всех ее формах. Если, как это иногда бывает при анализе, мы получаем достоверное сообщение о беседах молодых людей или если — что делалось многими исследователями пубертатного периода — мы изучаем дневники и наброски подростков, нас поражают не только широта и свободный размах их мысли, но также степень эмпатии и понимания, их явное превосходство над многими зрелыми мыслителями, а иногда даже мудрость, которую они обнаруживают при рассмотрении самых сложных проблем.

Мы пересматриваем наше отношение, когда обращаемся от рассмотрения самих по себе интеллектуальных процессов подростка к рассмотрению того, как они вписываются в общую картину его жизни. Мы с удивлением обнаруживаем, что эти утонченные интеллектуальные достижения оказывают очень малое — или никакое — влияние на его реальное поведение. Эмпатия подростка, приводящая к пониманию мыслительных процессов других людей, не мешает ему проявлять самое возмутительное безразличие к близким. Его возвышенный взгляд на любовь и обязательства любящего соседствуют с неверностью и черствостью в многочисленных любовных историях. Тот факт, что его понимание и интерес к структуре общества в подростковом возрасте далеко превосходят его же понимание и интерес в последующие годы, не помогает ему найти свое истинное место в социальной жизни, а многосторонность интересов не предохраняет его от со-

Эго и механизмы защиты

средоточенности на одном-единственном предмете — собственной персоне.

Мы понимаем, особенно когда исследуем эти интеллектуальные интересы с помощью анализа, что в данном случае мы имеем дело с чем-то весьма отличным от интеллектуальности в обычном смысле слова. Неверно было бы предполагать, что подросток размышляет о различных ситуациях в любви или о выборе профессии для того, чтобы выработать правильную линию поведения, как это мог бы сделать взрослый или как мальчик в латентном периоде исследует устройство аппарата для того, чтобы суметь разобрать и снова собрать его. Подростковая интеллектуальность больше способствует мечтам. Даже честолюбивые фантазии предпубертатного периода не предназначены для перевода в реальность. Когда мальчик фантазирует о том, что он великий завоеватель, он не чувствует никакой необходимости доказывать свою храбрость и выносливость в реальной жизни. Точно так же он явно получает удовлетворение от самого процесса мышления в ходе рассуждений или обсуждений. Его поведение определяется другими факторами, и на него необязательно оказывают влияние результаты подобной интеллектуальной гимнастики.

Есть и еще один момент, поражающий нас, когда мы исследуем интеллектуальные процессы у подростков. Более пристальное рассмотрение показывает, что интересующие их предметы усиливают конфликты между разными психическими образованиями. И опять проблема заключается в том, как связать инстинктивную сторону человеческой природы с остальной жизнью, как выбрать между практической реализацией сексуальных импульсов и их отвержением, между свободой и ограничением, между восстанием и подчинением власти. Как мы видели, аскетизм, с его запретом инстинктов, в целом не оправдывает надежд подростка. Поскольку опасность вездесуща, он должен выработать много способов для того, чтобы преодолеть ее. Обдумывание инстинктивного конфликта — его интеллектуализация — кажется подходящим способом. При этом аскетическое бегство от инстинкта сменяется поворотом к нему. Но это осуществляется в основном в мышлении и является

интеллектуальным процессом. Абстрактные интеллектуальные обсуждения и размышления, которым предаются подростки,— это вовсе не попытки разрешить задачи, поставленные реальностью. Их мыслительная активность есть, скорее, показатель напряженной настороженности по отношению к инстинктивным процессам и перевод того, что они воспринимают, в абстрактное мышление. Философия жизни, которую подростки создают, :— а она может заключаться в их требовании произвести революцию во внешнем мире — является на самом деле их реакцией на восприятие новых инстинктивных требований их собственного ид, грозящих революционизировать всю их жизнь. Идеалы дружбы и вечной преданности — это всего лишь отражение беспокойства эго, обнаружившего исчезновение всех своих новых эмоциональных связей с объектами¹. Стремление к руководству и поддержке в часто безнадежной борьбе против своих собственных инстинктов может быть трансформировано в бесхитростную аргументацию относительно неспособности человека к принятию независимых политических решений. Мы видим, таким образом, что инстинктивные процессы переводятся на язык интеллекта. Но причина столь сильной сосредоточенности внимания на инстинктах заключается в том, что осуществляется попытка овладеть ими на ином психическом уровне.

Вспомним, что в аналитической метапсихологии связь аффектов и инстинктивных процессов с вербальными представлениями считается первым и наиболее важным шагом по направлению к овладению инстинктами, который должен быть осуществлен в развитии индивида. Мышление описывается в этих работах как «практическое действие, сопровождающееся перемещением относительно небольших количеств катексиса при меньшей их разрядке» (S. Freud, 1911). Эта интеллектуализация инстинктивной жизни, попытка овладеть ин-

¹ Я благодарна Маргит Дубовиц из Будапешта за указание на то, что тенденция подростков размышлять о смысле жизни и смерти отражает деструктивную активность в их собственных душах.

стинктивными процессами, связывая их с мыслями в сознании, представляет собой одно из наиболее общих, ранних и наиболее необходимых приобретений человеческого эго. Мы рассматриваем ее не как деятельность эго, а как его составную часть.

Может возникнуть впечатление, что явления, включенные нами в понятие «интеллектуализация в пубертате», попросту представляют собой преувеличение общей установки эго в особых условиях внезапного подъема либидо. Лишь возрастание количества либидо привлекает внимание к функции эго, которая в другое время выполняется незаметно и как бы походя. Если это так, то это означает, что усиление интеллектуальности в подростковом возрасте — а возможно, также и резкое возрастание интеллектуального понимания психических процессов, которое обычно характерно для приступов психического расстройства, — является просто частью привычного стремления эго к овладению инстинктами при помощи мышления.

Я полагаю, что теперь мы можем сделать вторичное открытие, к которому нас привели рассуждения в этом направлении. Если верно, что неизменным следствием возрастания либидозной заряженности является удвоение усилий эго по интеллектуальной проработке инстинктивных процессов, то это объясняет тот факт, что инстинктивная опасность делает человека умнее. В периоды спокойствия в инстинктивной жизни, когда опасности нет, индивид может позволить себе определенную степень глупости. В этом отношении инстинктивная тревога оказывает знакомое влияние объективной тревоги. Объективная опасность и депривация побуждают человека к интеллектуальным подвигам и изобретательным попыткам разрешить свои трудности, тогда как объективная безопасность и изобилие делают его довольно глупым. Сосредоточение интеллекта на инстинктивных процессах представляет собой аналог бдительности человеческого эго перед лицом окружающих его объективных опасностей.

До сих пор спад интеллекта у маленького ребенка в начале латентного периода объяснялся иначе. В раннем детстве блестящие интеллектуальные достижения

Защита, мотивированная страхом

детей связаны с исследованием ими тайн пола, а когда этот предмет становится табу, запрет и торможение распространяются на другие области мышления. Не удивительно, что с возобновлением сексуальности в предпубертатном периоде, то есть с распадом сексуального вытеснения раннего детства, интеллектуальные способности оживают с прежней силой.

Это — обычное объяснение, к которому мы можем теперь добавить еще одно. Возможно, в латентном периоде дети не только не осмеливаются погружаться в абстрактное мышление, но и просто не имеют в этом нужды. Детство и пубертатный период — это периоды инстинктивной опасности, и характеризующий их «интеллект», по меньшей мере, частично помогает человеку преодолевать эту опасность. При этом в латентном периоде и во взрослой жизни эго относительно сильно и может без ущерба для индивида ослабить его усилия по интеллектуализации инстинктивных процессов. В то же время не следует забывать, что эти умственные достижения, особенно в пубертатном периоде, при всей их замечательности и блеске остаются бесплодными. В одном отношении это верно даже для интеллектуальных достижений раннего детства, которыми мы так восхищаемся и которые так высоко ценим. Не надо лишь забывать о том, что детские исследования сексуальности, которые психоанализ считает ярчайшим проявлением интеллектуальной активности ребенка, не приводят к знанию истинных явлений взрослой сексуальной жизни. Как правило, их результатом является создание детских сексуальных теорий, которые отражают не реальность, а инстинктивные процессы, протекающие в психике ребенка.

Интеллектуальная работа, совершаемая эго в латентном периоде и во взрослой жизни, несопоставимо более серьезна, надежна и, прежде всего, намного теснее связана с действием.

Любовь к объекту и идентификация в пубертатном периоде. Рассмотрим теперь, насколько аскетизм и интеллектуализация, характерные для пубертатного периода, соответствуют нашей схеме классификации

Эго и механизмы защиты

защитных процессов в зависимости от тревоги и опасности. Сразу видно, что аскетизм и интеллектуализация попадают в третий тип защиты. Опасность, угрожающая эго, заключается в том, что оно может быть затоплено инстинктами; более всего оно опасается количества инстинктов. Мы полагаем, что эта тревога возникает в ходе развития индивида очень рано. Хронологически она принадлежит к тому периоду, в котором эго постепенно отделяется от недифференцированного ид. Защитные меры, к которым эго заставляет прибегать страх перед силой инстинктов, направлены на поддержание этой дифференциации между эго и ид и на обеспечение стабильности вновь установившейся организации эго — задача, которую ставит перед собой аскетизм, заключается в том, чтобы удерживать ид в определенных границах, попросту налагая запреты; цель интеллектуализации — теснее связать инстинктивные процессы с мыслительным содержанием и тем самым сделать их доступными для сознания и подверженными контролю.

Когда при внезапном возрастании либидо индивид отступает на этот примитивный уровень страха перед силой инстинктов, покой инстинктивных процессов и процессов эго должен быть потревожен. Ниже я опишу две из наиболее важных особенностей пубертатного периода и покажу их связь с этим процессом регрессии эго.

Наиболее примечательные явления в жизни подростков в конечном счете связаны с их отношениями с объектом. Здесь особенно заметен конфликт между двумя противоположными тенденциями. Мы уже видели, что вытеснение, вызванное общей враждебностью по отношению к инстинктам, обычно выбирает для своих первых атак фантазии предпубертатного периода на тему инцеста. Подозрительность и аскетизм эго исходно направлены против фиксации субъекта на всех объектах любви его детства. Результатом этого, с одной стороны, является стремление молодого человека к изоляции;

начиная с этого времени он живет с членами своей семьи как с чужими людьми. Но врожденная враждебность эго по отношению к инстинктам направлена не

Защита, мотивированная страхом

только на его отношение к внешним объектам любви; она направлена также и на его отношения с суперэго. В той мере, в какой суперэго в этом периоде все еще насыщено исходящим от отношений с родителями либидо, оно само рассматривается как подозрительный инцест-ный объект и становится жертвой последствий аскетизма. Это отчуждается также и от суперэго. Для молодых людей это частичное вытеснение суперэго, отчужденность от части его содержания является одной из величайших неприятностей подросткового периода. Основным следствием разрыва отношений между эго и суперэго становится возрастание опасности, грозящей со стороны инстинктов. Индивид становится асоциальным. До возникновения этого нарушения тревога сознания и чувство вины, возникающие вследствие отношения эго к суперэго, были наиболее сильными союзниками эго в его борьбе против инстинктов. В начале пубертатного периода часто заметны преходящие попытки осуществить сверхнасыщенность всех содержаний суперэго. Возможно, этим объясняется так называемый «идеализм» подростков. Возникает следующая ситуация: аскетизм, сам являющийся следствием возрастания опасности со стороны инстинктов, ведет к разрыву связи с суперэго и тем самым делает неэффективными защитные меры, осуществляемые тревогой суперэго. В результате этого эго еще сильнее отбрасывается на уровень чистой инстинктивной тревоги и характерных для этого уровня примитивных защитных механизмов.

Самоизоляция и разрыв с объектами любви, однако, не являются единственными тенденциями, возникающими в отношении подростков к объектам. Разнообразные новые привязанности занимают место вытесненных фиксаций на детских объектах любви. Иногда индивиды привязываются к молодым людям своего возраста, и в этом случае связь приобретает форму страстной дружбы или влюбленности; иногда они привязываются к старшим, которых признают лидерами и которые явно являются замещением покинутых родительских объектов. Эти отношения любви страстны и исключительны, но кратковременны. Людей выбирают как объекты и покидают безотносительно к их чувствам, а на их место выбирают

Эго и механизмы защиты

новых. Покинутые объекты быстро и прочно забываются, но форма привязанности к ним сохраняется в мельчайших деталях и обычно воспроизводится в отношении к новому объекту с точностью, похожей на навязчивость.

Помимо этой поразительной верности объекту любви имеется еще одна особенность отношений с объектом в подростковом возрасте. Подросток стремится не столько обладать объектом в обычном физическом смысле слова, сколько максимально уподобиться человеку, который в данный момент занимает в его привязанностях центральное место.

Непостоянство молодежи общеизвестно. Почерк, речь, прическу, одежду и самые разные привычки она меняет намного легче, чем в любой другой период жизни. Часто одного взгляда на подростка достаточно, чтобы сказать, кто его старший друг, которым он восхищается. Но способность к изменению идет еще дальше. Со сменой одного образца на другой меняются жизненная философия, религиозные и политические взгляды, и, сколь бы часто они ни менялись, подростки всегда в равной мере твердо и страстно убеждены в правоте столь легко принятых ими взглядов. В этом отношении они напоминают тип пациентов, описанный Хелен Дойч в клинической работе по психологии взрослых как пограничный между неврозом и психозом. Она называет их людьми типа «как если бы» (*«als ob» Typus*), потому что в каждом новом отношении с объектом они живут так, как если бы они действительно проживали свою собственную жизнь и выражали свои собственные чувства, мнения и взгляды.

У девочки, которую я анализировала, механизм, лежащий в основе этих процессов трансформации, был особенно ясен. Несколько раз за один лишь год она переходила от одной дружбы к другой, от девочек к мальчикам и от мальчиков к пожилой женщине. В каждом случае она не просто становилась безразличной к покинутому объекту любви, но испытывала к нему выраженную и сильную неприязнь, граничащую с презрением, и чувствовала, что любая случайная или неизбежная встреча с ним почти невыносима. После большой аналитической работы мы обнаружили, что эти чувства по отношению к

бывшим друзьям вовсе не были ее собственными. Каждый раз, когда девочка меняла объект любви, она считала себя обязанной подстраивать свое поведение и взгляды под поведение и взгляды своего нового друга во всем, связанном с ее внутренней и внешней жизнью. Она начинала переживать не свои собственные эмоции, а эмоции своего нынешнего друга. Неприязнь к людям, которых она раньше любила, в действительности не была ее собственной. При помощи процесса эмпатии она разделяла чувства своего нового друга. Таким образом, она выражала ревность, которую, как она воображала, он чувствовал ко всем, кого она раньше любила, или его (а не ее собственное) презрение к возможным соперникам.

Психологическая ситуация в подобных фазах пу-бертата может быть описана очень просто. Эта страстная и мимолетная фиксация любви вообще не является отношением к объекту в том смысле, в котором мы используем этот термин, говоря о взрослых. Это идентификация самого примитивного типа, такая, с какой мы встречаемся при исследовании развития в раннем детстве, еще до существования всякой объектной любви. Таким образом, непостоянство в пубертатном периоде означает не внутренние изменения в любви или убеждениях индивида, а, скорее, утрату личности вследствие изменений в идентификации.

Процесс, выявленный при анализе поведения пятнадцатилетней девочки, возможно, прольет некоторый свет на ту роль, которую играет эта склонность к идентификации. Моя пациентка была очень красивой, очаровательной девочкой и всегда играла заметную роль в своем окружении, но, несмотря на это, ее терзала неистовая ревность к сестре, которая была еще ребенком. В пубертатном периоде пациентка утратила все свои прежние интересы и была охвачена единственным желанием — вызывать любовь и восхищение мальчиков и мужчин, бывших ее друзьями. Она безумно влюбилась — на расстоянии — в мальчика, который был намного старше ее и которого она иногда встречала на вечеринках и на танцах. В это время она написала мне письмо, в котором выражала сомнения и тревоги в связи со своей влюбленностью.

Эго и механизмы защиты

«Пожалуйста, скажите мне, — писала она, — как мне вести себя, когда я встречаю его. Быть ли мне серьезной или веселой? Как я ему больше понравлюсь — если покажу, что умна, или если прикинусь глупой? Что Вы мне посоветуете — говорить все время о нем или говорить и о себе тоже?..» Когда пациентка в следующий раз встретилась со мной, я устно ответила н"а ее вопросы. Я сказала, что, по-видимому, нет необходимости планировать свое поведение заранее. Разве она не сможет в нужный момент быть самой собой и вести себя в соответствии с тем, что она чувствует? Она ответила, что такой способ никогда не сработает, и произнесла длинную речь на тему о необходимости приспосабливаться к предпочтениям и желаниям других людей. Она сказала, что только так можно быть уверенной в том, что тебя полюбят, и, несмотря на то, что этот мальчик любил ее, она просто не могла вести себя естественно.

Вскоре после этого пациентка описала фантазию, в которой нарисовала что-то вроде конца света. «Что будет, — спросила она, — если все умрут?» Она прошла по всем своим друзьям и отношениям и наконец вообразила, что осталась одна на всей Земле. Ее голос, выразительность интонаций и детали описания говорили о том, что эта фантазия была выполнением ее желания. Она рассказывала с наслаждением, и фантазия не вызывала у нее никакого беспокойства.

Однако я напомнила девочке о ее страстном желании быть любимой. Днем раньше одной лишь мысли о том, что один из друзей не любит ее, что она теряет его любовь, было достаточно, чтобы погрузить ее в отчаяние. Но кто же будет любить ее, если она будет единственной уцелевшей из всего рода человеческого? Она спокойно отбросила мое напоминание о ее давешних печалях. «В этом случае я буду любить себя сама», — сказала она, словно освободившись наконец от всех своих тревог, и испустила глубокий вздох облегчения.

Это маленькое, сделанное на одной пациентке аналитическое наблюдение указывает, как мне кажется, на нечто, весьма характерное для некоторых связей с объектом в пубертатном периоде. Разрыв старых отношений, враждебность к инстинктам и аскетизм — все это отвле-

кает либидо от внешнего мира. Подростку грозит опасность сместить свое объектное либидо с окружающих людей на себя. Так же, как он регрессировал в своем эго, он может регрессировать и в своей либидозной жизни от объектной любви к нарциссизму. Он избегает этой опасности судорожными усилиями, направленными на установление нового контакта с внешними объектами, даже если это может быть сделано только через его нарциссизм, то есть при помощи ряда идентификаций. В соответствии с таким представлением эмоциональные связи с объектом в подростковом возрасте представляют собой стремление к выздоровлению — и в этом отношении подростки также напоминают психотических больных в тот момент, когда их состояние в очередной раз начинает меняться к худшему.

При описании пубертатного периода эго я столько раз сравнивала его характеристики с серьезным заболеванием, что (хотя это исследование и не претендует на полноту) мне, видимо, следует сказать несколько слов о нормальности и аномальности происходящих в этот период процессов.

Мы видели, что основой сравнения пубертатного периода с началом обострения психического заболевания является феномен, приписываемый нами количественным изменениям катексиса. В обоих случаях повышенный либидозный катексис идентифицируется с инстинктивной опасностью, заставляя эго удваивать свои усилия для защиты любым возможным способом. В психоанализе всегда понимали, что в человеческой жизни из-за этих количественных процессов каждый период возрастания либидо может стать началом невротического или психотического заболевания.

Кроме того, пубертат и обострение психоза напоминают друг друга возникновением примитивных защитных установок, которые мы связываем со страхом эго перед силой инстинктов — тревогой, которая отбрасывает назад больше, чем любая объективная тревога или тревога сознания.

Впечатление о нормальности или аномальности процессов, происходящих в пубертате у каждого отдельного индивида, будет, по-видимому, зависеть от доми-

Эго и механизмы защиты

нирования какой-нибудь из перечисленных мною тенденций или нескольких из них. Аскетический подросток выглядит для нас нормальным до тех пор, пока его интеллектуальные функции свободны и у него есть ряд здоровых связей с объектами. Это же относится и к подросткам, интеллектуализирующим инстинктивные процессы, к подросткам идеалистического типа и к тем, кто безудержно мчится от одной пламенной дружбы к другой. Но если аскетическая установка упорно поддерживается, если процесс интеллектуализации преобладает во всей психической жизни и если отношения к другим людям основаны исключительно на сменяющихся идентификациях, учителю или аналитику будет трудно определить из наблюдения, в какой мере это следует рассматривать как переходную фазу нормального развития, а в какой — уже как патологическую.

Заключение

В этой книге я попыталась классифицировать различные защитные механизмы в соответствии с конкретными провоцирующими тревожность ситуациями, вызывающими их к действию, и проиллюстрировала это рядом клинических случаев. С ростом нашего знания о бессознательной активности эго, по-видимому, станет возможной более точная классификация. Еще остается много неясного относительно исторической связи между типичными переживаниями в индивидуальном развитии и выработкой конкретных типов защиты. Мои примеры указывают на то, что типичные ситуации, в которых эго прибегает к механизму отрицания, связаны с мыслями о кастрации и с утратой объекта любви. Однако альтруистический отказ от инстинктивных импульсов, по-видимому, при определенных условиях является специфическим способом преодоления нарциссического унижения.

При нынешнем состоянии нашего знания мы уже можем с уверенностью говорить о параллелях между защитными мерами эго против внешней и против внутренней опасности. Вытеснение избавляет от производных инстинктов, так же как отрицание разрушает внешние

Заключение

стимулы. Формирование реакции предохраняет эго от возвращения изнутри вытесненных импульсов, тогда как при помощи фантазий, в которые обращена реальная ситуация, поддерживается отказ от поражения извне. Торможение инстинктивных импульсов соответствует ограничению, накладываемому на эго, чтобы избежать неудовольствия, исходящего от внешних источников. Интеллектуализация инстинктивных процессов как мера против опасности, угрожающей изнутри, аналогична постоянной бдительности эго по отношению к опасности, грозящей извне. Все остальные защитные меры, которые, подобно обращению и обороту против человека, производят изменения в самих инстинктивных процессах, имеют свой аналог в попытках эго воздействовать на внешнюю опасность посредством активного изменения условий во внешнем мире. На этой последней стороне активности эго не будем здесь останавливаться подробнее.

Это сравнение параллельных процессов заставляет задать вопрос: каким образом эго разворачивает формы своих защитных механизмов? Строится ли борьба против внешних сил по образцу борьбы с инстинктами? Или же дело обстоит наоборот — меры, используемые во внешней борьбе, являются прототипом различных защитных механизмов? Выбор между этими двумя альтернативами нелегок. Детское эго переживает натиск инстинктивных и внешних стимулов в одно и то же время; если оно хочет сохранить свое существование, то должно защищаться одновременно с двух сторон. В борьбе с различными видами стимулов, которыми эго должно овладеть, оно приспосабливает свои орудия к конкретным нуждам, вооружаясь то против опасности, грозящей изнутри, то против опасности, грозящей снаружи. В какой мере в своей защите от инстинктов эго следует собственным законам, а в какой — подвержено влиянию характера самих инстинктов? Некоторый свет на эту проблему может быть пролит сравнением с аналогичным процессом — процессом искажения сна. Перевод латентных намерений сна в явное его содержание осуществляется под присмотром цензора, то есть представителя эго во сне. Но сама работа сна не осуществляется эго. Конденсация, замещение и многие странные спосо-

Эго и механизмы защиты

бы представления, происходящие в снах,— это процессы, характерные для ид, и используются они в основном в целях искажения. Таким же образом различные защитные меры не являются исключительно делом эго. В той мере, в какой модифицируются сами инстинктивные процессы, используются характерные особенности инстинкта. Например, готовность, с которой эти процессы могут быть замещены, способствует механизму сублимации. При помощи этого механизма эго достигает своей цели — отклонения инстинктивных импульсов от их-чисто сексуальной цели на те, которые общество считает более высокими. Кроме того, обеспечивая вытеснение при помощи реактивного образования, эго извлекает выгоду из способности инстинкта к обращению. Мы можем заключить, что защита выдерживает атаку лишь в том случае, если она построена на этой двойной основе, — с одной стороны, на эго, а с другой — на сущностной природе инстинктивных процессов.

Но даже когда мы допускаем, что эго не полностью свободно в создании защитных механизмов, которые оно использует, при исследовании этих механизмов впечатляет величина достижений эго. Само существование невротических симптомов указывает на то, что эго потерпело поражение, а каждый возврат вытесненных импульсов, приводящий к формированию компромисса, показывает, что какой-то план защиты не удался и эго было побеждено. Но эго одерживает победу, когда его защитные меры достигают своей цели, то есть позволяют ему ограничить развитие тревоги и неудовольствия и так преобразовать инстинкты, что даже в трудных обстоятельствах обеспечивается какая-то степень удовлетворения. А это, в свою очередь, позволяет поддерживать гармоничные отношения между ид, суперэго и силами внешнего мира.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НЕОБХОДИМЫХ УСЛОВИЙ В РАННЕМ ВОЗРАСТЕ И ВОСПИТАНИЕ

Джон Орр (1944) в своем вдохновляющем докладе о всемирном продовольственном плане обрисовал картину послевоенного мира, где люди разных национальностей больше не воюют друг с другом, а используют свою силу для борьбы с врагами, угрожающими физическому и умственному здоровью человечества. Он выделяет три угрозы здоровью человека: неполноценное питание, жилищные проблемы и факторы, которые приводят к ухудшению психологической адаптации индивида. Он настаивает на том, что нормальное физиологическое и психологическое состояние может быть достигнуто только в случае обеспечения продуктами первой необходимости, и призывает к объединению усилий физиологов и психологов для точной оценки основных нужд человечества.

Подобное требование неоднократно выдвигалось людьми, имеющими дело с воспитанием маленьких детей. Незрелый организм маленького ребенка гораздо тяжелее переносит лишения, чем сформировавшийся организм взрослого человека. Недостаток пищи в младенческом возрасте вызывает не только заболевания на данном этапе, но и влечет дальнейшее неправильное развитие организма. Психоаналитические исследования последних пятидесяти лет показали, что существует тесная связь между физическими и психическими процессами-

Обеспечение необходимых условий и воспитание

ми, если рассматривать таковые в данном контексте. Независимо от того, в каком возрасте ребенок подвергся серьезной депривации, в дальнейшем это скажется на его умственном развитии. Любой процесс, происходящий в развивающемся сознании, является решающим для психического здоровья взрослого человека, точно так же, как и все происходящее с телом ребенка, отражается на его дальнейшем физическом развитии. Как ранее было отмечено Гловером (1946), глубинное культурное развитие человеческого сознания может начинаться в первую очередь с этапа передачи духовного наследия, то есть в процессе раннего воспитания.

Таким образом, удовлетворение первичных потребностей взрослых людей будет эффективным только в том случае, если в раннем детстве была подготовлена почва для умственного и физического здоровья.

Физические потребности ребенка

Пища. Из всех необходимых условий для правильного развития в первую очередь необходимо сказать о потребности в тщательно сбалансированном питании ребенка. Во многих цивилизованных странах общественные организации контролируют питание детей: в детских благотворительных клиниках дают матерям советы, своевременно снабжают жизненно необходимыми продуктами, которые сложно достать либо из-за их дефицитности, либо из-за бедности родителей. Рацион ребенка составляется с учетом результатов психологических исследований и исследований в области диетологии, и это коренным образом меняет рацион ребенка по сравнению с предыдущим поколением. Что прежде считалось роскошью или деликатесами (фруктовые соки, сладости, рыбий жир и так далее), теперь признается жизненно необходимым, и нынешние дети обеспечиваются этими продуктами. Существует определенная тенденция распространить эту политику и на более поздние стадии детства, что подтверждается введением школьных завтраков и обедов. Также имеет место возрастающая тенденция переложить обязанности по обеспечению питания детей с родителей на общественные институты.

Физические потребности ребенка

Пространство. Взрослые считают потребность в пище более важной для детей, чем другую, равнозначную ей, физическую потребность, нашедшую выражение у Джона Орра в требовании «полноценного крова». Многие дети отстают в развитии из-за недостатка свежего воздуха, отсутствия необходимых гигиенических средств, из-за того, что у ребенка нет отдельной кровати.

Еще одна физическая потребность маленьких детей все еще недостаточно освещена, хотя и занимает высокое положение среди основных требований для воспитания здорового поколения. Маленькие дети нуждаются в активной помощи со стороны взрослых в развитии их мышечного контроля и физических навыков. Не то чтобы их надо чему-то учить в этом отношении. Умение ползать, ходить, бегать, прыгать и лазать развиваются естественным путем. Но для того, чтобы повысить уровень, которого способен достигнуть каждый ребенок индивидуально, эти умения должны совершенствоваться, и взрослые должны способствовать этому совершенствованию. Детям необходимо обеспечить полноценное пространство и достаточно безопасные условия для достижения полного контроля над своим телом. При стесненных условиях, в которых многие дети проводят свои первые два — три года, они неизбежно сталкиваются с некоторыми ограничениями физической свободы. Их движения сдерживаются, чтобы они не нанесли вреда себе или имуществу взрослых. Последствия подобных ограничений в раннем детстве не проявляются так явно или быстро, как последствия неполноценного питания. Но есть много детей, которые всю жизнь остаются намного ниже своего потенциально заложенного уровня в достижении физического контроля над телом. Они остаются неуклюжими и неразвитыми в своих движениях, хотя могли бы стать свободными, ловкими и грациозными, если бы им предоставляли достаточно пространства и возможность пользоваться игрушками, предназначенными для развития моторики в раннем детстве. ; Так же мало внимания уделяется и развитию различных навыков в раннем возрасте. Навыки хватать, [держат, тянуть, толкать, трогать и другие совершенствуются последовательно, если ребенок развивается

Обеспечение необходимых условий и воспитание

нормально. Но большая разница заключается в том, приняты или отвергнуты средства для совершенствования этих навыков. Существует великое множество обучающих игрушек, которые прекрасно служат этой цели. Требование, что каждый ребенок должен иметь доступ к таким вещам, как одно из прав любого ребенка, сейчас рассматривается общественными органами (например, Ассоциацией детских садов Великобритании). Те же навыки, овладение которыми ожидается от ребенка и от взрослого в более позднем возрасте, довольно часто с самого начала не развиваются из-за того, что для этого не созданы необходимые условия.

Кроме этого, в связи с двумя вышеупомянутыми требованиями существует определенная тенденция переложить обязанности по обеспечению детей всеми необходимыми условиями с родителей на общественные институты, то есть дополнить то, что могут предложить родители своим детям в этом отношении, за счет общественных органов управления. Обеспечение детей, которые посещают детские сады всем необходимым (в соответствии с новым законом об образовании), является наиважнейшим шагом в этом направлении.

Интеллектуальные потребности ребенка

Тот факт, что обязательное посещение начальной школы существует во всех цивилизованных странах (в Англии с 1876 года), не означает, что все потребности ребенка в области его умственного развития полностью удовлетворены. Слишком многие школы все еще считают своей основной задачей учить ребенка, то есть постепенно внушать ему знания, надеясь на то, что память ребенка эти знания сохранит. Но, хотя учение необходимо, оно не является главным требованием в раннем возрасте. Умственные способности ребенка развиваются естественным путем, по мере его роста. Их развитие состоит из последовательных процессов, которые не могут быть вызваны путем учения, хотя с его помощью можно способствовать или препятствовать их развитию, так же как

Интеллектуальные потребности ребенка

физическое развитие можно ускорить или замедлить с помощью полноценного или неполноценного питания.

С самого рождения маленький ребенок познает окружающий мир, начиная с частей собственного тела, лица и рук матери, приспособлений для кормления и ближайшего окружения, настолько, насколько это необходимо для его благополучия. С этих пор процесс его познания мира движется по спирали, с каждым витком охватывая все большее пространство. Ребенок при достаточной стимуляции развивает свои ощущения; он учится различать размеры, формы, цвета и так далее. От мимолетных сенсорных впечатлений, которые в самом начале составляют всю умственную жизнь, он переходит к мыслительным процессам, развивая мышление от конкретного к абстрактному, приобретая способность обобщать, делать выводы. Он совершенствует функции памяти и функции речи. Подавляющее большинство научно-исследовательских работ, проведенных профессорами-психологами по этому вопросу, постепенно приводят нас к более широкому осознанию того, что создание необходимых условий для процессов умственного развития более важны, чем сам процесс обучения. Для предоставления полного простора и доставляющей удовольствие деятельности на различных этапах умственного развития уже сейчас существует множество развивающих игрушек, а также создаются новые. Разработаны методы, которые связывают эти функции умственного развития с инстинктивными процессами, что вносит свою лепту в процесс обучения детей, изменяя коренным образом всю школьную жизнь (см. Дж. К. Хилл, *Введение в естественные науки, географию, историю*, 1937). Нет сомнений, что в ныне существующих условиях многие дети всю свою жизнь остаются ниже того уровня умственных способностей, которого они могли бы достичь, если бы все их врожденные умения развивались должным образом. Детские сады в этом отношении способны удовлетворить потребности детей; то же можно сказать и о современных начальных школах и о многих заботливых родителях. Они создают окружение, наиболее благоприятное для процессов умственного развития и предлагают обучение лишь тогда, когда ребенок сам,

Обеспечение необходимых условий и воспитание

направляемый своими собственными желаниями, начинает искать знания. Но подавляющее большинство матерей, воспитателей и школьных учителей все еще терпят неудачу, пытаясь уловить реальные потребности, и под видом обучения лишают пищи интеллектуальные процессы ребенка.

Инстинктивные и эмоциональные потребности ребенка

Вопрос, касающийся инстинктивных и эмоциональных потребностей ребенка, не так четко определен и более сложен. Растет осознание того, что эти потребности напрямую связаны с адаптированностью или неадаптированностью отдельного ребенка к обществу. Тем не менее, общественные власти могут предложить родителям не уж так много, чтобы помочь им в сложном вопросе, касающемся этой стороны потребностей ребенка. Хотя общество должно нести ответственность за неправильное развитие ребенка, так как сегодня мы встречаем:

испытывающих эмоциональный голод, эмоционально несдержанных, невротиков, имеющих проблемы в общении в общественном мнении не существует подходящей концепции для решения этих вопросов или для создания каких-либо методов, с помощью которых можно решить данную проблему.

Традиционный взгляд на эмоциональную жизнь ребенка. До конца прошлого века представление об эмоциональной жизни ребенка было достаточно примитивным. Оно состояло лишь из набора идей о том, как или что дети должны чувствовать. Положительные эмоции, такие, как любовь, почтение, послушание и благодарность по отношению к родителям, казались весьма серьезными. Считалось, что братья и сестры связаны узами нежности и любви. Предполагали, что ребенок должен питать отвращение к подлости, мерзости, жестокости, и многое делалось для того, чтобы оградить его от всякой информации и переживаний по поводу смерти, несчастных случаев и криминальных происшествий. Дет-

Инстинктивные и эмоциональные потребности ребенка

ство считается периодом невинности, свободным ото всех грязных наклонностей взрослой жизни и, кроме всего прочего, от сексуальных потребностей с их страстями, желаниями и трудностями. Считалось, что печаль в детском возрасте кратковременна, эмоции — мимолетны, а быстрые переходы от слез к смеху, от печали к радости, которые характерны в детстве, служили привычным основанием для предположений, что ранние детские переживания всегда окрашены в светлые тона. Такое отношение нашло отражение в широко распространенном стереотипе «счастливое детство».

Подобные взгляды на эмоциональную жизнь ребенка мало помогают в понимании и трактовке непосредственных нужд детей. Они противоречат известным во все времена фактам, что в детстве несчастье, разочарование, чувства одиночества и вины — явления каждодневные, и что, по крайней мере, по частоте они соответствуют счастливым переживаниям. Всегда было очевидно, что дети ненавидят так же пылко, как и любят; что они способны практически на все поступки, которые во взрослой жизни считаются антиобщественными, и что потеря любимого родителя, няньки или товарища по играм может оказать влияние, которое скажется в более взрослом возрасте, хотя горечь на момент утраты может быть кратковременной. Будучи привязанными к своей вере в детскую невинность, взрослые ведут постоянно активизирующуюся войну против очевидной деятельности ребенка, которая доказывает, что подобная вера является не чем иным, как воплощением мечтаний большинства взрослых людей. Обычно отрицается, что у детей есть сексуальные потребности: их наказывают за мастурбацию, сексуальное любопытство, «грубые» игры, употребление непристойных слов и за все, что доказывает существование этих потребностей. И чаще всего оказывается невозможным эти потребности подавить.

Это общепринятое представление об инстинктивной и эмоциональной жизни ребенка настолько укоренилось, что от него сложно избавиться. Когда какой-нибудь защитник детства просил родителей и учителей вспомнить, что «они сами были когда-то детьми», это не приносило никакой пользы. Память взрослого человека

Обеспечение необходимых условий и воспитание

не может вернуться к началу его жизни, к тем желаниям и потребностям. В силу своей природы желания, возникающие в раннем возрасте, ускользают из сознания взрослого, и могут быть вызваны из подсознания только при помощи особых усилий.

Психоаналитический взгляд. Психоаналитические исследования — а детский психоанализ основан именно на них — служат для того, чтобы пересмотреть, тщательно исследовать и расширить наши знания о потребностях детского возраста. Как было показано, эмоциональные отношения детей являются результатом сексуальной жизни в раннем детстве, которая неразрывно связана с ранними стадиями развития инстинктов агрессии. Оказалось, что детская невинность — не что иное, как миф. Были приведены доказательства, сначала из прошлого взрослых людей, а позже прямым доказательством, выведенные из наблюдения за детьми, подтверждающие, что человеческие сексуальные инстинкты с их желаниями заявляют о себе с самого начала жизни. Они меняют свою форму и проявляются по-разному на разных этапах развития; они сосредотачиваются вокруг других частей тела, до тех пор пока половые органы естественным образом не начинают играть ведущую роль, и они побуждают ребенка осуществлять различные виды деятельности, направленные на их удовлетворение. Удовольствие, которое ребенок получает от всех этих процессов, обладает особым качеством. И это качество имеет много общего с тем удовольствием, которое извлекается из сексуальной жизни взрослого человека. Импульсы, воздействующие на ребенка в различные периоды детства, вновь проявляются во взрослой жизни, как предваряющий или сопровождающий нормальные половые отношения ритуал. А иногда случается, что та или иная сексуальная наклонность из детского возраста, оставшись неизменной, проявляется в сексуальной жизни взрослого человека в качестве так называемого извращения. Таким образом, становится ясно, что этапы развития сексуального инстинкта в детстве необходимы для подготовки к нормальной взрослой половой жизни, а этапы развития инстинкта агрессии — для полноценной жизнедеятельности в дальнейшей жизни.

Инстинктивные и эмоциональные потребности ребенка

Существуют два основных направления того, как сексуальные потребности и потребности агрессии проявляют себя и начинают играть роль в воспитании и образовании.

Самоудовлетворение. Маленькие дети открывают возможности получения удовольствия, которые заложены в их организме, и начинают использовать различные части своего тела различными способами для удовлетворения своей потребности в наслаждении. Отсюда возникают детские «привычки», прежде вселявшие ужас в родителей и докторов, против которых они всегда боролись и проигрывали битву: привычка сосать палец, раскачиваться из стороны в сторону, кивать головой, мастурбировать (и производные мастурбации, такие, как привычка грызть ногти, ковыряться в носу, ритмично подергивать мочку уха и так далее). Такие действия своей живучестью обязаны тем инстинктивным силам, от которых они происходят. Они не являются, как считалось ранее, тревожными знаками порочности или дегенерации ребенка. Они представляют собой первую, примитивную попытку ребенка удовлетворить потребность в инстинктивном наслаждении. Сами по себе эти явления нормальны, можно избежать многих излишних конфликтов, несчастий и ощущений вины, если не слишком мешать этим инстинктивным потребностям ребенка.

Объект любви. Всегда значительная и наиболее важная часть инстинктивных потребностей ребенка направлена во внешний мир и требует отдачи от родителей или тех, кто, заменяя их, обеспечил все физические потребности ребенка, утолил его первый голод и создавал условия для безбедного существования. По мере того как младенец развивается, он обогащает и разнообразит свою эмоциональную жизнь на основе этих первых элементарных связей. Он продолжает любить своих родителей, даже после того как его сиюминутные физические потребности удовлетворены. Он требует исключительной привязанности от матери или отца, чувствует ревность и ненависть к другому родителю, который тем самым становится его соперником, чувствует отчаяние, когда отвергают, влечение —

Обеспечение необходимых условий и воспитание

когда разлучен с родителями, одиночество — когда лишен близости, и радость наполняет его, когда к нему относятся благосклонно, ценят его или восхищаются им. Во всех этих отношениях маленький ребенок ненамного отличается от взрослого человека, который устремил все свои чувства на одного любимого человека и чье счастье или несчастье зависит от исхода этой так много для него значащей любовной связи.

Маленькие дети от природы переполнены чувствами, непостоянны и неразвиты в выражении своих эмоций. Таким образом, их первая любовь часто выглядит как карикатура или пародия на соответствующие отношения взрослых. Но мы не должны воспринимать потребности детей так просто, основываясь на подобных внешних проявлениях. Детская любовь не должна быть предметом насмешек, восприниматься как забавная причуда или второстепенное дополнение к детской жизни. В действительности она — самая необходимая и основная предпосылка для нормального развития. Удачные отношения с родителями или теми, кто их замещает, служат следующим важным целям:

- они сдерживают эгоистическую и нарциссическую направленность ребенка, которые в других условиях непомерно разрастаются;

- они заменяют первый опыт любви и, таким образом, создают модель всех последующих любовных переживаний;

- они формируют прочную связь между ребенком и внешним миром, делая ребенка зависимым от взрослых и восприимчивым к их желаниям и воспитательным усилиям.

Дети не рождаются социальными существами, и они не могут стать таковыми, просто живя в социальных группах. Единственным путем приспособления к обществу являются близкие личные отношения, а именно связь с любимыми родителями, которая вырабатывает уважительное отношение к их требованиям. Дети не беспокоятся о соблюдении общественных правил, которые для них ничего не значат, они озабочены лишь требованиями своих родителей, единственных важных и значащих для них представителей общества.

Инстинктивные и эмоциональные потребности ребенка

Отсутствие объекта любви. Утверждения подобного рода могут быть проверены при помощи наблюдения за маленькими детьми, которые в силу неблагоприятных обстоятельств лишены осуществления своих эмоциональных желаний. Не важно, умерли родители ребенка, или они игнорируют его, или просто находятся вдалеке от ребенка в силу причин безопасности или материальных проблем. В жизни взрослых это считается отсутствием объекта любви, на который можно направить свои эмоции и получить отдачу. Полное лишение такого рода порождает неполноценное развитие ребенка, которое не менее важно, чем авитаминоз, возникший вследствие недостатка жизненно важных витаминов в рационе ребенка. Дети, чьи привязанности не находят объекта, не только несчастны: их развитие может также проходить неправильно в одном или нескольких важных направлениях. Одни просто обращают свои эмоциональные потребности внутрь и тратят большую часть своих чувств на себя и свое тело. Это усиливает описанные выше склонности к самоудовлетворению, до такой степени, что эти склонности становятся настоящей опасностью для нормального развития. Нелюбимые и отверженные дети или дети, которые живут в больших группах в государственных учреждениях, могут обнаруживать привычку сосать большой палец в более зрелом возрасте, отчаянно раскачиваться из стороны в сторону и мастурбировать чаще, чем дети, воспитанные в обычных семьях. Другие нелюбимые дети могут быть неутомимы в своих поисках возможного объекта, где их потребности могут найти свое удовлетворение. Они хватаются за всякое случайное знакомство и набрасываются на каждого незнакомого человека, стараясь завязать с ним дружбу, наталкиваясь чаще всего на стену неприятия. Другие, как полная противоположность такому поведению, отказываются от всех попыток в этом направлении, демонстрируют безразличие ко всем и становятся раздражительными и ожесточенными. Для всех вышеперечисленных случаев является общим то, что даже у детей, живущих в общественных учреждениях, социальная реакция замедляется в своем развитии неопределенное время.

Обеспечение необходимых условий и воспитание

Проблемы реализации объектной любви. Однако даже те счастливые дети, которые остаются неразлучными со своим объектом любви на протяжении наиболее важного периода детства, не обходятся без рецидивов и серьезных осложнений. Совершенно справедливо утверждение, что инстинкты и эмоции ребенка развиваются по своему природному пути развития, так же как его тело и умственная деятельность. Но трудности возникают из-за того, что удовлетворение основных потребностей в этом плане не проходит так просто, как в плане физических и интеллектуальных потребностей. Когда дело касается эмоций, мы не можем просто обеспечить удовлетворение этих нужд, мы должны оценить их. Как было сказано выше, ребенок требует от родителей в этом отношении реакции на свои чувства. Формы, которые принимают эти требования на различных уровнях развития, тесно связаны с последовательными стадиями развития инстинктов. Примечательно, что ранний сексуальный опыт, так же как ранние проявления агрессии, является архаичным и незрелым, и влечения, порождаемые им, не встречаются в семейной жизни, которая подчиняется правилам современного цивилизованного общества. Дети в своем поведении руководствуются ненасытной жадностью. В своих необузданных фантазиях они желают обладать собственной матерью, как, должно быть, делали сыновья в первобытных племенах, и убить собственного отца, как случалось в доисторические времена. Они способны на грязный опыт молодых животных и на неограниченную жестокость дикарей.

Фрустрация инстинкта. Родителям не следует опускаться до уровня инстинктов ребенка и доставлять ему то удовольствие, которое он желает получить. Это означало бы совращать ребенка, так же как предоставлять неограниченные возможности его агрессии. Некоторые родители бывают шокированы крайней непристойностью желаний ребенка. Они принимают строгие меры, осуждают поведение ребенка, запрещают и наказывают, чтобы не допустить крайностей. Нельзя сказать, чтобы все эти методы были полезны для ребенка. Наказанный ни за что, ребенок не может сделать ничего, кроме как скрыть свои чувства, изменить их проявление или попробовать стереть все беспорядочные эмоции из своего сознания. Это приводит к

Инстинктивные и эмоциональные потребности ребенка

зарождению чувства страха и вины, являющегося причиной первого разрыва с родителями и первого серьезного раскола внутри личности ребенка. Некоторые родители более терпимы и не используют такие крутые методы. Но даже самые любящие матери должны понимать, что все, что они делают для своих детей, не будет соответствовать детским ожиданиям, пока ребенок не получит то, о чем мечтает в своих фантазиях: полное осуществление подсознательных желаний. Ничто из того, что мы можем сделать для воспитания маленьких детей, не изменит тот факт, что ребенок переживает свои эмоциональные потребности в условиях своих первобытных инстинктов, тогда как их удовлетворение может быть дано только в той мере, которая соизмерима со сдержанностью, определяющей подсознательные проявления в цивилизованном обществе.

Преобразование инстинкта. Многие родители не обращают на все это никакого внимания. А ведь проблема заключается в том, что, имея возможности, взрослые ничего не знают о тех силах, с которыми они имеют дело. Перспективы образования были бы действительно безрадостны, если бы потребности ребенка этого рода было так же трудно изменить, как, скажем, физические потребности. В действительности они имеют совершенно разную природу. Инстинкты и эмоции легко поддаются влиянию. Они могут отказываться от своих первоначальных целей и перенаправлять себя на новые цели и объекты. Они могут перемещать свою энергию с одного устремления на другое и могут даже устремиться в прямо противоположном направлении. Ребенок может некоторое время противостоять этому процессу преобразования инстинкта и следовать первоначальным желаниям. Но при правильном обращении он примет замену того удовольствия, которое осталось неудовлетворенным. Он станет довольствоваться радостью разрешенных удовольствий вместо тех, которые были запрещены. Сексуальное любопытство обернется желанием учиться, энергия от удовольствия при использовании в речи грязной брани будет направлена на рисование картин. Агрессия может обернуться желанием помочь, а прежняя жестокость — зарождением жалости и покровительства. Разрушающая энергия может быть направлена в русло со-

Обеспечение необходимых условий и воспитание

зидания. Объект любви может утратить свой особый характер и в форме привязанности оказаться замещенным другим членом семьи и так далее. Очень удачно для целей обучения то, что никакие другие инстинкты не изменяются с такой готовностью, как сексуальные.

Когда родители выявляют эти возможности и узнают достаточно об условиях, в которых может произойти преобразование инстинкта, они уже не стоят перед выбором, уступить первобытным желаниям ребенка или подавить их. Они понимают, что их задачей является помочь ребенку преобразовать свои желания так, чтобы они могли получать разнообразные удовольствия. Эта так называемая сублимация подсознательного наслаждения будет еще успешнее, если родители открыто предложат ребенку столько эмоционального удовлетворения, сколько они могут дать. Нельзя допустить, чтобы ребенок осознал, что пожертвовал единственной «валютой», которую был способен оценить в раннем возрасте, а именно знаками родительского внимания. Если это случится, то он с еще большей силой захочет прямого удовлетворения своих инстинктивных потребностей.

Заключение

Обеспечение необходимых условий для раннего воспитания, если рассматривать его под предложенным углом зрения, должно основываться на трех основных необходимых требованиях:

1. Основательные знания о природе потребностей ребенка и о методах обращения с ними; они должны быть представлены психологами и физиологами.

2. Обеспечение материальных возможностей для создания достойных условий; в этом отношении средства родителей могут дополнять общественные средства.

3. Наличие взрослых (конечно, предпочтительно внутри семьи), которые принимают эмоциональное участие в жизни ребенка и хотят быть объектом любви на протяжении сложного процесса морального воспитания. Этот пункт является основной проблемой воспитания детей, оставшихся без родителей, так как обычно значение этого фактора недооценивается.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О НАБЛЮДЕНИИ ЗА МЛАДЕНЦАМИ

Первоначально эти заметки предназначались для студентов-первокурсников медицинского факультета в Кливленде, штат Огайо. Это была первая группа студентов, проходивших обучение по новому учебному плану, введенному в Западном Университете осенью 1952 года. Согласно этому плану, студенты начинали свое медицинское образование не с препараторской, а с знакомства с беременной женщиной, во время ее визитов к врачу, и затем они наблюдали ее несколько раз в течение беременности, присутствовали при рождении младенца и продолжали поддерживать контакт с мамой и ребенком в течение всего периода обучения. Таким образом, им была предоставлена возможность наблюдать

физическое и психическое развитие здорового младенца с момента рождения и далее, так же как и развитие взаимоотношений между матерью и младенцем.

Обращаясь к студентам, я попыталась в этих заметках ограничиться лишь самыми основными моментами, предполагая, что моя аудитория состоит из людей, не знакомых с предметом психологии, принципами и терминологией психоанализа.

Впервые эта статья была опубликована в *The Psychoanalytic Study of the Child*, 8, 9—11, 1953.

Студент-медик, знакомящийся с новорожденным с целью наблюдения и изучения его психического развития, может найти этот опыт очаровательным и захватывающим. С другой стороны, он может быть разочарован — наблюдать за младенцем в течение первых дней и недель жизни, не зная, на что обращать внима-

Некоторые замечания о наблюдении за младенцами

ние, утомительно и тяжело. Студентам необходимо как определенное руководство в выборе направления наблюдений, так и помощь в организации записей и классификации выявленных при наблюдении данных. Во-первых, они должны понять, что объект их наблюдений ограничен по своей природе. Подобно тому, как, традиционно начиная изучение медицины в анатомическом классе, студент имеет дело с человеческим телом, но не разумом, также наблюдая новорожденного, он видит лишь тело, не имеющее разума. Важнейшее различие состоит в том, что это тело изобилует проявлениями жизни. Наблюдая и вникая в эти проявления по отдельности и в их взаимодействии друг с другом, мы обнаружим первые проблески психической деятельности ребенка.

Задача студента облегчается тем, что первые жизненные проявления очень просты. Младенец спит, просыпается, кричит, улыбается, размахивает ручками и ножками, ест, освобождает мочевой пузырь и кишечник — все эти процессы легко распознаваемы. Следя за ними, наблюдатель вскоре научится различать два основных противоположных состояния, как бы регулирующих эту деятельность. Первое — это состояние покоя и умиротворенности, когда, кажется, с младенцем ничего не происходит, его спокойное тельце не посылает в окружающий мир никаких сигналов, и не проявляет к нему никакого особого интереса. Во втором состоянии тот же младенец демонстрирует телесное беспокойство, кричит, испытывая очевидный и определенный дискомфорт, огорчение или боль. Мы должны понять, что младенец ведет себя так, находясь под влиянием некоторой потребности, которая может быть потребностью в еде, сне, комфорте, необходимостью сменить мокрые пеленки на сухие, согреться либо ликвидировать источник громкого звука или слишком яркого света, перевозбудивших его слух и зрение.

Кроме того, нетрудно проследить взаимосвязь этих двух состояний. Младенец не может сам справиться со своими потребностями. Ему требуется, чтобы кто-то другой, будь то мать, или няня, или сам студент, проводящий наблюдения, удовлетворил их. То есть накормил, успокоил, переодел малыша, устранил то, что раздра-

Некоторые замечания о наблюдении за младенцами

жает его. Как только это произошло, нараставшее в тельце младенца болезненное напряжение немедленно сменяется чувством облегчения. Крик сменяется улыбкой, беспокойство — умиротворением, возбуждение — сном. Наблюдателю ясно, что этому ребенку стало комфортно, что его состояние нужды сменилось чувством удовлетворенности. Регулярно наблюдающие за такими событиями студенты вскоре уже не смогут спутать между собой эти два состояния или настроения младенца. Они научатся мгновенно различать, удовлетворен младенец или нет, испытывает он удовольствие или боль, усиливающееся или спадающее напряжение, наличие или отсутствие раздражающей стимуляции. Наблюдатели, освоив это базовое различие, тем самым сделают свой первый шаг в изучении младенческого поведения.

За этим следует второй шаг. Наблюдателю придется научиться различать не только наличие или отсутствие потребностей (= телесных напряжений), но и отличать проявления одних потребностей от других. Это более сложная задача. Независимо от характера потребностей и вызываемых ими внутренних напряжений, младенец реагирует на них криком. Крик — сигнал того, что он чувствует голод, телесную боль, дискомфорт, одиночество. И если интенсивность переживания проявляется в интенсивности плача, то характер того, что требуется для удовлетворения младенца, будь то пища, комфорт, соприкосновение или же нечто иное, не столь очевиден.

С другой стороны, там, где хорошо обученный объективный наблюдатель может ошибаться, нетренированная, но заботливая мать точно определит желание ребенка. Ее тонкий слух, различающий, казалось бы, совершенно однотипное хныканье, развивается на основе ее тесной эмоциональной привязанности к младенцу. Для нее плач малыша, испытывающего боль, заметно отличается от плача уставшего или голодного ребенка. Опытные няни имеют подобные навыки, а также, в условиях сегодняшнего обучения, и молодые наблюдательные медсестры. То, что для внешнего наблюдателя не более чем неопределенное проявление какого-то дискомфорта в теле младенца, для них оказывается разнообра-

Некоторые замечания о наблюдении за младенцами

зием условий, требующим разнообразия действий. Это может быть крик испуганного младенца, которого надо приласкать и утешить, прежде чем он сможет заснуть;

или же нужно как-то облегчить ему боль в животике или зубную боль; или прервать приступ безысходного отчаяния, овладевший ребенком; может быть также, что его плач — всего лишь свидетельство состояния усталости, которое перейдет в тихий сон без какого-либо постороннего вмешательства. Студенту может показаться невероятной эта способность знающей женщины понять переживания младенца, но он легко может найти аналогичные примеры в собственном опыте. Например, гордый владелец сверкающего автотранспортного средства никогда не перепутает зловещий стук в моторе с поверхностным дребезжанием шасси. Случайный пассажир слышит просто шум, который для знатока является понятным языком, сигнализирующим о тех или иных неисправностях в механизме машины. Мать понимает этот первый язык младенца и отвечает ему. Чтобы научиться таким же образом понимать его, студенту-медику, наблюдающему младенца, вероятно, придется развить в себе такое же личное эмоциональное отношение к ребенку или, по крайней мере, проявить глубокий интерес к этому малышу и желание познакомиться с младенческими проявлениями.

Я так подробно останавливаюсь на необходимости этого конкретного различия в связи с современными изменениями в представлениях об уходе за младенцем. В значительно менее психологическую доаналитическую эру было принято, основываясь только на органических потребностях младенцев, придерживаться жесткого расписания кормлений, с промежутком в три или четыре часа. Строгое соблюдение этих правил недавно уступило место более гибкому порядку кормления, более приближенному к субъективным желаниям ребенка. В ряде стран, особенно в Соединенных Штатах, это привело к революционному изменению — так называемому «кормлению по требованию», отрицающему любые графики кормления и полагающемуся исключительно на проявления младенцем потребности в пище. При этом ничего не говорится о том, что успех этого метода полностью

Некоторые замечания о наблюдении за младенцами

зависит от правильного понимания сигналов, поступающих от ребенка. Несомненно, что, накормив, младенца можно умиротворить, даже если его беспокойство не было вызвано голодом. Но кажется недальновидным с младенчества приучать ребенка к использованию еды для удовлетворения других потребностей. Кормление по требованию должно рассматриваться в его самом строгом смысле, то есть осуществляться только тогда, когда младенцу требуется именно еда и ничего более.

Успешно достигший этой стадии понимания студент получит возможность наблюдать, как в маленьком тельце младенца зарождаются начала разума и мышления. Для большинства студентов это будет впечатляющий и крайне важный для всей их будущей медицинской карьеры опыт. Им откроется вся сила и мощь человеческого разума, структурная сложность и значимость его функционирования, тесная взаимосвязь мышления с телесными функциями и потребностями.

Что происходит в психике новорожденного и младенца, до сих пор открытый вопрос, в последние годы все более активно обсуждаемый многими авторами. Некоторые психоаналитики приписывают новорожденным сложные психические процессы, разнообразные чувства и эмоции, сопровождающие действия различных стимулов, и, более того, сложные реакции на эти стимулы и эмоции, такие, например, как чувство вины. Другие, и в их числе автор, считают, что внутренний мир ребенка первых дней жизни состоит преимущественно из двух контрастных ощущений удовольствия-боли. Боль возникает под влиянием потребности тела (или внешних раздражителей), удовольствие — при удовлетворении потребности (или устранении раздражителя). Благодаря силе этих ощущений и их контрастной природе младенец превращается в то, что он будет позже чувствовать как свое эго.

Мы представляем, что это превращение происходит в психике ребенка следующим образом. Регулярно повторяющийся опыт удовлетворения учит младенца тому, что именно приносит удовольствие. Например, после того, как малыша накормили несколько раз, следствием этого опыта становится возникновение у него

Некоторые замечания о наблюдении за младенцами

ранее отсутствующего образа утоляющей голод пищи. И в дальнейшем, как только появляется голод, немедленно возникает образ желаемой пищи. Голодный ребенок будет видеть мысленную картинку молока, или мамы, несущей молоко, или материнской груди, или бутылочки, наполненной молоком. Голод и эти образы утоляющих объектов и процедур останутся неразделимо связанными между собой. Воображение такого рода (многими авторами называемое «фантазией») рассматривается как первый этап психического функционирования.

С другой стороны, голодный младенец своеобразно ведет себя по отношению к своему воображению. Поскольку он уже много раз обнаруживал, что реальное появление матери или ее груди ведет к удовлетворению желудка, он ожидает от своего мысленного представления о ней такого же результата. Но, конечно, этого не происходит. Воображаемый образ, галлюцинация груди или матери, не приносит удовлетворения. Потребность не будет удовлетворена до тех пор, пока не будет подан сигнал бедствия и не появится реальная помощь. Часто сталкиваясь с таким опытом, младенец учится различать внутренний образ и восприятие реальности внешнего мира. Эта новая способность различать восприятие реальности, с одной стороны, и внутренние мыслительные образы, с другой, — одно из наиболее значительных достижений в психическом развитии ребенка. У старших детей и взрослых в норме не возникает трудностей в суждениях о том, порождено ли то, что они видят, восприятием реальности или же появилось в сознании под воздействием потребности. Они исследуют реальность и распознают творения фантазии как нереальные, и без этой способности нормальная жизнь была бы невозможна. С другой стороны, это умение может быть утеряно под влиянием серьезной психической болезни. Студенту-медику будет полезно в будущем помнить, что галлюцинации психотических пациентов имеют ту же структуру, что и галлюцинаторные образы молока или матери у младенцев, от которых они ожидают удовлетворения, предоставить которое может лишь реальное окружение.

Некоторые замечания о наблюдении за младенцами

Между тем, реакции ребенка на переживания удовольствия-боли претерпевают дальнейшие изменения: он теперь помнит то, что происходило ранее. Наблюдатель заметит, что в состоянии неудовлетворенной потребности младенец теперь действует согласно прошлому опыту. Например, в опыте малыша за появлением бутылочки следовало удовлетворение; поэтому он начинает поворачиваться в сторону этого приносящего удовлетворение объекта. Он знает, что вызывает боль, и отворачивается в сторону. Согласно опыту, крик влечет появление матери и, кажется, способен превращать внутренний образ матери в ее реальное присутствие. Это придает его крику новый оттенок преднамеренности. Опытный наблюдатель заметит соответствующие изменения в плаче младенца. Из простого проявления страдания он становится мощным инструментом или оружием, которое ребенок может использовать для изменения и управления происходящим в его окружении.

Студенту, ведущему наблюдения, полезно проследить за реакцией ребенка на появление и исчезновение матери. Взаимодействие младенца с его окружением не должно интерпретироваться по меркам взрослых. Хотя наблюдатель видит младенца как самостоятельный организм, он должен понять, что сам младенец все еще не имеет четкого представления о своих границах и не вполне понимает, где начинается окружающий его мир. Строя первый внутренний образ себя, младенец следует единственно важному в его жизни принципу — принципу удовольствия. Поэтому он рассматривает как часть себя все, что приятно и удовлетворяет его, и отвергает как чуждое ему все болезненное и неприятное. В соответствии с этой инфантильной формой разделения (мира на «себя» и окружающую среду. — **Перев.)** мать, будучи «приятной», рассматривается младенцем как важная часть себя. Студент, наблюдающий за младенцем на руках у матери, заметит, что малыш не делает различий между ее и своим собственным телом. Он играет с материнской грудью, ее волосами, глазами, носом, точно так же, как он играет со своими собственными пальцами, ножками, исследует свою ротовую полость. Он настолько удивлен и возмущен тем, что мать отошла от него,

Некоторые замечания о наблюдении за младенцами

как будто он потерял часть своего собственного тела. Только через болезненный опыт, периодически теряя свою мать, ребенок постепенно в течение первого года жизни научается тому, что большая часть доставляющего удовольствие выстроенного внутри него образа вовсе не является его собственной. Часть этого образа отделится от него и станет его окружением, в то время как другие части останутся с ним навсегда. Наблюдатель может видеть нарастающие проявления того, что младенец учится распознавать истинные пределы и границы своего собственного тела. На самом деле первый внутренний образ, который человек получает о себе, есть образ его собственного тела. В то время как взрослые думают в терминах «Я» («-self»), младенцы думают, или, скорее, чувствуют, в терминах тела.

Наблюдатели должны быть подготовлены к тому, что такие достижения, как дифференциация себя и окружения, даются малышу нелегко. Архаизмы будут сохраняться, иногда под видом игры, и проявляться впоследствии, уже после того как основные понятия о собственном теле крепко укоренятся в сознании ребенка. Например, на втором году жизни дети все еще могут иногда вести себя так, будто их тело и тело матери суть одно. Ребенок, который любит сосать свой палец, вдруг внезапно возьмет палец матери и начнет сосать его либо, наоборот, положит свой пальчик в мамин рот. Или в процессе кормления возьмет ложку, накормит маму и затем будет по очереди кормить ее и себя. Матери принимают эти знаки как первые проявления щедрости, каковыми они на самом деле не являются. Это поведение исчезнет, когда малыш перестанет путать свое тело и тело матери. В целях наблюдения и понимания будет полезно обнаружить такие инфантильные модели поведения сохраняющимися на втором году жизни и даже позднее, когда развивающиеся способности ребенка к общению уже не оставляют сомнений относительно их значения и намерения.

Но и в то время, пока границы «Я» ребенка все еще расширены и неопределенны, наблюдатель не может не поражаться все улучшающимся порядком, устанавливающимся в сознании ребенка. Диффузные ощу-

Некоторые замечания о наблюдении за младенцами

щения младенца постепенно объединяются и образуют организованный опыт. Удовольствие, боль, голод, удовлетворение, комфорт, дискомфорт перестают хаотично сменять друг друга, возникая под воздействием непосредственной потребности и исчезая с ее удовлетворением. Младенцы подтверждают народную мудрость, гласящую, что у малого дитя смех и слезы живут рядом. Младенец может во время плача вдруг засмеяться, или улыбнуться, или хихикнуть; только что всю улыбаясь, внезапно расплакаться из-за пустяка. Предвкушение удовольствия и ярость, гнев, сильное волнение могут выражаться почти одновременно. У наблюдателя создается впечатление, что каждая эмоция подчиняется своим собственным правилам, не взаимодействуя с другими. Что бы ни произошло, за этим следует определенная реакция. То, что, казалось бы, пройдет незамеченным, складывается в опыт.

Внутренняя интеграция восприятий, ощущений и реакций с ростом ребенка становится все точнее и мощнее. И именно она во второй половине первого года жизни младенца превращает то, что было более или менее диффузной рассеянной мозговой деятельностью, в первичную организацию зарождающейся личности. Центральный момент осознания возникает, когда опыт начинает накапливаться и использоваться, когда конфликтующие чувства встречаются и смягчают друг друга. Начинают наблюдаться различия не только между удовольствием и неудовольствием, но и между «эго» и «другие», действительное и воображаемое, знакомое и неизвестное, и даже самые начала дифференциации между прошедшим, настоящим и ближайшим будущим временем. Теперь можно ожидать от младенца, что он будет узнавать наблюдателя, если тот появляется достаточно часто. Также у него начинает проявляться познавательный интерес и взаимодействие с окружающей средой без принуждения со стороны ищущей удовлетворения потребности.

Вот примерно к этому приведут студента наблюдения за функционированием ребенка первого года жизни.

Если вследствие вышесказанного у вас возникло ощущение, что студенту в его наблюдениях не нужно уделять внимание матери, то это лишь потому, что я

Некоторые замечания о наблюдении за младенцами

описывала деятельность самого младенца и принимала мать как данность. Ее присутствие столь существенно для малыша, что наблюдателю, да и самому ребенку, трудно представить жизнь без нее. В отличие от большинства животных, обучающихся обеспечивать себя вскоре после рождения, человеческий детеныш — полностью зависимое существо. Много месяцев пройдет, прежде чем он сможет захватывать в ладошку твердую пищу и отправлять ее в рот. Его придется кормить жидкой пищей из соски в течение почти всего первого года жизни. Кто-то должен быть рядом с ним и поворачивать его на бочок с одной стороны на другую в первые недели и месяцы жизни, затем — сажать его и укладывать в постель. Он бы беспомощно лежал в моче и экскрементах, если бы никто не заботился о его чистоте и перемене белья. При отсутствии материнской или медицинской заботы младенец умирает, поскольку никакая внешняя необходимость не может научить его удовлетворять собственные потребности в этом возрасте. Таким образом, мать как кормилица и младенец как зависимый от нее рассматриваются как неразделимая пара, неразделимая в самом прямом смысле слова. За исключением времени сна, младенец вряд ли будет спокоен, оставшись в одиночестве. С другой стороны, для внешнего наблюдателя это постоянное присутствие матери и ее забота в значительной степени искажают картину и реальный объем потребностей младенца. Ведь это ее задача — снижать напряжения сразу же после их проявления и давать удовлетворение прежде, чем потребность в нем достигнет высшей точки. Поэтому малыш, о котором хорошо заботятся, выглядит для окружающих «малотребовательным». И наблюдатель не сможет не заметить, что такой же ребенок у матери, допускающей невыполнение этих требований, нуждается то в одном, то в другом с утра до вечера, давая окружающим передышку только на время собственного сна.

Удовлетворенность матери своим малышом может, далее, заслонить от наблюдателя тот факт, что этот младенец на самом деле весьма неблагодарен: он питает интерес к своей кормилице, лишь когда ему что-нибудь требуется. Когда он полностью удовлетворен, не голо-

Некоторые замечания о наблюдении за младенцами

ден, у него ничего не болит, ему не холодно и вообще его ничто не беспокоит, он, фигурально выражаясь, поворачивается спиной к своему окружению и засыпает. Как только нужда будит его, он становится очень внимателен к матери, как бы спрашивая: «Где же моя кормилица? Здесь ли ты, чтобы дать мне то, что я хочу?», страдая, если мать отсутствует в этот момент.

Тщательное наблюдение за младенцем в течение его первого года жизни откроет студенту постепенное превращение взаимоотношений матери и ребенка из отношений эгоистических, жадных, эгоцентрических со стороны ребенка в более взрослую привязанность одного человеческого существа к другому. Это превращение состоит из нескольких изменений, которые удобно рассматривать как целое. Ситуация, при которой лишь давление потребности вызывает у ребенка внутренний образ матери, угасающий, как только удовлетворение было получено, постепенно преобразуется. Теперь образ матери сохраняется постоянно, собирая в себе весь позитивный опыт с ее участием, и становится все более точным и значимым. Ребенок строит на основе этого собирательного опыта то, что мы называем его первой истинной любовной привязанностью. Это новое отношение к матери сохраняется и в дальнейшем, надежно фиксируясь в его психике и оставаясь относительно стабильным независимо от изменяющихся состояний потребности и удовлетворенности его тела. Безукоризненно выполняя роль кормилицы, не допуская несвоевременных отлучек и не позволяя себе увлекаться другими людьми, делами, личными интересами, мать тем самым дает младенцу возможность установления и сохранения в будущем постоянной и крепкой привязанности к матери. Постоянство этой привязанности будет служить крепкой основой для формирования и развития в дальнейшем подобной привязанности к отцу, братьям и сестрам и, наконец, к другим людям, не являющимся членами семьи. Если же мать относится к своей обязанности кормилицы равнодушно или часто позволяет другим людям заменять ее, переход от эгоистической «любви желудка» к искренней крепкой любовной привязанности будет происходить медленнее. Младенец может чувствовать себя незащищенным и слишком беспокоить-

Некоторые замечания о наблюдении за младенцами

ся об удовлетворении своих потребностей, чтобы уделять достаточно внимания человеку или людям, которые о нем заботятся.

Для студента-медика, будущего врача или психиатра, будет полезно зафиксировать в своем сознании эти два этапа развития младенческой привязанности: эгоцентрические, непостоянные взаимоотношения и превосходящие их, но из них же и вырастающие прочные стабильные взаимоотношения. Хотя в норме здоровый взрослый проходит через первый этап, следы его могут при определенных обстоятельствах проявиться в дальнейшей жизни. Тяжелая физическая болезнь может быть одним из таких обстоятельств. Оказавшись «беспомощным, как дитя», больной сосредоточивается на потребностях своего страдающего тела точно так же, как и младенец; его отношение к сиделкам, врачам, ухаживающим за ним родственникам, может стать очень похожим на младенческую зависимость от матери, когда настоятельные требования сменяются периодами безразличия, как только достигается относительный телесный комфорт. Кроме того, встречаются люди, сохраняющие «инфантильность» во взаимоотношениях в течение всей своей жизни. Не достигая постоянства в любви, они часто меняют партнеров в зависимости от «требований момента». Будучи зависимыми от каждого партнера и от получаемого от партнера удовлетворения, они тем не менее концентрируются на своих собственных желаниях, практически не уделяя партнеру внимания. Они эмоционально глухи, подобно младенцу, не выражая никакой ответной любви. В то время как эта примитивная форма детской зависимости ведет к асоциальному развитию, второй этап стабильной любовной привязанности к матери представляет замечательный фундамент для социальной адаптации.

Наблюдая за развитием привязанности ребенка к матери, мы встречаемся со следующим интересным явлением, которое позволит нам уточнить предыдущее утверждение. Обсуждая телесные потребности, мы заключили, что младенец не может самостоятельно удовлетворить их. Теперь мы отметим, что из этого правила есть исключения. Действительно, младенцу приходится полагаться на

Некоторые замечания о наблюдении за младенцами

мать в вопросах чистоты, пищи, регуляции температуры и положения тела, но при этом немаловажно что он может доставлять себе определенное удовольствие самостоятельно, заменяя отсутствующую мать какой-либо частью своего тела. Он может сосать свой большой палец, если рядом нет груди или бутылочки с молоком; это, разумеется, не удовлетворит его голод, но вызовет приятные ощущения в ротовых рецепторах. Когда рядом нет матери, ласкающей тельце ребенка, его собственная возня, потирание и почесывание кожи, ушек, любых частей тела вызывают, эротические ощущения кожи и доставляют удовольствие. Потирание и надавливание половых органов вызывает эротическое удовлетворение (удовлетворение мастурбационного типа \ аутоэротическое удовлетворение \ эротическое самоудовлетворение). Когда мама не покачивает малыша, раскачивающиеся ритмические движения могут осуществляться и без ее помощи. Любой наблюдатель, в течение определенного времени и без предубеждений следящий за малышом, обнаружит, что это побуждение доставлять себе своими собственными усилиями разнообразные приятные эротические ощущения, исключительно при помощи своего собственного тела (даже если иногда и используются некоторые предметы, такие, как уголок одеяла, подушка, пустышка и пр.), играет значительную роль в жизни каждого младенца.

Как объективные внешние наблюдатели, мы могли бы ожидать, что матери, врачи, сиделки будут приветствовать эти малые проявления самостоятельности младенца, столь зависимого в других отношениях. Довольно любопытно, что этого никогда не происходит. Медики с неодобрением относятся к сосанию пальца, виня его в деформаций челюстей младенца или же искривлении зубов. Мастурбационная активность на коже и гениталиях в доаналитическую эпоху обычно рассматривалась как угрожающее проявление раннего полового развития. На ритмические раскачивания смотрят с подозрением как на возможные предвестники аутических тенденций. Мы знаем сегодня, что это осуждение обусловлено тем, что вся эта деятельность является первыми действительными проявлениями детской сексуаль-

271

Некоторые замечания о наблюдении за младенцами

ности; кроме того, они представляют форму сексуального удовлетворения, которую с точки зрения взрослого можно назвать извращением. Но это еще не все. Наблюдатели, находящиеся в хорошем контакте с матерями младенцев, заметят, что, даже когда преодолен страх перед детской сексуальностью, как это уже произошло во многих случаях, все же сохраняются определенные опасения, касающиеся стремления младенцев к аутоэротическому удовлетворению. Кажется, что бессознательно матери очень ценят себя как единственный источник удовольствия для своего ребенка. Ребенок, доставляющий сам себе удовольствие — это независимый ребенок, и независим он в той степени, в которой он прибегает к этому. Мать смутно чувствует, что он становится менее подвластен ее влиянию и руководству. И несмотря на советы врача или психолога-консультанта, матери склонны противоборствовать сосанию пальца, раскачиванию, мастурбации и т. д. Войну, которую они несомненно проиграют, поскольку, буквально говоря, как ни связывай ручки и ножки младенцу, воспрепятствовать в поиске этих совершенно законных, природой определенных инфантильных удовольствий не удастся.

Во время наблюдений студентам будет полезно пе-

риодически сопоставлять свои записи для сравнения темпов развития младенцев. Не все дети проходят через одни и те же этапы развития в одно и то же время. Есть определенные пороги, которые должны быть достигнуты и пройдены в течение первого года жизни. Когда именно это произойдет, зависит в каждом отдельном случае от взаимодействия конституциональных факторов и влияний окружающей среды. Все младенцы проходят этап, когда их жизнь определяется единственной альтернативой: боль — удовольствие. Они должны в течение первого года жизни научиться воспринимать и распознавать реальность, развить память и создать внутренний образ своего тела как основу будущей личности. Основываясь на опыте физического удовлетворения, их чувства должны обратиться к матери и породить привязанность к ней. Если они прошли эти основные ступени, их можно назвать успешными младенцами. Координированные движения и речь появятся следом.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Примерно год назад мисс Пикард навестила меня с тем, чтобы пригласить выступить на этой ассамблее. Она ясно сформулировала свою цель: по ее мнению, по вопросам эмоционального и социального развития ребенка выступать перед вами должен психоаналитик, поскольку психоанализ является дисциплиной, ориентированной именно на эти сферы жизни ребенка. Я восприняла эти слова как комплимент психоанализу, но у меня было такое чувство, как будто что-то осталось недосказанным и я должна прояснить ситуацию. Однако у меня все же оставалась неясность, касающаяся моего доклада. Я думала, что мне придется сделать длинное вступление для того, чтобы мои высказывания стали понятны, и, озабоченная этим, я решила пойти на вступительное заседание. Поэтому я появилась здесь вчера и, к своему глубокому облегчению, обнаружила, что необходимое введение было сделано вчерашними докладчиками.

Я полагаю, мне не найти слов лучше, чем те, что были произнесены вчера мисс Пикард, когда она говорила о работе с младшими детьми в сравнении со старшими: это значит отход от логики и смысла к нелогичному и иррациональному. Я также повторю слова вашего президента, что шаг от дошкольного воспитания к школьному обучению является шагом через последний и наиболее трудный барьер образования. Это именно то, о чем

я думала. Я чувствовала, что моя речь сегодня должна увести вас далеко за эти рамки и что наша задача в обучении педагогов, работающих с малышами, заключается в том, чтобы научить их чувствовать себя как дома в этой незнакомой стране, где не существует логики и расчета и где человеку приходится действовать в соответствии с противоположными принципами психической жизни одновременно.

Теперь поговорим о детальной характеристике мира малыша и том языке, на котором он говорит. Когда я работала с родителями и учителями, меня всегда интересовало, почему возникает так много недоразумений между ними и их детьми. Родители и учителя с наилучшими намерениями создают для ребенка особые условия, исходя из внешних обстоятельств, своего видения ситуации, из логики и разума. Но ребенок все это видит совершенно в ином свете: он воспринимает ситуацию, исходя из детских желаний, фантазий, страхов, и поэтому его видение полностью противоположно позиции взрослых. Мать может отправить ребенка в детский сад из наилучших побуждений, возможно, для того, чтобы ему не было скучно дома. Она думает, что общение с другими детьми может хорошо повлиять на его развитие, поскольку сама она занята другими делами и не может уделять ему достаточно внимания. Ребенок же воспринимает это как изгнание из дома. Мать с наилучшими намерениями планирует время госпитализации, например, для удаления гланд или других необходимых оздоровительных мероприятий. Ребенок же оценивает это как агрессию, направленную на его тело. Или же ребенка сажают на диету, что для него означает наказание и лишение.

Озадаченная подобными примерами, я попыталась еще раз обратиться к накопленным нами знаниям в надежде, что мне удастся выявить те области, в которых возникает это глубокое непонимание между взрослым и ребенком. Я обнаружила достаточно большое количество таких моментов и хочу представить вашему вниманию четыре основные сферы, где дети отличаются от взрослых настолько, что нам приходится заново учиться понимать их эмоциональный мир. В этой трудной для родителей и учителей задаче есть один обнадеживающий

момент, а именно то, что детские качества еще живы во взрослом, только они забыты, подавлены и продолжают существовать в тени. Когда же нам удастся разобраться с этим скрытым в себе материалом, становится легче понимать ребенка.

1. Позвольте представить вам четыре примера. Мы, взрослые, видим сны, а также мечтаем. Наши сны и грезы обладают одной важной особенностью. Замечали ли вы, что мы всегда находимся в центре этого мира снов? Нам могут сниться другие люди, но если внимательно присмотреться, оказывается, что это всегда мы сами. Мы можем мечтать, но разве кто-то мечтает о соседе, с которым происходят чудесные события в его жизни? Спасение людей, героические поступки, приобретение несметных богатств — это всегда происходит с нами. Во взрослом сохраняется темная, изолированная ' область, которая представляет собой не что иное, как детский образ существования, потому что подобный эгоцентричный способ видения окружающего мира принадлежит ребенку.

В ранние годы для сознания не существует объективных фактов, есть только субъективные. Когда у матери болит голова или у учителя недомогание, ребенок не понимает, что у матери мигрень, а у учителя простуда. Он думает примерно следующее: «Они против меня, наверное, я сделал что-то не так». Когда мать больна и лежит в постели, ребенок думает: «Она сегодня не хочет играть со мной». Если она ждет ребенка, он думает: «Почему она не берет меня на руки? Наверное, она меня больше не любит». Я помню одного пациента, который, будучи уже взрослым, говорил о смерти матери только в таких выражениях: «Когда она предала меня...». Это тот самый эгоцентричный способ видения, согласно которому ничто в мире не происходит вне связи с собственными чувствами, желаниями, переживаниями ребенка; то есть все то, что так затрудняет наше понимание ребенка. Чувства других людей не принимаются в расчет. Если идет дождь, то этот дождь сделан для того, чтобы помешать ребенку выйти на прогулку. Если гремит гром, то это, наверное, потому, что ребенок сделал что-то плохое. Ребенок никогда не думает: «Дождь идет также и

Эмоциональное и социальное развитие детей

для тех, кто ведет себя хорошо». Когда мы сталкиваемся с подобными убеждениями у взрослых, мы говорим, что они суеверны. Например, некоторые взрослые люди убеждены, что когда они едут в отпуск, то идут дожди. Я убеждена, что это отголосок детства.

Еще один пример непонимания чувств других людей: дети из моего детского сада были с воспитателями на прогулке, и когда подошли к зданию детсада, воспитательница предложила им бежать наперегонки ко входу. Но когда они побежали, одна новенькая девочка потянула ее за руку и сказала: «Скажи тому мальчику, чтобы не бежал так быстро. Я хочу быть первой!» То, что этот мальчик тоже хотел быть первым, для нее не имело значения.

Все это мы без преувеличения можем назвать детским эгоцентричным видением мира: это естественно для ребенка, естественно для нашего понимания ребенка, но становится неестественным, если в процессе взросления ребенок постепенно не перерастает его.

2. Следующий пункт больше касается контраста между рациональным и иррациональным, логичным и алогичным. Начнем снова со взрослых. Мы все знаем, что под воздействием очень сильных эмоций взрослый может сделать все, что угодно, даже совершить преступление, которое может иногда быть оправдано судом, поскольку в тот момент чувства, эмоции данного человека были слишком сильны, чтобы сдерживаться соображениями разума и морали.

Опять-таки это то же самое состояние, которое типично для ребенка. Родители большей частью не понимают этого, им кажется, что ребенок действует им наперекор. Ребенок хорошо усвоил, что должен поступать так или иначе, что машины на дороге опасны, что нельзя разговаривать с незнакомыми людьми, что до желанной игрушки в магазине нельзя даже дотронуться. Ребенок понимает все это, но понимание не влияет на его поступки.

Я думаю, коренное отличие между нами, взрослыми, и детьми дошкольного или еще меньшего возраста, состоит не в том, что они менее разумны, чем мы, или им недостает рациональности. Я полагаю, отличие зак-

лючается в том, что наши идеи влияют на наше поведение, тогда как у малыша понимание может иметь место, но его поведение подчиняется страху, желаниям, импульсам и фантазиям. Вы слушаете меня столь терпеливо: возможно, я говорю что-то интересное. Но представьте, что моя речь стала очень скучной. Вы будете продолжать сидеть тихо до конца заседания. Но если бы вы были воспитанниками детского сада и мне не удалось вас заинтересовать своим рассказом, то вы стали бы отвлекаться: некоторые вышли бы из помещения, другие собрались бы в уголке и занялись чем-то другим. Никакое согласие и понимание трудностей, испытываемых докладчиком или учителем, не удержали бы вас на месте. Это было бы полное исчезновение желания слушать, которое управляет поведением.

Когда я еще работала в Хемпстедском военном детском доме, там были дети всех возрастов, начиная с младенческого (от 10 дней) до 8 лет. Это именно тот возраст, которым вы сейчас интересуетесь. Наши юные воспитательницы и помощники обычно ходили гулять с детьми по Лондону, и, поскольку детей было много, я сказала: «Отведите их покататься на лошадях». Но воспитательница возразила. «Только не наших детей, — сказала она, — они знают о движении все. Им всего по два или три года, но они обидятся, если вы посадите их в экипажи». Дети знают, что нельзя выбегать на дорогу. Но что, если мать появится на другой стороне улицы? Я гарантирую, что эти смысленные дети бросятся наперерез транспорту к матери, потому что в этот момент желание сильнее разума и понимания. Или, предположим, мать ведет ребенка к доктору или зубному врачу. Ребенок заранее обещает быть хорошим и послушным и собирается быть таковым. Но вместо этого он выводит мать из себя. Он кричит, когда зубной врач приближается к нему, так как в этот момент разум исчезает, и его поведением движет страх.

Есть еще одна особенность функционирования детской психики, которую взрослым трудно понять. Взрослые могут быть мотивированы долговременной перспективой. Это означает, что мы можем отсрочить исполнение наших желаний, лишь в состоянии повышенного эмо-

Эмоциональное и социальное развитие детей

пионального возбуждения и нетерпения мы начинаем действовать немедленно, под влиянием момента. Ребенку же необходимо всегда действовать мгновенно, для него не существует отсрочки, он не может ждать; возникающая фрустрация неисполненного желания колоссальна. Это означает, что чувства и желания ребенка намного интенсивнее, чем у взрослых, и такие обещания, как «Мы узнаем это завтра», «Через шесть месяцев мы поедем туда-то и туда-то» или «Подожди, пока вырастешь», бессмысленны. Эти фразы абсолютно пусты для ребенка, это все равно что обещать взрослому исполнить его желания через сто или тысячу лет.

3. Здесь я подхожу к третьему пункту. Я полагаю, мы как учителя, родители и воспитатели не совсем понимаем, что у всех маленьких детей восприятие времени совершенно иное, чем у нас. Мы измеряем время объективно, с помощью часов, и знаем, сколько реально длится час. Только находясь в состоянии повышенной тревоги, ожидая чьего-либо визита или во время операции родственника сидя в приемной, мы можем почувствовать бесконечность времени, когда один, два или три часа тянутся столь же медленно, как и века.

Только в таком состоянии мы можем понять, как ребенок ощущает время. Родители говорят: «Мы уезжаем только на выходные — всего два с половиной дня, это совсем мало». Два с половиной дня для двух-трех-летнего ребенка — целая вечность. Это то же самое, что два с половиной месяца или два с половиной года. Ребенку, который плачет в детском саду, могут сказать: «Ничего страшного, мама придет через час». Но в часу 60 минут, а в минуте 60 секунд, и для ребенка это вечность. С другой стороны, мы можем сказать: «Поиграй еще пять минут», но для ребенка пять равно одному, потому что он хочет продолжать играть дальше. Мы обращаемся с ребенком с позиций своего ощущения времени, тогда как должны это делать с его позиций.

Я приведу еще один пример из практики Хемп-стедского военного детского дома, где мы смогли так много узнать благодаря возможности применения знаний, приобретенных в сложном процессе психоанализа, к очевидно простому процессу воспитания ребенка. В

этом саду было восемьдесят детей, пятьдесят в одном здании и тридцать в другом, разбитых на группы и семьи. Очень скоро мы поняли, что малыши испытывают сильный дистресс, когда мы сажаем их за стол, а сами идем за едой. Малыши не могут ждать. И мы подумали, что надо сделать иначе: «Сперва накроем столы, а затем будем усаживать детей». Вы не представляете, какая революция произошла в детском саду.

Когда утром вы пытаетесь одеть тридцать детей и повести их на завтрак, что вы делаете с теми, кто оделся первым? Я видела в других садах, что они играют до тех пор, пока не оденутся остальные, или даже поют. Ну кому хочется петь до завтрака? Мы сделали столовую, где дежурила лишь одна воспитательница, и дети шли туда, как только были умыты, одеты, причесаны. Они получали завтрак сразу, как это делается в кафетерии. Это также помогло уберечь детей от слишком сильных переживаний.

Меня поразило тогда, от каких страданий можно защитить детей, если понимать всего лишь разницу в восприятии времени у детей и у взрослых. У нас была одна девочка, которая все время хотела быть большой, потому что у нее был старший брат. Это символизировало ее здоровую личность. Она бесконечно спрашивала:

«Когда я вырасту? Это скоро? Через полчаса?». Еще был мальчик, который хотел, чтобы его не забирала мать, и постоянно спрашивал: «Когда придет моя мама?» Воспитательница задала ему вопрос: «Ты хочешь, чтобы она поскорее пришла или чтобы еще долго не приходила?» Он ответил: «Я хочу еще играть. Полчаса — это долго?» Он не представлял, сколько это.

4. Если вы хотите найти яркий пример того, насколько отличается язык ребенка от языка взрослого, вы не сможете подобрать лучшего примера, чем те, которые касаются понимания детьми сексуальной жизни, а именно — различий между мальчиками и девочками, того, что делают мама и папа, чтобы родить ребенка, и откуда появляются дети. Мы многое узнали, изучая реакции детей, и, как вам вероятно известно, первая заповедь родителям — не кормить детей историями о находке в капусте или подарке от аиста, а рассказать правду, кото-

Эмоциональное и социальное развитие детей

руго исповедует психоаналитик. Психоаналитик должен также объяснить, как поступают дети с этой правдой. Сейчас у нас в детском саду есть несколько детей, у которых за последние шесть месяцев появились братья или сестры: и которые ввиду этого очень озабочены вопросом рождения. Их родители, юные и окрыленные и совсем не старомодные, рассказали своим детям все как есть. Дети поверили только на словах. Они понимают, что ребенок появляется внутри матери, и то, как устроены мальчики и девочки. Но когда вы наблюдаете за их игрой, вы видите, что в действительности они не восприняли ничего из сказанного. Например, они дуют на кирпич, как будто «делают ребенка». Или, играя в семью, как папа и мама, изображают, что ложатся вместе спать. Далее обычно происходит следующее: они возятся, дерутся, почти готовы убить друг друга: любовь и насилие, похоже, неразрывно связаны. В игре также заметно, что они считают, будто все дети должны быть мальчиками, и что тело девочки неполноценно, так как в нем чего-то не хватает или было удалено в наказание.

Коротко говоря, ребенок переводит реальные *факты* половой жизни в понятия, доступные для его незрелой души и тела, и понятия эти грубы, примитивны, жестоки и очень близки содержанию некоторых сказок. Поэтому когда бы вы ни захотели убедиться в существовании огромной разницы между детским эмоциональным языком и языком фактов, типичным для взрослых, вам не найти лучшей области, чем эта.

Давайте допустим, что мы помогли учителям понять некоторые особенности ребенка, такие, как его эгоцентризм, иррациональность, иное чувство времени, отличительные черты его сексуальности. Но что дальше? В конце концов это только предпосылки, подводящие к пониманию процесса развития ребенка, происходящего по мере достижения интеллектуальной и социальной зрелости.

Мы должны определить свой дальнейший путь, и с этой целью я предлагаю вам пример из другой области. Когда я еще была учителем в школе — с этого я начинала, — я была поражена тем, что услышала от мальчика из средней школы. Он сказал: «В школе было бы прекрасно, если бы тебя все время не перегружали».

Эмоциональное и социальное развитие детей

Разве можно понять, как складывать, когда нужно учить, как вычитать, и трудно вычитать, когда тебе нужно долго делить. Или ты выучил латынь достаточно, чтобы читать очень легкие тексты, но разве тебя оставят в покое? Нет, тебя заставляют читать самые трудные и непонятные книги». В то же время от маленькоймышленной девочки я услышала, что она действительно любила бы школу, «...если бы здесь не было так скучно. Всегда приходится делать одно и то же по многу раз, ждать, когда все поймут материал. Почему нельзя сразу перейти к следующему?» Это привело меня к мысли, что детские желания не могут быть исполнены: есть те, кто хочет идти вперед, и всегда найдутся такие, которые хотят, чтобы их оставили в покое и наслаждаться своими достижениями.

Со временем учителя во всем мире узнали, что интеллектуальное развитие проходит через ряд стадий и что ребенка нельзя ни подгонять вперед, ни удерживать на стадии, которая ниже его уровня развития. Наконец, что каждому нужно дать возможность развиваться интеллектуально в том темпе, который ему близок. Я думаю, это ценное наблюдение, которое вы, учителя самых маленьких, должны перенести из области интеллекта в сферу реальной эмоциональной и социальной жизни. Здесь также существуют стадии, через которые проходит ребенок, и нельзя ни торопить его там, где он не успевает, ни удерживать там, где он чувствует себя заключенным в атмосфере, которую он уже перерос.

В своих аналитических исследованиях детей мы постарались установить эти стадии для различных отношений: стадии развития отношений с матерью, которые в действительности означают всю совокупность раннего эмоционального развития; развитие товарищества в школе; развитие активности от игры с разными игрушками до трудовой деятельности; или стадии развития обращения со своим телом: процессы питания, очищения, сохранение здоровья, гигиена и пр.

Наблюдая шаг за шагом детали развития ребенка, со временем меня стал раздражать односторонний подход к человеческим отношениям, который выражается в следующих высказываниях: «Мать и ребенок должны

Эмоциональное и социальное развитие детей

находиться вместе как можно дольше. Не разлучайте их». Или: «Детям нужны товарищи. Как можно раньше выпускайте ребенка из дома, пусть он растет в коллективе». Каждое из мнений может быть либо верно, если оно опирается на понимание стадии развития ребенка, либо нет, если строится на сентиментальных взглядах взрослых. Ни в какой другой области мы не посмели бы строить руководство на сентиментальных установках. Можно спросить, например, у педиатров, насколько было бы правильно назначать ребенку диету на основе впечатления, что молоком матери хорошо кормить ребенка до шестилетнего возраста? «Нет, — сказал бы врач, — Мы можем привести множество доказательств, что это не соответствовало бы требованиям растущего организма». Если кто-нибудь скажет: «Перестаньте кормить грудью и начните кормить рубленой говядиной», это может звучать смешно, но именно так мы поступаем по отношению к эмоциональному развитию наших детей.

В последние годы вам, наверное, приходилось много слышать о постепенном развитии отношений матери и ребенка. Поэтому я не стану сейчас говорить об этом, а вместо этого расскажу о том, что непосредственно касается учителей: существуют похожие стадии развития в жизни ребенка, которые ведут его от относительной замкнутости семейных отношений к широкой общественной жизни.

Все мы знаем, что нам нужно от детей в детском саду: чтобы они радовались своему окружению и хорошо ладили между собой. Но мы часто спрашиваем себя: «Что должно происходить до того, как они научатся этому?» В моей клинике нам довелось ухаживать за несколькими детьми после рождения. Мы собирали матерей с младенцами в клинике в течение первых 16 месяцев, чтобы посмотреть, как играют дети с матерями в определенные послеобеденные часы. Потом они приходили в наш детский сад, если мы могли принять их, когда им было уже три — три с половиной года. Это дало нам возможность наблюдать за развитием их дружеских отношений не с братьями и сестрами, а с товарищами вне семьи.

Мы установили примерно четыре стадии. На первой стадии мать и дитя едины, и кто бы ни становился

Эмоциональное и социальное развитие детей

между ними, это нарушает равновесие. Например, если другой ребенок пытается влезть на колени к матери, его сгоняют. Этот другой ребенок лишний, он мешает. Вы можете увидеть, что ребенок ведет себя асоциально, эгоистично. Конечно, это так и есть: он асоциален, и должен быть таким в этом возрасте. Это первая стадия, где, как я уже сказала, другой ребенок вызывает беспокойство.

Затем наступает вторая стадия, когда другой ребенок становится уже интересен. Например, у кого-то из присутствующих в комнате сильно выющиеся волосы, и все дети подходят и трогают эти волосы. Но это не сам ребенок, а его волосы привлекли внимание. Или ребенок везет игрушку на колесах, а на его пути находится другой ребенок; первый продолжает свой путь так, как будто на его пути предмет мебели. Если ребенок споткнулся, для него это означает, что мебель упала на него, и кто-нибудь должен подойти и поднять ее. Это говорит о том, что на второй стадии другой ребенок еще не воспринимается как человеческое существо. Он воспринимается как неодушевленный предмет, почти как живая игрушка.

Мишка является хорошим партнером по игре потому, что с ним можно делать все, что угодно, и он ничего не сделает в ответ. Ребенок швыряет своего мишку в угол, потому что он зол. Мишке плохо, и ребенок берет его, жалеет, и с мишкой уже все в порядке. Именно в этом состоит ценность игрушек. Но обращение с другими детьми на этой стадии подобно обращению с игрушками, и когда они отвечают обидчику тем же, это оказывается неожиданностью для ребенка. У наших малышей в возрасте от 16 месяцев до двух лет вы можете в таких случаях увидеть на лицах такое удивление, как будто «ребенок-мишка» вскрикнул или ударил.

Затем наступает стадия, где два ребенка начинают интересоваться одними и теми же игрушками, иногда сильно конфликтуя. Я помню двоих малышей в возрасте двух с половиной лет, которые играли в детском саду на кухне. Один мальчик стремился вытащить все блюда и чашки из детского кухонного шкафа и поставить на стол, а второй с тем же упорством пытался по-

Эмоциональное и социальное развитие детей

ставить их обратно. Они достаточно долго играли мирно, не замечая, что их цели противоположны, пока наконец не возникло затруднение, и игра прекратилась.

Это способствует переходу на следующую стадию, где дети становятся партнерами: они спрашивают, приглашают, используют друг друга для достижения игровых целей, как это происходит во всех детских садах. Целью может быть, например, постройка гаража для машины, тогда один мальчик может подойти к другим детям и сказать: «Кто поможет мне построить гараж для этой машины?», и они Могут играть полчаса или час и построить что-то красивое; или они могут делать что-то, используя песок, воду, поезд, тоннели и т. д. и прекрасно сотрудничать — не на основе личной дружбы, а на основе общей цели. Это чрезвычайно важная стадия в детской жизни. Когда цель достигнута, группа распадается, дети снова идут каждый своим путем.

Так формируется четвертая стадия, когда другой ребенок становится ценным не только как товарищ по игре, но и как личность со своим правом любить, ненавидеть, восхищаться, соперничать, выбирать друзей. Я не знаю, каковы ваши собственные наблюдения, но мы у себя наблюдали за несколькими такими парами, иногда мальчика и девочки, иногда двух мальчиков или двух девочек с настоящими личностными чувствами и симпатией друг к другу. Мы видели неподдельное горе, если их разлучали.

Интересен тот факт, что нельзя заставить ребенка, находящегося на второй стадии, когда другие воспринимаются как игрушки, вести себя так, как свойственно детям третьей или четвертой стадии, или наоборот. Эти процессы роста и адаптации достигаются постепенно, точно так же как родители не могут убедить детей от установления множества отношений, которые возникают, только когда ребенок уже достиг фазы постоянства своих отношений в привязанности к людям. Мне кажется, что понимание этих фаз эмоционального и социального роста дает нам основание, чтобы разбить детей на группы, как это происходит при делении школьной популяции на классы на основании психологических тестов по их интеллектуальной градации.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ И ИНСТИНКТИВНОЕ РАЗВИТИЕ

К сожалению, не существует стандартизированных методов определения норм эмоционального и инстинктивного развития детей всех возрастов. Имеющиеся тесты психического развития (Гезелл) включают оценку поведенческих норм в разные периоды младенческого возраста, хотя это делается скорее с целью дифференциации интеллектуальной нормы и психической ртсталости у детей, чем для изучения собственно развития поведения. В некоторых тестах (Роршах) исследуется развитие аффективных состояний и их нарушения. В других тестах, например, тестах для оценки Эмоционального развития, используются продукты фантазии ребенка. Но эти попытки остаются единичными, большая же часть не дает ничего, кроме описания отдельных случаев и освещения второстепенных аспектов эмоциональной жизни детей. На нынешнем уровне знания, как мне кажется, неполного и интуитивного, они не облегчают задачу исследователя, призванного изучать личность комплексно, стремящегося вынести надежное суждение об этой стороне детской природы.

В основе процессов формирования детского характера и последующего социального развития лежат два инстинкта: секс и агрессия. Их проявления и вызываемые ими эмоции были предметом психоаналитической психологии на протяжении последних 50 лет.

Детство и секс. До начала нынешнего столетия считалось, что детство свободно от сексуальности. Предпо-

Эмоциональное и инстинктивное развитие

лагалось также, что сексуальный инстинкт начинает проявляться в период полового созревания с первыми признаками влечения к противоположному полу. Асексуальность рассматривалась как одна из главных характеристик детства, которая подкрепляла веру в так называемое «счастье» и «безмятежность» первых лет жизни. Где бы ни обнаруживались проявления детской сексуальности, такие, как сексуальное любопытство или сексуальные действия (мастурбация, сексуальные игры с другими детьми), они воспринимались как признаки отклонения от нормы, сексуальной распущенности или дегенерации.

В отличие от этих убеждений психоаналитические исследования, посвященные изучению и лечению неврозов, продемонстрировали существование детской сексуальности. Сексуальность детей отличается от сексуальности взрослых, поскольку имеет другие цели и формы выражения. Сексуальное поведение детей предвещает их действия в зрелом возрасте и реализует детские ожидания и удовлетворение тем же по сути образом, что и у взрослых. Сексуальная жизнь в детстве, естественно, не направлена на воспроизводство, хотя она формирует основу генитальной сексуальности взрослых. Понятие сексуальности, которое раньше включало только генитальную функцию, было тем самым расширено и стало включать прегенитальную и экстрагенитальную функции. Энергию, питающую сексуальные влечения детей и взрослых, стали называть *либидо*.

Ранние стадии развития либидо. Приятные ощущения, которые у взрослых вызываются стимуляцией гениталий, в детстве дают другие части тела. Первым участком тела, играющим такую роль в детской жизни, является *оральная зона*. С начала кормления грудью младенец испытывает удовольствие от стимуляции поверхности ротовой полости, вызванной током молока. Он учится получать это удовольствие независимо от процесса кормления, сосая большой палец. (Многие младенцы сосут другие пальцы, кулак или части тела в пределах досягаемости, а также уголок одеяла или подушки.) На более поздних стадиях развития дети тянут в рот почти все возможные предметы, и таким образом предметы изучаются и становятся знакомыми, принося приятные ощущения. Эти ощущения создают первый опыт удовольствия сексуаль-

Эмоциональное и инстинктивное развитие

ного характера. Взрослые смотрели на них с подозрением и старались предупредить задолго до того, как была открыта их сексуальная природа. Попытки отучить сосать палец наталкивались на упрямое сопротивление ребенка, точнее, сопротивление той силы, которая обеспечивает инстинкт либидо, стоящий за этим действием. Оральная зона обладает способностью приносить удовольствие в период сосания груди, а у многих детей намного дольше.

Примерно с полуторагодового возраста роль ротовой полости в выработке возбуждения сексуального характера (эрогенная зона) переходит к участку тела вокруг анального отверстия; по-видимому, это происходит в результате постоянного внимания, обращенного к этому участку в течение длительного периода обучения туалету. Одновременно с преобладанием этих ощущений в так называемой *анальной фазе* ребенок проявляет повышенный интерес к процессу дефекации в целом. У него возникает желание трогать и размазывать свои экскременты, он также предпочитает играть с теми веществами, которые напоминают экскременты по цвету, консистенции или запаху. В анальной фазе развития ребенок также настойчиво ищет «грязных» игр, подобно тому, как в оральной фазе он стремится сосать палец.

Приблизительно в возрасте 3-4 лет интересы ребенка начинают концентрироваться на гениталиях. Орган, который в это время доставляет ребенку наибольшее удовольствие, — пенис у мальчиков и, соответственно, клитор у девочек. В данной *фаллической фазе* гордость за пенис и то, что он может делать (эрекция, игры при мочеиспускании), имеют большое значение для мальчика; девочки испытывают зависть к пенису. В этой фазе сексуальное любопытство, например, интерес к половым различиям, интимным отношениям родителей и тайне рождения, достигает своего пика, который длится примерно от 3-4 до 5-6 лет. Основная активность фаллической фазы для обоих полов — генитальная мастурбация.

Эти тенденции детского развития представляют собой компоненты сексуального инстинкта, о чем говорят следующие факты: во-первых, прегенитальные действия в сексуальности взрослых продолжают играть постоянную, хотя и подчиненную роль, выступая либо как прелюдия,

Эмоциональное и инстинктивное развитие

либо сопровождение полового акта; во-вторых, существуют определенные формы сексуальной патологии, так называемые перверсии, где любое из инфантильных сексуальных действий может заменить желание сексуальной близости и стать главной формой выражения сексуальности в зрелом возрасте (фелляция, куннилингус, копрофилия, скопофилия, эксгибиционизм и т. д.).

С точки зрения генитальности взрослых, сексуальная жизнь ребенка это извращение (что объясняет, почему наблюдатели так неохотно говорят об этом); с точки зрения развития, инстинктивные компоненты детской сексуальности являются нормой.

Развитие агрессивного инстинкта. Многие авторы считают, что детская агрессивность это не внутреннее инстинктивное побуждение, а реакция на фрустрацию и запреты, с которыми сталкивается ребенок. Недавно получила подтверждение точка зрения, согласно которой агрессивный инстинкт является истинной и ведущей силой в жизни ребенка с момента его рождения.

Проявления агрессивного инстинкта тесно связаны с проявлениями сексуальности. В оральной фазе они проявляются в оральном садизме и выражаются в стремлении повредить привлекательный объект, съев его (оральная инкорпорация); здесь зубы используются как орудие агрессии. В анальной фазе агрессия проявляется в анальном садизме. Дети этого возраста агрессивны, деструктивны, своевольны, властны и одержимы; часто пребывая в состоянии раздражения и гнева, они обычно толкаются, пинаются, царапаются и плюются. В этой фазе особенно трудно разграничить начало проявления сексуальности и собственно агрессивность, поскольку ребенок обычно относится к любимым людям и предметам нечутко, жестоко, часто мучает их. В фаллической фазе агрессивность проявляется в таких благородных формах, как мужественность, защита, безрассудство перед лицом угрозы и соревновательность. Если с возрастом не происходит естественного слияния агрессивных желаний с сексуальными инстинктами, они начинают выступать как сугубо деструктивная сила.

Когда агрессивные силы направлены на окружающих, они способствуют самосохранению; когда внутрь себя — они

угрожают физическому или психическому здоровью ребенка.

Аутоэротизм и объектная любовь. С помощью тела ребенок удовлетворяет лишь малую толику своих сексуальных и агрессивных побуждений — он сосет палец, предается анальным удовольствиям, мастурбации или другим действиям (кусает ногти, ковыряет в носу, заталкивает предметы в уши). Часто дети в раннем возрасте катаются по полу и бьются головой, — это явление того же порядка, когда ребенок удовлетворяет примитивное желание ритмических движений тела, к которому добавляется направленная на себя агрессия.

Эти аутоэротические действия формируют так называемые «дурные привычки» детства, с которыми взрослые ведут непрекращающуюся войну. Они сталкиваются со всей мощью инстинктивных влечений, которым эти действия дают выход. Аутоэротические действия сами по себе нормальные и обычные явления. Однако благодаря воспитательным усилиям взрослых, которые им противостоят, аутоэротические действия помимо удовлетворения делают ребенка самодостаточным и тем самым менее подверженным внешним влияниям.

В норме большая часть сексуальных и агрессивных желаний в поисках удовлетворения обращена на других людей. Люди из ближайшего окружения, на которых направлены эти усилия, — *объекты любви* — играют огромную роль в сохранении баланса всей эмоциональной и инстинктивной жизни ребенка. Если с детьми равнодушно обращаются те, к кому обращены их чувства (детдомовские дети), или же детям пришлось в раннем возрасте часто менять свое окружение (дети военных, брошенные, сироты, бездомные дети), то в дальнейшем они оказываются неспособны создавать прочные, долговременные и теплые отношения с другими людьми. В результате их сексуальные усилия обращаются на себя, аутоэротические действия усиливаются как плата за разрыв отношений с внешним миром. Такие дети становятся замкнутыми, заикленными на себе и трудноуправляемыми.

Ярко выраженные аутоэротические привычки не поддаются коррекции или устранению с помощью угроз или наказания. На них косвенно влияют колебания отно-

Эмоциональное и инстинктивное развитие

шений детей с объектами любви. Там, где создаются условия для развития нормальных отношений любви с родителями или их заместителями, аутоэротизм в будущем автоматически утрачивает свое значение и играет лишь второстепенную роль.

Развитие объектной любви. Как было описано в предыдущей главе, первая привязанность у младенцев формируется к матери или тому, кто его кормит. Эта первая «любовь» младенца собственническая и корыстная. Его жизнью управляют ощущения, сигнализирующие о возникновении потребности и ее удовлетворении, ощущения удовольствия и дискомфорта. Мать лишь постольку является значимым объектом в его жизни, поскольку дает удовольствие и устраняет дискомфорт. Когда потребности младенца удовлетворены, то есть когда ему тепло, сухо и из желудка поступают приятные ощущения, его интерес к миру объектов исчезает, и он засыпает. Когда ему голодно, холодно и сыро или беспокоит кишечник, он вызывает о помощи к внешнему миру. В этот период потребность в объекте неразрывно связана с сильной потребностью организма.

С 5-6 месяцев младенец начинает обращать внимание на мать не только тогда, когда он находится под влиянием острых телесных желаний. Он радуется обществу матери, любит, когда с ним ласковы, играют и не любит оставаться один. Он реагирует на присутствие матери и даже на ее настроение разными способами. Желание получить ее любовь становится потребностью, сравнимой по интенсивности с телесными потребностями.

На втором году жизни связь с матерью усиливается и становится более интимной. Многие малыши с трудом переносят даже краткую разлуку с матерью; на каждый ее уход они реагируют так отчаянно и гневно, как будто мать уходит навсегда. Они не могут играть сами и беспомощно плачут, если мать покидает комнату или дом. По этой же причине часто становится трудно уложить ребенка вечером спать. Обычно за такое поведение винят мать: если ребенок не переносит разлуки с матерью, то это означает, что она «испортила» ребенка. Вернее было бы сказать, что мать сама беспомощна перед этими приступами отчаяния, которых она не понимает и которые привязывают ее к дому

Эмоциональное и инстинктивное развитие

и ребенку. Длительная разлука (госпитализация, болезнь или роды матери) часто действует на ребенка как травматический шок и иногда выражается в полном отчуждении от матери. Хотя ребенок может изводить мать и обращаться с ней требовательно-пренебрежительно (из-за анально-садистического характера его желаний), отношения между ним и матерью постепенно становятся все более взаимными. Ребенок уже не только требует удовлетворения своих потребностей, но и начинает проявлять свою любовь и нежность, приносить ради матери маленькие жертвы, делиться пищей и дарить ей подарки.

С развитием интеллекта и сознания, а также в результате происходящих с ним событий ребенок рано или поздно научается жить в эмоциональном согласии с матерью и со всей семьей. В семьях, где есть старшие братья и сестры, ребенок адаптируется к существованию других претендентов на материнскую любовь. На основе их общих отношений к родителям ребенок учится распределять внимание и делиться материальными приобретениями с братьями и сестрами, тем самым делая первый важный шаг на пути развития духа коллективности. Ревность и зависть к старшим братьям и сестрам может быть очень сильной. Чувство, что он меньше и слабее, может вести к осознанию своего бессилия и беспомощности по сравнению с ними. Но в целом он понимает их более взрослые требования, и удовольствие быть принятым ими и разделять их дружбу компенсирует ребенку прекращение особой заботы матери и внимания, которое он получал, будучи младенцем.

Ситуация выглядит совершенно иначе, когда в семье есть младшие дети. Появление следующего ребенка, который занимает его место на руках матери, вызывает горькую обиду. Старший ребенок чувствует, что его предали, отвергли и покинули. Он испытывает сильную ревность и даже ненависть к новорожденному, который лишил его собственности, он желает, чтобы тот умер или исчез. Ребенок соперничает с новорожденным во всем, даже в праве на то, чтобы снова быть мокрым и грязным. Он выражает желание снова сосать грудь или бутылочку, спать в коляске. Его любовь к матери превращается в ненависть, когда она не разрешает ему делать

Эмоциональное и инстинктивное развитие

этого. Сейчас уже все понимают, что эти негативные переживания могут стать причиной разнообразных расстройств, таких, как трудности засыпания и приема пищи, ночное недержание, нерегулируемая дефекация, вспышки ярости и ряда других поведенческих проблем.

Отношение к отцу еще более сложное. В отличие от братьев и сестер, он сам является объектом любви и в нормальной семье обладает неограниченной властью над ребенком. Ребенок восхищается и боится его, а также любит. Но отец в то же время — другой претендент на любовь матери, и в этой роли он ненавистен. Двойственное отношение к отцу, которое отчетливо проявляется уже ко 2-3-му году жизни, приобретает большую значимость ближе к четвертому году, когда ребенок вступает в фаллическую фазу.

Таким образом, эмоциональное развитие мальчиков и девочек до 4 лет протекает сходным образом; с этого возраста они начинают развиваться в двух разных направлениях. Мальчик все больше и больше начинает идентифицировать себя с отцом и во всем подражать ему. В то же самое время изменяется его отношение к матери; он перестает быть зависимым малышом и превращается в маленького мужчину, который ведет себя по отношению к матери как защитник и даже несколько снисходительно, старается вызвать ее восхищение, чтобы удивить ее, идет на разные подвиги и хочет обладать ею вместо отца. Его сексуальное любопытство направлено на интимную жизнь матери, в которой он желает быть на месте отца. Девочка, с другой стороны, вырастает с чувством привязанности к матери. Она начинает подражать ей, играя в дочки-матери с куклами или младшими детьми. В отличие от мальчика, девочка направляет свою любовь на отца и желает, чтобы он признал ее и принял на место матери.

Так оба пола получают свой первый опыт влюбленности, полный смятения чувств, надежд и желаний, разочарований и обид, радости и горя, гнева, ревности, отчаяния, которые это состояние приносит с собой. Их любовь к родителю противоположного пола создает или, как в случае мальчика, усиливает уже существующее соперничество с родителем своего пола. Мальчик любит мать, направляет свои инстинктивные желания на нее и желает

смерти отца, который стоит на его пути; девочка любит отца и в своем желании быть рядом с ним в фантазиях устраняет мать. Это тип семейных отношений, для обозначения которого по аналогии с древнегреческим мифом был введен термин *эдипов комплекс*.

(Хотя в целом эта модель эмоциональной жизни ребенка всегда имеет место, отклонения от нормы встречаются часто. Много неполных семей, где мать овдовела и/или одна воспитывает ребенка; здесь ей приходится брать на себя роль отца в дополнение к своей собственной. Многие отцы слабы, бездеятельны и не отвечают тому идеалу мужественности, который ищет мальчик. Благодаря бисексуальной природе, в норме присущей человеку, мальчики обладают женскими чертами так же, как и мужскими. Многие мальчики, вместо того чтобы принять за эталон образ отца, идентифицируют себя с матерью и подражают ее поведению, принимая женскую установку по отношению к отцу. Так называемый «извращенный» эдипов комплекс встречается и у девочек; в целом для обоих полов изменение установки ведет к различным нарушениям психологического развития.)

Ошибочно полагать, что чувства ребенка менее интенсивны, чем соответствующие эмоции взрослых. Неверно также думать, что ребенок слишком мал для того, чтобы серьезно относиться к таким вещам и к роли сексуального партнера, которым он себя видит. Каждый ребенок в определенный момент делает открытие, что родители недоступны как объект его желаний, по крайней мере, в той степени, в какой он хотел бы ими обладать. Много неприятностей происходит из-за того, что ребенок оказывается слишком маленьким, слабым и зависимым по сравнению с родителем-соперником. Его желание стать «большим», жениться на любимом человеке и рожать детей является центром детских фантазий в этом возрасте, но рушится при столкновении с реальностью и встреченным отпором, который зачастую сопровождается насмешками со стороны самих родителей. Когда дети в конце концов осознают тщетность своих эдиповых желаний, они очень остро переживают разочарование. Каким бы способом ни преодолевалась фрустрация их первой объектной любви, следы этих переживаний остаются навсегда. При этом форми-

Эмоциональное и инстинктивное развитие

руется модель поведения, которая будет воспроизводиться вновь и вновь в дальнейшей жизни и которая служит объяснением многочисленных и загадочных идиосинкразии, странностей и трудностей любви и сексуальной жизни у взрослых.

Трансформация инстинктов. Маленький ребенок целиком находится под влиянием своих инстинктивных желаний; он представляет собой нецивилизованное и примитивное существо. Он неопрятный и агрессивный, эгоистичный и нечуткий, нескромный и любопытный, жадный и деструктивный. У него отсутствует самоконтроль и опыт подчинения своих действий требованиям внешнего мира. Единственная сила, направляющая его, — стремление получать удовольствие и избегать боли. Вылепить из этого сырого материала будущего члена цивилизованного общества — первостепенная задача родителей. В прошлом воспитатели и педагоги не отвечали за детей до пяти лет, то есть до того времени, когда основная масса инстинктов уже претерпевала изменения. С тех пор как детские дошкольные учреждения были официально признаны первой ступенью образования, ситуация изменилась, и образование теперь охватывает период расцвета детской сексуальности и агрессивности. Это создает для учителей такие проблемы, которые раньше существовали только в семейном кругу. В семье инстинктивная жизнь ребенка строится по этическим нормам взрослого сообщества. С этой точки зрения оральные действия ребенка оцениваются как жадность, анальные как занудство, а эксгибиционизм как бесстыдство. Степень осуждения различных проявлений либидозного или агрессивного характера варьирует в зависимости от норм того класса, к которому принадлежат родители ребенка. В некоторых слоях общества оральные удовольствия допускаются, тогда как анальные желания и агрессия строго караются (нижний средний класс). В других агрессивность и деструктивность оказываются наиболее наказуемыми, тогда как сексуальное любопытство воспринимается более снисходительно (верхний средний класс). Для детей всех классов любые моральные нормы этого рода абсолютно чужды. Сами дети считаются

только с растущим напряжением в организме, если инстинктивные потребности остаются неудовлетворенными. Они переживают это напряжение как болезненное и, чтобы облегчить или предотвратить его, пытаются удовлетворять каждое желание как можно быстрее. Цели детей и родителей по отношению к инстинктивным побуждениям противоположны. Родители озабочены будущей адаптацией ребенка к стандартам взрослых, а ребенок — только снятием напряжения в данный момент. Ребенок стремится к полному и незамедлительному удовлетворению желания; родители же стремятся подавлять или, по крайней мере, строго ограничивать желания ребенка. В этой борьбе, которая составляет ядро раннего воспитания, ребенок оказывается слабее родителей. Поскольку от них зависит удовлетворение его материальных и эмоциональных потребностей, он не может рисковать, излишне провоцируя их недовольство. Хотя он боится неудовлетворения, этот страх перекрывают два куда более серьезных страха: страх наказания и страх лишиться родительской любви. Благодаря тревоге, которая скрыто присутствует у всех детей, страх наказания может приобретать фантастические формы. Там, где родители слишком суровы, ребенок может чувствовать угрозу отвержения: например, ему начинает казаться, что его хотят отослать из дома, для того чтобы с ним что-то случилось. Или бояться, что могут отрезать большой палец, чтобы он его больше не сосал;

отрезать пенис за то, что он играет с ним (*страх кастрации*); может парализовать руки за то, что он дотрагивается до гениталий, и т. д. Считается, что *страх лишения родительской любви* также давит на сознание ребенка. Хотя эта угроза повсеместно используется родителями, которые стремятся избежать более суровых мер (как телесные наказания), тем не менее она воспринимается детьми реально и действует как эффективное средство против исполнения желаний, равное и для многих детей превосходящее по силе страх наказания. Независимо от того, одобряют родители ту или иную меру, обычный ребенок не способен противостоять им. Он будет в различной степени послушным, то есть подчиняться их запретам и ограничениям.

Эмоциональное и инстинктивное развитие

Удовлетворение желаний в детстве было бы лишь частичным, если бы не гибкость сексуального и агрессивного инстинктов, которая выручает ребенка и которой недостает базовым органическим потребностям, таким, как голод и сон.

Маленький ребенок в ожидании пищи страдает от растущего напряжения мук голода. Можно на время отвлечь его внимание от неприятных ощущений, предлагая взамен другие удовольствия (игрушки, игры, пение и т. д.), но через какое-то время чувство голода снова даст о себе знать. Такое оральное удовольствие, как сосание пальца, также может на короткое время принести облегчение; тот же результат можно получить, дав ребенку попить воды или чая, чтобы возникло ощущение наполненности желудка. Однако действие всех этих замещающих мер ограничено и в долговременной перспективе иллюзорно. После каждой попытки отвлечь чувство голода оно будет заявлять о себе с новой силой и в конце уже ничем, кроме пищи, нельзя будет облегчить страдания ребенка.

К счастью для воспитателей, разные элементы детской сексуальности обладают разной степенью устойчивости. Они могут регулироваться самим ребенком, когда либо слишком трудно, либо слишком опасно выставлять их напоказ, при явном неодобрении взрослых. Например, маленький ребенок не может сохранить свои привычки быть грязным или жестоким, если они встречаются резкое осуждение матери. После многократного повторения ситуации, когда мать либо наказывает, либо «больше не любит» его из-за проступков, ребенок меняет свои установки по отношению к самим желаниям, начинает терять привязанность к ним, все больше и больше отходит от них и в конце концов «забывает», что раньше они доставляли ему удовольствие. Психический процесс, сопровождающий этот способ обращения с инстинктивными импульсами, называется *подавление*. Суть его в том, чтобы не допускать в сознание образы, которые выражают это конкретное стремление. Тем самым стремление исключается из сознания и перемещается в *бессознательное*, создавая иллюзию, что само стремление перестало существовать. Теперь оно

Эмоциональное и инстинктивное развитие

действует из бессознательного, но прекращает, по крайней мере на время, вызывать напряжение и страдание на поверхности сознания. Многие сексуальные установки по отношению к родителям и негативные чувства к ним, свойственные описанному выше типу семьи (эди-пов комплекс), подвергаются воздействию механизма подавления, который очень важен для психического развития ребенка. Подавление отвечает за разграничение в психике ребенка сфер сознания и бессознательного, а также за забывание прошедшего и его негативного содержания, а также нетерпимость в дальнейшем к тем желаниям, к которым индивид был привержен на протяжении первых лет жизни.

Если подавление не спасает от возврата запретных и пугающих желаний, вступают в силу другие психические методы [защиты]. В ходе развития ребенок может обращать повышенное внимание на противоположные отвергаемым свойства и качества. Например, если ребенок по натуре жесток, в нем будет развиваться чрезмерная жалость; ребенок, который подавлял желание смерти своих близких, станет проявлять особую заботу и тревогу о здоровье своих родителей, братьев и сестер, тогда как тот, кто подавлял свой эксгибиционизм, станет ужасно застенчив. Эти гипертрофированные свойства и качества являются *формированием реакции*, которое стоит на страже, не допуская возвращения подавленных инстинктивных влечений.

Той же цели служат и другие психические приемы, которые могут быть использованы дополнительно или вместо подавления. Например, брат и сестра в течение некоторого времени ведут себя агрессивно, кусают друг друга, но затем прекращают из-за неодобрения взрослых. После чего начинают жаловаться, что другие дети, собаки или лошади, а также их игрушечные животные нападают на них и кусаются. Они даже создают в своем воображении сказочных чудовищ, которых начинают бояться. Тем самым они *проецируют* запрещенные импульсы во внешний мир,. Если агрессивные желания запретны не сами по себе, а только по отношению к конкретным людям (например, родителям), они могут перемещаться на других людей или

Эмоциональное и инстинктивное развитие

животных (*замещение*), так у них больше шансов воплотиться. Особая форма замещения исполнения желаний — это так называемая *сублимация* примитивных инстинктивных побуждений, которая играет важную роль в процессе воспитания. Многие из ранних удовольствий ребенка, например, играть и измазываться фекалиями, бегать голышом, раскрывать сексуальные тайны, могут найти себе способы выражения, сходные с естественными, но которые при-этом принимаются окружающими, а не запрещаются. Ребенок может получать, как и прежде, удовольствие, например, пачкаясь, когда рисует красками или лепит из пластилина;

он может получать то же самое удовольствие, что и от эксгибиционизма, демонстрируя свою одежду или разнообразные умственные или физические достижения. Свое любопытство он может направить с запретных тем в область общих знаний и получать от этого гораздо большее удовлетворение. Там, где инстинктивное влечение подавляется, энергия, или либидо, заключенное в нем, остается в бессознательном и больше не используется. Если ребенку удастся сублимировать инстинктивное влечение, то движущая сила этого примитивного желания «отключается» от первоначальной цели и переключается на социальную активность. Тем самым эта социальная активность легче достигается и становится удовольствием, а не бременем.

Период жизни, в который возводились эти барьеры против свободы выражения инстинктов, едва ли может быть назван «беззаботным» или особо счастливым. Ребенок почти постоянно ощущает контроль со стороны, побуждающий его умерить бурлящие внутри силы и требующий подавления инстинктивных выражений. Он непоследователен в своем поведении: то становится на сторону внешнего мира против своей собственной природы (стремление «быть хорошим»), то противостоит взрослым, служа удовлетворению инстинктов («быть плохим»). Это состояние конфликта объясняет ту тревогу, колебания настроения и беззащитность, которые часто встречаются в ранние годы жизни каждого ребенка.

Наибольшую помощь в этот трудный период оказывает эмоциональная привязанность к родным. На про-

Эмоциональное и инстинктивное развитие

тяжении первых лет ребенок должен расстаться с большинством непосредственных удовольствий и мириться с косвенным и сублимированным удовлетворением. Он обнаруживает, что легче делать так, чтобы потеря удовольствия компенсировалась любовью, нежностью и благодарностью родителей.

Непонимание этих закономерностей привело к убеждению, что ребенок может освободиться от такого бремени, если ему предоставить неограниченную свободу в проявлении инфантильных импульсов. На самом деле выбор такого пути и неправилен, и вреден для ребенка. Детские прегенитальные импульсы являются ранними стадиями развития сексуального инстинкта и поэтому не должны сохраняться в будущем. Свободное удовлетворение на оральном, анальном либо фаллическом уровне связывает слишком много детского либидо в этой частной форме удовлетворения и поэтому может либо остановить развитие в дальнейшем, либо способствовать регрессии на эти ранние стадии развития при встрече с трудностями. Такая фиксация возникает, если ребенок был совращен в раннем возрасте и из-за этого прибегает к некоторым формам извращенного (инфантильного) удовлетворения. Ребенок не может безопасно, без ограничения предаваться прегенитальным удовольствиям, так же как не могут осуществиться его эдиповы фантазии.

С другой стороны, если родители научатся воспринимать инфантильные импульсы в новом свете, можно избежать многих проблем и предотвратить невротическое развитие ребенка. Необходимо понять, что эта деятельность является результатом биологически необходимых, изначально нормальных и здоровых желаний. Каждый импульс, если он возник, должен оцениваться по его вкладу и его дальнейшей роли во взрослой жизни, а не с точки зрения этических норм. Нужно дать ребенку достаточно времени для изучения своих побуждений. Кроме того, не следует приучать ребенка подавлять свои импульсы, наоборот, ему нужно помочь найти дозволенные и приносящие удовлетворение способы проявления инстинктов.

Неблагоприятная ситуация складывается тогда, когда трансформация инстинктов проходит слишком

Эмоциональное и инстинктивное развитие

быстро. Приучение к туалету, например, будет иметь меньше вредных последствий для психологического развития ребенка (таких, как упрямство, повышенная брезгливость, навязчивые действия), если будет проводиться в течение двух лет, а не менее. Сексуальное любопытство должно быть допустимо до тех пор, пока не придет время направить его в русло обучения; агрессивность должна снижаться под контролем постепенно, чтобы высвободившаяся энергия оставалась доступной для сублимированного поведения. Многие родители гордятся, когда их дети начинают в раннем возрасте вести себя как взрослые, контролирующие свои инстинкты, но для здорового развития ребенка такое преждевременное достижение нормы потенциально опасно.

Эмоции и инстинкты в латентный период (школьный возраст). После достижения своего пика примерно в возрасте пяти лет отношение детей к родителям становится более спокойным, инфантильная сексуальность затухает. Вместо того чтобы развиваться дальше вплоть до сексуальной зрелости (как это происходит у животных), либидозные желания слабеют и отходят на задний план. Трудно сказать, в какой мере эта перемена происходит благодаря действию механизма подавления, которое на предыдущей стадии развития привело инстинкты в подполье, и в какой мере благодаря биологическому ослаблению либидо, которое всегда происходит в этом возрасте и продолжается до младшего подросткового возраста. Наблюдения показывают, что сексуальная активность между пятью и десятью годами более заметна там, где раннее воспитание по каким-то причинам не проводилось, и контроль инстинктивной жизни в первой фазе не был установлен. С другой стороны, некоторое ослабление силы либидо в последующий период всегда ощутимо, и этот разрыв в процессе сексуального развития является важной характеристикой человеческой расы. Каковы бы ни были причины, сексуальный инстинкт остается более или менее скрытым в младшем школьном возрасте. Это приводит к относительной слабости эмоциональных и инстинктивных проявлений и, следовательно, к определенным изменениям в поведении, переживаниях, объектных отношениях и содержании сознания.

Поведение в латентный период. Ребенок выходит из раздражающих его в течение пяти лет жизни конфликтов с определенным расщеплением личности. Он уже не, является абсолютно инстинктивным существом, каким был при рождении. Одна его часть изменилась и приобрела новые качества: умение наблюдать, интерпретировать и запоминать происходящее во внешнем и внутреннем мире и умение контролировать свои реакции на происходящие события. Эта часть личности заняла центральную позицию, стала управляющим центром, недостижимым для инстинктов, из которых она произошла и (как это было показано выше) пытается контролировать инстинкты. Это та часть личности, которой ребенок себя ощущает и называет «Я» (*эго*).

Поведение в период младшего школьного возраста определяется реакциями эго в той же мере, в какой поведение в течение первых пяти лет жизни определяется инстинктами. Затухание сексуальных желаний освобождает ребенка от его наихудших опасений. Вместо того чтобы постоянно искать удовлетворения и упражняться в контроле своих чреватых опасностью желаний, эго теперь имеет возможность свободно развиваться и использовать свой интеллект и энергию в новых направлениях. Ребенок может теперь сконцентрироваться на поставленных перед ним задачах даже в том случае, если они не принесут непосредственного удовлетворения желаний, а служат другим интересам. *Работа* школьника занимает место *игры* дошкольника.

Игра является одним из важнейших видов деятельности маленького ребенка, не только для развития его инстинктов, эмоций и фантазии, но и для развития чувств и интеллекта. Как было показано в многочисленных психологических исследованиях, виды и формы игры на разных возрастных этапах изменяются, но в зависимости не от интеллектуального развития, а от эмоциональных проблем, которые находят выход в игре. В процессе развития с раннего детства до школьного возраста прямое и незамедлительное удовлетворение желаний постепенно сменяется косвенным и сублимированным исполнением, пока ребенок не становится способен выполнять задания и получать удовольствие от деятельности, которая по своей

Эмоциональное и инстинктивное развитие

природе не является приятной, но косвенно служит достижению приносящих удовлетворение целей. (Примерами могут быть длительная и упорная подготовка к постройке хижины, создание костюмов и декораций для пьесы, изготовление кукол для кукольного театра; то есть те виды деятельности, которые используются в развивающем обучении при переходе от игры к труду.) Способность получать удовольствие такого рода доказывает, что это ребенка теперь может действовать свободно, безотносительно к немедленному удовлетворению инстинктивных желаний.

Объектные отношения и идентификация. С ослаблением страсти по отношению к родителям и с развитием интеллекта и чувства реальности, отец и мать становятся менее желанными и менее пугающими фигурами. Школьник учится сравнивать своих собственных родителей с другими людьми, которые представляют для него авторитет, например с учителями. Он также начинает понимать, что родители не такие всемогущие, как это казалось раньше, но сами зависимы и часто беспомощны перед лицом неизбежности и высшей власти. Потребность в их одобрении и любви становится не столь жизненно необходимой, их неодобрение и критика приносят меньше огорчения. Переживания по поводу двух основных страхов (страх наказания и страх утраты родительской любви) сглаживаются, хотя взамен возникает новая форма тревоги. В течение длительного периода полной зависимости от родителей ребенок слушался их команд и запретов и имитировал многие из их действий, в результате чего часть его эго усвоила модель поведения родителей. Этот процесс идентификации ведет к постепенному формированию в личности ребенка нового центра управления, который отвечает за соблюдение моральных и этических норм и обеспечивает сознательность ребенка (*суперэго*). Эмоциональные отношения с родителями продолжают оставаться неизменными, тогда как эта сознательность постоянно усиливается под действием воспитания. (Первоначально суперэго является внешним образованием, возникшим при отождествлении с авторитетными для ребенка личностями.) Когда этот период проходит, суперэго отделяется от носителей, приобретает независимость и управляет ребенком изнутри, обычно в том же ключе, в каком управляли родители. Когда ребенок посту-

пает согласно идеалам, заложенным в суперэго, он чувствует, что «доволен собой», как это было раньше, когда он заслуживал одобрение и похвалу родителей. Когда же ребенок поступает вопреки суперэго, он чувствует внутреннее осуждение, или, как это принято называть, *чувство вины*. Ребенок учится бояться этого чувства, так же как раньше он боялся осуждения родителей.

Если ребенок достигает школьного возраста, а идентификации с фигурой родителя не происходит, можно говорить о недостатке его морального развития. Ребенку не хватает внутреннего руководства, и он, следовательно, находится на уровне детей младшего возраста. Слабость развития суперэго может быть обусловлена нарушениями детско-родительских отношений, отсутствием подходящего объекта любви в раннем детстве или нестабильностью эмоциональной привязанности.

Подавление и память. Ребенок школьного возраста приобретает много новых знаний об окружающем мире благодаря переключению внимания на внешние объекты и сублимации интересов, а также готовности ребенка следовать инструкциям, его возросшей способности получать информацию из книг и концентрироваться на вопросах, лишь отчасти лично значимых. Некоторые школьники становятся экспертами в специальных областях, таких, например, как география (читая приключенческие романы или коллекционируя марки), минералогия, ботаника, зоология (коллекционируя минералы, бабочек, собирая гербарии, разводя домашних животных), история. Другие становятся опытными механиками, химиками, физиками, электриками, которые стремятся проводить собственные, зачастую опасные эксперименты.

С другой стороны, рост знаний об объективном мире сопровождается значительным отставанием в самопознании. Ранее сформированное подавление усиливается настолько, что это ребенка становится почти полностью отделено от его инстинктов. В реальности ребенок не может достичь тех идеалов, которые он установил для себя. Все, что он может сделать, — стереть из своего сознания те желания, фантазии и мысли, которые вызывают чувство вины. Все, что ребенок знал о своей сексуальности и агрессивности, предано забвению.

Эмоциональное и инстинктивное развитие

Все прошлое наполнено событиями и инцидентами, которые ребенок теперь осуждает как постыдные; он также выбрасывает из сознания (травмирующие) воспоминания о прошлом. Это объясняет, почему живой и яркий опыт первых пяти лет жизни бесследно исчезает из детских воспоминаний. Мало кто помнит о своем раннем детстве более чем несколько отдельных картинок, которые им самим кажутся малозначительными (*воспоминания-клише*).

Школьный возраст проходит без очевидной сексуальной активности, но с внезапными вспышками фантазий, с мастурбацией из-за накопившейся энергии либидо. Там, где раннее воспитание было суровым, такие вспышки сопровождаются острым чувством вины, тревоги и подавленного настроения. Если на протяжении латентного периода такие вспышки полностью отсутствуют, это означает, что подавление выполнило свою работу слишком хорошо. Ребенку в таком случае трудно выработать нормальную установку на сексуальность в дальнейшей жизни.

Некоторые аспекты подросткового и юношеского возраста. Равновесие между отдельными частями личности, которое устанавливается в латентный период, рушится при первых признаках взросления. Установление эндокринного баланса, влияющее на эмоциональную жизнь ребенка (особенно мальчика), проходит в два этапа. Во время перехода из детства в подростковый возраст не происходит никаких качественных изменений в инстинктивной жизни, но при этом возрастает количество инстинктивной энергии; с достижением половой зрелости происходит качественное изменение и наступает полноценное взросление.

Младший подростковый возраст. Наступление подросткового возраста, или пубертата, характеризуется общим увеличением инстинктивной энергии, которая не связана с какими-то определенными стремлениями, но мобилизует все инстинктивные силы. Подавленные либи-дозные и агрессивные побуждения приобретают новую силу, поднимаются на поверхность и прорываются в сознание. Для родителей и учителей происходящие перемены остаются загадкой; Они приходят в отчаяние, видя, что все их

Эмоциональное и инстинктивное развитие

воспитательные усилия пропали даром. Приятные манеры, умение сдерживаться, сознательное отношение к обязанностям — то, что было знаком успешной социальной адаптации, вмиг исчезло. Подросток становится жадным до скупости, неопрятным и нечесаным, буйным и невежливым. Его внешность и поведение вызывающи, он часто бывает жесток к младшим детям и животным. В этом возрасте часто имеют место мастурбация и аутоэротические привычки, а также сексуальная активность по отношению к другим детям. Реактивные образования, такие, как отвращение, стыд, жалость, которые, казалось, уже прочно укоренились в структуре личности, оказываются неэффективны. Многие мальчики теряют интерес к занятиям в школе, становятся трудными подростками, асоциальными, угрюмыми и замкнутыми. Об их страхах и фантазиях можно только догадываться, но очевидно, что их головы заняты сексуальными фантазиями, агрессивными желаниями, мыслями о смерти. В этой картине мало новых элементов. Вновь возвращается уже знакомый образ инфантильной пре-генитальной сексуальности. С другой стороны, проснувшиеся желания не встречают такого отношения, как прежде, со стороны взрослых. Маленький ребенок был неразвит и слаб, его эго, оставленное без присмотра, было готово к удовлетворению инстинктов и безразлично к содержанию желаний. Со временем эго стало устойчивым единым целым, установились прочные внутренние стандарты. Малыш мог получать удовольствие от своей анальной или оральной деятельности; подросток не может заниматься этим без внутреннего осуждения. Для маленького ребенка сексуальная привязанность к отцу и матери были первым опытом любви; подросший ребенок ужасается подобным мыслям, обращенным на родителей. Мастурбация уже не снимает сексуального напряжения, как это было в раннем детстве; мастурбация и сексуальные игры с другими сопровождаются чувством вины и тревогой о худшем (страх стать грешником).

Поэтому подросток находится в состоянии постоянного внутреннего конфликта. Его сознание становится полем боя, где сильная, противоречивая и агрессивная сексуальность борется с равным по силе подавлением. Он принимает и отвергает свою инстинктивную жизнь одно-

Эмоциональное и инстинктивное развитие

временно. Эта двойственная установка влияет на большинство элементов его поведения: на снижение социальной адаптации, распушенность, жестокость, перверсивные и гомосексуальные наклонности, а также на угрюмость, ощущение себя несчастным, отверженным. Каждое из этих проявлений говорит о той или иной фазе внутреннего конфликта.

Враждебное поведение по отношению к родителям, братьям и сестрам объясняется необходимостью устранения сексуальных фантазий о них. Устоять перед соблазном довольно трудно, поскольку они находятся в непосредственной близости, и семейная жизнь в этот период становится невыносимой. Поэтому желание отдалиться от семьи, присоединиться к группе сверстников, участвовать в групповых делах и тому подобное является здоровой тенденцией молодого человека и должно всячески приветствоваться.

Подростковый возраст. Проблема подросткового возраста слишком сложна и трудноразрешима, для того чтобы ее можно было бы охватить целиком в этой главе. Мы попытаемся лишь перечислить некоторые ее аспекты.

С наступлением физической зрелости становится ощутимой сильная волна генитальных импульсов; в сексуальной сфере, в дополнение к количественным, происходят качественные изменения. Вследствие этого прегенитальные либидозные побуждения сменяются генитальными. Генитальные желания, а также эмоции, цели и связанные с ними объекты занимают центральное место, тогда как прегенитальные импульсы отходят на задний план. Незамедлительно происходят позитивные изменения во внешнем виде подростка, уходит как дурной сон весь синдром нелепого, агрессивного, извращенного поведения, уступая место более зрелой маскулинной установке.

В норме это биологически обусловленное усиление генитальной сексуальности достаточно сильно для того, чтобы сформировалась нормальная взрослая сексуальность, которая характеризуется желанием генитального контакта, пересиливающего все другие побуждения, тогда как прегенитальные (извращенные) импульсы редуцируются до незначительных второстепенных элементов. Однако для многих индивидов раннее сексуальное развитие и сексу-

Эмоциональное и инстинктивное развитие

альное воспитание имеют негативный результат. Если ребенок переживает слишком слабое или слишком сильное удовлетворение (из-за чрезмерно строгого воспитания и подавления или из-за вседозволенности и совращения), возникает сильная фиксация на том или ином прегени-тальном желании, которое теперь действует как разрушительный элемент, мешает достижению генитальной сексуальности и. становится причиной множества подростковых отклонений.

Одновременно с перестройкой сексуальной сферы в эмоциональной сфере возникает другая, не менее сложная задача. Подросток наконец отказывается от объектов, которые волновали его в прошлом (мать, отец; сестры и братья как их более поздние заместители) и концентрирует свои желания на других объектах вне семейного круга. Этот процесс, что вполне закономерно, проходит не гладко. Многие подростки оказываются способны разорвать семейные узы только в насильственной форме, переходя от любви к ненависти, что часто сопровождается бунтом против родителей во всех сферах повседневной жизни. Некоторые не могут вырваться из семейных уз и выбирают фигуру отца или матери в качестве своего сексуального партнера. Другие могут функционировать нормально в сексуальном и эмоциональном плане только после того, как найдут объект прямо противоположный тем, кого они любили в детстве (по внешнему виду, социальному статусу, моральным нормам и т. д.). У мальчиков с фемининными установками по отношению к отцу в этом возрасте развивается пассивная гомосексуальная установка. Юношеский временный гомосексуализм, как переход к гетеросексуальности, встречается очень часто.

Трудности, которые встают перед нормальной инстинктивной и эмоциональной жизнью взрослого, очень разнообразны. Трудно найти иной способ их изучения, чем тот, который основан на понимании инфантильного развития, в котором они коренятся.

8

ПОДРОСТКОВЫЙ ВОЗРАСТ

Отрочество в психоаналитической теории

Я возвращаюсь к исследованию подросткового возраста почти через двадцать лет. За этот период в аналитической работе многое изменилось, известные ранее данные были существенно дополнены. Однако несмотря на определенные достижения, положение дел в сфере психоаналитического изучения подросткового возраста остается далеко не блестящим, особенно по сравнению с изучением раннего детства. Если дело касается раннего возраста, мы чувствуем себя уверенно благодаря объему накопленного материала и той информации, которая дает возможность признать авторитет и применить психоаналитические открытия к практическим проблемам воспитания. При переходе к подростковому возрасту мы чувствуем неуверенность и, собственно говоря, не можем в полной мере удовлетворить запросы родителей или воспитателей, которые обращаются за помощью к нам и нашим знаниям. Часто можно услышать, что юность является заброшенным периодом, падчерицей психоаналитических исследований.

Эти жалобы, поступающие с двух сторон — от родителей и от самих аналитиков, — кажутся мне заслуживающими более внимательного рассмотрения, чем это было прежде.

Отрочество в психоаналитической литературе. Как хорошо известно, начало психоаналитического изучения

Отрочество в психоаналитической теории

отрочества было заложено публикацией в 1905 году работы «Три очерка по теории сексуальности», содержащей соответствующий раздел. Здесь пубертат был описан как время, когда происходят изменения, придающие инфантильной сексуальной жизни окончательную форму. Главными событиями этого периода являются: подчинение эrogenных зон главенству генитальной зоны; формирование новых сексуальных целей, различных для мальчиков и девочек, и нахождение новых сексуальных объектов вне семьи. Тогда как такое представление объясняло многие черты непонятного прежде подросткового поведения, новое положение о существовании детской сексуальной жизни не могло не принизить значение юности в глазах исследователей. До выхода «Трех очерков» главное значение подросткового периода вытекало из его роли в начале сексуальной жизни индивида; после открытия детской сексуальности статус отрочества изменился, его роль была сведена к периоду окончательной трансформации, перехода и моста между диффузной детской и генитальной взрослой сексуальностью.

Семнадцать лет спустя, в 1922 году Эрнст Джонс опубликовал статью «Некоторые проблемы подросткового возраста», которая подробно рассматривает «корреляцию между отрочеством и ранним детством» как наиболее значительный момент. Следуя за высказанной в «Трех очерках» мыслью, что фаза развития, соответствующая периоду с двух до пяти лет, должна рассматриваться как необходимый предшественник последующей окончательной организации, Джонс детально описывает то, как «индивид во втором десятилетии жизни собирает воедино и развивает тот опыт, который приобрел за первые пять лет...» (с.398). Он приписал различия «...обстоятельствам, в которых проходит развитие», но предложил к обсуждению «общее правило, гласящее... что отрочество рекапитулирует детство и что точный путь, по которому данная личность будет проходить заданные стадии развития отрочества, в значительной степени зависит от форм его раннего развития» (с.399). Короче, «эти пройденные стадии протекают по-разному в разные периоды — в детстве и в отрочестве, но очень сходным образом у одного и того же индивида» (с. 399).

Подростковый возраст

Важный, но стоящий особняком вклад Джонса совпадает с пиком публикаций Зигфрида Бернфельда из Вены, настоящего исследователя подросткового возраста, который объединил работу клинического аналитика и преподавателя психоанализа с непрекращающимся исследованием отрочества во всех аспектах индивидуального и группового поведения, реакций на социальное влияние, сублимации и т. д. Его наиболее значительный вклад в аналитическую теорию — определение специфического вида подросткового развития у мужчин (1923), так называемого «затяжного» типа. Этот тип развития охватывает гораздо больше времени, чем отведено на подростковый период в норме, он «чреват тенденциями развития артистических, литературных или исследовательских качеств и сильным уклоном в идеализм и духовные ценности...». В качестве подтверждения своих предположений Бернфельд в соавторстве с В. Хоффером опубликовал огромный материал, включающий самонаблюдения подростков, их дневники, поэтические творения и т. д.

В то время как Бернфельд разрабатывал проблему подросткового развития в норме с учетом влияния внутренней фрустрации и внешних воздействий. Август Айхорн подошел к этой проблеме с точки зрения асоциального и криминального развития. Его работа связана с теми молодыми людьми, которые не смогли адаптироваться к этому внешнему давлению, не смогли развить суперэго и восстали против общества. Его книга «Своенравная молодость» (1925) является выдающейся новаторской попыткой применить психоаналитические знания к суровой реальности проблем молодых правонарушителей.

Будучи знакома с позицией Бернфельда и тесно связана с исследованиями Айхорна, в 1936 году я опубликовала две статьи под заголовками «Эго и ид в пубертатный период» и «Инстинктивная тревога в период полового созревания». В моих работах интерес к проблемам подросткового возраста проистекал из моего изучения борьбы эго, пытающегося преодолеть напряжение и давление, идущее от инстинктивных влечений. Эта борьба обычно ведет к формированию невротических симптомов. Я описала отношения между эго и ид как переми-

рие в сражении, наступающее в начале латентного периода, и позже как обострение при первых признаках наступления половой зрелости, когда равновесие сил внутри индивида нарушено количественными и качественными изменениями в сфере влечений. Сформированному в детстве эго угрожает тревога, идущая от развития влечений. Эго вступает в борьбу за существование, на которую брошены все доступные средства защиты. Результаты, то есть достигнутые личностные изменения, могут быть различны. В норме эго и суперэго претерпевают значительные изменения и приобретают новые зрелые формы сексуальности. При менее благоприятных обстоятельствах ригидное, незрелое эго добивается задержки или искажения сексуальной зрелости; в некоторых случаях импульсы, идущие от ид во время латентного периода, вызывают беспорядок и хаос в ранее нормально социально-ориентированном эго. Обращаю ваше внимание на этот момент: подростковый возраст с его типичными конфликтами в большей степени, чем вся остальная жизнь индивида, обеспечивает аналитика поучительными примерами взаимодействия и последствий внутренней угрозы, тревоги, защитной деятельности, постоянного или преходящего формирования симптомов и психических нарушений.

Возникший в послевоенное время интерес повлек за собой появление множества работ, особенно в США. К счастью для тех, кто изучает данный вопрос, Лео А. Шпигель в 1951 году опубликовал большой «Обзор работ по психоаналитической теории подросткового возраста». Хотя его попытка создать целостную картину из разрозненных и далеких друг от друга частей едва ли могла быть успешной, статья послужила как резюме, обзор и классификация материала. Он сгруппировал публикации по следующим рубрикам:

«Классификация феноменов» (Бернфельд, Харт-манн, Крис и Лоуэштейн, Уиттлз)

«Объектные отношения» (Бернфельд, Буксбаум, Х. Дойч, Фенихель, Эриксон, А. Фрейд, В. Хоффер, Джонс, А. Катан, Ландауэр)

«Защитные механизмы» (Бернфельд, Х. Дойч, Фенихель, А. Фрейд, Гринэр, А. Крис)

Подростковый возраст

«Креативность» (Бернфельд, А. Фрейд)

«Сексуальная активность» (Балин, Бернфельд, Бук-сбаум, Х. Дойч, Федерн, Ференци, З. Фрейд, Лемпл-де-Грут)

«Особенности эго-функционирования» (Фенихель, А. Фрейд, Гарник, Хоффер, Ландауэр)

«Лечение» (Айхорн, К. Р. Эйслер, А. Фрейд, Гай-тльсон, А. Катан, М. Кляйн, Ландауэр, А. Райх).

Подробная библиография, сопровождающая обзор, включает 41 статью 34 авторов, освещающих теоретические, клинические и технические аспекты проблемы.

Но, несмотря на этот внушительный список авторов и работ, неудовлетворенность нашими знаниями в этой области остается прежней как у специалистов, так и у родителей. Уверенность в наших аналитических приемах по отношению к пациентам-подросткам не возрастает. Было опубликовано много свидетельств обратного, однако подростковый возраст, как и прежде, остается пасынком психоаналитической теории.

Некоторые трудности поиска фактов, касающихся подросткового возраста. Я считаю, что существует две различные причины, которые могут привести нас к полнейшему изумлению при встрече со всеми противоречиями подросткового возраста.

Когда мы изучаем некое психическое состояние, мы в основном полагаемся на два метода: либо на анализ конкретного индивида, у которого в данный момент наблюдается искомое психическое состояние, либо на реконструкцию этого состояния в процессе психоаналитического лечения, проводимого в более позднее время. Результаты этих двух процедур, применяемых изолированно или в комбинации друг с другом, послужили источником всего того, что мы как аналитики знаем о стадиях развития человеческого мышления¹.

¹ В этой связи стоит напомнить читателям — все что мы знаем о психических процессах в младенчестве, было получено путем реконструкции в ходе анализа взрослых и позже подтверждено в детском анализе или наблюдениях за детьми.

Отрочество в психоаналитической теории

Так сложилось, что эти две процедуры, которые были весьма продуктивны для работы с самыми разными периодами жизни, оказались менее удовлетворительны и менее продуктивны при использовании их в работе с подростками.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОДРОСТКОВОГО ПЕРИОДА В АНАЛИЗЕ ВЗРОСЛОГО

В отношении реконструкции я поражена, как редко в лечении взрослых пациентов мне удавалось оживить их подростковые переживания в полной мере. Я не имею в виду, что у взрослых пациентов наступает амнезия подросткового возраста той же степени или той же глубины, что и амнезия раннего детства. Наоборот, память на события подросткового периода обычно остается в сознании и поступает к аналитику без особых затруднений. Мастурбация в младшем подростковом и подростковом периодах впервые нацелена на половой акт, она даже может играть доминирующую роль в осознанных воспоминаниях пациента и, как хорошо известно, скрыть подавленный мастурбационный конфликт и скрытую сексуальную активность раннего детства. В дальнейшем в анализе сексуально заторможенных мужчин, которые жалуются на потерю эрекции, достаточно легко восстановить воспоминания о телесных действиях, совершаемых в отрочестве — часто очень жестокие и опасные, которые служили в то время для предотвращения эрекции или ее подавления, как только она возникала.

С другой стороны, эти воспоминания не содержат ничего, кроме голых фактов, событий и действий, отделенных от сопровождавших их в то время эмоций. Как правило, мы не можем восстановить ту атмосферу, в которой живет подросток, его тревоги, вершину воодушевления или глубину отчаяния, вспышки энтузиазма, полную безнадежность, яркие, а в другое время выхолощенные, интеллектуальные и философские увлечения, стремление к свободе, чувство родительского подавления, бессильную ярость или острую ненависть по отношению к миру взрослых, сексуальные неудачи, гомо-либо гетеросексуально направленные иди суицидальные

Подростковый возраст

фантазии и т. д. Эти ускользающие, тяжело переживаемые колебания настроения, в отличие от других аффективных состояний в младенчестве и раннем детстве, не стремятся к восстановлению и ослабляются в связи с личностью аналитика.

Если впечатление, которое я вынесла из своей практики, подтвердилось бы другими аналитиками, работающими со взрослыми, эту неудачу — или частичную неудачу — в реконструкции подросткового периода можно было бы отнести за счет некоторого разрыва в нашей оценке психических процессов в этот период.

АНАЛИЗ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Обсуждая работы, посвященные аналитической терапии отрочества, Шпигель (1951) выступил против того, что ему кажется необоснованным пессимизмом со стороны некоторых авторов. Он выступает за необходимость адаптации аналитической техники к частным ситуациям молодых пациентов и выражает удивление отсутствием широкой дискуссии по вводной части, «аналогичной той, которая применяется к детям и правонарушителям».

Действительно, с 1951 года в печати появилось несколько новых статей, посвященных техническим проблемам. Две из них были посвящены начальной фазе психоанализа (Фрейберг, 1955; Ношпитц, 1957), третья — заключительной фазе (Адатто, 1958). (См. также Эйсслер, 1958; Гилирд, 1958.)

В то время как данные авторы освещали специфические технические трудности, встречающиеся в начале и конце терапии, работа с подростками, проводимая в нашей Хемпстедской клинике, фокусировалась на проблемах среднего этапа терапии, то есть критическом моменте, когда работа над младшим подростковым возрастом сменяется реконструкцией подросткового периода, со свойственным ему созреванию бунта против родителей и в связи с этим возникает вероятность разрыва с аналитиком или внезапного прекращения лечения.

Итак, опыт показывает, что на каждом этапе лечения — вначале, середине и в конце есть свои специфические трудности. Иначе говоря, это может означать

Отрочество в психоаналитической теории

лишь то, что аналитическое лечение подростков осуществляется вслепую от начала до конца; это авантюра, в которой аналитику приходится встречаться с сопротивлениями необычайной силы и разнообразия. Это проявляется при сравнении подростковых и взрослых случаев. В анализе взрослых пациентов мы обычно управлялись с технически сложными ситуациями у истерических пациентов, которые не выносят фрустрацию при переносе, пытаются вынудить аналитика стать персонажем их воскрешенной любви и не допускают проявлений чувств в реальных межличностных отношениях. Мы постоянно боремся с навязчивым стремлением пациентов изолировать слова от аффектов и соблазном интерпретировать бессознательное содержание, пока оно отделено от эмоционального катексиса. Мы пытаемся работать с нарциссическим уходом пограничных шизофреников в себя, с проекциями параноидальных пациентов, которые обращают своего аналитика в преследуемого врага; с деструктивной безнадежностью депрессивных пациентов, которые выражают неверие в любой положительный результат усилий аналитика; с действиями и недостатком просветлений асоциальных и психопатических личностей. Но в указанных выше расстройствах мы встречаемся с теми или иными из этих технических трудностей и можем модифицировать аналитическую технику к специфической устойчивости, характерной для каждого психического расстройства. Совсем иначе обстоит дело в подростковом периоде, когда пациент может внезапно перейти от одной из этих эмоциональных позиций к другой, демонстрировать их все одновременно или быстро сменяющими друг друга, не оставляя аналитику времени для маневра, который позволил бы изменить тактику в соответствии с изменившимися потребностями.

ПОМЕХИ В ЛИБИДОНОЙ ЭКОНОМИКЕ: СРАВНЕНИЕ С СОСТОЯНИЯМИ СКОРБИ И НЕСЧАСТНОЙ ЛЮБВИ

Опыт научил нас серьезно относиться к таким значительным и повторяющимся сбоям аналитической техники. Они не могут быть объяснены индивидуальными особенностями пациентов, а также случайными или ситуативными факторами, которые вмешиваются

Подростковый возраст

в процесс. Они также не преодолеваются простым приложением усилий, мастерством и тактом аналитика. Их следует рассматривать как сигналы того, что во внутренней структуре расстройства что-то значительно отличается от той модели заболевания, для которой исходно предназначалась аналитическая техника и к которой она чаще всего применяется (Эйссерер, 1950). Мы должны разобраться в этих различиях патологии до того, как окажемся в позиции, требующей пересмотра нашей техники. Там, где речь идет об анализе детей, правонарушителей и некоторых пограничных состояний, это уже произошло. В этих случаях аналитическая техника должна доказать незрелость и слабость эго пациента; более низкий порог фрустрации и пониженное значение вербализации по сравнению с более высоким значением действия для их психической экономики. Необходимо указать, какие именно факторы являются характеристиками подростковых расстройств, то есть к какой специфической внутренней ситуации пациента должна быть применена наша техника с тем, чтобы сделать подростка более податливым аналитическому лечению.

Что касается меня, то я поражена сходством между состоянием этих молодых пациентов и таких хорошо известных психических состояний, как реакции **на** лечение переживших несчастную любовь или скорбящих по умершему. В обоих этих состояниях присутствует сильное душевное страдание и, как правило, сильное стремление получить помощь. Несмотря на это, ни одно из этих состояний не поддается аналитическому лечению удовлетворительно. Наши теоретические объяснения этой неподатливости следующие: любовь, как и скорбь, являются эмоциональным состоянием, в котором либидо индивида полностью вовлечено в отношение с реальным объектом любви в настоящем или в ближайшем прошлом; душевная боль идет от сложной задачи разорвать любовные узы и оставить позицию, которая не оставляет более надежды на возвращение любви, то есть на удовлетворение. Пока индивид вовлечен в эту борьбу, невостребованное либидо свободно либо для переключения на личность аналитика, либо направлено

назад, на прежние объекты и позиции. Следовательно, ни перенесенные (трансферентные) события, ни прошлое не являются достаточными для сбора материала для интерпретации. Чтобы аналитическая терапия была эффективной, непосредственный объект (любви или скорби) должен быть отброшен до начала анализа.

Мне кажется, что позиция либидо в подростковом возрасте имеет много общего с этими двумя состояниями. Подросток слишком вовлечен в эмоциональную борьбу, более того, эта борьба требует быстрых и решительных действий. Его либидо находится в положении отрыва от родителей и поиске новых объектов. Некоторая скорбь об объектах прошлого очевидна; имеют Место «крушения», счастливая или несчастная любовь со взрослыми вне семьи или со сверстниками одного или противоположного пола. Далее, существуют такие нарциссические уходы, которые заполняют пустоту в периоды отсутствия внешних объектов. Каким бы ни было решение либидо в данный момент, это всегда будет озабоченность настоящим. И, как показано выше, либидо, свободного для прошлого или для аналитика, остается очень мало либо не остается вовсе.

Если это предположение о распределении либидо может быть принято как верное утверждение, оно может послужить объяснением поведения наших молодых пациентов во время лечения, а именно: их нежелание сотрудничать, слабая вовлеченность в процесс терапии или в отношения с аналитиком; их стремление сократить количество сеансов в неделю, их непунктуальность, пропуски сеансов ради других дел, внезапное прекращение лечения. Здесь мы обнаруживаем, сравнивая, насколько в среднем продолжительность анализа взрослых обязана тому факту, что аналитик является очень притягательным объектом, в отличие от основной роли, которую играет перенос в продуцировании материала.

Конечно, бывают такие случаи, когда сам аналитик становится новым объектом любви для подростка, то есть объектом «крушения», — сочетание, поддерживающее заинтересованность такого пациента в «получении лечения». Но независимо от улучшения посещаемости и пунктуальности это может означать, что

Подростковый возраст

аналитик встречается с другими специфическими трудностями подросткового возраста, а именно: неотложность их потребностей, непереносимость фрустрации и стремление относиться к любым связям как средству исполнения желаний, а не как источнику знания и понимания.

При таких условиях не удивительно, что помимо аналитической терапии используются многие другие формы лечения, такие, как работа с родственниками, госпитализация, создание терапевтических сообществ (поселений) и т.п. Мы не можем ожидать, что эти, ценные с практической точки зрения экспериментальные подходы могут внести непосредственный вклад в наши теоретические построения о бессознательном содержании подростковой психики, структуре его типичных нарушений или психических механизмов, обеспечивающих эти нарушения.

Клиническое применение

Далее следует попытка применения по крайней мере некоторых из наших выводов, полученных с таким трудом, к трем наиболее актуальным проблемам подросткового возраста.

Естественны ли подростковые расстройства? Во-первых, существует вечный вопрос, является ли подростковый сдвиг желанным и продуктивным сам по себе, насколько это необходимо и, более того, естественно? Психоаналитическая позиция здесь решительна и единодушна. Члены семьи ребенка и школа, которые оценивают его состояние на основе поведения, могут жалеть подростка; для них его состояние означает утрату ценных качеств, постоянства характера и социальной адаптации. Как аналитики, оценивающие личность со структурных позиций, мы думаем иначе. Мы знаем, что структура характера ребенка к концу латентного периода представляет собой результат долговременного конфликта между силами эго и ид. Внутренний баланс достигнут, хотя характеристики каждого

Клиническое применение

индивидуальны и дороги ему, они предварительны. Это не позволяет влечениям усиливаться количественно или изменяться качественно, что неразрывно связано с половым созреванием. Следовательно, позволение взрослой сексуальности интегрироваться в личность индивида должно быть отвергнуто. Так называемая подростковая неудовлетворенность является не более чем внешним признаком того, что происходит такая внутренняя перестройка.

С другой стороны, мы все знаем детей, которые в возрасте 14-15 или 16 лет не демонстрируют никаких внешних признаков внутреннего беспокойства. Они продолжают оставаться, как и на протяжении латентного периода, «хорошими» детьми, 'погруженными в семейные отношения, сыновьями, любящими своих матерей, послушными своим отцам, в соответствии с атмосферой, идеями и идеалами их детского воспитания. Это свидетельствует об отставании нормального развития и требует должного внимания. Первое впечатление от подобных случаев, что это может иметь место из-за количественного недостатка влечений, потребностей, — подозрение, которое останется необоснованным. Аналитические исследования показывают, что подобное нежелание «взрослеть» происходит не из ид, а из эго и суперэго. Эти дети построили массивные защиты от действия своих влечений и теперь искалечены результатами, которые действуют как барьер против нормального процесса созревания в ходе развития. Они, возможно, более, чем все остальные, нуждаются в терапевтической помощи для устранения внутренних ограничителей и освобождения пути для нормального, хотя и «огорчающего» развития.

Предсказуемы ли подростковые расстройства? Второй вопрос, который нам часто задают, касается следующей проблемы: может ли быть предсказан тип реакции данного ребенка в подростковый период, исходя из характеристик его поведения в раннем детстве или латентный период? Независимо от утвердительного в целом ответа, данного Эрнстом Джонсом (1922), лишь один из вышеназванных авторов дал ясное и положительное решение этого вопроса. Зигфрид Бернфельд (1923), обсуждавший затяжной тип мужского отрочества и его

Подростковый возраст

характеристики, установил связь между этой формой полового созревания и специфическим типом детского развития, основанного на следующих трех условиях: 1) фрустрация детских сексуальных желаний разрушает детский нарциссизм; 2) инцестуозная фиксация на родителях обладает исключительной силой и сохраняется на протяжении латентного периода; 3) суперэго формируется рано, резко отграничено от эго, и идеалы, содержащиеся в нем, питаются как нарциссическим, так и объектным либидо.

В литературе встречаются и другие, менее точные ответы на этот вопрос. Мы встречаем мнение, что в большинстве случаев начало подросткового процесса непредсказуемо, поскольку почти целиком зависит от количественных отношений, таких, как сила и внезапность усиления влечений, соответствующего усиления тревоги, вызывающей весь остальной переворот.

В 1936 году я говорила, что в своей природе отрочество имеет что-то от самоисцеления. Это случается с детьми, чья прегенитальная активность доминирует на протяжении латентного периода до тех пор, пока увеличение генитального либидо не создаст условия для снижения прегенитальных действий. Это последнее, с другой стороны, может столкнуться с такой же силой, производящей обратный эффект: когда фаллические характеристики доминируют на протяжении латентного периода, усиление генитального либидо производит эффект преувеличенной и угрожающе агрессивной маскулинности.

Общепринято, пожалуй, что сильная фиксация на матери, вызванная не только эдиповой, но и доэдиповой привязанностью к ней, делает подростковый период особенно сложным. Это последнее утверждение должно быть связано с двумя недавними открытиями другого рода, которыми мы обязаны работе, выполненной в нашей Хемпстедской детской клинике. Одно из этих открытий сделано в исследовании детей-сирот, которые в первые годы жизни лишены отношений со стабильной фигурой матери. Это отсутствие материнской фиксации вовсе не делает подростковый возраст более легким, оно создает угрозу для всей внутренней согласованности личности в этот период. В таких случаях отрочеству предшествуют бурные поиски образа матери; внутреннее обладание и катексис такого образа кажется необходимым для нор-

мального процесса отвода либидо и переноса его на новые объекты, то есть сексуальных партнеров.

Второе открытие из вышеупомянутых было сделано в анализе близнецов-подростков. Их взаимоотношения в младенчестве наблюдались и регистрировались поминутно (Берлингом, 1951). В процессе лечения выяснилось, что «подростковый бунт» против детских объектов любви требует разрыва уз с близнецом в не меньшей степени, чем разрыв уз с матерью. Поскольку этот либидозный (нарциссический, как и направленный на объект) катексис близнецов коренится в тех же глубинных пластах личности, что и ранняя привязанность к матери, их разрыв сопровождается таким же структурным переворотом, эмоциональным упадком и формированием симптомов. В том случае, если привязанность сохранялась на протяжении подросткового этапа и далее, мы вправе ожидать задержки созревания или ограничивающего «цементирования» характера, типичного для латентного периода, что в целом сходно с упоминавшимися выше случаями, в которых детская любовь к родителям выдерживает натиск подростковой фазы.

Возвращаясь к исходному вопросу, кажется, что мы можем предсказать подростковые реакции в некоторых наиболее типичных сочетаниях, но, конечно, не все индивидуальные вариации детской структуры личности. Наше понимание типичного развития будет расти с увеличением числа подростков, прошедших анализ.

Подростковая патология. Остается еще третья проблема, которая, как мне кажется, перевешивает предыдущие в клиническом и теоретическом плане. Я говорю о трудности разграничения нормы и патологии в случаях с подростками. Как было показано выше, отрочество характеризуется прерыванием мирного роста, сопровождаемым появлением множества других эмоциональных нарушений и структурных изменений¹. Манифестация

¹ Отрочество, конечно, не единственный жизненный этап, когда трансформации в физиологической природе вызывают нарушения психического равновесия. То же самое происходит во время климакса; недавно Грета А. Бибринг (1959) дала убедительное описание подобного нарушения равновесия душевных сил во || время беременности.

Подростковый возраст

отрочества близко подходит к формированию симптомов невротического, психотического или асоциального порядка и почти неразрывно связана с пограничными состояниями, начальными обострениями или развернутыми формами почти всех психических заболеваний. Следовательно, дифференциальный диагноз между подростковой неудовлетворенностью и настоящей патологией становится сложной задачей.

В 1936 году, когда я подошла к этой проблеме с позиций защитных механизмов, меня в большей мере интересовали сходства между подростковыми и остальными эмоциональными расстройствами, чем различия между ними. Я писала, что подростковая неудовлетворенность принимает обличье невроза, если источник патогенной ситуации находится в суперэго, где возникшая тревога переживается как чувство вины. Она соответствует психотическим нарушениям, если угроза исходит из возрастающей власти ид, которая угрожает существованию и целостности эго. Производят ли такие подростки впечатление навязчивых, истерических, аскетичных, шизоидных, параноидальных, склонных к суициду и т. д., зависит, с одной стороны, от количественных и качественных характеристик содержания ид, осаждающего эго, а с другой стороны, от набора защитных механизмов, которые выстраивает эго. Таким образом, в этот период выходят на поверхность импульсы всех прегенитальных фаз и вступают в силу защитные механизмы всех уровней сложности. Патологические результаты в это время, хотя и сходны по структуре, но более разнообразны и менее стабильны, чем в другие периоды жизни.

Сегодня мне кажется, что эти структурные описания должны быть расширены, но не в направлении обнаружения сходства подростковых и иных расстройств, а с точки зрения их специфической природы. В их этиологии есть по крайней мере один дополнительный элемент, который может быть рассмотрен как свойственный исключительно данному периоду. Он характеризуется тем, что возможность угрозы исходит не только от импульсов и фантазий ид, но и от самого факта существования объектной любви в эдиповом и доэдиповом прошлом индиви-

Клиническое применение

да. Либидозный катексис, унаследованный от инфантильного этапа, фиксируется в качестве цели на протяжении латентного периода. Следовательно, пробужденные прегенитальные или, еще хуже, вновь приобретенные генитальные побуждения таят в себе опасность вхождения в контакт с ними, привязывают новую и угрожающую реальность к фантазиям, которые кажутся угасшими, но фактически находятся под запретом¹. Тревоги, возникающие на этой почве, направлены на уничтожение инфантильных объектов, через разрыв связи с ними. Анна Катан (1937) обсуждала этот тип защиты, который направлен прежде всего на изменение личности и сцены конфликта под названием «устранение». Такая попытка может быть полностью или частично успешной либо неуспешной. В любом случае я согласна с А. Катан, что результат этой попытки будет решающим для другой, более знакомой линии защитных мер, которые направлены против самих импульсов.

ЗАЩИТА ОТ ИНФАНТИЛЬНЫХ ОБЪЕКТНЫХ УЗ

Защита путем смещения либидо. Многие подростки сталкиваются с тревогой, происходящей от их привязанности к инфантильным объектам и бегства от них. Вместо того, чтобы осуществить процесс постепенного отхода от родителей, они отводят свое либидо резко и полностью. Это вызывает ощущение тоски по партнерским, товарищеским отношениям, которые возникли в результате переноса на внешнее окружение. В этом случае возможно несколько решений. Либидо может быть перенесено в более или менее неизменной форме на замещающий родителей объект, доказывая, что этот новый объект диаметрально противоположен исходным по

¹ Показательным клиническим примером тому может быть случай девушки-подростка с нервной анорексией. В этом случае инфантильные фантазии орального зачатия получают дополнительный толчок от новой реальной возможности материнства, связанного с половым созреванием. Следовательно, фобические меры, принятые против принятия пищи, с одной стороны, и идентификация с матерью, с другой стороны, являются настолько чрезмерными, что могут привести к голоданию и истощению.

Подростковый возраст

всем параметрам (личностным, социальным, культурным). Либо привязанность может направляться на так называемых «лидеров». Обычно это люди более старшего возраста, среднего между подростковым и родительским. С равной частотой встречаются крепкие узы со сверстниками того или иного пола (то есть гомо- или гетеросексуальная дружба) и приверженность подростковым группам (или бандам). Какое бы из этих типичных решений ни было принято, результат дает подростку возможность почувствовать себя свободным и наслаждаться новым прекрасным чувством независимости от родителей, которые теперь не вызывают ничего, кроме равнодушия, граничащего с бездушием.

Хотя направление, выбранное либидо в этих примерах, само по себе находится в рамках нормы, внезапность перемены, разительный контраст в выборе объектов и чрезмерно подчеркиваемая новая принадлежность говорят об их защитном характере. Такой переход представляет скорее слишком поспешное опережение нормального роста, чем нормальный процесс развития.

Эмоциональная ситуация мало чем отличается от тех случаев, где отвод либидо сопровождается реальным уходом из дома. Если этого не происходит и он остается дома, то все равно ведет себя как чужой, обычно такие подростки очень невнимательно относятся как к старшим, так и младшим членам семьи.

С другой стороны, отвод любви от родителей имеет наиболее серьезные последствия для остальных защитных процессов. Когда инфантильные объекты лишены значимости, прегенитальные и генитальные импульсы перестают быть угрозой. Следовательно, вина и тревога снижаются, и эго становится более устойчивым. Появившиеся ранее сексуальные и агрессивные желания всплывают на поверхность и действуют; происходит это вне семьи, в более открытой среде. Является ли подобная активность безопасной, идеалистичной или тайной и даже криминальной, будет зависеть в основном от новых объектов, к которым привязывается подросток. Обычно авторитет лидера подростковой группы или банды принимается безоговорочно и некритично.

Подростки этого типа могут быть направлены на лечение после того, как их действия привели к конфликту со школой, работодателем или законом. Такие подростки дают мало шансов для создания терапевтического альянса между аналитиком и пациентом, без которого аналитическая техника не может работать. Любое отношение к аналитику и, кроме того, перенос на него оживляет детские привязанности, которые были отвергнуты, поэтому подросток остается безучастен. Более того, бегство от этих привязанностей прекращает внутренний конфликт, по крайней мере временно. Следовательно, подросток не чувствует потребности в психологической помощи. Айхорн знал об этом, когда говорил о том, что подростки асоциального и криминального типа нуждаются в длительной подготовке и внутренней перестройке, прежде чем они станут податливы аналитическому лечению. Он утверждал, что такое лечение может быть удачным, только если во время такой подготовки в закрытом учреждении у подростка произойдет новый перенос объекта любви, пробуждающий его детские привязанности, интернализирующий его конфликты еще раз — короче, если он станет невротиком.

Попробовать провести анализ подростка в тот период, которому свойственен успешный отрыв от прошлого, кажется предприятием, обреченным на провал.

Защита путем обращения аффекта. Вторая типичная реакция на ту же самую угрожающую ситуацию, хотя и менее явная для окружающих, более серьезна по внутренней природе.

Вместо отвода либидо от родителей или, что более вероятно, после неудачной попытки осуществить это, эго юноши может защитить себя путем обращения эмоций в противоположные. Так происходит превращение любви в ненависть, зависимости в противостояние, уважения и восхищения в презрение и насмешки. Благодаря такому превращению аффекта юноша представляет себя «свободным», но, к несчастью для его душевного равновесия и значения конфликта, это убеждение не простирается далее поверхностного пласта его сознания. Во многих важных вопросах подросток остается по-прежнему-

Подростковый возраст

му крепко связанным с фигурами родителей; отыгры-вание (acting out) сохраняется внутри семьи, и любые изменения, достигнутые защитой, оказываются для него помехой. Обращенные отношения не приносят никакого удовольствия; подросток переживает как от причиняемых ему, так и от причиненных им страданий. Здесь нет места независимости действий или росту; постоянное противостояние с родителями говорит о такой же деформации отношений, как и бескомпромиссное послушание¹. Поскольку тревога и вина остаются неизменными, необходимо постоянное возобновление защит. Действие защит обеспечивается в первую очередь двумя способами: отрицанием (позитивных чувств) и реактивным поведением (грубость, неприязнь, высокомерие). С поведенческой точки зрения на этой стадии подросток характеризуется как враждебный и несговорчивый.

Дальнейшее патологическое развитие этого состояния заслуживает специального рассмотрения. Враждебность и агрессивность, которые вначале служат защитой против объектов любви, скоро становятся непереносимыми для эго, они переживаются как угроза и удерживаются на расстоянии. Это может достигаться посредством проекций; в таком случае агрессивность приписывается родителям, которые, как следствие, становятся главными угнетателями и преследователями. В клинической картине это проявляется, во-первых, как подростковая подозрительность и далее — когда проекция усиливается, — как параноидное поведение. Враждебность и агрессивность могут быть направлены, наоборот, не на объекты, а вовнутрь, на себя. В таких случаях у подростков наблюдается сильная депрессия, стремление к самоизоляции и самоповреждениям, суицидальные намерения.

На всех стадиях этого процесса личное страдание очень велико и так же сильно желание получить помощь. При этом нет гарантии, что проблемный подросток будет восприимчив к аналитической терапии. Если инициаторами лечения выступают родители, он, конеч-

¹ Ференци назвал этот эффект «компульсивным непослушанием» много лет назад.

но, не пойдет на это. В любом случае, он будет воспринимать анализ как орудие в их руках, чувствовать враждебность или подозрительность к личности аналитика и отказываться сотрудничать. Если подросток сам принял решение искать помощи и обратился к анализу без принуждения, то шансы выше, поскольку такое решение идет против воли родителей. Но даже в этом случае альянс с аналитиком может быть не очень длительным. Как только развивается истинный перенос и позитивные инфантильные фантазии-попадают в сознание, то же самое обращение аффекта может произойти в аналитической ситуации. Получая вместо облегчения общую сумятицу чувств, многие юные пациенты сбегают. Они бегут от позитивных чувств, хотя аналитику кажется, что они прерывают лечение, так как не в силах справиться с чрезмерным отрицательным переносом.

Защита путем отвода либидо на себя. Этот процесс ведет к нарастанию патологии: отвод либидо от родителей, как это было описано выше, сам по себе не предопределяет его дальнейшего использования. Если страхи и подавления блокируют путь к новым объектам вне семьи, либидо остается с эго и может быть использовано для связывания эго и суперэго. Клинически это означает возникновение идеи величия, фантазий о неограниченной власти над другими людьми, подвигах и невероятных достижениях в одной или нескольких областях. Либо страдающее и гонимое эго подростка может принять мессианские размеры с соответствующими идеями спасения человечества.

С другой стороны, катексис может прикрепиться только к телу и повлечь ипохондрические ощущения изменений в теле, которые хорошо известны клиницистам по начальным фазам психотических заболеваний.

В любом случае аналитическая терапия показана и даже требует неотложного применения. Лечение устранил сильные патологические проявления, если освободит путь для либидо, предоставив ему возможность либо направляться вспять и снова заряжать исходные инфантильные объекты, либо направляться наружу в направлении, описанном выше, и привязываться к менее пугающим замещающим объектам из более широкой среды.

Подростковый возраст

В таких случаях наиболее трудным для аналитика в техническом плане оказывается состояние ухода пациента в себя, то есть проблема установления отношений и перенос. Как только цель достигнута, возвращение из нарциссического погружения к объективному катексису дает пациенту облегчение, по крайней мере временное.

Я верю, что существует множество случаев, где аналитик настолько мудр, чтобы удовлетвориться частичным успехом, не настаивая на последующем лечении. Дальнейшее и углубленное вовлечение в этот перенос может в значительной мере усилить все тревоги, описанные выше, и опять же привести к сокращению лечения из-за подростковой реакции.

Защита с помощью регрессии. Чем больше тревога, вызванная объектными связями, тем более элементарна и примитивна защитная деятельность, используемая подростковым эго. Так, при экстремальной тревоге отношения с объектным миром могут сократиться до эмоционального состояния, известного как «первичная идентификация» с объектами. Это решение, с которым мы знакомы по психическим заболеваниям, приводит к регрессивным изменениям всех частей личности, то есть как в эго, так и в организации либидо. Границы эго в этом случае раскрыты для частичного соединения с объектом. Это вызывает разительные перемены в привычках, установках подростка, даже в его внешнем виде. Его подверженность влиянию других сменяется в ходе этого превращения скорее установкой на себя (то есть его идентификациями), чем утечкой либидо. На сцене вместе с этими идентификациями доминируют проекции и создают обмен между ним и объектом, который откликается эхом в наиболее важных функциях эго. Так, например, деление на внешний и внутренний мир (то есть познание реальности) временно останавливается, и в клинической картине остановка функционирования эго проявляется как состояние замешательства.

Регресс такого рода может принести временное облегчение эго, освобождая эдиповы (и многие из доэди-повых) фантазии из либидозного катексиса, но это умень-

Клиническое применение

шение тревоги не может быть продолжительным. Другая и более глубокая тревога скоро займет ее место, тревога, которую я охарактеризовала ранее как страх эмоционального поражения и сопутствующий ему страх потери своей идентичности.

ЗАЩИТА ОТ ИМПУЛЬСОВ

Там, где защиты от эдиповых и доэдиповых объектов не достигают цели, возникает клиническая картина, которая более всего напоминает психические заболевания.

«Аскетичный» подросток. Одного из таких «аскетичных» подростков я описала как борющегося против всех импульсов, эдиповых и доэдиповых, сексуальных и агрессивных, доводящих защиту даже до физиологических потребностей, таких, как сон, еда, телесный комфорт. Мне кажется, такая позиция характеризует реакцию эго, ведомого слепым страхом перед чрезмерным напором ид; тревогой, которая не позволяет отличить здоровое удовлетворение от болезненного, этически допустимое от запретного. Подросток ведет тотальную войну против получения удовольствия как такового. Соответственно, большинство нормальных инстинктивных процессов и потребностей в удовлетворении смешиваются и парализуются. Согласно клиническим наблюдениям, подростковый аскетизм является, к счастью, временным явлением. Для наблюдателя-аналитика это дает неоспоримое доказательство силы защит, то есть той степени, в которой нормальное, здоровое влечение открыто для деформирующего действия эго.

В целом аналитическое лечение аскетического типа не представляет особых трудностей, как того можно было бы ожидать. Возможно, у этих индивидов защита от импульсов настолько сильна, что они могут позволить себе некоторые объектные отношения с аналитиком и таким образом установить перенос.

«Бескомпромиссный» подросток. Другой, такого же рода патологический, тип лучше всего может быть охарактеризован как «бескомпромиссный». Термин в

Подростковый возраст

этом случае отсылает к хорошо известной непоколебимой позиции, занимаемой многими молодыми людьми, которые отстаивают свои идеи, отказываясь уступать более практичным и реалистичным установкам взрослых, и гордятся своими моральными и эстетическими принципами. Для таких подростков «компромисс», которого они всячески пытаются избежать, включает, такие существенные процессы, как «сотрудничество» с импульсами, объединение противоположных стремлений, ослабление давления ид вмешательством эго. Один подросток, которого я наблюдала во время анализа, делал все для достижения невозможной цели: предотвратить^ любую интерференцию ума и тела, активности и пассивности, любви и ненависти, реальности и фантазии, внешних требований и внутренних, короче — эго эго и ид.

В анализе защита проявлялась как сильное сопротивление любому «лечению», — идея, которую он презирал, несмотря на сильное страдание. Он прекрасно понимал, что психическое здоровье по крайней мере отчасти основано на гармонии, то есть на очень компромиссных решениях, которых он пытался избежать.

Понятие нормы в подростковом возрасте

В процессе рассмотрения подросткового возраста кажется, что легче описать его патологические проявления, чем нормальные процессы. Однако есть, по крайней мере, два момента, полезные для его определения:

(1) подростковый возраст по своей сути есть прерывание мирного роста; (2) ненормально, если в течение подросткового периода сохраняется достигнутое ранее равновесие. Приняв за норму дисгармонию психического развития в подростковом возрасте, мы тем самым добились лучшего понимания этого возраста. Мы увидели, что баталии между эго и ид по сути являются позитивными попытками восстановления мира и гармонии в душе. Защитные меры, принятые либо против импульсов, либо против объектного катексиса, начинают казаться законными и естественными. Если они вызы-

Понятие нормы в подростковом возрасте

вают патологический результат, то это происходит не из-за их зловредной природы, а потому что они передозированы, утрированы или использованы изолированно. Действительно, как это описано выше, каждый из патологических типов подросткового развития также представляет потенциально полезный способ обретения вновь душевного равновесия; является нормальным, если он соединен с другими защитами и если умеренно выражен.

Можно объяснить это более подробно: я считаю, что для подростка нормально вести себя достаточно длительное время несоответствующим и непредсказуемым образом; бороться с влечениями и в то же время принимать их, противостоять и поддаваться им; любить родителей и ненавидеть их, восставать против них и зависеть от них; глубоко стыдиться посвящать свою мать во все свои дела и жаждать разговоров с ней по душам; успешно идентифицироваться с другими, пока идет неустанный поиск своей собственно!! идентичности; быть более идеалистичным, артистичным, искренним и бескорыстным, чем когда-либо в дальнейшем, но и наоборот, эгоистичным, самодовольным, расчетливым. Такие колебания между крайними противоположностями были бы расценены как стопроцентно патологические в любой другой период жизни. В этот же период они могут означать не более чем взрослую структуру личности, которой нужно длительное время для формирования, когда эго индивида не прекращает экспериментировать. И не нужно спешить подавлять возможности. Если временные решения кажутся окружающим ненормальными, они, однако, не совсем таковы и менее ненормальны, чем поспешные решения, принятые в других случаях для одностороннего подавления, восстания или борьбы или ухода в себя, регрессии, аскетизма, которые ответственны за действительно патологическое развитие, описанное выше.

Поскольку подросток остается непоследовательным и непредсказуемым в своем поведении, он может испытывать страдание, но, как мне кажется, он не нуждается в лечении. Я думаю, что ему нужно дать время и возможность выработать свое собственное решение. Ско-

Подростковый возраст

рее его родители нуждаются в помощи и консультировании, чтобы стать более терпимыми к нему. В жизни редко встречаются ситуации, с которыми справиться труднее, чем подростку в период борьбы за освобождение и независимость.

Резюме

В этой статье я рассмотрела и подытожила некоторые из основных работ по подростковому периоду, так же как и свои собственные взгляды на предмет. Мои прошлые описания защитных процессов в подростковом возрасте были усилены включением специфической защитной деятельности, направленной против эдиповых и доэдиповых объектных уз.

ПСИХО

^Н^/Ш

З И

60СПИТ4НИЕ¹

В последней статье Бернфельда (1934) обсуждались некоторые аспекты психологии маленьких детей. Там не указывалось, как эти знания могут быть использованы. Возможно, он полагался на то, что на протяжении десятилетий учителя всегда следовали каждому новому направлению психологической мысли в надежде найти решение проблем, возникающих в процессе их работы.

Мы все прекрасно понимаем, в каком трудном положении находятся учителя. Часто приходится слышать, что перед учителями поставлена одна из наиболее важных общественных задач. Под их контролем находится наиболее ценный материал, которым располагает общество, и они решают судьбу подрастающего поколения. Но в реальности от этих высоких идеалов в образовании или в самом учителе остается очень мало. Труд учителя оплачивается не так высоко, как деятельность промышленников и банкиров, которые распоряжаются матери-

¹ Эта статья впервые была представлена на Конгрессе специалистов по дошкольному воспитанию в 1932 г. Психоаналитический подход на конгрессе представляли также Зигфрид Берн-фельд и Гертруда Бен-Эшенбург. Для воспитателей, «большинство из которых прежде не были знакомы с предметом, были прочитаны три лекции. Цель этих лекций — представить в максимально упрощенной форме фундаментальные принципы психоаналитической теории в отношении развития ребенка. Особое внимание обращалось на возможности применения данной теории в сфере обучения. Соответственно, аналитики не должны удивляться тому, что в статье они не найдут для себя ничего нового о психоанализе» (А.Фрейд, 1935, с.1).

альными ресурсами страны. Как члены общества, учителя вынуждены постоянно бороться за авторитет среди коллег и признание со стороны родителей учеников и официальных лиц. Хотя многие люди верят, что чем меньше ребенок, тем более важно его воспитание, в действительности роль учителя возрастает с ростом его подопечных. Сравните, например, статус учителя средней школы или профессора колледжа со статусом воспитателя детского сада. Они несопоставимы.

Однако для сложившейся ситуации всегда находится оправдание. Недооценка деятельности учителей в целом вытекает из того, что они являются не независимыми производителями, а посредниками, агентами, своеобразным буфером между двумя поколениями. Учителя получают сырой материал, и ожидается, что они превратят его в специфический продукт. Единственное, в чем учителя свободны — это в выборе педагогических методов. Именно потому что им предоставлено так мало свободы в остальном, они цепляются за этот островок

независимости и создают из него видимость огромной власти.

Давайте рассмотрим другой аспект проблемы. Я полагаю, мы можем допустить, что сырой материал, с которым учителя имеют дело, достаточно однороден. Конечный продукт получается очень разнообразным в зависимости от исторического периода и типа общества, в котором работает учитель. Для того чтобы понять, насколько различными были требования общества в разные века, достаточно лишь беглого взгляда на историю образования: воинственные спартанцы, афиняне, поклоняющиеся искусствам, смиренные аскеты, воспитываемые Церковью в средние века, доблестные рыцари или верные вассалы, добропорядочные граждане, бесстрашные революционеры и мирные труженики.

В этих требованиях нет ничего необычного. В каждом случае они выражают запросы общества взрослых своего времени. Существенно, однако, то, что во все времена учителя решают эту задачу с одинаковым рвением. Давайте представим, что рабочие на заводе должны выпускать из одного и того же материала пушечные ядра во время войны и перины в мирное время. Я не думаю,

что рабочие, как и учителя при равных условиях, были бы рады этому.

Энтузиазм учителей, пытающихся справиться с такими широко варьирующими требованиями общества, приводит к неудаче в другом. За неудачи в воспитательной работе всегда винили учителей. Общество уверено, что поставленная цель достижима. Следовательно, виноват конкретный учитель, а не воспитание в целом.

Я считаю, что причина, по которой учителя во все века обращались к психологической науке, на самом деле состоит в том, чтобы снять с себя обвинения за приписываемую неудачу. Они думают, что психология даст им знания о природе сырья, с которым они имеют дело. Истина же состоит в том, что учителя не улучшат свои позиции по отношению к заказчику, то есть обществу, до тех пор, пока психологам не удастся достичь реальных успехов в понимании ребенка, сырого материала образования. Только тогда они смогут установить различия между целями, которые ставит общество, и способностями ребенка достигать эти цели. Только тогда они смогут сопоставить психологический потенциал конкретного ребенка и требования, предъявляемые ему обществом, и взглянуть на эти факторы как на равноценные. Только тогда, когда станет ясно, какие цели согласуются с психическим здоровьем, а какие достигаются ценой этого здоровья, будет достигнуто большее понимание ребенка.

Воспитание выполняет две основные функции. Одну из них мы можем определить как «разрешение и запрещение», что означает поведение воспитателя по отношению к спонтанным проявлениям ребенка. Вторая функция относится к формированию личности ребенка. Психология, с одной стороны, добивается того, что образование имеет право ожидать от нее: она описывает примитивную природу ребенка и, с другой стороны, открывает новые пути возможного развития и новые способы дальнейшего расширения личности ребенка.

Бернфельд заострил свое внимание на особенностях первой из этих двух функций. Он изображает психическую жизнь ребенка как набор инстинктивных желаний, направляемых сексуальным инстинктом. Эти

желания проходят ряд этапов развития, от одной формы к другой, и насколько велика здесь роль образования, мы не знаем. Как должен учитель относиться к различным инстинктивным желаниям ребенка? Бернфельд оставляет этот вопрос открытым, но в целом ясно, что учитель должен уважать их.

В уважительном отношении к потребностям ребенка нет ничего нового. Среди воспитателей давно бытуют две различные точки зрения на психическую жизнь ребенка. Согласно одной из них, все, чем обладает ребенок от природы, — хорошо. Мы должны его уважать и оставить все как есть — это точка зрения, сформулированная Руссо; в современном образовании ее особенно поддерживает Монтессори — ребенок всегда прав в своих желаниях, взрослые только создают препятствия, когда вмешиваются.

Гораздо более широкое распространение получила другая точка зрения: ребенок всегда не прав. Ее смысл хорошо отражен в известном анекдоте. Мать говорит гувернантке: «Пойди, посмотри, что там делают дети, и скажи им, чтобы прекратили».

Существует предубеждение по отношению к обеим установкам на детские инстинктивные импульсы. Мы должны думать о них как о природной силе, которую ребенок не только имеет право проявлять, но и не может не делать этого. Означает ли это, что мы всегда должны разрешать этим импульсам свободно проявляться? Можно предположить, что необходимо приложить все усилия к овладению ими хотя бы потому, что они являются силами природы, а не просто вредными привычками или дурными манерами, которые учителю бывает достаточно легко преодолеть.

Если мы предоставим педагогам наши знания о содержании бессознательного без специального руководства по их применению, то окажется, что мы не продвигаемся вперед ни на шаг. Вместо того чтобы позволить нашим чувствам влиять на наше отношение к детским инстинктам, давайте вернемся к самой психоаналитической работе. В работе со взрослыми мы научились распознавать различные типы заболеваний. По каждому типу мы можем сделать заключение об определенных

отношениях, которые существовали между ребенком и людьми, ответственными за его воспитание.

Например, мы встречаемся с невротической задержкой, развившейся в результате насильственного подавления в раннем возрасте одного из инстинктов, который тем самым был целиком лишен возможности удовлетворения. Но этот импульс слишком силен и живуч, чтобы заставить его замолчать. Он продолжает давать о себе знать. Возникает внутренний конфликт, и подавленный ранее импульс прокладывает себе путь на поверхность, проявляясь обычно в странных и болезненных формах. Но путь к прямому удовлетворению инстинктивного влечения в его примитивной форме останется заблокирован, даже когда ребенок вырастает, когда изменяются внешние обстоятельства и общество начинает поощрять то, что раньше было запрещено.

С другой стороны, мы встречаемся с такими патологическими состояниями, как пerversии и определенные формы диссоциации, которые характеризуются приверженностью или регрессом к инфантильному типу удовлетворения инстинктов, исключая все другие формы удовлетворения. В истории такой болезни мы обычно находим определенное событие — например, совращение, чрезвычайное экстремальное происшествие или другие травмирующие события, которые позволяют отдельным инстинктивным импульсам прорываться и полностью удовлетворяться. Либидозное развитие ребенка фиксируется на этой точке и не развивается до взрослого уровня инстинктивной жизни. Однако эти два совершенно различных типа болезни имеют нечто общее. В обоих случаях ребенок оказался и удерживается на инфантильном уровне развития, где промежуточный результат стал конечным пунктом назначения.

Таким образом, мы видим, что фиксация и последующее невротическое заболевание могут произойти либо тогда, когда импульсу позволено свободно проявляться, либо, напротив, когда это полностью запрещено. Путь к психическому здоровью проходит где-то посередине между двух этих крайностей. Проблема заключается в том, чтобы найти золотую середину. Инстинктивное влечение не должно подавляться, так как это

приостанавливает процесс сублимации, то есть переход энергии либидо в другое, более приемлемое русло. Нельзя также разрешать его полное удовлетворение. Это похоже на то, как мы должны учить ребенка не совать руки в огонь, но делать это не слишком директивно, чтобы ребенок не стал бояться огня вообще и в будущем оказался неспособен зажечь спичку, выкурить сигарету или приготовить пищу. Наша задача — научить ребенка держаться подальше от огня, но при этом не испытывать страха.

Эта простая аналогия может нас кое-чему научить. Поскольку полное инстинктивное удовлетворение опасно для ребенка, можно уверенно сказать, что воспитатели предпочитают самый легкий путь — держать ребенка в стороне от опасности.

Учителя осознали угрозу инстинктивного удовлетворения задолго до того, как узнали об инстинктивных влечениях ребенка. Требуя их полного искоренения, учителя облегчают себе задачу. Они установили границы, переступать которые ребенок не смеет, и используют также всю свою власть, чтобы усилить эти запреты. Они воспользовались беззащитностью и слабостью ребенка перед взрослыми, его зависимостью от них во внешнем мире. Короче, они воспользовались его страхом.

Дабы избежать длительной борьбы с ребенком и не допустить, чтобы он каждый раз плакал, приближаясь к огню инстинктивного удовлетворения, они говорят: «Не сейчас», «Запомни раз и навсегда, это опасно!» Очевидно, что это самое простое решение.

Как может современный образованный воспитатель найти правильное решение? Вместо того чтобы запрещать раз и навсегда, воспитатель, возможно, должен быть готов к длительной борьбе, быть готов протягивать руку помощи каждый раз, когда ребенок приближается к опасному омуту инстинктов. Значит ли это, что он не должен формировать у ребенка долговременное чувство страха, а защищать его в каждом конкретном случае? Как перед лицом этого выбора современный воспитатель может применить либеральные методы воспитания, которых от него ждут? Как он должен взяться за это? Трудно представить, что ограничения и запреты могут быть

основой обучения ребенка. Если так, то нет большой разницы в том, в какой мере строгим будет отдельный воспитатель, если ребенок будет воспринимать этот запрет на получение удовольствия как строгость.

Здесь опять есть два взгляда на проблему. С одной стороны, можно сказать: что бы мы ни делали, ребенок все будет воспринимать как отказ и запрет на получение всех видов удовольствия, почему в таком случае мы должны бояться быть строгими? С другой стороны, можно сказать, что не важно, насколько ребенок будет свободен, ему все равно придется подчиняться во всем, поэтому почему бы нам, по крайней мере, не свести наше влияние до минимума? Но, тем не менее, мы боремся с удовлетворением инстинктов. Мы хотим, чтобы ребенок контролировал свои сексуальные влечения, поскольку если они все время будут прорываться наружу, возникнет угроза задержки или остановки развития; будет происходить удовлетворение инстинктов вместо сублимации; мастурбация вместо учебы; тогда он будет направлять свою любознательность на изучение сексуальных вопросов вместо изучения реального мира. Мы хотим это предотвратить.

Ситуация была бы действительно безнадежной и для образования, и для наших отношений с маленьким ребенком, если бы нас в ребенке интересовал только поиск удовольствия или удовлетворение инстинктов через его тело. Эти мощные силы могут быть перенацелены только с помощью сильного ограничения извне. Однако сам процесс развития помогает излечиться. Период, в течение которого ребенок пытается удовлетворить свои сексуальные желания исключительно самостоятельно, относительно короток, независимо от того, являются ли его желания оральными, анальными или садистскими. Вскоре инстинктивные импульсы начинают направляться вовне. Ребенок ищет людей в своем ближайшем окружении, которые наиболее важны для него, и настойчиво требует от них удовлетворения своих желаний. Такую ситуацию мы называем эдиповой. Мы говорим, что теперь у ребенка есть объект любви. Пик этого раннего развития достигается тогда, когда большая часть поисков удовольствия направляется уже не на него самого, но на объекты внеш-

него мира и, кроме того, когда имеет место концентрация на единичном объекте, матери или отце.

Было бы ошибкой предполагать, что это упрощает ситуацию, в которой находится ребенок. Обращение его импульсов на внешний объект в огромной степени усложняет дело. В самый ранний период, который мы называем аутоэротическим, инстинкты ребенка ведут независимую жизнь. Внешние раздражители воспринимаются как неприятные контакты. Ребенок независим, самодостаточен и способен удовлетворить возникающие потребности самостоятельно. Но как только появляется внешний объект любви, ребенок становится зависимым от его расположения. Удовлетворение каждого желания теперь зависит от согласия любимого существа. Например, ребенок, который привык получать удовольствие от телесного контакта с матерью в определенном объеме, должен переживать внезапное разочарование, когда она передает заботу о нем кому-нибудь другому, кто не может стать вместо нее объектом любви. Тем самым ребенок лишается возможности получения удовольствия. То есть я хочу сказать, что ребенку постоянно угрожает не только контакт с внешним миром, но и угроза утраты объекта любви. '

Хотя для ребенка ситуация усложнилась, для его воспитания и обучения она значительно улучшилась. Предполагается, что роль воспитателя и объекта любви выполняет один и тот же человек. В этом случае существует незначительная угроза того, что инстинктивные влечения вырвутся наружу. Стоит только объекту любви отказаться сотрудничать с ребенком, за этим тотчас следует уход в себя. Поэтому воспитывать ребенка в период объектной любви несравнимо легче, чем на аутоэ-ротической стадии.

Мы уже говорили о детском страхе как помощнике учителя в обучении и воспитании. Ранний страх быть брошенным и беспомощность перед угрозой внешнего мира делает ребенка послушным в самом начале. Будучи привязанным к объекту любви, он испытывает новый вид страха — потерять его расположение в случае непослушания. Можно проследить, как по мере взросления ребенка растет количество рычагов воспитания.

Психоанализ и воспитание

Взрослый может угрожать ему физически, он может бросить ребенка, может угрожать, что перестанет любить; и он может использовать все эти угрозы в качестве наказания' за непослушание и в случае отказа прекратить удовлетворять свои инстинкты.

Для воспитателя ситуация все более упрощается. Давайте вспомним, насколько бывает трудно для взрослого лишиться объекта любви, к которому были обращены все его чувства, от которого он надеялся получить не только удовлетворение отдельных желаний, но стремился завладеть им полностью и, по возможности, без соперников. Когда этот человек уходит, тот, кого покинули, испытывает шок. Мы обнаруживаем, что не можем освободиться от неверного объекта, и хотя все говорит о том, что он покинул нас, в душе мы находим его в каждой мелочи, и даже более того, мы находим в себе черты этого объекта, как бы говоря: «Хотя ты предал меня в реальном мире, я сохранил твой образ в себе».

Если это произошло со взрослым, то есть более или менее независимым и зрелым существом, чья личность полностью сформирована, то можно представить, через что должен пройти маленький ребенок в подобной ситуации. Этот ребенок находится на той стадии развития, когда все его физические импульсы, вся сексуальность, вся агрессия, а также вся его любовь и нежность направлены на одного человека: на объект любви. Затем каждый ребенок переживает потрясение: он узнает, что этот объект любви (его мать) не будет принадлежать ему. Она время от времени предлагает ему удовлетворение, нежность и заботу, но никогда не принадлежит ему полностью. Ребенок должен соглашаться делить ее с братьями и сестрами и должен понять, что прежде всего она принадлежит отцу. Ему приходится оставить мысль исключительного обладания ею и все, что с этим связано.

В результате ребенок проходит через процесс экстенсивной перестройки эго, подобно тому, как это происходит со взрослым, потерявшим свой объект любви. То есть отказ от любви к своему объекту дается ребенку дорогой ценой: он должен, по крайней мере, отчасти интроецировать объект и изменить себя в соответствии с личностью матери и отца. Достаточно странно, что ребенок

усваивает от объекта те самые вещи, которые были наиболее неприятны и болезненны для него, — наставления и запреты. Так проходит эдипова ситуация: ребенок, хотя и остается частично таким, как был раньше, но внутренне исполняет другую партию, теперь уже от лица объекта любви и воспитателя. Внутренний воспитатель — эта интроецированная часть, с которой, как было показано, ребенок себя идентифицирует, — теперь обращается с другой частью личности ребенка точно так же, как родитель в действительности обращался с ним самим.

Формирование суперэго облегчает работу тех, кто занимается воспитанием и обучением ребенка. Ведя вплоть до этого момента борьбу с существом, абсолютно не похожим на них, они теперь имеют своего «лазутчика» во вражеском стане. Воспитатель более взрослого ребенка может рассчитывать на поддержку суперэго, и его усилия объединяются с суперэго против ребенка. Ребенок теперь оказывается против двух авторитетов: трансформировавшейся части своей личности и объекта любви, который существует в реальности. Это послушание, которое мы формируем, и которое воспитатели, помешанные на облегчении своих задач, часто непомерно усиливают, есть именно то, что ведет ребенка к сильному подавлению своих инстинктивных влечений и отсюда — к неврозам.

Механизм, описанный здесь, более чем любой другой влияет на структуру и изменение личности ребенка. Он проходит от любви к объекту к идентификации с этим объектом. Вытекающие отсюда последствия и дальнейшее образование, которое продолжается с помощью вновь сформированного суперэго, очень интересны, но выходят за рамки нашей дискуссии. Ребенок с зачатком или уже достигшим определенного уровня развития суперэго уже не маленький дошкольник; он вступил во второй период детства и прошел от воли родителей и/ли воспитателей через руки других учителей, которые, несомненно, имели более простые задачи. Перед воспитателем маленьких детей стоит наиболее трудная и сложная задача, но и здесь я могу только повторить утешение, которое всегда говорят тем, кто воспитывает малышей, — он также выполняет задание, которое определяет будущее.

ДИАГНОСТИКА И ОЦЕНКА - ДЕТСКИХ НАРУШЕНИЙ

Когда доктор Уэлдлер предложил мне рассмотреть связь психоаналитических подходов с более широкой проблематикой детских расстройств, я с удовольствием согласилась. К тому времени я уже занималась психоанализом с детьми и их родителями достаточно долго, и мне посчастливилось стать руководителем психоаналитической клиники для детей. По другую сторону Атлантики детские психоаналитические клиники все еще редкость, хотя в работе с детьми психоаналитические принципы и знания применяются довольно часто и там. Как мне кажется, различие между обычной детской психиатрией и тем, что я буду называть собственно аналитической практикой, состоит в том, что здесь при лечении серьезных детских расстройств мы не удовлетворяемся применением методов, предназначенных для более легких расстройств.

Конечно, аналитический подход встречает серьезные трудности. Например, там, где требуется серьезное лечение, аналитик лучше оставаться в стороне. Также мне кажется, аналитик находится в более трудном положении там, где требуется быстро принимать решение, осуществляя диагностику и оценку расстройства — обычно после нескольких интервью, иногда после непродолжительного периода наблюдений, — оценивать природу детских расстройств и выбирать подходящий метод работы. Как аналитикам, нам обычно требуется много времени для сбора материала, и наша оценка расстройства строится на длительном наблюдении за пациентом. Приняв решение изучить ребенка, мы постепенно получаем

Диагностика и оценка детских нарушений

доступ к его фантазиям, узнаем его отношение к другим членам семьи; мы углубляемся в проблему, доходя до самых ее корней. В этом направлении иногда приходится работать годами, и наш диагноз бывает готов тогда, когда мы уже можем вернуть ребенка родителям. К тому времени его состояние намного лучше, или же он совсем здоров.

Но в детской консультативной клинике диагноз необходимо поставить быстро, поскольку от этого зависит выбор метода лечения: оказывать помощь только матери либо назначать ребенку ежедневное или еженедельное лечение; изменить школьную жизнь ребенка либо, в исключительных случаях, изолировать ребенка от родителей и братьев. Все эти трудные решения должны быть приняты быстро, тогда как у аналитика для своего заключения еще нет достаточного количества информации.

Поэтому мне кажется, что стоит рассмотреть те соображения, которые мы принимали в расчет при постановке диагноза в Хемпстедской клинике. Первое — это возраст ребенка. Существует большая разница между диагностикой нарушений в раннем возрасте (до 5 лет) и у старших детей, в возрасте от 5 до 12-13 лет.

Диагностика школьников

Изолированные симптомы. Может показаться, что диагностика психических расстройств в детском и подростковом возрасте не должна очень сильно отличаться от диагностики расстройств у взрослых. Как известно каждому, кто соприкасался с психиатрией, постановка диагноза взрослого осуществляется достаточно легко и быстро. Я до сих пор помню, как в самом начале своей работы я была на практике в психиатрической клинике в Вене, где мне часто приходилось разговаривать с молодыми врачами, которые быстро пробежали глазами по страницам истории болезни пациентов, поступивших накануне. Они прочитывали лишь некоторые предложения; например, пациентка жаловалась, что соседи все время говорят о ней, — очевидно, это паранойя. Или

пациентка жалуется, что она не очень хорошо обращалась с членами своей семьи, — ну, это меланхолия. Я думала, как это замечательно и с нетерпением ждала наступления того времени, когда и я (хоть и не психиатр) приобрету достаточно знаний, чтобы проделывать то же самое в работе с детьми.

Мы знаем, конечно, почему мы — все мы — можем с такой легкостью поставить диагноз типичного расстройства у взрослого. Когда обнаруживается специфический симптом, у нас есть право ожидать, что он является частью определенного синдрома, и очень редко случается, когда ожидания такого рода не оправдываются. Это первое различие между детьми и взрослыми в диагностике и оценке, потому что в случае детских расстройств определенный симптом не обязательно свидетельствует об определенном неврозе или целостном синдроме. Вот несколько примеров из моей практики.

Один случай мне сообщила мать маленькой девочки. Ее дочь не могла уснуть до тех пор, пока тапочки не были поставлены аккуратно в линию перед кроватью. Это часть так называемого вечернего ритуала, который можно было бы попытаться описать как невроз навязчивых состояний. Но такой диагноз был бы ошибочным. Эта девочка действительно была крайне дезорганизована, беспокойна, неконтролируемо подвижна; нарушения наблюдались у нее во всех сферах, но среди них больше не было ни одного симптома навязчивости.

Однажды я лечила мальчика-истерика, который страдал от навязчивого счета, — это симптом, также относящийся к сфере неврозов навязчивых состояний, но он у него занимал место между фобическим и истерическим расстройствами.

Я помню еще одного ребенка, у которого основным диагнозом был невроз навязчивых состояний, но при этом он имел полный набор психосоматических и истерических симптомов.

Все это показывает, что детские симптомы изолированы; симптомы одного вида появляются на фоне невротических расстройств другого вида. Специалисту не всегда легко оценить, насколько значимы эти симптомы. Он должен задать себе вопрос: ^является ли частный

Диагностика и оценка детских нарушений

симптом указанием на развитие невроза навязчивых состояний, где тревога и истерические симптомы присутствуют с более раннего возраста, или он действительно имеет дело с истерическим расстройством, которое сформировалось на анально-садистической стадии развития. Мне кажется, что изоляция симптомов, эта смесь расстройств, требует к себе более пристального внимания. Недооценкой этого момента и объясняются наши трудности в постановке диагноза.

Внешнее проявление и скрытые корни симптомов.

Существует и другая трудность. То, каким симптом предстает перед наблюдателем и открывается в диагностическом интервью, редко дает психиатру или аналитику ключ к стоящему за ним расстройству. Два диаметрально противоположных симптома могут иметь в основе одно внутреннее нарушение, и наоборот, симптомы, которые на первый взгляд кажутся очень похожими, могут быть вызваны совершенно разными причинами. Вот несколько примеров.

Мы обнаружили у делинквентных детей одинаковые симптомы, такие, как, например, воровство, связанное с недостатком развития эго и суперэго или отсутствием в раннем детстве активной фигуры отца. Это означает, что в построении личности есть моральный дефект, обусловленный недостатками социального окружения, особенно отсутствием влияния полноценного воспитания. Однако мы обнаружили точно такое же расстройство в совершенно другой истории: фигура отца здесь присутствует, и его влияние огромно, идентификация с ним и формирующееся в результате суперэго очень сильны, и ребенок находится в противостоянии этому давлению извне и изнутри. Это означает, что один и тот же делинквентный симптом может быть результатом как аморальности, так и чрезмерного давления моральных норм.

Или рассмотрим такой симптом, как недержание, который очень часто встречается в детских клиниках Европы. Сам по себе симптом не дает никаких намеков на его возможные причины. Он может быть результатом того, что родители не уделяли внимания обучению

Диагностика школьников

ребенка соответствующему навыку. Или ребенок мог быть полностью обучен, но утратить контроль над мочевым пузырем в результате травматического опыта отделения от матери и восстановить этот контроль сразу же после того, как прошел первый шок. Но утрата контроля может быть также выражением сложного внутреннего конфликта, например между маскулинностью и фемининностью. В этом случае не наблюдается никаких изменений в окружении, никаких изменений в системе воспитания ребенка.

Особенно сбивают с толку случаи агрессивности у мальчиков в латентный период. Эти мальчики становятся настолько агрессивны, настолько маскулинны, что превращаются в угрозу для своего школьного окружения, и семья с трудом может справиться с ними. Простое наблюдение со стороны или отчет об их поведении не позволяют сказать, что это — проявление маскулинности или, наоборот, реакция пассивно-фемининного мальчика, который боится проявления своей женственности и поэтому всячески подчеркивает агрессивную маскулинность, как бы убеждая себя в том, что он действительно мальчик.

Недавно к нам в клинику привели мальчика, на которого жаловались все соседи за то, что демонстрирует свой половой орган всем маленьким девочкам в округе. Мнения консилиума разошлись. Некоторые полагали, что это вполне соответствующее возрасту поведение, только слишком открытое, иначе соседи бы не жаловались. Ими утверждалось, что он просто активный мальчик, которого не очень ограничивали, хотя это было не совсем правильно, и единственное, в чем нуждалась мать, — в совете, как с ним обращаться. Другие придерживались прямо противоположного мнения. Выяснилось, что мальчику было сделано несколько операций; у него были проблемы с пальцем, который прооперировали. В следующий раз была операция на ногте пальца ноги. И что самое неприятное, у него под кожей на пенисе выросла шишка, которую пришлось удалять в госпитале. После возвращения домой он стал настойчиво требовать, чтобы мать отдала ему эту шишку. Данные сведения придали случаю совершенно иной характер. Очевидно, маль-

чик сильно беспокоился, что во время операции были повреждены его гениталии, и в реальности он стал демонстрировать не столько девочкам, сколько самому себе, что это не так. В подобном случае никакие воспитательные меры помочь не могут. Единственное, что может помочь, это осознание тревоги, которая направляла его поведение, и ее устранение с помощью аналитического лечения.

Недоступность сведений в диагностическом интервью.

Как можно убедиться в том, что мы всегда приходим к правильному заключению? На чем должен основываться диагноз, если способы диагностики симптомов на этой стадии жизни настолько ненадежны? В этой ситуации мы возлагаем свои надежды на диагностическое интервью. У аналитиков достаточно хорошая репутация в обществе по части проведения диагностического интервью. Некоторые люди даже верят, что аналитику достаточно лишь взглянуть на незнакомца, чтобы узнать о нем все. Ничего не может быть дальше от истины, чем это мнение. Ни один аналитик не может дать мгновенное заключение о том, что происходит внутри у человека, и ни один не должен этого делать. Он ждет, пока материал поднимется на поверхность сознания и позволит убедиться в том состоянии, которое царит внут-РИ.ПО к несчастью, в диагностическом интервью не всегда так получается, и каждый, кто имел дело со школьниками в подобных ситуациях, хорошо знает, что дети редко выдают свои секреты психиатру. Дети скрывают свои чувства. Часто они беспокоятся, что их могут поместить в клинику; они подозрительны, и вполне обоснованно; они не любят незнакомцев, выуживающих интимные подробности их жизни.

Так же редко мы в детских клиниках получаем глубинный бессознательный материал, и мне пришлось просмотреть все наши истории болезни ради нескольких случаев, где он был представлен. Речь идет о детях школьного возраста, которые во время диагностического интервью кое-что рассказали об истинных причинах их беспокойств.

Мальчик 10 лет на первом интервью со мной был наиболее беспокойным. Он суетился, вставал и снова

садился; на моем столе не осталось ничего, до чего он не дотронулся. Он ничего не говорил. Я спрашивала его о странных симптомах, из-за которых его привели сюда. Я пыталась расспрашивать его о семье; его родители были в разводе скорее по внешним обстоятельствам. Но все, что он вежливо сказал, было: «Я не хотел бы произвести ложное впечатление». В его стремлении не произвести на меня плохое впечатление он не производил вообще никакого впечатления, до тех пор, пока не увидел у меня на столе рулетку, которой можно было пораниться, и стал играть с ней. Он вытаскивал ее и защелкивал обратно, все это беспокойно проделывалось много раз подряд, он не остановился до тех пор, пока она не сломалась. Когда это произошло, его поведение изменилось. Это был совсем другой мальчик. Он стал более сговорчив, почти заискивал передо мной и много раз переспросил, смогу ли я починить рулетку. Я думаю, что в этом интервью мальчик продемонстрировал причину своего расстройства. Его беспокойство, очевидно, было связано с мастурбацией. Его страхи были основаны на том, что он мог нанести себе вред. Его поведение менялось от недоверия, подозрительности, повышенной терпеливости к пассивному призыву каждый раз, когда он был напуган тем, что своей мастурбацией нанес себе вред. Но такие случаи редки настолько редки, что в Хемп-стедской клинике мы пытаемся сейчас сравнивать диагностические интервью с теми знаниями, которые мы получаем при последующем анализе случая.

Был еще один интересный случай мальчика двенадцати с половиной лет. Он был выходцем из Греции, маленький странник в Лондоне, который имел несчастье жить со своими родителями в доме, который был ограблен однажды ночью. Он и его сестра были разбужены происходящим. Они стояли у окна и смотрели, как воры уходили с их пожитками. С того момента у мальчика развилось состояние повышенной тревожности, он боялся выходить один из комнаты, выходить на улицу без матери, ходить в школу. Вопрос заключался в следующем: почему относительно безобидное переживание оказало на него такое травмирующее действие. В диагностическом интервью с психиатром он описал про-

Диагностика и оценка детских нарушений

исшествие более живо: он увидел человека с белым узлом, перелезающего через забор, и сказал, что он знает, что спрятано под этим узлом - длинный острый нож. Он также очень испугался за свою сестру, поскольку читал в газете про мужчин, которые убивают ножом маленьких девочек. (В газете действительно сообщалось о двух случаях изнасилования малолетних девочек, которые затем были убиты.) В его описании случая сам он был в безопасности - угроза была нацелена на его сестру. Затем он стал рассказывать о других вещах, которые прочел в газете. Там были грабители почтового фургона и мешки ценной почты, украденные из него. Он сказал, что очень волнуется за этот фургон, хотя «Я не знаю почему, ведь я в конце концов не почтовый фургон». Потом он добавил: «Иногда мой дядя дает мне письмо, чтобы я передал его отцу, вот тогда я действительно почтовый фургон». Я думаю, что тем самым он привел нас прямо к причине, по которой незначительная кража оказала такое сильное воздействие на него. Эта история возбудила его пассивные фантазии, в которых он видел себя женщиной, изнасилованной и убитой мужчиной, — так же как, неся письмо, он превращался в фургон и затем становился жертвой нападения.

Другой случай связан с мальчиком, который находился в Лондоне во время бомбежек и был ранен вместе с матерью. Хотя мать никогда уже не поправилась физически, они оба вышли из шокового состояния, но у мальчика развилось сильное состояние тревоги. В процессе интервью с этим мальчиком выяснилось, что его отец развелся с матерью, и мальчику кажется, что отец сидит в каждом самолете, пролетающем над Лондоном. Хотя это происходило уже в мирное время, ему казалось, что отец может в любой момент начать бросать бомбы с самолета. Это еще раз ясно показывает, что у мальчика имеется пассивная установка по отношению к отцу, от которого он ожидает нападения.

Вот, возможно, более простая история о девочке, которая перестала выполнять свои обычные обязанности в школе и дома. Ее родители были в разводе, а она жила с бабушкой и дедушкой. Обстоятельства жизни угнетали ее, и они были действительно удручающи. Но

на интервью она сказала психиатру, что знает, откуда ее расстройство. Бабушка настаивала, чтобы она завтракала дома, до выхода в школу; в школе перед уроками она также должна была съесть завтрак. После уроков она обедала в школе, и по возвращении бабушка заставляла ее обедать вместе с ней. «Ни один желудок не выдержит два разных завтрака и два обеда», — сказала девочка. В действительности же ее любовь была разделена между родителями, с одной стороны, и бабушкой и дедушкой — с другой.

Психологические тесты как помощь при диагностике.

Если бы диагностическое интервью с детьми в латентном периоде всегда было таким, как описано выше, то не существовало бы никаких проблем. Но я еще раз хочу подчеркнуть, что обычно бывает как раз наоборот. Я думаю, что именно такое положение дел привело к распространению тестов в детских клиниках. Психологические тесты должны представлять собой кратчайший путь к выяснению того, что намеренно или ненамеренно скрывает ребенок, того, что ускользает от внимания психиатра. Действительно, я нахожу тесты интеллекта в сочетании с другими видами обследования полезными, особенно тогда, когда наблюдается серьезное расхождение между результатами тестов и поведением ребенка в школе. Ребенок с высокими показателями IQ, которого в школе считают тупицей, без сомнения должен быть обследован более тщательно. Проективные тесты также могут давать подсказку, но эта проблема слишком широка, чтобы обсуждаться здесь;

к тому же я не эксперт по вопросам тестирования.

Связи между поведением и внутренним конфликтом.

Я лучше обращусь к другому вспомогательному средству диагностики и оценки, которое с приобретением опыта и навыков все более кажется мне полезным. Я полагаю, что как аналитики мы недостаточно используем наблюдение за поведением. Поведение, между прочим, есть внешнее выражение внутренней жизни ребенка. Хотя поведение может быть обманчивым и свидетельствовать о множестве скрытых причин, тем не менее существуют определенные типы или образцы дет-

Диагностика и оценка детских нарушений

ского поведения, которые соответствуют конкретным причинам и которые поэтому позволяют нам делать непосредственные заключения о центральном бессознательном конфликте.

Аналитикам это знакомо из их исследований типов характера. Возьмем, например, детский анальный характер. Такие дети демонстрируют определенные типичные черты, которые обычно бывают взаимосвязаны:

аккуратность, опрятность, любовь к порядку, развитое чувство правдивости, хорошее чувство времени, разумное обращение с деньгами, а также черту, не очень приятную для родителей — повышенную медлительность в действиях и трудности при принятии решения. Если вы хотите узнать, обладает ли ребенок указанными чертами характера, нужно спросить у матери, как долго ребенок одевается по утрам; если полчаса или больше, то стоит также выяснить, не присутствуют ли и другие вышеперечисленные черты. Трудность принятия решения проявляется обычно в постоянном обращении к матери за советом, как поступить в том или ином случае. Работа аналитика со взрослыми пациентами и детьми показывает, что где бы ни обнаруживались эти формы поведения, исходный конфликт коренится в анально-садистической фазе развития. Мы также знаем, что у такого ребенка есть определенные проблемы с драчливостью: его желание совершать агрессивные действия и нормальное желание пачкаться оказываются слишком сильно подавлены.

С течением времени наша способность оценивать чистое поведение, представленное в чертах характера, возросла. Существуют четкие образцы поведения, которые демонстрируют дети в школе. Например, учитель озабочен тем, как помочь слишком робкому ребенку, который стесняется говорить публично. Это дети, которых все время приходится упрашивать выполнить какое-либо задание на виду у класса, принять участие в постановке пьесы или декламации стихов, работать на виду у других. Теперь мы знаем, что у таких детей конфликт затрагивает их исходный эксгибиционизм. Их желание выставлять свое тело и его части, свои достижения, свою положительность или отрицательность столь велико, что они вынуждены защищать себя от этого

путем формирования застенчивости как реакции. Это легко установить. Когда же такие дети не только робки, но и неспособны к соревнованию, оттесняют себя на задний план, мы знаем, что они борются не только со своим эксгибиционизмом, но также и с агрессивным желанием превзойти всех. Мы можем диагностировать другой тип поведения. Ребенок, который валяет дурака и не может не смешить окружающих, на самом деле очень честолюбив; его главное желание — быть великим героем, подняться над всеми остальными, совершать необыкновенные подвиги. Его главная проблема коренится в фаллической стадии развития. Когда фаллические желания рушатся, остается только одно: оставаться в центре внимания, но уже для того, чтобы быть предметом осмеяния, а не восхищения. Когда бы мы ни слышали о таком поведении, мы можем сделать вывод о том, что в действительности происходит с ребенком.

Мы также изучили, что нужно делать с ребенком, который жалуется, что все против него, что учителя и одноклассники издеваются, смеются над ним, не хотят дружить, унижают его. Мы не думаем, что такому ребенку помог бы перевод в другую школу. Здесь напрашивается вывод, что он страдает от пассивных фантазий, которые исполняются в таком очевидно оскорбительном поведении людей из его окружения.

Сходным образом мы знаем, что означает, когда ребенок обеспокоен здоровьем своих родителей и братьев; я думаю, что сегодня не нужно обращаться в детскую клинику затем, чтобы установить, почему 7-летний мальчик встает рано утром и прислушивается к дыханию своего спящего брата, опасаясь, что тот не дышит, что он мог умереть ночью во сне.

Скука является другим типом поведения, который мы можем определить. Из аналитической практики известно, что скука определенно означает подавление ребенком очень важного желания делать что-либо, давать выход некоторым сильным импульсам. Очень часто таким желанием является потребность мастурбировать. Иногда это желание предаваться сильным либидозным фантазиям, которые запрещены внутренней цензурой. Если ребенок успешно подавляет желаемую деятель-

Диагностика и оценка детских нарушений

ность, то больше уже ничего не представляет для него интереса. Это значит, что в дальнейшем он будет делать это, но пикантность этих действий будет утрачена. Она вернется только в случае восстановления в сознании хотя бы исходной желаемой активности в процессе лечения.

Существуют и другие сигналы. Некоторые дети, когда им скучно, ощущают пресный вкус во рту. Им все кажется глупым. Это происходит, когда подавленные фантазии относятся к оральной сфере и необходимо что-то делать с удовольствиями, связанными со ртом, в процессе поглощения пищи, оральным взаимодействием с объектом любви. Пресный вкус соответствует чувству скуки в сознании ребенка.

Другая область, дающая много подсказок, — наблюдение за поведением ребенка в ходе физической болезни. Когда преподаватель клиники описывает поведение ребенка, поранившего колено, из которого идет кровь, или поведение при высокой температуре, различные типы поведения будут ясно указывать на внутренние конфликты ребенка. Приведу один пример; я уже говорила о трудности диагностики очень агрессивных мальчиков, чья агрессия вызвана единственно их страхом собственной пассивности. Это легче сделать, когда вам рассказывают об их поведении во время болезни. Рассмотрим в качестве примера двух сильных, маску-линных, агрессивных мальчиков. Допустим, они оба заболели или получили незначительную рану, из которой идет кровь. Действительно, активный мальчик не будет озабочен этим вообще. Он будет смеяться, демонстрируя смелость и мужественность — подумаешь, порез! А храбрость второго лопнет как мыльный пузырь. Его агрессивность и мужественность исчезнут разом, он будет исполнен тревоги из-за страха ущерба, обнаружив женственность и пассивность, которые он до сих пор успешно скрывал с помощью преувеличенно маскулин-ного поведения. Существует множество подобных индикаторов.

Я так подробно говорю обо всем этом потому, что верю — в будущем увеличение наших знаний даст возможность проводить более точную диагностику, опираясь на образцы поведения. Я надеюсь, что каждый год

Диагностика маленьких детей

аналитической работы с детьми будет давать понимание как минимум одной новой модели поведения или черты характера. В конце концов мы научимся понимать большинство поведенческих актов и переводить их на язык внутренних расстройств, что позволит нам задавать ребенку меньше вопросов в процессе диагностического интервью. Но может быть, мои ожидания слишком оптимистичны.

Диагностика маленьких детей

Доступность материала. Насколько защитные механизмы скрывают внутреннюю жизнь ребенка в течение латентного периода, настолько же открыт маленький ребенок, в частности, во время диагностического интервью. То, что встречается в порядке исключения у школьников, является правилом для малышей. Каждый из них готов проиграть свой конфликт на глазах у психиатра либо с помощью игрушек, либо демонстрируя конфликт всем своим поведением. Например, маленький мальчик, исполненный страха кастрации, будет ходить по комнате в поисках сломанных выключателей, будет искать любые поломанные вещи, которые способствуют усилению его тревоги.

Я никогда не забуду 4-летнего мальчика, которого мне пришлось наблюдать. Он был из очень неблагополучной семьи, где часто случались драки. Ему дали поиграть с игрушечной мебелью. Мебель предназначалась для разных комнат, и большинство детей правильно размещали ее по соответствующим комнатам. Этот мальчик играл совсем по-другому: разные предметы у него дрались друг с другом. Столы дрались со стульями, а шкафы со столами. В кукольном доме скоро все было перевернуто вверх дном и закончилось тем, что раковина в кухне напала на печь. И так происходит всегда:

дети открыто демонстрируют свои заботы, как в приведенном примере.

Оценка симптоматики маленьких детей. Несмотря на доступность конфликта наблюдению, правильная оценка настоящих инфантильных расстройств все же

затруднена. В прошлом, возможно, матери приводили в клинику своих детей только в тех случаях, когда налицо был определенный невроз; сейчас их приводят с расстройствами любого рода. Может быть, это потому, что мы убеждали матерей не пытаться справиться с возникшим расстройством самостоятельно. Но следует ли им вообще обращать внимание на мельчайшие проблемы и искать помощи? С другой стороны, мы хотим, чтобы матери обращались за помощью и получали ее. В действительности расстройства наблюдаются в любой сфере жизни ребенка. Таковы нарушения сна: ребенок либо просыпается среди ночи, либо не может уснуть. Это также любое нарушение питания: ребенок ест слишком много или слишком мало, отказывается есть какие-то виды продуктов, капризничает, ставит различные условия во время кормления. Встречаются также трудности произвольного контроля дефекации и мочеиспускания, и матери годами приходится бороться с этой проблемой. Часто матери жалуются, что ребенок беспокоен и неусидчив, и с этим невозможно справиться. Это расстройство контроля подвижности. Существует также апатичность, когда мать не может заинтересовать ребенка и добиться, чтобы он делал то, что от него требуют. Есть дети, которые ломают и разрушают все, что встречается на их пути. И, пожалуй, самое худшее, это дети-саморазрушители, подверженные травмам, постоянно ранившие себя. Есть и такие, которые привязаны к своей игрушке и не расстаются с ней никогда. Другие же, напротив, меняют игрушки одну за другой, выбрасывая надоевшую ради новой.

Итак, мы обнаружили расстройства во всех сферах жизни ребенка; но как их классифицировать? Являются ли расстройства такого плана неврозами? Или мы называем их неврозами только тогда, когда они достигают определенной степени выраженности, состояния внутреннего конфликта? Должен ли наш вывод опираться на величину причиненного ущерба? Или мы должны учитывать силу страдания, которое испытывает ребенок из-за этого расстройства?

Мне кажется,, что в настоящее время инфантильные неврозы представляют собой обширное поле, на ко-

тором огромное множество людей пытается навести порядок. Ученым из разных стран удалось разграничить наиболее серьезные расстройства; прежде всего укажем на детей, которые близки к психотикам, это дети, полностью изолированные от внешнего мира, неспособные установить контакт с матерью или другими детьми; они не учатся говорить и обнаруживают дефекты в умственном развитии. Таких детей в одних местах называют аутичными, в других — шизофрениками.

Если мы выделим эту группу, останутся расстройства, которые схожи с невротическими расстройствами более позднего возраста. Есть дети, у которых развиваются фобические реакции определенного типа, когда страх вызван каким-то предметом или явлением. Это может быть страх шума или животного. Не так давно буку, домового, которыми раньше пугали детей, заменил пылесос и другие электроприборы. У детей с фобиями любой предмет, которого они боятся, символизирует главную угрозу. Такие хорошо известные и почти вездесущие фобические реакции, тем не менее, трудно классифицировать.

Есть дети, которые в раннем возрасте демонстрируют определенные навязчивости, известные как ритуалы засыпания. Но, как было сказано выше, подобные ритуалы проходят, когда завершается обучение навыкам гигиены. Особый интерес представляет то, что дети обращаются к животным, которые выступают либо как пугающий объект, либо как защитник или покровитель. Часто животные выполняют обе функции одновременно. Я помню маленького мальчика, который не мог уснуть без своей собаки, живой собаки. Собака должна была защитить его от ночных взломщиков, которые могли влезть в дом. Но когда он лежал в постели и собака была рядом, он начинал бояться, что пес укусит его, и опять не мог уснуть. Этот пример показывает два значения одного животного, последовательно сменяющие друг друга. Такие проявления свидетельствуют о наличии у ребенка амбивалентного конфликта.

Подобным образом можно рассмотреть все психосоматические симптомы. Но я чувствую, что мы не уйдем далеко в наших усилиях по диагностике до тех пор,

Диагностика и оценка детских нарушений

пока будем просто перечислять симптомы или составлять список, аналогичный неврозам взрослых. Такой перечень симптомов не дает ни малейшей подсказки при оценке тяжести расстройства у ребенка. Я думаю, оценка должна подчиняться различным принципам в их совокупности, и я бы рекомендовала опираться на три основных положения. Научившись применять не один, а все три принципа сразу, мы будем чувствовать себя в безопасности. Если используется только один из них, мы, как правило, ошибаемся в своей оценке.

Три принципа оценки. Первый принцип, или аспект, заключается в рассмотрении нарушения у ребенка с точки зрения прогресса или задержки нормального развития, замедления, полной остановки развития или движения в обратном направлении. Когда мы слышим жалобы матери, необходимо мысленно представить этого ребенка в соответствии с нормами развития его инстинктов, с одной стороны, и его эго — с другой. Для этого необходимо некоторое знание последовательности фаз развития либидо в первые 5 лет жизни: оральная, анальная и фаллическая. С другой стороны, необходимо знание о развитии различных функций эго, таких, как память, различение внешнего и внутреннего, интеграция ощущений и восприятий, контроль подвижности. Мы должны приблизительно знать, где находится ребенок относительно его возраста, и затем оценивать, что произошло. Остановилось ли его развитие? Или оно слишком медленно? Развивается ли ребенок слишком быстро? Или пошел назад? В случае более сильных расстройств мы всегда находим, что ребенок, вместо того чтобы двигаться вперед, откатывается назад. Я думаю, можно даже согласиться, что там, где развитие идет вперед, а не назад, в лечении нет необходимости; мы можем положиться на время. Когда же развитие останавливается или идет в обратном направлении, ребенок нуждается в помощи.

Второй аспект касается поведения ребенка по отношению к объектам любви в своем окружении. В последние годы мы много узнали об этом, особенно о различных аспектах привязанности ребенка к матери.

Диагностика маленьких детей

Близость к матери может быть слишком сильной или недостаточной; затем наступает время, когда ребенок должен отдалиться от матери, должен быть способен двигаться дальше самостоятельно. Мы рассматриваем его способность к переносу либидо с первого объекта любви на отца, братьев и сестер, его способность удаляться от людей и приближаться к ним снова. Если мы имеем представление о том, что считается нормальным отношением к объекту у ребенка, и диапазоне нормальности, мы можем оценить степень расстройств. Но будет ошибкой оценивать ребенка исключительно в понятиях отношений к объекту или исключительно в понятиях развития. Нужно также рассмотреть третий принцип.

Ребенок может находиться в конфликте с матерью или окружением. Он чего-то хочет или его инстинкты влекут его к чему-то, а окружающие препятствуют этому. Возникает конфликт, сопровождаемый нарастающей тревогой. Такой внешний конфликт может быть решительно преодолен, когда окружающие или их поведение изменяется. Поэтому мы относимся к ним менее серьезно. Но такие конфликты могут переходить во внутренний план, когда ребенок идентифицирует себя с желаниями окружающих. Тогда конфликт продолжается внутри между инстинктом и защитой. Никакое изменение в поведении окружающих не сможет теперь повлиять на устранение нарушения. Бывают даже более серьезные конфликты, например, борьба между какими-либо двумя установками ребенка: его маскулинностью и фе-мининностью, его любовью и ненавистью, его желанием сохранить объект любви и атаковать его. С этим, конечно, окружающие ничего поделать не могут. Это сугубо внутренние конфликты.

Я приведу пример, иллюстрирующий практическое значение такого деления конфликтов на внешние, интернализированные и собственно внутренние. Давайте рассмотрим нарушение питания. Есть дети, которые не едят, сопротивляясь своей матери. Это внешний конфликт. Заберите ребенка от матери, позвольте ему есть в детском саду или больнице, то есть в отсутствие матери, и это нарушение исчезнет. Но вот дети, которые не едят потому, что пища, по их мнению, живая, и они не хо-

Диагностика и оценка детских нарушений

тят убить ее. Это можно увидеть, предлагая ребенку пищу, по форме напоминающую животных. Есть дети, которые думают, что то, из чего состоит пища, было нечистотами, и учатся или окружающие их учат не притрагиваться к этому. Это может быть причиной многих капризов в еде. Такой конфликт уже является интерна-лизированным. Случается также, к счастью, в более позднем возрасте, дети не едят из-за инстинкта саморазрушения, потому что они не хотят жить. Здесь борются друг с другом воля к жизни и воля к смерти.

Я думаю, вы согласитесь, что расстройства этих трех типов требуют совершенно разных видов лечения. Было бы бесполезно давать советы матери, когда у ребенка имеется внутренний конфликт. С другой стороны, было бы бессмысленно анализировать ребенка, если его конфликт вызван внешними причинами и может быть устранен простым советом матери. Для меня это означает, что правильная оценка в детской клинике необходима для правильного выбора методов лечения. Все сведения, которые мы можем собрать, чтобы сделать оценку более легкой и полной, конечно, необходимы и желанны.

Общие замечания по поводу оценки

Детский" невроз. Оценка пограничных случаев у детей является лишь разделом диагностики ранних детских нарушений в целом. Существуют общие правила, которыми впоследствии можно будет пренебречь и которые рассматривают детский невроз в узком смысле. Это правомерно не только по отношению к диагностике, но и в отношении техники. Едва ли стоит повторять, что техника детского анализа произошла из анализа взрослых и применялась к детям с детским неврозом в строгом смысле. Психоаналитические клиники для детей создавались специально для работы с детским неврозом, поскольку он является предшественником нарушений у взрослых. Хотя хорошо известно, что встречаются случаи -спонтанного выздоровления, предполагалось, что безопаснее не ждать, пока невроз пройдет сам, а лечить его в тех случаях, когда он принимает серьезные формы.

Понятие детского невроза нуждается в определении. Мы полагаем, что детский невроз развивается в период эдиповых конфликтов, когда ребенок не может преодолеть ни эдипов комплекс, ни комплекс кастрации, ни^их комбинацию, и в результате регрессирует до более

¹ Статья написана на основе лекции, прочитанной в Ханна Павильон, Кливленд, 22 сентября 1956 г.

ранних точек фиксации. На этих точках фиксации эго ребенка сталкивается с примитивными способами удовлетворения, с которыми эго не может бороться. Как следствие возникает внутренний конфликт, который на поверхности проявляется в виде симптомов. Если искать прототипы детского невроза, то их можно найти в таких случаях, как Человек-Волк, Маленький Ганс, мой случай с ребенком, страдающим от навязчивости и т. д.

Вернемся к открытию клиник. В то время мы не были уверены, сможем ли мы убедить родителей, что такие дети должны пройти лечение и что родителям не следует ожидать, будто дети смогут «перерасти» этот невроз. На самом деле, это легче продемонстрировать, чем объяснить. Клиники для детей были открыты, посыпался град обращений за помощью - с такой ситуацией можно встретиться где угодно.

Невротические нарушения. Неожиданностью стало другое, — это те случаи, с которыми столкнулись клиники. Большинство историй не соответствовало представлению о детском неврозе. Нарушения и конфликты многих детей были далеки от эдиповой сцены, они фактически никогда не достигали эдипова уровня, и, следовательно, их нельзя было описывать как регресс с этого уровня на более низкий. Оказалось, далеко не просто навести порядок в хаосе клинических картин.

Одни дети страдали нарушениями жизненно важных функций, таких, как питание, сон, позже — научение; другие демонстрировали необычную задержку в приобретении таких жизненно важных навыков, как ходьба, навыки гигиены, речь. Много было таких, чье развитие остановилось, особенно часто это наблюдалось при переходе с одной стадии на другую. Подобные случаи практически вытеснили фобии и зарождающиеся неврозы навязчивых состояний, хотя они все же имеют место¹.

¹ Мы знаем, что исчезновение или ослабление мастурбации повлияло на изменение картины детского невроза. С другой стороны, это не объясняет, почему подобные нарушения в настоящее время наблюдаются в более раннем возрасте.

Общие замечания

Существует серьезная проблема оценки, которую не так-то легко решить. Мы сомневаемся, все ли эти нарушения функций и возможностей представляют начальную стадию невротического развития, которое впоследствии приведет к детскому неврозу, если их не лечить. Такие нарушения могут также означать неудачную попытку формирования невроза и могут быть названы преждевременным неврозом.

Несомненно, что этот разнообразный материал не укладывается в старые диагностические рамки, где различаются неврозы, психозы, диссоциация, интеллектуальный дефицит и т. д. Назовем ли мы некоторые из нарушений психотическими, то есть шизофренией, зависит во многом от диагностических позиций терапевта. Однако может быть и так, что проявление симптомов и формы поведения таких детей обнаруживают тесную связь с картиной болезни у взрослых пациентов, которая попадает под эту классификацию.

Существует дополнительная трудность из-за того, что прежние четкие различия между эмоциональными и интеллектуальными проблемами за несколько последних десятилетий смешались. Мы потеряли эту ясность, когда узнали, что эмоциональная депривация в первые годы жизни может сильно повлиять на интеллектуальное развитие. Наблюдаемый ребенок может по всем признакам выглядеть как психически неполноценный, но при этом мы не можем уверенно сказать, родился ли он с дефектом психического аппарата или его эго-система не получила достаточной стимуляции и мотивации в начале жизни. Эмоционально депривированные дети не могут воспринимать окружающее с интересом и, следовательно, не могут развивать свои интеллектуальные функции.

Метапсихологическая оценка. Если, учитывая все вышесказанное, мы решаем отказаться от привычной диагностической дифференциации, то остается пробел, который необходимо заполнить. Оставляя в стороне всевозможные ярлыки, будет полезно обратиться к метапсихологической оценке и тем самым попытаться подойти к проблеме диагностики с разных сторон. На это

Оценка пограничных случаев

может понадобиться некоторое время, пока все несоразмерные части не будут снова собраны воедино.

Оценка с точки зрения развития. Поскольку дети всех возрастов — это незрелые человеческие особи, чья будущая нормальность зависит от того, смогут ли они достичь зрелости, состояние или уровень их развития должен быть предметом глубочайшего изучения диагноста. Есть дети с более или менее серьезными нарушениями, которые, тем не менее, продолжают развиваться и переходить с одного уровня на другой. У других развитие затормозилось либо в определенных сферах, либо полностью. У третьих развитие проходило удовлетворительно до какого-то определенного момента, а затем пошло вспять до некоторой точки фиксации. Детский невроз наблюдается только там, где силы регресса затронули сферу либидо. Там, где регресс либидо и эго протекает одновременно, конфликта не возникает; ребенок спускается на более низкий уровень, и мы в результате наблюдаем инфантилизм.

Нельзя сказать, что было бы неправильно использовать при анализе эти три пункта — развитие, задержка развития и регресс, — как основу для диагностической классификации. Эта классификация может быть усовершенствована, если мы изучим разные части личности ребенка на достигнутом уровне развития. Есть дети, почти нормально развитые (имеются в виду их инстинктивные желания, включая эмоциональные отношения), но которые при этом отстают в личностном, моральном развитии, в построении защит. Наше прежнее суждение о ребенке как о «не по годам развитое» или «отсталом» должно быть пересмотрено, каждая часть психической системы должна быть оценена отдельно и достигнутые уровни должны сравниваться друг с другом.

Оценка по типу конфликта. Существует другой аспект, настолько полезный, что трудно понять, почему он не использовался в диагностических целях. Я имею в виду усиление степени конфликта у индивида, что очень важно для определения патологического результата. Психоаналитическое исследование познакомило нас с тремя типами конфликта: 1) внешний конфликт, про-

Общие замечания

исходящий между ребенком и окружающими; 2) межсистемный конфликт, протекающий между различными подструктурами личности, например между ид и эго, эго и суперэго, суперэго и ид; 3) внутрисистемный конфликт — внутри структуры ид, между противоположно направленными побуждениями, такими, как активность-пассивность, маскулинность-фемининность, любовь-ненависть. Оценка нарушений по типу конфликта дает также намек на возможные типы терапии, которые могут быть использованы при лечении. Руководство или воспитательные меры могут помочь при внешних конфликтах; анализ идеально подходит для межсистемных конфликтов, для которых он, собственно, и разрабатывался. Если у ребенка наблюдается конфликт между влечениями, годится любой интенсивный метод, хотя тут перед специалистами стоит очень трудная задача.

Оценка на диагностической стадии. Можно предположить, что упомянутые утверждения встретят множество возражений в психоаналитическом мире. Как аналитики, мы обычно не даем оценку состояния пациента, за исключением оценки на основе материала, полученного во время анализа. Но если мы привержены столь осторожному подходу к проблеме диагностики, то в начале конфронтации с пациентом мы остаемся не более чем с рядом его симптомов и описательной системой. Я предлагаю более смелый подход, который позволит пойти дальше.

Однажды решив отказаться от диагностических категорий, присущих описательной психиатрии, разработанной для психопатологии взрослых, и важности симптоматологии как таковой, мы можем надеяться более энергично перейти к этим сторонам личности пациента. В случае с ребенком это будут прежде всего аспекты развития. Также при изучении ребенка мы не ограничиваемся тем, что ребенок должен сказать о себе, но учитываем огромное количество данных от окружающих его людей, например описаний родителей, учителей и т. д. Не все данные будут достоверны, но имеется множество поведенческих и внешних признаков, которые для грамотного аналитика могут стать диагностическими подсказками и указателями.

Оценка пограничных случаев

Вернемся к нашему вопросу о пограничных случаях. Существует множество определений этого понятия, наиболее общее соответствует клинической картине на границе между неврозом и психозом. Существует негласное соглашение по применению этого понятия — как делали мы в Хемпстедской детской клинике, — к целому ряду расстройств, которые не укладывались в определение детских неврозов, но, отличаясь от них, обычно вели к более серьезной патологии.

Если это понятие понимать таким образом, то мы придем к случаям, находящимся не только на границе между неврозом и психозом, но также на границе умственной отсталости, делинквентности, перверсий и т. д. Понятно, что границы между этими расстройствами не всегда четко очерчены. Известно, что все дети определенных возрастов обладают специфическими делинквентными чертами, или, говоря проще, в определенные периоды развития от детей следует ожидать антисоциального или асоциального поведения. Безусловно, то же самое касается перверсий. Существует, по нашему мнению, даже «граница» между невротичным и аутичным ребенком, поскольку аутичные черты (замкнутость) могут проявляться в картине детского невроза.

Проблема «качество против количества». Прежде чем оценить состояние ребенка как пограничное, выходящее за рамки детского невроза, мы должны спросить себя, на какой основе сделан этот вывод — на основе наблюдений за количественными или качественными характеристиками? Сильная, нарастающая симптоматика редко отличается от качественного своеобразия их проявлений.

Хороший пример в этом отношении — приступы страха у детей с фобиями. Они могут достигать огромной силы и поэтому могут быть приняты за приступы ярости у детей-психотиков. Другой пример представляют совращенные дети, например случай Эрны Фурман (1956). Поведение таких детей, вызванное травмой, может быть настолько ненормальным, неустойчивым, не-

Оценка пограничных случаев

стандартным, что возникает соблазн квалифицировать его как шизофрению. То же самое верно для мальчиков с сильным страхом кастрации. Хотя это нарушение связано со страхом кастрации в фаллической фазе и представляет детский невроз, такое поведение несомненно «сумасшедшее», то есть явно психотическое.

В оценке феномена пограничности первым важным шагом является разграничение количественного роста и качественного своеобразия.

Проблема качественного отличия от невроза. Перейдем к случаям, качественно отличным от неврозов. Такие различия могут быть в *содержании ид*, если рассматривается глубина регрессии или степень задержки развития. В любом случае такие дети не функционируют на эдиповом уровне. Но если регресс невротичного ребенка останавливается на анально-садистской или оральной точке фиксации, то пограничные дети опускаются на более ранние уровни, если только не регрессируют полностью. Конечно, существует вероятность, что невротическая манифестация, то есть регресс на предыдущие точки фиксации, проявляется одновременно с очень ранними фиксациями и создает смешанную клиническую картину.

Другое важное качественное отличие касается детских либидозных привязанностей. Мы чувствуем, что ребенок находится рядом с «границей», если его либидо отторгнуто от мира объектов и обращено либо к своему телу, либо к своему эго. Часто бывает, что такие дети делают то, о чем нормальный ребенок даже и не мечтает. Вместо того, чтобы бороться за право устанавливать и сохранять отношения с окружающими, они добровольно уходят в себя, остаются в постели или спят, предпочитая одиночество компании других людей.

Часто подчеркивалось, что неспособность ребенка получать радость от его объектов есть ранний признак серьезной патологии. Здесь рассматривается граница между аутоэротизмом и объектными отношениями, предпочтение отдается первому. Дифференциальный диагноз такого рода не всегда прост. Я помню оценку 13-месячной девочки, у которой

были серьезно нарушены отношения с матерью. При приближении матери она всегда начинала кричать. Она не принимала никакой помощи от матери и замыкалась;

это производило зловещее впечатление. Лучше всего ей было тогда, когда ее укладывали спать и она оставалась одна, свободно предаваясь сосанию пальца.

Удивительно, что этот ребенок, которого заподозрили в умственной отсталости, совершенно нормально реагировал на наблюдателя. Из этого мы можем заключить, что способность к установлению объектных отношений была утрачена или не была развита и что травматические события перевели источники комфорта от объектов окружения в ее собственное тело.

Наш диагноз был подтвержден данными, что некоторое время ребенок находился на попечении няни, которая страдала психозом и неуправляемыми приступами ревности, а также ссорилась с матерью девочки у нее на глазах.

Вернемся снова к дифференциальному диагнозу: я не сомневаюсь, что данный ребенок, если ему не помочь, в дальнейшем станет не травмированным, боящимся объектного мира, а умственно неполноценным ребенком, который также не способен к созданию значимых объектных отношений.

Для рассмотрения следующего качественного отличия мы должны заглянуть в *сферу эго*.

Первое, что приходит на ум, это безопасность так называемых границ эго (Федерн). Мы рассчитываем на то, что с двухлетнего возраста в сознании ребенка складывается ясное представление о границе между своим телом и эго и людьми из ближайшего окружения. Мы считаем естественным и нормальным для младенца считать части тела матери своими собственными либо рассматривать свое и ее тело как целое.

Такое положение часто проявляется в том, что дети этого возраста сосут пальцы матери вместо своих, или, несколько позднее, подносят ложку с пищей поочередно к своему рту и рту матери. Это правда, что в некотором отношении мать будет в течение нескольких лет продолжать считать тело ребенка частью своего собственного (или по крайней мере ответственной за него). По-

этому часто встречается, что дети, достигшие почти подросткового возраста, считают, что следить за здоровьем и гигиеной это обязанность матери, а не их собственная.

Но даже если остатки такого сращения с матерью считаются нормальным проявлением до конца детства, нормальный или невротичный ребенок будет иметь в сознании четкий образ тела с раннего возраста, и нужны очень сильные потрясения, чтобы у него пропало чувство личной интегрированности и обособленности.

Особенностью этого отношения являются огромные различия между невротическими, психотическими, аутичными или умственно отсталыми детьми. Мы лечили множество детей с пограничными случаями, которые постоянно путались в этом отношении.

Я упомяну здесь восьмилетнего мальчика, Питера, интеллектуально высокоразвитого ребенка, который часто не знает, он ли это на самом деле или его психотерапевт. Дома в его сознании происходит та же самая путаница между ним и его матерью. Например, он сломал одну из своих игрушек и стал плакать, обвиняя свою мать в том, что она это сделала.

Одна своеобразная девочка, например, имеет навязчивую потребность носить у себя на плечах медвежонка или куклу. Но если игрушку или саму девочку будет носить мать или терапевт, она сочтет эту замену равноценной. Кукла, терапевт, мать, ее собственная личность используются как взаимозаменяющие, между ними не делается никакого различия. Такое смешение между эго и другими может быть ценным указателем для диагноза.

Само собой разумеется, что качественные различия между разными типами случаев обнаружены в *функциях эго*. В качестве примера можно привести важную функцию оценки реальности. Ситуация, конечно, усложняется тем, что развитие этой функции зависит от возраста; очень маленький ребенок склонен смешивать реальность и фантазию, и мы не знаем абсолютно точно, в каком возрасте оценка реальности должна быть сформирована в полном объеме. Нормальные дети могут играть так, например, будто куклы живые и их нужно кормить, одевать, укладывать спать и т. д. В детском

Оценка пограничных случаев

поведении не много намеков на то, что это: игра «понарошку» или они действительно верят в свои фантазии.

То, что мы считаем приемлемым для трех-, четырехлетнего возраста, может начать тревожить нас, когда ребенку исполняется пять и однажды может вырасти в серьезную озабоченность, когда наступает латентный период. В этой связи я хочу обратиться к другому случаю с высокоинтеллектуальным школьником, который проходил лечение в нашей клинике. Временами казалось, что он полностью забывал о реальности. Однажды летом произошел случай, когда он влетел в клинику с огромным подсолнухом в руках. Аналитическая интерпретация соотнесла бы цветок с фаллическим символом, и в этом не было бы ничего необычного. Но затем мальчик рассказывал всем, как до смерти напугал этим цветком своего терапевта, что она чуть не упала, когда он с цветком вошел в комнату, как он махал цветком перед ней и что люди вокруг удивлялись, что это он такое принес и т. д. То, что для другого ребенка было бы фантазией, для него было сущей правдой. Думаю, можно согласиться, что такое отсутствие чувства реальности говорит о том, что этот мальчик перешел границы невроза.

В том же направлении ведет явное отсутствие функции синтеза, когда раннее детство уже прошло.

Поскольку мы верим в хронологическую последовательность развития всех защитных механизмов, от наиболее примитивных до самых изощренных, мы наблюдаем за обратным развитием с подозрением. Мы одинаково подозрительны к наличию неневротических расстройств, когда ребенок не развивается далее первичных механизмов отрицания, проекции, интроекции, без подавления, реактивных образований, сублимации. Похоже, обратные шаги от вторичных к первичным процессам мышления или задержка на уровне первичных процессов являются зловещим диагностическим признаком.

Поскольку рассматривается дифференциальный диагноз между неврозом и психозом, важными пунктами являются конкретизация мыслительных процессов и использование языка тела. При оценке детских случаев мы лишь немного отступаем от этого. Некоторые дети в пограничном состоянии полностью перестают говорить

Оценка пограничных случаев

и возвращаются на довербальный уровень развития; другие используют речь, но употребляют слова в конкретных значениях. Пятилетний замкнутый ребенок был под впечатлением станции метро в Лондоне, которая называется «Гнев короля». Для него это было не название, а образ короля, окруженного подданными, которым он отрубал головы.

Ребенок школьного возраста с пограничным расстройством, обратившийся в клинику по поводу навязчивого стремления ходить по путям метро (которые символизируют для него его кишечник), обладал сверхъестественной способностью запоминать названия станций. Таким же образом он запомнил не только имена сорока детей в классе, но адреса, все названия улиц, создающих живые образы в его голове:

Хобден Лейн — человек, который хроает¹. Соответственно его пограничной замкнутости, у него не было нормальных социальных связей со сверстниками, их место заняли их имена².

В качестве последнего дифференцирующего принципа я бы хотела упомянуть барьер между подструктурами личности, особенно барьер между ид и эго. У совсем маленького ребенка эта граница не может быть очень четкой: мы готовы к случайным прорывам содержания ид, ведущим к тому, что известно как эмоциональные взрывы и вспышки гнева. Но по мере взросления ребенка, и особенно у невротичных детей, эти барьеры должны становиться относительно стабильными.

Резюме. В заключение я хотела бы подчеркнуть, что ни один из этих пунктов, взятый сам по себе, диагностически не значим. Они становятся значимыми только тогда, когда встречаются в комбинации. Чем больше их наблюдается у ребенка, тем более уверенно можно сказать, что мы имеем дело с неневротичным, то есть с пограничным, случаем.

¹ Игра слов: *Hobden* ассоциируется с *hobble* — хромой (англ.).

(Прим. перев.)

² Подробнее обсуждение этого случая см. у Singer (1960).

Агрессия — деструктивное, то есть наносящее вред, ущерб, либо влекущее уничтожение одушевленных или неодушевленных объектов индивидуальное или коллективное поведение.

Адаптация — приспособление (биологическое или психологическое) организма к окружающим условиям, направленное на сохранение гомеостаза.

Амбивалентность — наличие противоречивых (любовь и ненависть) чувств, одновременно испытываемых человеком по отношению к одному лицу.

Ассимиляция — слияние, уподобление, усвоение определенного материала уже имеющимися схемами поведения, подведение реальных событий к структурам организма.

Ассоциации свободные — см. *Свободных ассоциаций метод*

Ассоциация — связь психических явлений (ощущений, представлений, мыслей, чувств и т.п.), при которой активизация одного из них влечет за собой появление другого. Образуется различными путями: по сходству, контрасту, смежности в пространстве или времени и др.

Аутизм — психологическое нарушение, крайняя форма психологического отчуждения, выражающаяся в нарушении или резком снижении контактов с окружающим миром, в уходе в мир собственных переживаний.

Аутоэротизм — обозначение первой фазы детской сексуальной жизни, в течение которой сексуальное удовлетворение направлено на собственное тело.

Глоссарии

Аутоэротическое удовлетворение достигается посредством эрогенной зоны. Пример аутоэротического удовлетворения — процесс сосания.

Аффект — сильное, относительно кратковременное, приятное или неприятное, смутное или отчетливое эмоционально-аффективное состояние, проявляющееся в общей душевной тональности или в сильной энергетической разрядке; бурно протекающее эмоциональное переживание.

Аффективное поведение — драчливость, упрямство, грубость и другие трудные формы поведения, которые возникают у детей, не удовлетворенных взаимоотношениями, сложившимися у них со взрослыми или сверстниками.

Аффективные нарушения — патологические формы эмоциональной реакции ребенка на воздействия окружающей среды; выражаются в повышенной возбудимости, склонности к резким эмоциональным взрывам либо, напротив, в апатичности и заторможенности.

Аффективный — относящийся к состояниям удовольствия или неудовольствия, связанным с ощущениями, эмоциями, страстями, чувствами, мыслями. **Бессознательное** — совокупность психических явлений, процессов и состояний, не осознаваемых субъектом. Согласно Фрейду, неприемлемые для сознания инстинкты, импульсы, мотивы, которые не пропускаются особой психической инстанцией — цензурой, вытесняются ею. Таким образом, не получившие выражения импульсы, будучи неосознанными индивидом, проявляются в сновидениях, в виде оговорок, описок и других ошибочных действиях, невротических симптомах, продуктах творчества, а также оказывают влияние на человеческое поведение в целом.

Витальный — жизненный, прижизненный, имеющий отношение к жизненным явлениям.

Влечение — динамический процесс, при котором некоторое давление (энергетический заряд, движущая сила) подталкивает организм к некоторой цели.

Глоссарий

Источник энергии — телесное возбуждение, цель достигается в объекте влечения или благодаря этому объекту.

Вытеснение — один из механизмов психологической защиты, характеризующийся недопущением, исключением из сознания неосознанного импульса, неприемлемого для сознания по своим морально-этическим особенностям, возбуждающего напряжение и тревогу.

Генитальная любовь — такая форма любви, к которой субъект приходит на вершине своего психосексуального развития, то есть не только дойдя до гени-тальной стадии, но и преодолев комплекс Эдипа.

Генитальность — высший уровень развития либидо, зрелость.

Глубинная психология — психологическое направление, в основе которого положение о ведущей деятельности бессознательных процессов, побуждений, мотивов, стремлений; психология бессознательного.

Делинквентность — патохарактерологическая реакция подростков, проявляющаяся в совершении ими мелких правонарушений и поступков, не достигающих степени преступления, наказуемого в судебном порядке.

Депривация — психическое состояние человека, возникающее в результате длительного огранич^ения его возможностей в удовлетворении основных психических потребностей; характеризуется выраженными отклонениями в эмоциональном и интеллектуальном развитии, нарушением социальных контактов.

Динамическая модель рассмотрения душевных процессов — рассмотрение психических явлений как форм проявления определенных и, как правило, скрытых от сознания тенденций, влечений и т.п., находящихся в противоречивых отношениях между собой (единство и борьба), а также с точки зрения переходов из одной подсистемы в другую.

Дистресс — негативно проявляющийся стресс, приводящий к дезорганизации деятельности организма, характеризующийся отрицательным воздействием.

Глоссарий

Зависть к пенису — имеет место у девочек в отношении мальчиков, либо у мальчиков в отношении взрослых мужчин, возникает при обнаружении анатомического различия между полами: девочка чувствует себя ущемленной по сравнению с мальчиком и стремится иметь такой же пенис. Позже принимает две производные формы — желание иметь пенис внутри себя (чаще всего в форме желания иметь ребенка) и желание наслаждаться пенисом в коитусе.

Замещение — один из механизмов перевода бессознательных, неприемлемых для эго желаний в приемлемые формы. Результатом замещения являются, например, ошибочные действия, невротические симптомы, остроты, определенные формы сновидений и др.

Защита психическая (эго-защита) — модель рассмотрения душевных процессов — совокупность бессознательных психических процессов, которые призваны защитить эго от угроз со стороны реальности или со стороны влечений (ид) и/или суперэго.

Ид — «*Оно*», слово, использованное переводчиками работ Фрейда на английский для обозначения немецкого -Es. Самая нижняя, глубинная подструктура из трех, составляющих структуру личности, ее психического аппарата. Ид предшествует эго на пути развития; представляет собой комплекс разнообразных бессознательных побуждений, представлений, тенденций, импульсов, движущих сил, инстинктов, «...мы называем его хаосом, котлом, полным бурлящих страстей... Он полон энергии, поступающей от инстинктов, но не имеет никакой организации... а лишь стремится к удовлетворению нужд инстинктов, подчиняющихся соблюдению принципа удовольствия» (З. Фрейд).

Идентификация — отождествление, как правило неосознанное, себя со значимым другим человеком (реальным или вымышленным) или группой как образцом; с помощью этого механизма у ребенка формируются личностные черты и поведенческие стереотипы.

- Идиосинкразия** — повышенная чувствительность человеческого организма к определенным веществам или воздействиям.
- Импульсивные действия** — действия, совершающиеся под влиянием неосознанных внешних или внутренних побуждений.
- Инстинкт** — врожденная форма поведения, способность совершать целесообразные действия в ответ на определенный стимул.
- Инстинктивное поведение** — врожденное поведение, присущее данному виду, возникающее без предварительного обучения в определенных условиях окружающей среды.
- Интериоризация** — формирование внутренних структур психики человека путем усвоения структур внешней социальной деятельности.
- Интернализация** — синоним интроекции.
- Интерпретация** — процесс разъяснения, толкования смысла чего-либо сложного для понимания, неясного и т. д.
- Интроекция** — процесс, посредством которого объекты внешнего мира, образы, взгляды, мотивы и установки других людей включаются индивидом в свой внутренний мир; отношения с объектом «вовне» заменяются отношениями с воображаемым объектом «внутри себя». Интроекция связана с идентификацией.
- Инфантилизм** — сохранение в психике и поведении взрослого индивида черт и особенностей, свойственных детскому возрасту: отсутствие самостоятельности в решениях, чувство незащищенности, снижение критичности к себе и повышенная требовательность к другим, слабование, нежелание брать на себя ответственность, преобладание игровых интересов, быстрая пресыщаемость и др.
- Инцест** — сексуальные отношения (коитус) с кровными родственниками; кровосмешение.
- Катексис** — перевод на английский язык слова *Besetzung* (букв. — вложение, вклад) — количество энергии, сцепленной с любым объект-представлением или психической структурой.

Глоссарий

Комплекс — совокупность эмоционально окрашенных элементов (мыслей, интересов, установок), складывающаяся в период раннего детства, вытесненная в бессознательное и оказывающая воздействие на актуальную психическую жизнь индивида.

Констелляция — стечение обстоятельств.

Кастрационный комплекс — комплекс, возникающий у ребенка как реакция на мнимую или реальную угрозу со стороны взрослых лишиться его полового органа; страх за пенис. У девочек выражается в своеобразном, возникающем в период половой идентификации чувстве зависти к мужскому половому органу.

Контр-катексис — энергия, вложенная для поддержания вытеснения катектированного процесса.

Контрперенос (контртрансфер) — совокупность бессознательных реакций аналитика на личность анализируемого и особенно на его перенос.

Копрофилия — получение удовольствия от прикосновения к фекалиям, рассматривания или поедания их.

Куннилингус — вид перверсии, при которой половое возбуждение у женщины вызывается раздражением ее наружных половых органов языком и губами партнера (партнерши). Наблюдается при гете-росексуальных отношениях и женском гомосексуализме.

Либи́до — гипотетическая форма психической энергии, которая является подосновой всех преобразований сексуального влечения в том, что касается его объекта (смещение энергетических нагрузок), его цели (например, сублимация) и источника сексуального возбуждения (разнообразие эрогенных зон).

Мазохизм — половое извращение, при котором возбуждение и удовлетворение возможны лишь при истязаниях, физическом воздействии, причинении партнером физической боли, мучений, нанесении оскорблений; характеризуется желанием переживать боль, подчиняться насилию.

Маскулинный (маскулинность) — паттерн поведения, установки и пр., имеющие отношение к вторичным половым признакам мужчины.

Метапсихология — термин, предложенный З. Фрейдом для обозначения того, что в других науках называется «общей теорией», то есть положений на самом высоком уровне абстрагирования. Метапсихологические формулировки описывают психические явления в терминах умозрительного психического аппарата.

Моторный аппарат — вся сфера двигательных функций организма.

Навязчивое повторение — бессознательная склонность к повторению в настоящем ранее пережитых травматических моментов и ситуаций.

Навязчивые действия — произвольные, симптоматические и патологические акты, совершаемые человеком вопреки его желанию.

Нарциссизм — согласно мифу о Нарциссе, любовь к собственному образу. Сексуальная перверсия, при которой предпочитаемый субъектом объект — его собственное тело (спец.). В более широком смысле — любая форма любви к себе. Первичный нарциссизм — любовь к себе, предшествующая любви к другим в раннем периоде детства. Вторичный нарциссизм — любовь к себе, являющаяся результатом интроекции и идентификации с объектом; изъятие либидо из объектных нагрузок и обращение его вновь на эго.

Невроз актуальный — невроз, причина которого связана с настоящим, а не с детскими конфликтами;

симптомы — прямое следствие отсутствия или недостаточности сексуального удовлетворения, сдерживания либидо.

Невроз навязчивости — характеризуется наличием навязчивых состояний — воспоминаний, воспроизводящих психогенно-травматическую ситуацию, мыслей, страхов, действий, ощущаемых человеком как чуждые и принудительно повторяющиеся.

Негативизм — сопротивление, стремление сделать наоборот. В поведении ребенка различают два вида негативизма: 1) пассивный негативизм — упрямство, нежелание выполнить то, что предлагает взрослый; 2) активный негативизм — выполнение ребенком действия, противоположного требуемому.

Ольфактометрия — метод измерения остроты обоняния.

Основное правило — правило, организующее аналитическую ситуацию: пациента просят говорить все, что он думает и чувствует, ничего не выбирая и ничего не опуская из того, что приходит ему в голову, даже если ему кажется, что сообщать это неприятно, смешно, неуместно.

Отыгрывание — (*acting out*) вовлеченность пациента в деятельность, которая понимается как подмена процесса вспоминания прошлых событий; замена мыслей действием, как результат того, что отыгрываемый импульс никогда не получал словесного выражения, он слишком силен, чтобы получить словесную разрядку, или у пациента отсутствует способность к торможению. Характерно для пси-- хопатий и поведенческих расстройств.

Перверсия — любая форма взрослого сексуального поведения, где гетеросексуальный половой контакт не является желаемой целью.

Первосцена — сцена сексуальных отношений между родителями, наблюдаемая или воображаемая ребенком на основе каких-то признаков. Обычно ребенок истолковывает эту сцену как акт насилия со стороны отца.

Перенос (*трансфер*) — процесс, при котором на аналитика переводятся чувства, представления, желания и т. д., связанные со значимыми людьми из прошлого. В актуальной ситуации на аналитика реагируют так, как на объект из своего окружения.

Повторение (*вынужденное, навязчивое*) — см. Навязчивое повторение

Прегенитальный — относящийся к тем фазам инфантильного либидозого развития, которое предшествуют генитальной фазе, а также к возникающим на этих фазах импульсам и фантазиям **Проекция** — механизм бессознательного переноса индивидом своих мыслей, переживаний, состояний, свойств, черт и т. д. на других людей. **Процессы первичные и вторичные** — два типа психической деятельности. Первичный процесс харак-

Глоссарии

терен для психических функций бессознательного, выражается в свободном течении психической энергии, частой смене и слиянии образов и представлений посредством механизмов конденсации и смещения, управляется принципом удовольствия, то есть уменьшает неудовольствие инстинктивного напряжения. А в случае вторичного процесса, характерного для сознательного мышления, энергия «связана», ее течение подконтрольно, управляется принципом реальности, уменьшает неудовольствие инстинктивного напряжения путем адаптивного поведения.

Пубертатный — относящийся к периоду полового созревания.

Реактивное образование — результат работы одного из защитных механизмов, которая приводит к возникновению способа поведения, прямо противоположного бессознательному, вытесненному стремлению (например, преувеличенная забота матери о ребенке, которого она ненавидит или ненавидела и т. д.)

Реактивный — относящийся к патологическим изменениям психической деятельности в ответ на психическую травму или неблагоприятные обстоятельства.

Регрессия — в общем плане возвращение к уже пройденным стадиям психосексуального развития, к более раннему состоянию или образу действий, в психологии — механизм защиты, посредством которого индивид избегает или пытается избежать тревоги, частично или полностью возвращаясь на более раннюю стадию либидозного развития.

Свободных-ассоциаций метод — высказывание всех, без разбора, мыслей, которые приходят в голову — либо отправляясь от какого-то слова, числа, образа или сновидения, либо произвольно.

Связывание — операция, направленная на ограничение свободного движения возбуждений, на связывание представлений друг с другом, на создание и сохранение относительно устойчивых форм.

Симптомы (невротические) — различного рода акты и действия, указывающие на наличие психоневро-

Глоссарий

зов или их тенденций; производные вытесненных, но оставшихся активными сексуальных стремлений, которые не могут получить непосредственного удовлетворения.

Скопофилия — любовь к созерцанию; получение удовольствия от разглядывания.

Скотомизация — защитный процесс, посредством которого индивид сознательно не воспринимает определенные стороны самого себя или окружающих обстоятельств.

Сопротивление — слова и поступки пациента, которые мешают ему в ходе аналитического процесса проникнуть в собственное бессознательное; установка на отторжение сделанных им открытий, поскольку они обнаружили бессознательные желания и привели человека в состояние «психологической угнетенности».

Спонтанный — самопроизвольный, возникающий вследствие внутренних причин, без непосредственного воздействия извне. **Стереотип** — обозначение общепринятого представления

о тех или иных явлениях, формах поведения и т. д. **Стресс** — психическое состояние общего возбуждения, психического напряжения при действиях в трудных, необычных, экстремальных ситуациях; неспецифическая реакция организма на резко изменяющиеся условия среды.

Сублимация — формы деятельности, не имеющие видимой связи с сексуальностью, но порожденные силой сексуального влечения, или влечение, которое в той или иной степени переключено на несексуальную цель и направлено на социально значимые объекты.

Суперэго — подструктура психического аппарата, развивающаяся из части эго, в которой сосредотачиваются самонаблюдение, самоконтроль и другие виды рефлексивной деятельности, моральные черты и нормы поведения; контролирует действия эго и предписывает ему моральные образцы подражания и деятельности, интроецированные, усвоенные от родителей.

Толерантность — отсутствие или ослабление реагирования на тот или иной неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию.

Трансферентный невроз — искусственный невроз, объединяющий различные проявления переноса. Он формируется в отношениях с психоаналитиком и представляет собой новую форму клинического невроза, прояснение которого приводит к открытию детского невроза.

Тревога — эмоциональное состояние, возникающее в ожидании неопределенной опасности, неблагоприятного развития событий; характеризуется беспредметностью, в отличие от страха как реакции на конкретную угрозу.

Тревожность — психологическая особенность индивида, заключающаяся в склонности к переживанию состояния тревоги; характеризуется низким порогом возникновения данной реакции. **Фелляция** — форма мужского гомосексуализма с ораль-

но-генитальным сексуальным контактом. **Фемининный** (фемининность) — паттерн поведения, установки и пр., имеющие отношение к вторичным половым признакам женщины. Согласно классическому психоанализу — маскулинность имеет отношение к активности, агрессивности, садизму, соперничеству, а фемининность — к пассивности, мазохизму, беспомощной позиции.

Фобия (фобический) — неадекватные, навязчивые страхи; характеризуются переводом внутренней опасности во внешнюю.

Формирование реакции — защитный механизм, посредством которого неприемлемый импульс преодолевается путем усиления противоположной тенденции; так, заботливость может быть формированием реакции против жестокости.

Фрустрация — психическое состояние дезорганизации сознания и деятельности индивида, вызванное столкновением с объективно непреодолимыми или субъективно воспринимаемыми как таковые трудностями, препятствующими удовлетворению по-

Глоссарий

требности, достижению цели или выполнению поставленной задачи; переживание неудачи, сопровождающееся разочарованием, раздражением, отчаянием, тревогой.

Цензор — психическая инстанция, ответственная за искажение сновидений и вытеснение; теоретический предшественник суперэго.

Эго — подструктура психического аппарата, его организованная часть, которая может быть названа умом, здравым смыслом, рассудком; совокупность сил, которая контролирует слепые, бессознательные импульсы ид и пытается привести их в соответствие с требованиями внешнего мира.

Эдипов комплекс — упорядоченная совокупность любовных и враждебных желаний ребенка, направленных на родителей. Позитивная (простая) форма — желание смерти сопернику того же пола и сексуальное желание, направленное на родителя противоположного пола. Негативная форма — любовь к родителю того же пола и ревнивая ненависть к родителю противоположного пола.

Эксгибиционизм — форма сексуального извращения, характеризуется стремлением к обнажению перед лицами противоположного пола половых органов с целью вызвать у себя сексуальное возбуждение и наслаждение.

Экстернализация — процесс, посредством которого психический образ представляется вовне, проецируется на некоторый объект во внешнем мире. В этом смысле является синонимом проекции и противоположен интроекции и интернализации.

Эмпатия — постижение эмоционального состояния, проникновение в состояние другого человека, способность почувствовать себя на его месте; подразумевает, что человек, ощущая себя объектом, продолжает сознавать собственную идентичность.

ЧИТАЙТЕ ВО ВТОРОМ ТОМЕ КНИГИ
«ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ДЕТСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА»
СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ АННЫ ФРЕЙД:

- *Норма и патология детского развития;*
- *Симптоматология детства: предварительная попытка классификации;*
- *Метод наблюдения в исследовании развития детей;*
- *Некоторые типы и этапы детской социальной дезадаптации;*
- *Инстинктивные влечения и их влияние на поведение человека;*
- *Ответы на вопросы преподавателей;*
- *Роль соматических заболеваний в психической жизни детей;*
- *Комментарии к психической травме;*
- *Фантазии и образы, избиения;*
- *Подростковый возраст как нарушение развития;*
- *О некоторых проблемах в отношениях подростков с родителями;*
- *Толкование агрессии;*
- *Связь агрессии и эмоционального развития;*
- *К проблеме агрессии*

Художественный редактор *В. Шербаков*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги,
брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.11.99. Формат 60х90 1/8
Гарнитура «Тайме». Печать офсетная. Уся. печ. л. 24,0. Тираж 5000 экз.
Зак. № 1112.

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс», 125190, Москва,
Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Отпечатано в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.